

СИНИЕ ШИНЕЛИ

В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. Но пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни.

Из Программы КПСС.

СИНИЕ ШИНЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАЗАХСТАН»
АЛМА-АТА
1967

Оглавление

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ
- М. Веледницкий, В. Кравченко, Ф. Молевич МИЛИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ (Краткая историческая справка)
- П. Афанасьев НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1919—1920 годы)
- И. Плескач ШКОЛА МУЖЕСТВА
- И. Антипов НЕМЕРКНУЩИЕ ТРАДИЦИИ
- ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ
- А. Кондратский, А. Штульберг ТРОЕ ПРОТИВ ТРИДЦАТИ
- И. Антипов НЕ СКЛОНИВ ГОЛОВЫ
- Ю. Кузнецов, В. Садовников ЛЮДИ ПОМНЯТ
- А. Кондратский, Ю. Кузнецов СМЕРТЬЮ ПОБЕДИВШИЙ
- А. Штульберг МГНОВЕНИЕ
- Ю. Кузнецов, А. Шаульский УЛИЦА КОЖАХМЕТОВА
- ВETERАНЫ МИЛИЦИИ ВСПОМИНАЮТ
- ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА (Из воспоминаний Ф. И. Калюты, члена КПСС с 1920 г.)
- ОГНЕВЫЕ ГОДЫ (Из воспоминаний генерала внутренней службы III ранга К. И. Григорьева)
- ВАС РАССТРЕЛЯЮТ НА ЗАКАТЕ... (Из воспоминаний Г. М. Анциферова, подполковника милиции в отставке)
- И. Пепеляев ОПАЛЕННЫЕ ПОРОХОМ
- П. Самойлов, И. Антипов ВСТРЕЧА В НОЧИ
- ВСЕГДА НА ПОСТУ
- Ф. Молевич БУДНИ МИЛИЦИИ
- Г. Работнев ОПЕРАТИВНО УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
- А. Штульберг В ГОРАХ ИДУТ ДОЖДИ
- Ю. Кузнецов, В. Садовников ЗА ЧТО ДАЮТСЯ НАГРАДЫ
- С. Смородкин ДЕВЯТЫЙ ВЫСТРЕЛ
- И. Антипов СЕРМАГАМБЕТ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ
- К. Селиневич ЛАВИНА
- Н. Шахов ЧЕЛОВЕК ТРУДНОЙ ПРОФЕССИИ
- СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ
- С. Кыдырбаев КРИМИНАЛИСТИКА — НАУКА ТОЧНАЯ
- К. Селиневич НОЧНЫЕ ТЕНИ
- И. Антипов ЗАПУТАННЫМИ ТРОПАМИ
- П. Бушуев ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ
- В. Пешков В КОЛЬЦЕ
- Н. Ахметов БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ
- К. Баялин, М. Пруслин, В. Короленко КОНЕЦ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ
- Х. Султангалиев, И. Антипов НЕИЗБЕЖНОСТЬ
- К. Баялин, А. Штульберг ЧЕРНЫЙ БИЗНЕС
- И. Антипов НИТОЧКА СЛЕДА
- Г. Смирнов ДВОЙНОЙ РЕЙС
- В. Розенцвайг «СТРАННИКИ»
- ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПОМОГАЕТ МИЛИЦИИ
- И. Антипов БОЕВЫЕ ПОМОЩНИКИ
- Н. Янина ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

- В. Агеев ПЕРВЫЕ ШАГИ
 - А. Штульберг СХВАТКА С НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ
 - В. Якуб НАСЛЕДНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА
 - НА СЛУЖБЕ И ПОСЛЕ СЛУЖБЫ
 - Н. Лисин ЗАМПОЛИТ РЯБОКОНЬ
 - И. Антипов РЕПОРТАЖ ИЗ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ
 - Н. Янина ПОИСК
 - В. Сафонов ИМЕЯ СПОРТИВНУЮ ЗАКАЛКУ...
 - А. Штульберг НАША ГАЗЕТА
 - А. Штульберг В ДРУЖБЕ С ПЕСНЕЙ
- ФОТОГРАФИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Синие шинели» — это книга по истории милиции Казахстана от первых ее шагов до наших дней. Сборник выходит к 50-летию Советской власти, с которым совпадает и полувекковая деятельность органов охраны общественного порядка.

В первые же дни после победы Великой Октябрьской революции по предложению В. И. Ленина была учреждена рабочая милиция — плоть от плоти народа, призванная стоять на страже интересов социалистического строя и всех трудящихся. У колыбели ее находились выдающиеся революционеры и государственные деятели — М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровский.

Возглавить только что созданную организацию В. И. Ленин поручил А. М. Дижбиту — большевику-подпольщику, члену партии с 1912 года. Быть слугой народа, опираться в работе на массы трудящихся, на честных людей — такое напутствие вождя прозвучало еще пятьдесят лет назад, и сегодня, как и тогда, оно является отправной точкой в деятельности органов охраны общественного порядка.

История советской милиции неразрывно связана с историей Советского государства, с грандиозными свершениями великого народа, бросившего вызов старому миру.

Летопись нашей милиции — это и яркая героика подвигов, и каждодневная, неприметная на первый взгляд, кропотливая работа по охране общественного порядка, защите покоя и достоинства советских людей, устранению всякой нечисти, мешающей нашему движению вперед к вершинам коммунизма.

Советская милиция самым тесным образом связана с широкими слоями трудящихся, в своей деятельности она опирается на огромную помощь общественности.

И так было всегда. Трудную службу по охране революционного порядка в одном строю с молодой рабоче-крестьянской милицией несут комсомольцы, передовые рабочие, учащиеся, крестьяне. С первых лет Советской власти создаются и действуют общества и бригады содействия милиции, комиссии общественного порядка, заводские и сельские товарищеские суды и другие общественные организации, призванные утверждать народную власть на местах и отстаивать ее от посягательств отщепенцев и врагов нашего строя.

В. И. Ленин приветствовал эти первые шаги, поддерживал различные формы всенародной борьбы с тяжелым наследием прошлого. Владимир Ильич в статье «Как организовать соревнование?» подчеркивал:

«Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле **за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами** может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма».

Эти ленинские заветы и в наши дни являются основой привлечения общественности к охране правопорядка (добровольные дружины, комсомольские оперативные отряды, внештатные сотрудники милиции и т. д.).

Быстро раскрыть совершенное преступление, не оставить безнаказанным ни один случай правонарушения — все это, конечно, важнейшие функции нашей милиции. Но есть еще одна сторона ее деятельности, не менее важная для всех нас.

Это профилактика, трудно поддающаяся учету, огромная работа по предотвращению преступлений. Просто не представляется возможным даже перечислить формы и методы, позволяющие из года в год снижать преступность. В каждом отдельном случае приходится действовать по-разному.

И все же, если попытаться как-то обобщить принимаемые профилактические меры, то сюда входит и широкая правовая пропаганда среди населения, разъяснение советских законов, правил социалистического общежития, и проведение воспитательной работы среди людей, особенно молодых, ставших или готовых стать на скользкий путь, и непосредственное предупреждение готовящихся преступлений, и оказание моральной поддержки случайно оступившимся людям.

Карл Маркс отмечал, что государство даже в правонарушителе

«должно видеть... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину... члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства»^[1].

Возлагая на работников милиции большие и сложные задачи, партия и правительство повседневно заботятся о них, повышают их авторитет в народе, отмечают высокими правительственными наградами.

23 июля 1966 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли весьма важное постановление, в котором значительная роль отводится органам охраны общественного порядка. Расширены права милиции, повышена ответственность ее работников.

И люди в синих шинелях стремятся оправдать высокое доверие, исполнить свой долг перед народом. Для этого они обладают всеми возможностями. В милиции есть опытные криминалисты, способные выиграть поединок с любым, самым изощренным преступником, накоплен большой опыт работы среди детей и подростков, совершенствуются формы участия общественности в благородном деле искоренения правонарушений.

В любом уголке нашей республики, в стужу и в зной, днем и ночью милиция на посту — на самой передовой линии борьбы с преступностью.

В этой борьбе есть герои, которые отдали жизнь за то, чтобы советские люди могли быть спокойными за свою судьбу, достоинство, за своих детей. Память о героях живет — они навечно зачислены в списки своих подразделений, занесены в Книгу почета Министерства охраны общественного порядка республики, их имена носят улицы городов и поселков, в память о них воздвигаютobelisks.

На севере Казахстана, в Петропавловске, есть улица имени Юрия Медведева. Отличник милиции сержант Юрий Медведев 16 декабря 1963 года, сдав дежурство в отделении, собирался домой. Внезапно в кабинет вбежала женщина с криком: «Муж застрелил жену!»

Сержант вместе с этой женщиной и дружинником Виктором Качкиным помчался на место происшествия. Вот и дом. Рванулся было дружинник вперед, но из дома раздался выстрел. Медведев приказал Виктору отойти, сам бросился на озверевшего преступника. Второй выстрел оборвал жизнь отважного сержанта, но бандит не ушел от возмездия.

Вечером в Чимкенте милиционер Турдимат Анаров и его напарник Кувандык Кулумбетов несли патрульную службу. Проходя мимо ресторана, они услышали звон разбитого стекла и какие-то выкрики. Там куражились два здоровенных пьяных дебошира. Милиционеры, несмотря на сопротивление, вывели буянов из ресторана. По дороге в отделение один из них внезапно выхватил нож и всадил его в спину Турдимату. Смертельно раненный, милиционер все же нашел в себе силы сбить с ног бандита...

Решением исполкома Чимкентского городского Совета депутатов трудящихся одна из улиц города названа именем Турдимата Анарова. Приказом по Министерству охраны общественного порядка Казахской ССР от 5 июля 1965 года Т. Анаров занесен в Книгу почета Министерства и навечно зачислен в список личного состава Чимкентского городского отдела милиции. И теперь, во время переключки, правофланговый строго и четко рапортует: «Турдимат Анаров погиб смертью храбрых при охране общественного порядка!»

Сборник «Синие шинели» рассказывает о большом пути, пройденном милицией Казахстана. В статьях, очерках, воспоминаниях ветеранов можно проследить этапы ее истории, увидеть скромных и мужественных людей — солдат мирного времени, вплотную столкнувшись с их напряженным нелегким трудом.

Конечно, охватить всю историю казахстанской милиции в одном таком сборнике невозможно, да он на это и не претендует. История милиции — и общесоюзной, и республиканской — еще не написана. Нет пока ни монографий, ни других научных трудов на эту тему.

Работник милиции, мужественный, зоркий, зачастую рискующий своей жизнью ради покоя советских людей, не так уж часто находит место в произведениях литературы и искусства, а иной раз изображается примитивно.

Чаще ему посвящаются несколько строк в скупых газетных заметках под рубрикой «Происшествия». Начинаются такие заметки традиционным «Это случилось...» Но за лаконичными строками кроется нелегкая служба солдат в синих шинелях, свято выполняющих свой долг.

История милиции, ее сегодняшние дела ждут своих исследователей, которые поднимут архивы, пока еще малоизученные, обратятся к ветеранам, хранящим в своей памяти многие события этих пятидесяти лет.

Сборник «Синие шинели» — первая попытка издания кратких, порою отрывочных, материалов о милиции Казахстана. Он содержит сжатую историческую справку, воспоминания отдельных ветеранов милиции, документальные очерки и рассказы, повествующие о героических буднях милицейской работы.

В некоторых материалах полностью сохранены подлинные имена сотрудников охраны общественного порядка и остальных персонажей. В других — по ряду соображений имена изменены, но события в них имели место и не подлежат сомнению.

Сборник предназначен для широких читательских кругов и, на наш взгляд, может представить определенный интерес для юристов, работников административных органов, студентов.

Ш. КАБЫЛБАЕВ, министр охраны общественного порядка Казахской ССР.

ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

Не дать восстановить полиции! Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию! — вот задача дня, вот лозунг момента...

В. И. Ленин.





М. Веледницкий, В. Кравченко, Ф. Молевич

МИЛИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ (Краткая историческая справка)

Большой путь прошла за полвека советская милиция — плоть от плоти народной власти, которая утвердилась в октябре 1917 года. Вспоминая теперь этапы этого пути, невозможно отделить работу милиции от истории советского общества, от тех огромных задач, которые изо дня в день, из года в год решали партия и народ.

Речь пойдет о Казахстане. Социалистическая государственность формировалась здесь в сложной обстановке. Основная часть населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, в ауле господствовали патриархально-феодалные отношения. Сказывалась малочисленность промышленного пролетариата. К тому же на каждом шагу приходилось сталкиваться с последствиями царской политики «разделяй и властвуй», преодолевать ожесточенное сопротивление местных буржуазно-националистических элементов и реакционной части казачества. Все это создавало огромные трудности для молодой Советской власти.

В 1918—1920 годах, в период борьбы с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией, трудящиеся Казахстана плечом к плечу с русскими братьями по классу стойко сражались на фронтах гражданской войны — Уральском, Актюбинском и Семиреченском.

По мере освобождения сел и аулов, городов Казахстана Красной Армией на местах создавались ревкомы и Советы, созывались съезды Советов. Однако Казахстан, каким мы его знаем сегодня, в то время еще не представлял из себя единого целого. Семиреченская и Сыр-Дарьинская области входили в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, образованной в апреле 1918 года, с центром в Ташкенте.

В марте — апреле 1918 года в Оренбурге состоялся Тургайский областной съезд Советов, принявший постановление о создании Советской власти на местах. Председательствовал на съезде чрезвычайный комиссар Тургайской области большевик А. Т. Джангильдин.

Октябрьская революция, ликвидировавшая национальные барьеры и предрассудки, создала равные возможности всем народам, населявшим огромную страну. 10 июля 1919 года В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем. Ревкому принадлежала вся полнота власти до созыва Всеобщего (Киргизского) съезда Советов.

Большую помощь в образовании Казахской республики оказала комиссия по делам Туркестана, в которую входили видные деятели большевистской партии и советского государства, — Ш. З. Элиава (председатель), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Ф. И. Голощекин, Я. Рудзутак.

В связи с отправкой этой комиссии в Туркестан В. И. Ленин написал коммунистам Туркестана письмо:

«Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донныне угнетавшимся народам»^[2].

В то время разгром Колчака означал конец белогвардейщины на территории Казахстана: в сентябре 1919 года был ликвидирован Актюбинский фронт, в январе 1920 — Уральский, а через месяц — и Семиреченский.

К концу 1920 года почти весь нынешний Казахстан был очищен от врагов, но победа далась нелегко. Народное хозяйство было разрушено, погибло много скота, многие поля стояли пустыми, а промышленность — и без того маломощная — разрушена отступающими белогвардейцами.

В январе 1920 года в Актюбинске состоялась советская краевая конференция, принявшая постановление об объединении всех областей Казахстана в автономную советскую республику. Для руководства партийной работой в национальной республике, родившейся в результате победы Великого Октября, ЦК РКП(б) 30 апреля 1920 года постановил: создать областное бюро РКП(б). В него вошли А. Т. Джангильдин и А. А. Айтиев.

Декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 26 августа 1920 года Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республике передавались Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская области, а также часть Астраханской губернии, населенная казахами (бывшее Букеевское ханство). Позднее в состав республики был включен город Оренбург с несколькими прилегающими к нему районами.

Объединение всех земель Казахстана полностью завершилось в 1924 году, когда в состав Казахской АССР были включены Семиреченская и Сыр-Дарьинская области, входившие до этого в состав Туркестанской АССР.

Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 года Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР, преобразовала Казахскую АССР в союзную республику.

* * *

Это небольшое вступление понадобилось для того, чтобы ввести читателя в обстановку, в которой делала свои первые шаги казахстанская милиция — надежная опора молодой Советской власти в деле поддержания революционного порядка, охраны достижений Октября, обеспечения безопасности трудящихся от посягательств классового врага, который в ту пору был еще силен.

Возникновение и деятельность рабоче-крестьянской милиции в Казахстане, понятно, неотделимы от истории милиции всей страны.

Еще в марте 1917 года В. И. Ленин в своих «Письмах из далека» указывал, что в противоположность царской полиции, стоявшей над народом, следует иметь всенародную милицию, которая выражала бы «разум и волю, силу и власть огромного большинства народа»^[3].

10 ноября, то есть на третий день существования Советской власти, по инициативе В. И. Ленина было издано постановление Народного Комиссариата внутренних дел «О рабочей милиции». Постановление определяло, что милиция организуется Советами рабочих и солдатских депутатов и находится всецело в их ведении. Военным и гражданским властям предписывалось содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими средствами.

Вопросам деятельности милиции В. И. Ленин придавал первостепенное значение. Так, в марте 1918 года он предложил комиссариату внутренних дел ускорить формирование органов милиции на местах, организовать центральное руководство, разработать положение о правах и обязанностях милиции, установить для нее специальную форму.

Проект этого положения был представлен на обсуждение Малого Совнаркома первым народным комиссаром внутренних дел Г. И. Петровским и первым начальником Главного управления милиции А. Дижбитом. В. И. Ленин сказал им тогда:

«Только смотрите, чтобы наша милиция не имела сходства с полицией. Милиция должна иметь крепкую связь с трудящимися, с домовыми комитетами, должна в своих действиях опираться на честных людей, которые заинтересованы в поддержании порядка в советском обществе. Милиция — слуга народа, без поддержки трудящихся она не сможет выполнить возложенные на нее задачи».

Это указание вождя звучит сегодня так же, как и полвека тому назад.

До конца 1918 года, пока шел процесс ломки старого государственного аппарата и упрочения Советской власти, милиция не имела четких организационных форм и в различных местах создавалась по-разному. Конец этому был положен в октябре 1918 года, когда совместная инструкция Наркомвнудела и Наркомюста определила, что милиция повсюду является исполнительным органом центральной власти на местах и находится в двойном подчинении — у местных Советов и НКВД РСФСР. В соответствии с этой инструкцией на местах создавались губернские, уездные и городские управления милиции.

Милиция комплектовалась на добровольных началах из числа советских граждан, достигших 21 года, грамотных, пользующихся активным и пассивным избирательным правом, признающих Советскую власть. Запрещалось принимать на службу людей, судимых ранее за уголовные преступления, живущих на нетрудовые доходы, а также служителей культа и бывших чинов царской полиции.

История советской милиции, особенно ее деятельность в первые годы существования Советской власти, изучена, к сожалению, очень мало. Горы материалов, хранящихся в архивах, еще ждут своих исследователей.

Выше уже говорилось о сложной обстановке, в которой происходило становление Советской власти в Казахстане. И только что созданная рабоче-крестьянская милиция находилась на переднем крае борьбы против баев, кулачества, белогвардейцев. Нередко ей приходилось принимать участие и в боевых действиях.

Трудности перед РКМ, как тогда сокращенно именовалась рабоче-крестьянская милиция, стояли огромные: разбросанность населенных пунктов, бездорожье, плохая обеспеченность средствами передвижения и связи, нехватка оружия и боеприпасов. К тому же на первых порах не было еще и законодательных актов, твердо определяющих единые начала организации и деятельности органов милиции.

Но, несмотря на это, милиция честно выполняла свой долг перед народом и революцией.

Весной и летом 1918 года на большей части Казахстана власть была захвачена контрреволюцией. Многие территории оказались отрезанными от центральных районов Советской России. В то время милиция главным образом действовала в городах, уездных и губернских центрах.

В городе Верном (Алма-Ате) в ночь на 3 марта 1918 года произошло восстание, руководимое большевиками. Красногвардейские отряды из русских и казахских рабочих, а также 2-й Семиреченский казачий полк захватили крепость и склады оружия, почту и телеграф, все важнейшие учреждения в городе. Они разоружили личный состав школы прапорщиков, алаш-ордынскую сотню и другие воинские подразделения, не признававшие Советскую власть.

Ставленники Временного правительства и главари контрреволюционного войскового совета Семиреченского казачьего войска бежали из города. В Верном была установлена Советская власть, в состав военревкома вошли большевики П. М. Виноградов, Токаш Бокин, С. М. Журавлев и другие. 22 июня состоялось заседание исполкома Семиреченского областного Совета с участием чрезвычайного комиссара области товарища Чегодаева и областных народных комиссаров. На этом заседании единогласно был избран начальником охраны города (милиции) член областного крестьянского Совета большевик Г. А. Казаков. В его подчинение передавалась уголовная и городская милиция. Одновременно Г. А. Казаков являлся помощником комиссара по административно-гражданской части.

Сохранились документы, которые определяли круг задач милиции: борьба с контрреволюцией, уголовными преступлениями, спекуляцией, мародерством, контрабандой, надзор за санитарным состоянием.

При начальнике охраны в Верном была создана команда конной милиции — 50 человек.

В крайне тяжелых условиях начинала свою деятельность Верненская городская милиция. На одном из общих собраний, например, все выступавшие говорили о трудностях: нет одежды, обуви, дома нет топлива и неоткуда взять средства, чтобы приобрести все это. Собрание постановило: просить уездный Совдеп о снабжении всех служащих милиции одеждой и обувью наравне с бойцами Красной Армии, так как милиция «есть войско как военного, так и мирного времени и несет обязанности, часто подвергаясь опасности для жизни».

Первыми организаторами милиции в Семиречье были Наумов, Кривошеев, Кособоков, Масанчи. Они активно вели борьбу с преступностью, лично участвовали в операциях по ликвидации бандитизма, повстанческих групп.

Например, Наумов прибыл в Верный из 3-й Туркестанской дивизии в июле 1920 года, был назначен на должность начальника Семиреченской областной милиции.

Важные вопросы деятельности органов охраны общественного порядка обсуждались в октябре 1920 года, когда в Верном состоялся первый Семиреченский областной съезд начальников всех уездных и городских управлений. Из Верненского уезда присутствовал Кривошеев, из Пишпекского — Глушевский, из Джаркентского — Корнеев, из Нарынского — Косоногов, из Лепсинского — Константинович.

Выступавшие говорили о многих недостатках в деятельности милиции. В качестве основных причин этих недостатков назывались отсутствие опытных кадров, слабая связь с центрами Туркестана и России. В решениях было записано:

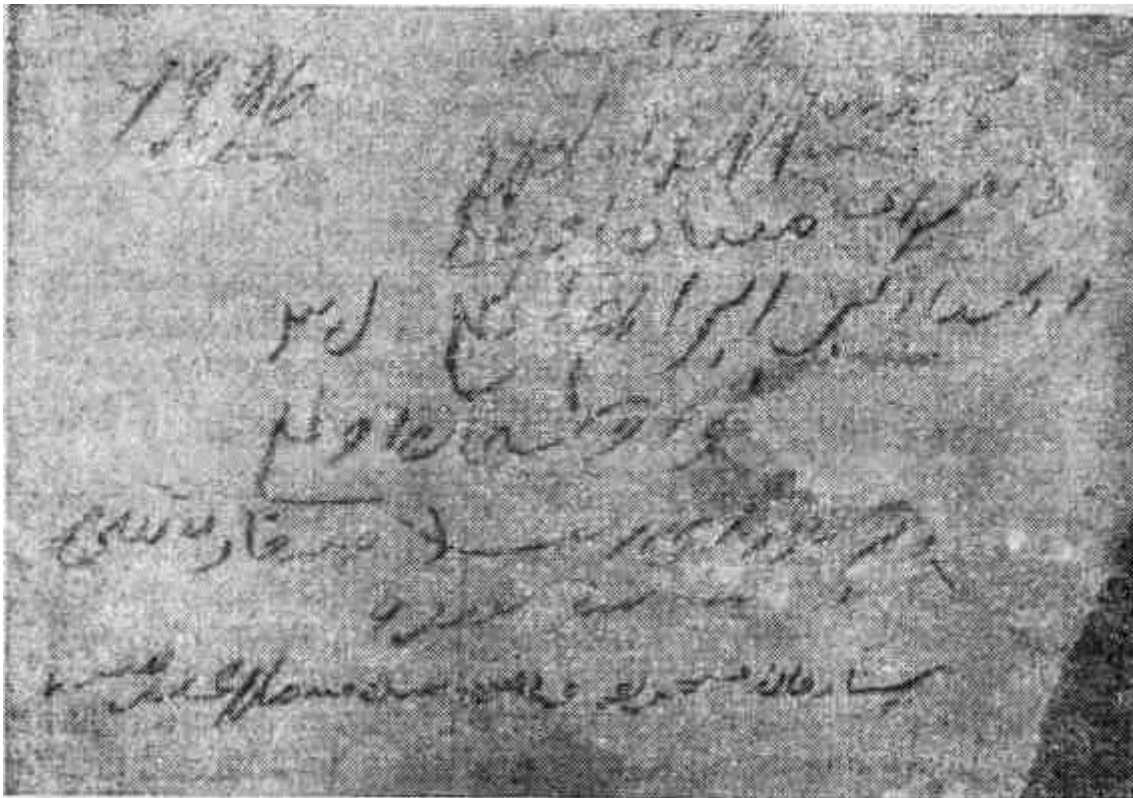
«Подобрать для работы в милиции более грамотных, развитых и сознательных людей, преимущественно из городской, сельской и аульной бедноты, войти в контакт с военными властями для откомандирования в милицию грамотных людей, решительно заменять работников, не отвечающих званию красного милиционера».

Особенно остро стоял вопрос о нехватке оружия. Можно жить в нетопленной комнате, можно не иметь установленной формы одежды. Но вряд ли можно обойтись без оружия. В конце января 1921 года начальнику Семиреченской областной милиции пришлось докладывать: для вооружения личного состава недостает 200 револьверов, 149 винтовок и более 13 тысяч патронов. Плохо обстоит дело и с транспортом — из положенных 733 строевых лошадей имеется только 133.

* * *

И все же, несмотря на все трудности и лишения, милиция самоотверженно несла свою службу. Ее работники, плохо обмундированные, сплошь и рядом безоружные, где верхом, а где и пешие, добирались в аулы и кочевья, несли бедноте большевистское слово, поддерживали революционный порядок, боролись с преступностью. Распространенными преступлениями в те годы были пережитки родового быта — барымта (угон скота с целью получить от обидчика возмещение за какой-либо причиненный ущерб), кун (имущественное вознаграждение за пролитую убийцей кровь), калым (выкуп за невесту).

Враги рабоче-крестьянской власти всячески старались подорвать ее авторитет у населения, совершали грабежи, насилия и поджоги, убийства, терроризировали жителей.



Повестка с «обвинением» и вызовом на допрос, рассылаемая контрреволюционной террористической организацией «Шуран-Ислам». (Из личного архива Х. Манапова — одного из «обвиняемых»).

Семиреченский облисполком в одном из своих циркулярных писем обращал внимание начальников охраны на следующее:

«Злоумышленники и несознательные граждане некоторых селений области группами 4—5 человек, вооруженные винтовками, часто выезжают в соседние с их селами туземные волости и аулы, где чинят над гражданами-киргизами всякого рода насилия, притеснения, грабят их и даже в некоторых случаях убивают».

Облисполком расценивал это как стремление подорвать доверие к Советской власти и предписывал

«принять самые решительные меры к прекращению описанных выше хулиганских поступков, а лиц, уличенных в учинении таких преступлений, задерживать, арестовывать и передавать революционному суду, как мародеров и разбойников...»

Такая же озабоченность враждебными происками чувствуется в постановлении Оренбургско-Тургайского губисполкома от 5 апреля 1921 года. В нем указывается: с наступлением весны участились случаи конокрадства; у крестьянина крадут лошадь в самое горячее время весенних полевых работ. И далее говорится, что кражи коней — дело рук не одних воров. За ними кроются контрреволюционные силы, которые надеются вызвать недовольство у крестьян, сорвать весенний сев, создать затруднения с продовольствием. Таких преступников как злейших врагов Советской власти следует незамедлительно передавать в распоряжение ревтрибунала для применения высшей меры наказания.

Документы помогают воссоздать обстановку тех грозных лет, передать атмосферу, в которой приходилось работать милиции. Начальник Уральского губернского розыска Александров в конце 1921 года сообщает Центроуказу Киргизской Республики:

«Уральскому губрозыску пришлось работать в самых тяжелых условиях. Начавший с января развиваться бандитизм в середине лета принял широкий размах, раскинулся по всей территории Уральской губернии...

Весь преступный элемент, ранее судившийся, а также преступники, бежавшие из тюрем, влились в банды. Кроме того, губернию постигло огромное бедствие — голод. Продовольственный кризис вызвал воровство, бандитизм...

В настоящее время воровство, грабежи, убийства развились в губернии до невероятных размеров и бороться с этим при существующем положении очень трудно... Нет связи с уездными столами, бандитизм не дает возможности выехать на следствие...

Хотя политический бандитизм уже ликвидирован, остаются уголовные шайки, причиняющие огромные бедствия. Воровство так развилось, что ограбления квартир в Уральске происходят даже днем... Широкий масштаб принимает детская преступность...»

В рапорте начальника Семиреченской областной милиции на имя комиссара внутренних дел Туркестанской республики отмечено, что за период с августа 1920 по 1 января 1921 года по области было зарегистрировано 630 краж скота, 86 краж со взломом, 240 краж простых, 30 краж карманных, 15 вооруженных ограблений, 6 случаев эксплуатации, 8 убийств, 6 самоубийств. Было задержано 120 спекулянтов, 34 мародера, 6 контрабандистов, 18 самогонщиков, 31 пьяница, 91 картежник, а также 60 человек «без всяких видов» (подразумевается — без видов на жительство).

Большинство перечисленных преступлений было раскрыто. Рабоче-крестьянская милиция с честью выполняла свой революционный долг. Борьба с преступниками не обходилась без жертв.

Сохранился приказ по милиции Киргизской автономной республики от 1 декабря 1921 года, подписанный ее начальником товарищем Найнамбетовым. Как всякий приказ, он написан официальным языком, но и это доносит до нашего времени тяжесть утрат:

«В бою с бандитами и на своих постах при выполнении заданий оперативного характера в апреле, июне, августе сего года нижепоименованный комсостав и милиционеры Уральской губернии пали жертвой от рук врагов пролетариата: начальник Джамбейтинской уездной милиции Великанов, начальник Гурьевской уездной милиции Чингисов, милиционеры Махмутов, Кантаев, Дменосилиев, Самилыгов, Хусанов, Бахтиров, Ундасынов, Попов, Чернов...»

В одном из сообщений начальника Семиреченской милиции, относящемся к тому же времени, указывается, что при исполнении служебных обязанностей погибло четыре милиционера.

В 1920 году начальник Верненской уездной милиции Кособоков вместе со своим помощником Оразбакиевым срочно отправился в Нарын для подавления белогвардейского мятежа.

В архиве хранится его телеграмма:

«Прибыл Нарын 4 ноября, шестого я был арестован восставшей бандой белых, помощник мой Оразбакиев зверски убит шестого... В ночь на 20 ноября я в числе 40 человек активных работников вырвался из тюрьмы. Заняли гарнизон».

Примеры высокого чувства долга, готовности к самопожертвованию во имя идеалов революции можно продолжить.

Сотрудник уголовного розыска Воробьев на протяжении двух месяцев, оборванный и полуголодный, работал по пятнадцать часов в сутки, раскрывая опасные преступления. Так, ему удалось напасть на след крупных воров-рецидивистов и обезвредить шайку. В качестве поощрения для него был истребован полный комплект обмундирования...

* * *

С первых же дней Советское государство, его органы на местах уделяли большое внимание работе милиции, заботились о чистоте ее рядов, повышении сознательности, укреплении дисциплины личного состава, о соблюдении законности.

Время было тяжелое, и хотя милиция комплектовалась только из представителей трудящихся классов, в нее нередко проникали случайные, недобросовестные люди, а порой и всякие проходимцы, поступавшие в милицию с преступными, корыстными целями. Поэтому с 1918 года по всей стране проводилась перерегистрация сотрудников.

«Комиссариат внутренних дел, учитывая значение советской милиции в революционный момент, предъявляет к ней требования честного исполнения долга. Вместе с тем признавая, что Советская власть может опираться безусловно на честных и сознательных работников, обращает внимание всех начальников милиции, что настоящий состав милиции нуждается в оздоровлении».

Этот приказ (Туркестан, декабрь 1918 года) предписывал очистить милицию от лиц, занимающихся рукоприкладством, взяточничеством, варкой кишмишевки (самогона) и другими беззакониями.

Эти меры не являлись кратковременной кампанией. Они должны были проводиться в жизнь повседневно. Так, в Семиречье в 1920 году в милицию влилось много «бедняков из угнетенных мусульман», а также и «русских без колонизаторского духа». Только в семи уездах тогда работало 355 человек — представителей коренных национальностей — и 412 русских.

Эти данные, взятые из докладной записки, подтверждают, как осуществлялся на деле курс партии — решительная борьба с великодержавным (колонизаторским) шовинизмом и с местным национализмом. Так это было сформулировано в резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе».

Милиция избавлялась от людей, не оправдавших высокого доверия, оказанного им Советской властью.

В 1921 году Уральская губернская комиссия по чистке милицейского аппарата обратилась к населению:

«Граждане! Началась чистка милиции от взяточников, шкурников и тому подобных элементов, проникших в милицию ради личных своих выгод, дезорганизующих своими преступными деяниями и кладущих темное пятно на милицию. В связи с голодом и

тяжелым продовольственным положением люди, слабые духом, ставившие личные интересы выше государственных, шли на те или иные преступления, вызывая вполне справедливые нарекания со стороны граждан... Во избежание подобных фактов, имея целью, чтобы милиция была на высоте своего положения, чтобы она действительно явилась органом охраны спокойствия и имущества жителей, и проводится настоящая чистка».

В Семиречье был строго наказан начальник первого отделения Егоров. В приказе о нем говорилось, что

«рукоприкладство отошло в вечность вместе с установлениями царского режима и не должно быть воскресшим ни по отношению к советским работникам, ни даже к лицам, вполне изобличенным в совершении преступных действий. На то есть революционный суд, который всегда может покарать виновных, а также призвать к порядку и начальника отделения милиции в случае дальнейшего неусвоения им революционных воззрений и пролетарского самосознания».

Революционный суд строго взыскивал с виновных. В отдельных случаях за различные должностные преступления виновных постигала суровая кара. В Зайцевской участковой милиции были преданы суду помощник начальника, один из старших милиционеров и делопроизводитель. Там же был расстрелян младший милиционер Ожерельев.

«Сознавая, что долгом и основной задачей деятельности служит охрана интересов рабочего класса и беднейшего трудового народа, революционного порядка, советского строительства Республики и гражданской безопасности, милиция должна высоко и честно держать свое Красное Знамя, врученное ей трудовым народом, памятуя, что она является оплотом революционного порядка Республики, что она оберегает дорогие завоевания Революции от тайных и явных замыслов врагов, что она призвана охранять жизнь, здоровье, свободу и имущество граждан и за всякое посягательство на одно из социальных благ передавать злоумышленников в руки народного суда и революционного трибунала...»

Можно, конечно, отметить сегодня не очень высокую грамотность этого приказа по Комиссариату внутренних дел Туркестанской республики. И ничего нельзя возразить по существу. Таковы были цели и задачи народной — рабоче-крестьянской — милиции. Ее руководители смотрели в лицо «бесстрашной правде» (по выражению Н. К. Крупской) и стремились сделать все возможное, чтобы каждый на своем посту исполнял свой долг.

Милиция очень нуждалась в кадрах. В Семиречье начальник облмилиции Наумов сообщал, что на месте очень трудно, просто невозможно порой подыскать знающих оперативных работников, необходимо открыть специальные курсы. Их цель — подготовить опытных старших милиционеров, которые могли не только составить протокол, произвести дознание. Для этого необходимо повысить их политическую подготовку, преподавать им некоторые юридические основы.

Открыть курсы намечалось в Верном и на первый случай набрать 50 человек.

Но, кроме того, там же, в Семиречье проводился и целый ряд других мероприятий: при уездно-городских управлениях открывались библиотеки, школы ликбеза, культпросветы, периодически можно было послушать беседу о политическом моменте. Старались даже организовать театральные и хоровые секции.

Партия направляла на работу в милицию коммунистов — в 1921 году их было в органах охраны общественного порядка в Семиречье 279 человек.

Политическое воспитание, изучение устава гарнизонной, внутренней и наружной службы, повышение общеобразовательного уровня — все это ставило своей прямой целью искоренение фактов произвола и самоуправства со стороны отдельных должностных лиц, строжайшее соблюдение революционной законности, подъем всего уровня работы.

Постепенно милиция пополнялась подготовленными работниками. К концу 1924 года краевая школа комсостава выпустила 27 курсантов, а кроме них там уже обучалось 60 человек, среди которых был 41 казах.

Кадры, кадры и еще раз кадры... В первые годы Советской власти подготовленных людей было мало не только в милиции, но и в органах суда и прокуратуры. Так, в 1919—1920 годах только один юрист, получивший надлежащее образование, работал в краевом отделе юстиции. И такое положение длилось до начала тридцатых годов. Например, в 1927 году имели низшее образование 81,4 процента народных судей, 41,4 — губернских судей, 54 — прокуроров, 66,7 процента — следователей, причем, как правило, все они не проходили и курсовой подготовки^[4].

Известную помощь оказывали Казахстану учебные заведения и специальные курсы Москвы и Ленинграда, хотя по Российской Федерации в целом дело с юристами в те времена обстояло не лучше.

* * *

От вооруженных схваток с белогвардейцами и бандитами — до наблюдения за санитарным состоянием населенных пунктов... Изю дня в день в сотнях больших и малых дел претворялось на деле «Положение о Советской Рабоче-Крестьянской милиции», принятое еще в июле 1919 года.

Начальник Уильской уездной милиции Маклаков в 1920 году сообщал в Оренбург, в ревком Киркряя, о том, что милиция активно содействовала образованию на местах Советов, боролась с различными проявлениями саботажа, устанавливала наблюдение за контрреволюционными элементами (совместно с органами ЧК), приводила в исполнение разного рода распоряжения местных органов власти, способствовала беспрепятственному продвижению частей Красной Армии, посылала наряды на выполнение гужевой повинности, производила раздачу беднейшему населению лошадей, оставленных для этой цели воинскими частями, а также вела борьбу с бандитизмом, спекуляцией, конокрадством, воровством.

Это показывает широкий круг деятельности милиции, а за скупыми строчками донесений скрывается множество историй о мужестве, самопожертвовании, исполненном революционном долге.

Народ, взявший под руководством партии власть в свои руки, сумел эту власть удержать. Гражданская война закончилась победой, и страна переходила на мирные рельсы.

Законодательные акты, относящиеся к тому времени, определяли новые задачи милиции. Так, постановлением Совета Труда и Оборона от 25 марта 1921 года на милицию была возложена охрана государственных складов. Позднее ей было поручено проводить борьбу с трудовым дезертирством, оказывать содействие продовольственным органам в сборе налогов.

В Семиречье в апреле того же 1921 года областной военно-революционный комитет издал обязательное постановление, в котором предоставлял начальникам милиции право налагать штрафы и подвергать аресту за нарушение санитарных требований и правил уличного движения, отсутствие надзора за личным скотом и птицей. Милиция должна была также следить за выполнением одного из пунктов этого постановления, который охранял интересы трудящихся от притязаний домовладельцев.

За появление на улицах и в публичных местах в пьяном виде и за курение анаши виновных на первый раз подвергали аресту от одного до шести месяцев или штрафу от 10 до 60 тысяч рублей. А в повторном случае привлекали к судебной ответственности. Постановление предписывало всех арестованных в административном порядке использовать на принудительных работах по очистке дворов, улиц, арыков, на ремонте мостов.

Суровые меры, которыми каралось в частности пьянство, были вызваны еще и тем, что в то время широкое распространение получило самогонование. Наносился огромный ущерб продовольственным ресурсам. Партийные органы требовали от местных властей беспощадной борьбы с преступным истреблением продовольствия на изготовление самогона. И методы принуждения сочетались здесь с методами убеждения.

Об этом свидетельствует, например, воззвание, изданное в 1922 году и обращенное ко всем жителям Алма-Атинского уезда:

«В то время, когда героическими усилиями честных и самоотверженных рабочих, дехкан и крестьян начинает восстанавливаться хозяйство страны, разрушенное годами империалистической войны и подлой работой как нашей отечественной, так и международной буржуазии, некоторая часть несознательных граждан Советской республики, в частности нашего Алма-Атинского уезда, все продолжает отдаваться самозабвению. Констатируется факт усиленного истребления драгоценных продуктов потребления на изготовление и варку одуряющих экстрактов, как-то: самогонки, бузы и т. д.».

В воззвании далее говорится:

«Все честные граждане — на борьбу с самогонкой! Все, кому дороги завоевания Красного Октября, дружным натиском раздавим возрождающуюся гидру пьянства и выгона самогонки».

Облревком возлагал все карательные административные меры на милицию, исходя из того, что

«борьба с этими нарушениями посредством народных судов не дает быстрых желательных результатов»; «при рассмотрении таких дел судом должны соблюдаться особые формальности, что способствует затяжке времени и перегрузке народных судов, благодаря чему экстренные репрессии отпадают».

* * *

Новый, более широкий круг обязанностей, новые формы работы — все это заставляло подумать об организационной структуре органов милиции.

Сохранился документ, из которого видно, что к середине 1921 года Семиреченская областная милиция имела в своем составе секретариат и четыре отделения:

инспекторское, уездно-городской милиции, снабжения, промышленной милиции. На секретариат возлагалась выдача паспортов и удостоверений гражданам, а также учет китайских подданных, проживавших на территории области. Инспекторское отделение наряду с другими делами занималось вопросами постановки канцелярского дела и культурно-просветительной работой.

На отделение уездно-городских подразделений возлагалась организация борьбы с преступностью, военная подготовка, назначение, перемещение и увольнение сотрудников. Отделение ведомственной (промышленной) милиции руководило охраной муниципализированного и национализированного имущества, фабрик и заводов.

Для большей маневренности и быстрой переброски к местам происшествий необходимых сил строевой состав был сведен в отдельную бригаду милиции со штабами батальонов в Алма-Ате и Караколе.

Примерно по такому же принципу строилась милиция и в той части Казахстана, которая тогда входила в состав Оренбургско-Тургайской губернии.

Уездные и районные управления милиции являлись подотделами исполкомов местных Советов. Начальники избирались местными исполкомами и затем утверждались отделом управления губисполкома. Ответственность за правильную постановку работы милиции, решительную борьбу с преступностью и нарушениями, строгое соблюдение революционной законности возлагалась на исполкомы местных Советов.

Дальнейшая реорганизация и совершенствование органов милиции проводились в соответствии с решениями XII съезда партии, состоявшегося в апреле 1923 года. Эти решения требовали улучшить работу государственного аппарата, упростить его и строить на принципах,

«...исключающих возможность бюрократических извращений и излишеств. Только путем такого радикального изменения всей техники управления, искоренения всего ненужного и лишнего в нем, а также посредством энергичной чистки государственного аппарата партия и государство в состоянии будут заставить государственный аппарат обслуживать интересы рабочих и крестьян с наибольшей полнотой»^[5].

В этот период структура и правовое положение органов милиции определялись «Положением о Центральном административном управлении НКВД РСФСР». В составе ЦАУ имелись отдел милиции и отдел уголовного розыска, а начальник ЦАУ одновременно являлся начальником милиции республики. На местах органы милиции находились в ведении административных отделов исполкомов — административные отделы были местными органами НКВД РСФСР.

Весной 1928 года состоялся II Всероссийский съезд административных работников, обсудивший задачи административных органов в свете решений XV съезда ВКП(б).

К тому времени Центральное административное управление было ликвидировано, отделы милиции и уголовного розыска стали самостоятельными, подчиняясь непосредственно наркому внутренних дел. Начальники краевых и областных административных отделов, в отличие от прежнего положения, теперь также подчинялись наркому.

В те годы исключительно важное значение имела деятельность милиции в сельской местности, где шла острая классовая борьба. Положение на селе характеризовалось в

отчетном докладе правительства Казахстана на VI Всеказахском съезде Советов (март — апрель 1927 года):

«...в настоящее время в ауле господствует бай, господствует кулак, господствует аткаминер, аксакал: беднота находится всецело в зависимости от них, под их влиянием».

Г. К. Орджоникидзе в своем заключительном слове на XV съезде партии говорил о роли милиции на селе:

«Какое, например, громадное значение имеет отношение к крестьянам в сельсовете, в милиции и т. д. Как крестьянин привык судить о нашей советской власти? Не по тому, как к нему относится тот или иной народный комиссар, которого он, может быть, и не видел никогда в своей жизни. Нет, крестьянин судит по тому, как к нему относятся в сельсовете, участке милиции и т. д.»

Директивы XV съезда партии о решительном наступлении против кулачества поставили перед советским государственным аппаратом, включая и милицию, важные и сложные задачи.

Кулачество не собиралось покидать поле боя без сопротивления, и на свет появлялось оружие, припрятанное еще с времен гражданской войны... В первую очередь милиции приходилось подавлять вражеские вылазки, исполнять судебные решения о конфискации у кулаков излишков хлеба, который они припрятывали в надежде на лучшие времена, решительно пресекать попытки спекуляции хлебом.

История показала, за кем в этой борьбе осталась победа, на чьей стороне была правда. И, говоря о работе милиции за полвека, нельзя было умолчать о той роли, которую она сыграла в великом революционном преобразовании деревни.

* * *

Годы шли.

Крепла Советская держава, пятилетки преобразили страну. На разных этапах соответственно изменялись практические задачи органов милиции. Но неизменной оставалась главная из них: постоянно находиться на передовой линии в борьбе с пережитками прошлого в сознании людей, свято оберегать интересы народа и государства.

Когда разразилась война, сотни работников милиции Казахстана ушли на фронт, отважно дрались в частях прославленной Панфиловской дивизии, дошли до Берлина.

2 июня 1942 года, выполняя боевое задание, шестеро разведчиков во главе со старшим сержантом Богдановым попали в окружение и в течение полутора часов вели неравный бой с превосходящими силами противника. Храбрецы погибли, но не сдались. Так воевал коммунист Александр Павлович Богданов — один из лучших милиционеров Алма-Атинского гарнизона.

В одном из писем бывший командир отделения Кзыл-Ординского управления милиции Степан Николаевич Евдокимов писал своим сослуживцам:

«Ваше доверие, доверие народа я оправдываю с честью. Я с врагом буду драться до последней капли крови и домой вернусь с победой... Прошу вас, товарищи, громите врага в тылу так же беспощадно, как бьем его мы на фронтах».

В суровые военные годы на смену ушедшим на фронт работникам милиции пришли их жены, сестры. Они смело брались за трудное и опасное милицейское дело, зорко охраняли порядок, вели борьбу с преступностью.

В письме на фронт Ивану Ивановичу Веревкину коллектив Лениногорского городского отдела милиции писал:

«Товарищ Веревкин! На Ваше место пришла работать Ваша жена. Она вместе с другими товарищами отлично несет постовую службу и, несмотря на то, что работает недавно, благодаря своей бдительности и инициативе уже задержала семь преступников».

Вечером 15 марта 1942 года в Алма-Ате пьяный хулиган открыл стрельбу из нагана. Находившаяся на посту Тамара Попова настигла его и схватила за руку. Однако преступнику удалось вырваться. Он выстрелил в женщину-милиционера, но промахнулся и ранил проходившего мимо паренька.

На помощь Поповой подоспели люди. Преступник был обезоружен и доставлен в милицию.

Все это — отдельные факты, но свидетельствуют они об одном: и в трудное военное время милиция находилась на своем посту, бдительно охраняла порядок.



Заслуженные фронтовики, блюстители общественного порядка столицы республики. Слева направо сидят: старший лейтенант М. Берниязов, подполковник милиции в отставке М. Иванов, комиссар милиции III ранга Д. Кусмангалиев, подполковник З. Шлекенов, капитан Г. Шахов; стоят: старшина И. Агейкин, майор М. Ларионов, старший лейтенант Г. Сидаш, подполковник Н. Валнев.

Уральская милиция на западе Казахстана работала в условиях прифронтовой зоны в те дни, когда шло великое сражение за Сталинград. Железнодорожная ветка Урбах — Астрахань подвергалась частым налетам вражеской авиации, которая бомбила станции, разъезды, прилегающие к ним населенные пункты. Особенно большим налетам подверглись Сайхин, Джаныбек, Шунгай.

В этих условиях милиция следила за выполнением со стороны жителей правил противовоздушной обороны, участвовала в ликвидации последствий налетов, помогала создавать истребительные батальоны, которые вели борьбу с вражескими лазутчиками и парашютистами-диверсантами.

* * *

По мере развития социалистического общества перестраивался и совершенствовался государственный аппарат и вместе с ним советская милиция, которая приобрела ныне стройную организационную структуру, накопила значительный опыт охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, расширила и укрепила связи с народом.

XX съезд партии самым решительным образом восстановил ленинские нормы партийной и государственной жизни, осудил допускавшиеся нарушения социалистической законности и принял меры к ее укреплению. Был полностью восстановлен принцип двойного подчинения милиции, оправдавший себя еще в первые годы Советской власти, проведены мероприятия по широкому вовлечению трудящихся в дело охраны порядка.

У нас в стране милиция не одинока в своей работе, она не является обособленной кастой. Отчеты на заседаниях исполкомов и сессиях местных Советов депутатов трудящихся, встречи с коллективами предприятий, колхозов и совхозов, учреждений и учебных заведений — все это свидетельствует о демократических принципах, заложенных в самой природе советской милиции.

Связь с общественностью выражается и в том, что милиция в своей работе опирается на помощь добровольных народных дружин, товарищеских судов, комиссий по делам несовершеннолетних при исполкомах местных Советов, имеет самый тесный контакт со школами, с печатью; комсомольские организации создают в помощь милиции специальные оперативные отряды.

Медалью «За отвагу» награждены трое целиноградских дружинников — Шостак, Евмененко и Гусаров. С риском для жизни они задержали двух вооруженных грабителей.

Такой же медалью награжден и шофер-таксист из Целинограда Савощенко. За городом трое его пассажиров неожиданно напали на водителя, выкинули его на дорогу и хотели угнать машину.

Савощенко мог бы спокойно дать им уехать, а потом заявить в милицию. Но этот недавно демобилизованный из армии парень поступил как настоящий мужчина. Он успел забраться на крышу «Волги» и с помощью шофера встречной машины заставил преступников покинуть машину, а одного из них удалось задержать.

Однажды в Караганде, летом 1966 года, двое неизвестных вошли в павильон одного из магазинов. Угрожая пистолетом, они забрали у продавщицы выручку и пытались

скрыться. Продавщица Леонова, несмотря на угрозы, выбежала вслед за бандитами на улицу и стала кричать, призывая на помощь.

В это время мимо проходил автобус, в котором ехали пассажиры — подполковник А. Мащенко, майор В. Черняков, следователь милиции лейтенант Мария Рим. Услышав крики и увидев бегущих, они остановили автобус и бросились вдогонку. Безоружный А. Мащенко схватился с одним из бандитов, с тем, что был вооружен. Подоспевшие В. Черняков и Мария Рим помогли ему обезоружить преступника.

Второй тоже не ушел. Его догнали и схватили пассажиры того же автобуса — прораб В. Снегирев, рабочий М. Кедр, шоферы М. Шрамченко и Б. Филимонов.

Налетчики оказались опасными рецидивистами. Один из них недавно совершил побег из мест заключения и разыскивался органами милиции.

Милиция всегда может рассчитывать на своих добровольных помощников. Стоило республиканской газете «На страже» поместить портрет разыскиваемого преступника, как вскоре в одно из отделений пришла инженер Елена Михайловна Колосова и заявила, что к ним в стройтрест прибыл по командировке тот самый человек, чье фото она видела в газете. И это действительно оказался В. Анташ, которым интересовалась одесская милиция.

Министр охраны общественного порядка Казахской ССР наградил Е. М. Колосову именными часами.

* * *

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость строжайшего соблюдения законов и предписаний Советской власти. С особым вниманием он подходил к вопросам привлечения граждан к уголовной ответственности даже в очень напряженной обстановке гражданской войны и иностранной интервенции.

Вот один пример.

В 1919 году в Царицыне была арестована семнадцатилетняя Валентина Першикова за то, что она вырвала из какой-то брошюры портрет Ленина и весьма вольно его разрисовала.

Когда об этом стало известно Владимиру Ильичу, он телеграфировал председателю губревкома:

«За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней».

Одновременно Ленин поручил своему секретарю весь материал об этом казусе передать фельетонистам.

За последние годы в соответствии с решениями партии и правительства проделана большая работа по улучшению советского законодательства, приняты многие нормативные акты, направленные на укрепление социалистической законности и усиление охраны прав граждан. Ликвидирован институт привлечения к ответственности по аналогии, полностью восстановлены принципы демократического правосудия, во всех союзных республиках приняты уголовные и другие кодексы, проведена работа по широкому вовлечению общественности в дело охраны порядка, в ряде случаев

ограничены административные права милиции, она освобождена от исполнения некоторых несвойственных ей функций. Одновременно с этим принимались меры по борьбе с антиобщественными элементами, с особо опасными для общества преступниками и рецидивистами.

Претворение в жизнь всех этих задач требует четкой, слаженной, оперативной работы. Вот почему особенно нетерпимы со стороны сотрудников милиции малейшие отступления от духа и буквы законов и правил, превышение власти, грубость, невыдержанность при исполнении служебных обязанностей, пусть зачастую и очень нелегких.

Этой важной теме уделяет внимание общественность, эта тема постоянно находится в центре внимания милицейских коллективов. Одного московского журналиста насторожило такое рассуждение, с которым ему пришлось столкнуться:

«...милиция работает в не деликатной области. Милиционер должен действовать быстро, решительно, жестко. Поэтому, мол, некоторые работники милиции бывают слишком прямолинейны (читай — грубы) в обращении с людьми — ничего не поделаешь: неизбежны издержки».

Приведя это, газета «Правда» дальше писала:

«Можно ли согласиться с подобными рассуждениями? Правильно, дело работников милиции столь же почетно, сколь и трудно. Они выдвинуты на передний край борьбы с преступностью, нарушениями общественного порядка. И выполняют свою задачу, как мы много раз убеждались, самоотверженно, часто героически. Никто не хочет, чтобы они деликатничали, миндальничали с ворами и грабителями, хулиганами и спекулянтами — этой, по выражению В. И. Ленина, «грязной пеной», которая все еще всплывает на поверхность нашей жизни. Государство наделило работников милиции большими правами. Но эти права — оружие весьма тонкое. Оно дано именно для ограждения советских людей от произвола.

Теперь о «не деликатности» той области, в которой работает милиция. Ежедневно к ее сотрудникам обращаются многие люди. Обращаются по самым различным вопросам: и о прописке, и с просьбой найти потерявшихся родственников, друзей, и со своими личными бедами, семейными неурядицами. Вот и выходит: значительная часть деятельности милиции охватывает в высшей степени деликатную область человеческих взаимоотношений. А в словаре русского языка наряду с другими значениями слова «деликатный» есть и такое: «требующий осторожного и тактичного отношения». Значит, выдержка и доброжелательность к людям, понимание и уважение их чувств крайне необходимы каждому, кто носит синюю милицейскую шинель»^[6].

Под этими словами охотно подпишется каждый настоящий сознательный сотрудник милиции. А таких у нас — подавляющее большинство. Работники милиции, руководимые партийными и советскими органами, много и успешно трудятся над выполнением решений XXIII съезда КПСС и последующих директив ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о борьбе с нарушениями общественного порядка. Они стали смелее, оперативнее пресекать всякие хулиганские выходки, проводят большую воспитательную работу среди населения. Многие из них проявили подлинный героизм.

Все сказанное относится и к учреждениям милиции Казахстана, которые проделали большую работу и добились определенных успехов в борьбе с преступностью и

правонарушениями, работая в тесном контакте с органами суда и прокуратуры, при содействии общественности.

Партийные органы Казахстана проявляли и проявляют постоянную заботу об укреплении милицейских кадров, направляя на работу в органы милиции наиболее активных, сознательных коммунистов и комсомольцев.

Неузнаваемо изменился личный состав. В настоящее время 44 процента начальствующего состава милиции в республике имеет высшее или среднее специальное образование. Среди них юристы, инженеры, экономисты, педагоги. Тысячи работников милиции учатся в общеобразовательных школах, вузах, техникумах и училищах. И это обстоятельство хочется подчеркнуть особо: ведь в начале упоминалось то время, когда единственный юрист с высшим образованием работал в органах, наблюдающих за порядком и ведущих борьбу с преступностью.

Сегодня органы милиции строят свою работу на научной основе. В их практической деятельности все шире используются новейшие достижения науки и техники. Научно-технические отделы располагают лабораториями, оснащенными современным оборудованием, позволяющим проводить самые разнообразные, сложные криминалистические исследования.

Милицейская служба никогда и нигде не давалась легко. Тем более трудной она была и все еще остается в условиях Казахстана. Но никакие трудности — ни жара и безводье бескрайних степей и пустынь, ни стужа с буранами, никакие другие опасности не останавливали самоотверженных работников милиции, когда обстоятельства требовали действий, когда кому-то грозила опасность.

Признанием их заслуг явилось установление Дня советской милиции — 10 ноября каждого года.



Начальник УООП подполковник А. З. Проскурин за успехи в работе вручает именные часы инспектору дорнадзора Актюбинского ГОМ младшему лейтенанту А. Шортбаеву.

Только за последние пять лет орденами и медалями СССР награждено около 700 работников милиции Казахстана, а многие — Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР, медалями за безупречную службу в органах охраны общественного порядка, знаками «Отличник милиции» и «Заслуженный работник МООП».

* * *

Работникам милиции пришлось по-новому оценить свою работу и задуматься о стоящих перед ними задачах после опубликования весьма важного документа — Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство».

Указ стал основополагающим во всей многогранной деятельности советской милиции в борьбе с антиобщественными проявлениями.

27 июля 1966 года «Правда» писала:

«За последние годы партийными и советскими органами осуществлен ряд мер по усилению борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка. Однако в городах и районах нередко еще совершаются опасные преступления и случаи дерзкого хулиганства.

Отрицательное поведение отдельных людей в значительной мере объясняется слабой работой многих партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов по воспитанию сознательной дисциплины у членов нашего общества. Не везде проявляется должная забота о создании широкого фронта борьбы с правонарушениями силами всех государственных и общественных организаций.

Отстает от возросших требований уровень деятельности органов охраны общественного порядка, прокуратуры и суда, которые еще недостаточно активно ведут работу по организации борьбы с нарушениями правопорядка, не добились тесной взаимосвязи, высокой оперативности и наступательного характера своих действий в борьбе с преступностью. Некоторые работники милиции, прокуратуры и суда недооценивают опасности для общества злостного хулиганства, посягательств на жизнь, здоровье и достоинство граждан.

В ряде мест слабо участвуют в укреплении порядка общественные организации, а также руководители предприятий, строек, учреждений и учебных заведений. Они мирятся с фактами хулиганства, пьянства и других антиобщественных проявлений, совершаемых членами их коллектива, мало занимаются воспитанием населения в духе неуклонного соблюдения советских законов и нетерпимости к правонарушениям. Многие народные дружины снизили активность в борьбе против хулиганов и дебоширов, плохо координируют свою деятельность с органами милиции».

Особое внимание в постановлении уделено профилактике правонарушений, их своевременному предупреждению.

Этим же целям — с одной стороны, повышению административной и уголовной ответственности за хулиганские действия, а с другой — большой и серьезной профилактической работе — служит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года.

Трудно переоценить значение этих решений для жизни нашего общества. В частности, для органов милиции это новый этап, развернутая программа действий.

Например, в целях усиления борьбы с рецидивной преступностью признано необходимым законодательно учредить административный надзор за определенной категорией лиц, отбывших наказание. Это позволит обеспечить контроль за их поведением.

В целях перевоспитания подростков, ступивших на скользкий путь и совершивших правонарушения, но освобожденных от уголовной ответственности по возрасту или в связи с нецелесообразностью применения к ним уголовного наказания, вводится институт общественных воспитателей, назначаемых районной (городской) комиссией по делам несовершеннолетних или же народным судом.

Но для того, чтобы искоренить преступность у нас в стране, чтобы ликвидировать разного рода антиобщественные поступки, мало усилий одной милиции. Нужна продуманная планомерная работа партийных и советских органов, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, которые должны резко улучшить воспитательную работу среди населения, и прежде всего с молодежью, на предприятиях, стройках, в учебных заведениях, учреждениях и по месту жительства.

В принятых решениях подчеркивается важная роль руководителей предприятий и учреждений, колхозов и совхозов, а также секретарей первичных партийных и комсомольских организаций, председателей комитетов профсоюзов в организации работы по предотвращению правонарушений в коллективах трудящихся.

Не секрет, что ранее некоторые руководители предприятий премировались и поощрялись, исходя только из одного критерия — выполнения плановых производственных показателей. Этот же принцип был основополагающим при решении вопроса о присвоении почетного звания ударника коммунистического труда.

И получалось так, что иной раз предприятиям присуждались первые места по итогам социалистического соревнования, предприятия объявлялись передовыми, тогда как там допускались серьезные нарушения трудовой дисциплины, некоторые члены коллектива вели себя недостойно, а то и совершали преступления.

Получалось и так, что в иной бригаде бытовало пьянство и рвачество, совершались прогулы. И члены такой бригады, хоть и имели хорошие производственные показатели, никак не могли считаться ударниками коммунистического труда.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР положило конец такому положению. В соответствии с этим президиум ВЦСПС принял постановление «Об улучшении организации социалистического соревнования», исправляющее подобные ошибки.

При подведении итогов социалистического соревнования и оценке деятельности предприятий, цехов и других производственных участков, организаций и учреждений необходимо учитывать, как один из важных показателей, отношение членов коллектива к

соблюдению правил поведения в обществе и в быту в соответствии с требованиями советских законов и коммунистической морали.

Для активизации деятельности народных дружин предложено укрепить их энергичными, инициативными людьми, строго соблюдая при этом принцип добровольности.

В качестве меры поощрения наиболее деятельных дружинников предусматривается предоставление им дополнительного оплачиваемого отпуска, а также награждение их Почетными грамотами, денежными премиями и ценными подарками. Советам Министров союзных республик рекомендовано учредить нагрудный знак «Отличный дружинник».

Введены правовые гарантии, обеспечивающие защиту интересов граждан, проявляющих инициативу в борьбе с правонарушителями. Установлено, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику.

В решениях ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР подчеркивается, что претворение в жизнь намеченных мероприятий по усилению борьбы с преступностью должно осуществляться на основе строжайшего соблюдения социалистической законности.

Могут спросить: не являются ли упомянутые решения партии и правительства следствием возросшего в стране разгула преступности? Нет, не являются. Если в США рост преступности за последние годы в семь раз превышает прирост населения, то в Советском Союзе, например, преступность неуклонно снижается. В этом мы убеждаемся на примере Казахстана. В последние годы в республике снижение характерно не только для особо тяжких преступлений, но и для мелкого хулиганства, а также других нарушений правопорядка.

Могут также спросить: если преступность в целом уменьшается, то это, возможно, не относится к хулиганским проявлениям? Оказывается, относится. Хулиганство — наиболее распространенное преступление. Каждое четвертое-пятое преступление — хулиганство. Но в то же время в Казахской ССР в 1965 году в сравнении с 1961 годом хулиганские проявления резко сократились.

Преступность снижается, и все же потребовались новые серьезные меры по усилению борьбы с нею. Это объясняется тем, что успехи коммунистического строительства, рост материального и культурного уровня жизни народа делают все более нетерпимыми любые отклонения от норм социалистической этики и морали. Советские люди правомерно требуют очищения нашего общества от сорняков, от всего, что мешает нашему движению вперед.

Этим требованиям и отвечают решения партии и правительства, которые встретили единодушное одобрение трудящихся.

Сегодня можно уже подвести некоторые итоги претворения в жизнь этих правительственных постановлений. Так, в Казахской ССР во втором полугодии 1966 года количество серьезных преступлений значительно сократилось. Такая же тенденция к снижению преступности сохраняется и в 1967 году.

За то же время заметно уменьшилось количество подобранных на улицах пьяниц. Это объясняется просто: раньше пьяница только водворялся в вытрезвитель, где за ним ухаживали, как за больным. После Указа пьяница стал выкладывать из своего кармана солидную сумму в виде штрафа.

Покончено также и с «санаторными» условиями содержания под арестом мелких хулиганов, столь красочно изображенными в известном фильме «Операция «Б»».

Заметно оживили свою деятельность и народные дружинники. Закон теперь полностью защищает их, а также и всех граждан в случае применения ими мер физического воздействия к хулиганам и пьяным дебоширам.

По поводу права на самооборону, не дожидаясь первого удара, еще в воинском уставе Петра I было сказано:

«Через такой первый удар может такое учиниться, что и противиться весьма забудет».

Эта здравая мысль оказалась весьма актуальной и в наши дни.

В борьбе с хулиганством работники милиции по-прежнему проявляют мужество и самоотверженность.

В августе 1966 года на станции Защита в единоборство с вооруженным хулиганом вступил старший сержант милиции Гаранин.

Пьяный с ножом в руках гонялся за гулявшими в сквере гражданами, а когда там появился сержант милиции, кинулся на него.

Стрелять было нельзя — кругом люди. Милиционер Гаранин приемом самбо выбил у пьяного верзилы нож и скрутил нарушителя.

Этим примером, показывающим, что люди в синих шинелях всегда на посту, и можно закончить краткий исторический обзор полувековой деятельности советской милиции Казахстана.

При этом главный упор был сделан на давнопрошедшие времена, на первые годы ее существования. Как трудится милиция в наши дни — об этом подробнее расскажут материалы, помещенные в сборнике.

М. ВЕЛЕДНИЦКИЙ, подполковник милиции,

В. КРАВЧЕНКО, полковник милиции,

Ф. МОЛЕВИЧ, полковник.

г. Алма-Ата.

П. Афанасьев

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(1919—1920 годы)

«Как много нуждается сельское население в действительном охранении личной и имущественной безопасности и наблюдении за законностью особенно в настоящее время, когда преступные элементы, пользуясь гражданской войной, проявляют разнузданность, грабят, совершают разбой, убийства. Охрана населения представляет дело первостепенной важности. Требуется употребление реальной силы против грабителей, белых разбойников и убийц. Такой силой против растущего преступления является повсеместно организованная милиция. Усиливается нужда в скорейшем создании милиции...»^[7]

Это выдержка из доклада Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем. Пожелтевшая от времени бумага. Все сказанное в этом документе полностью относилось и к недавно созданной милиции Уральской губернии. В то время у нее было три главных врага: контрреволюционные слои казачества, алаш-ордынцы — организованные казахские националисты, а также уголовники, которые всю развернулись в сложной, противоречивой обстановке.

И вот сегодня, почти полвека спустя, мы снова прослеживаем первые шаги молодой Советской власти в деле установления социалистического правопорядка.

Приказом № 1 от 18 февраля 1919 года Уральский губернский ревком создал коллегия, в состав которой наряду с другими представителями местной власти вошел начальник губернского управления милиции Н. Кропалев^[8].

22 февраля приступила к исполнению своих обязанностей Уральская городская милиция, управление которой размещалось в бывшем доме Овчинникова. Первым ее начальником стал товарищ Селиванов.

19 марта 1919 года Уральский городской комитет партии направил в распоряжение губмилиции члена РКП(б) П. Н. Поморцева, и он в тот же день приступил к организации железнодорожной милиции на станции Уральск.

В состав Уральской губернской милиции входили: Яикская городская и уездная, Яикская железнодорожная, Лбищенская, Илекская уездная, затем Гурьевская, Калмыковская и другие.

В первые месяцы партийная прослойка в милиции была очень малочисленна: по одному, по два-три коммуниста в отделах. Областной и городской комитеты партии направляли на службу в милицию проверенных большевиков. Так, уже в декабре 1919 года Уральская областная милиция из 220 сотрудников, не считая канцелярских работников, имела в своем составе 32 коммуниста. Из них в Уральской уездной — 19 коммунистов. В декабре 1920 года личный состав Уральской губернии составлял 855 человек, из них коммунистов — 92.

В организационном отношении милиция строилась по принципу Красной Армии, имела свой дисциплинарный устав. Например, Уральская уездная милиция в 1919 году состояла из четырех взводов, объединявших 43 пеших и 95 конных милиционеров. Комплектование

младших и старших милиционеров проводилось на добровольных началах, а губернского и уездного командно-начальствующего состава — по назначению партийно-советских органов. При беспартийных начальниках милиции были введены комиссары, а там, где начальник — член РКП(б), — помполиты и политруки милиции. Они занимались политическим просвещением кадров, вели большую работу по улучшению боевой подготовки и укреплению дисциплины.

Все это не замедлило сказаться. Начальник Главмилиции Кирреспублики в своем докладе пишет:

«Строевое обучение удовлетворительное, а в некоторых местах — даже хорошее. Общее военное и духовное состояние милицейского состава выражается в любви к военному делу, в любви к подавлениям контрреволюционных выступлений и знании техники обороны и самообороны... В этом отношении надо отдать похвалу всему милицейскому составу Киргизской Республики.

Например, для милиции Уральской территории были экстренно устроены губернские маневры с задачей обороны и нападения на г. Уральск; несмотря на раннее утро, несмотря на холод и мороз, отсутствие у большинства обмундирования, вся милиция г. Уральска явилась на маневры в полном составе, со своей задачей справилась, за что со стороны Главного управления милиции строевому составу милиции г. Уральска нижнего ранга была объявлена в приказе благодарность».

* * *

Уральская милиция в годы гражданской войны показала высокий патриотизм и беспредельную преданность делу Октябрьской революции.

С первых дней она развернула борьбу с уголовными преступниками, которые совершали грабежи, убийства граждан и советских работников. В связи с этим начальник губернской милиции в первом же приказе от 22 февраля 1919 года предписывает отделу уголовного розыска задержать преступников, выпущенных из тюрьмы контрреволюционерами, и направить их для заключения под стражу. В эти же дни Уральская городская милиция направила свой удар на спекулянтов. Их задерживали и передавали в распоряжение ЧК для привлечения к ответственности. Была проведена перепись нетрудового населения города. В борьбе с преступностью в Уральске в 1919 году ежедневно участвовало 126 милиционеров, было установлено 42 боевых поста.

Приходилось нелегко. Вот что сообщает начальник железнодорожной милиции станции Уральск в телефонограмме от 25 декабря 1919 года в губернскую милицию:

«Доношу, что заболевание тифом милиционеров в вверенном мне участке — 15 человек из 22. Мой помощник болен и не в состоянии работать. С 20 декабря с. г. я заболел, остаюсь при исполнении обязанностей впредь до поступления опытного товарища, коммуниста, дабы не остановилась работа на участке».

Такие примеры беспредельной преданности делу Советской власти не единичны. Имели место многочисленные факты, когда милиционеры голодали, были не обуты, не одеты, месяцами не получали жалования. Но их окрылял революционный энтузиазм, горячее стремление разгромить контрреволюцию, упрочить власть рабочих и крестьян.

1919 год для Уральской милиции был организационным периодом. Сохранились не все документы, плохо были налажены учет и отчетность, плохо велась документация.

Однако и по сохранившимся документам виден рост преступности: воровства, насилий, грабежей. Так, уездный ревком ставит в известность управление милиции:

«Каблан Батыр со своими потомками занимается воровством и насилием; хотя эти люди довольно состоятельные, но воровство, насилие, грабеж для них сделались занятием. Одно название Батырский аул сделалось страшным для киргиз... По полученным сведениям, в нынешнем году имеет численность около 30 вооруженных человек, которые творят необычайные ужасы».

На такие сообщения милиция быстро реагировала и принимала срочные меры. При этом она поддерживала тесные связи с трудящимися массами, опиралась на их революционный энтузиазм.

В 1920 году остатки разбитых контрреволюционных армий, уголовные элементы искали укрытия на окраинах России, скрывались и бесчинствовали в степях Казахстана.

За шесть месяцев 1920 года в Уральской губернии, по неполным данным, зарегистрировано 516 преступлений: различные кражи — 328, угоны скота — 62, грабежи — 29, убийства — 5, спекуляция — 21, саботаж — 3, присвоение и растрата государственных средств — 20, другие преступления — 48. Раскрыто 148 преступлений.

В первом квартале 1921 года, не считая нарушений общественного порядка в Гурьевском, Джамбейтинском, Калмыковском уездах, было зарегистрировано 504 преступления. Раскрыто — 254^[9].

Как видно, раскрываемость несколько возросла, но все же большое число преступников оставалось безнаказанным. Низкая раскрываемость преступлений объясняется сложностью обстановки, молодостью, частой сменой руководящих работников милиции, неопытностью и наличием пробравшихся в нее бывших полицейских, темных личностей, которые дискредитировали Советскую власть. Кроме того, основное внимание милиции, как и всех органов Советской власти, было направлено на борьбу с контрреволюцией, бандитизмом.

Президиум Уральского губкома РКП(б) на основе решений ЦК партии и СНК РСФСР в 1921 году принимает меры по укреплению милиции и чистке ее рядов от пробравшихся чуждых элементов.

В результате чистки было уволено из милиции 139 человек. Решением президиума Уральского губкома партии 17 мая 1921 года был направлен на работу в качестве начальника губмилиции один из виднейших работников губисполкома, член РКП(б) И. Киселев. Численность губернской милиции была доведена до 2102 человек. Повысилась ее оперативность, увеличилось число раскрытых тяжких преступлений.

В такой сложной и трудной обстановке в Уральске в феврале 1921 года состоялся второй губернский съезд начальников районных и уездных милиций. Съезд решил вопросы борьбы с преступностью и бандитизмом и послал в Оренбург телеграмму:

«Заслушав доклад о текущем моменте, мы... просим Главмилицию передать наше приветствие трудовому киргизскому народу, все наши силы, опыт и знания мы отдадим на укрепление Советской власти в Киркрае.

Да здравствует вольный трудовой киргизский народ! Да здравствует Советская власть!»^[10].

1921—1922 годы для Уральской, как и для других губерний Казахстана, были невероятно тяжелыми. 1921 год — год голода. Голод и тиф косили людей.

Бандитизм, почти ликвидированный летом 1921 года, с осени начал вновь усиливаться. Уголовная преступность в губернии резко возросла. С 1 по 31 октября 1922 года она достигла 4713 зарегистрированных случаев^[11].

Некоторые жители городов и поселков, обманутые лживыми обещаниями контрреволюционных атаманов Серова, Катушкова, Иванова, Обоимова и других, вступили в их шайки. Юг и север Уральского уезда, Калмыковский, Гурьевский уезды были наводнены бандитами. Вся работа по советскому и хозяйственному строительству была парализована. Многие уезды, города Гурьев и Калмыков были отрезаны от Уральска.

Партийные организации губернии и местные Советы все силы и средства направили на борьбу с бандитизмом, голодом и уголовной преступностью. Совместно с частями Красной Армии, отрядами ВЧК действовали и добровольные отряды милиции.

В борьбе с врагами Советской власти Уральская губмилиция показала высокий героизм, выносливость и преданность делу революции. Об этом свидетельствуют многочисленные боевые операции, проведенные милицией.

6 сентября 1920 года комендант укрепункта в Илецке сообщил начальнику милиции Краснохолмского района: в первых числах сентября им была послана в Уральск конная сотня во главе с командиром Силкиным. Но Силкин оказался предателем. Расположив сотню в лесу, он привлек дезертиров и сформировал «кустарный батальон Зеленой армии». Этот бандитский, контрреволюционный отряд выступил под лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть — вольная торговля!»^[12].

Начальник Краснохолмской милиции товарищ Будаев донес об этом в губмилицию и просил подкрепления: «кустарный батальон» готовил налет на станицу Краснохолмскую. К 8 сентября был послан небольшой отряд конной милиции. Несмотря на численное превосходство бандитов, отряд отбивал их атаки с потерями для противника.

9 сентября подоспело из Оренбурга красноармейское подразделение. Банда была ликвидирована.

С марта по май 1921 года милиция приняла активное участие в двух крупных боевых операциях. Из пределов Уральской губернии через Краснохолмск на Покровский район шел со своей бандой новоявленный атаман Охранюк. Он вешал и убивал коммунистов, ответственных советских работников, издевался над мирными жителями. Около месяца, до полного очищения этих районов, милиция вела ожесточенную борьбу с бандой Охранюка.

Такие же боевые действия милиция развернула в Лбищенском уезде, где оперировала бандитская группа в 200 человек. Многие милиционеры в этих боях отдали свою жизнь за Советскую власть.

К осени 1921 года для милиции Уральской губернии сложилась трагическая обстановка. Положение с продовольствием все ухудшалось. Паек выдавался мизерный, жалование подолгу не выплачивалось. В Илеке, например, работники милиции пухли с голоду.

Несмотря на все трудности, милиционеры стойко охраняли революционный порядок и гражданскую безопасность.

Ожесточенная борьба с бандитизмом шла в Уральской губернии до апреля 1922 года. Вся губмилиция широким фронтом боролась с контрреволюционными выступлениями, разоблачала антисоветские элементы, принимала участие в ликвидации различных конфликтов, ни на минуту не ослабляя борьбы с уголовными преступлениями.

В июне бандитизм в губернии был окончательно ликвидирован. Жизнь входила в нормальную колею.

П. АФАНАСЬЕВ, подполковник в отставке.

г. Уральск.

И. Плескач

ШКОЛА МУЖЕСТВА

В 1919 году Атбасарским партийным комитетом я был назначен начальником уездной милиции. Приступая к ее формированию, мы столкнулись с немалыми трудностями в подборе кадров. Решили обратиться к красным партизанам, испытанным в боях с колчаковщиной. Они живо откликнулись на призыв вступить в ряды рабоче-крестьянской милиции. Вскоре уездные и периферийные органы милиции были укомплектованы и приступили к выполнению задач по охране завоеваний социалистической революции.

В основном работа наша в то время заключалась в вылавливании остатков колчаковцев, в выполнении директив партии о проведении продовольственной разверстки. Результатом борьбы за хлеб решалась тогда судьба молодой Советской республики.

Мы оказывали помощь партийным и советским органам, сельским активистам в мобилизации подвод для доставки заготовленного хлеба к железной дороге, разоблачали кулаков-мироедов, укрывавших сотни пудов зерна в ригах, ометах и других местах.

Мы беспощадно искореняли самогонщиков, которые наносили серьезный ущерб политике военного коммунизма, играли на руку внутренней контрреволюции. Налагаемые в административном порядке штрафы, как правило, взимались натурой, зерном. Такой путь оказался верным. Он во многом помог нам увеличить количество заготовленного хлеба.

1920 год был тяжелым и изнурительным. Народ шел на жертвы и лишения ради того, чтобы накормить сражавшуюся на фронтах свою пятимиллионную Красную Армию, одеть и обеспечить продовольствием в несколько раз большую армию пролетариата, ковавшую оборонную мощь страны.



И. Плескач.

Учитывая важность переживаемого момента, в июле 1920 года решением Советского правительства органы ВЧК в милиции были функционально соединены. В Атбасаре, например, была создана единая организация — политбюро. Его возглавил бывший уездный уполномоченный Омской губЧК тов. Бокша, а я, как начальник милиции, по положению стал его помощником.

Политика Коммунистической партии в реорганизации органов ВЧК и милиции диктовалась внутренней обстановкой в стране. Чтобы нанести сокрушительный удар по контрреволюции, нужно было сосредоточить руководство органами в едином центре. К тому же Антанта не унималась. Еще не успела в то время громадная территория Омской губернии очиститься от колчаковских банд, как вспыхнула война с белополяками. С юга, поддерживаемый зарубежной буржуазией, напирал барон Врангель.

В это тяжелое время партией были выдвинуты лозунги: «Все для фронта!» и «Пролетарий, на коня!» На призыв партии лучший состав атбасарской милиции добровольно ушел на фронт, а оставшиеся работники напрягали все силы для выполнения второго лозунга — «Все для фронта!»

Чекисты показывали образцы выдержки и мужества в схватках с внутренней контрреволюцией и сельской буржуазией, отстаивая каждый пуд хлеба, предназначенный для солдат революции. Словом, все, что мог дать Атбасарский уезд для нужд фронта, он дал. Мы послали бойцам Красной Армии не один обоз с хлебом, мясом, одеждой. Чувствуя нашу заботу, они стойко защищали Советскую республику.

Одновременно с продовольственной разверсткой милиция осуществляла мобилизацию людских ресурсов. Фронт требовал постоянного пополнения... Основная масса крестьян, понимая нависшую над страной опасность, охотно шла на фронт защищать завоевания Октября. Но были и уклоняющиеся от призыва. Их мы вылавливали и немедленно отправляли на фронт.

Несмотря на невероятные трудности в обеспечении продовольствием, обмундированием, оружием и боеприпасами, милиция, зачастую полуголодная, разутая и раздетая, честно

выполняла свой долг перед Родиной, зорко стояла на страже революционного порядка и общественной безопасности.

Осевшая после разгрома армии Колчака в глухих уголках Советской республики, особенно в таких, как Атбасарский уезд, контрреволюционная клика, организуясь в банды, терроризировала мирное население, грабила обозы с продовольствием на пути их следования к железной дороге.

Помню, немало хлопот доставила нам вооруженная банда, возглавляемая баем Кийке. Она занималась грабежами и убийствами, чинила расправу над советскими активистами. Прошло немало дней, прежде чем небольшой отряд милиции под командой коммуниста тов. Мазгутова настиг бандитов неподалеку от Карсакпайского завода. Завязался бой, в результате которого бандиты были частично уничтожены, а частично взяты в плен. Милиционеры в этой схватке потеряли двух своих товарищей...

Особенно труден был для нас февраль 1921 года. Кулацкие элементы, недовольные Советской властью и подстрекаемые укrywшимся белым офицерством, подняли восстание, поставив целью свергнуть народную власть сначала в Сибири, а затем во всей стране. Повстанцы выбросили пресловутые лозунги: «Да здравствует Советская власть без коммунистов!», «Да здравствует вольная торговля!»

Восстание началось в глухих кулацко-зажиточных селах Ишимского уезда Тобольской губернии. Развивалось оно с поразительной быстротой. Повстанческие банды, возглавляемые белогвардейским офицерством, занимали населенные пункты, громя партийные ячейки и советские учреждения.

Уже 13 февраля 1921 года повстанцами был взят Петропавловск, затем Кокчетав. Почти одновременно с этим вспыхнули белогвардейские мятежи в станицах русского казачества: Челкар, Лобаново, Арык-Балык, Верхний Бурлук, Нижний Бурлук, Акан-Бурлук, Якши-Янгистав, Имантав, Сандыктав. Мятежники подняли головы и в кулацких селах Михайловке, Балкашино, Ново-Романовке, Максимовке, Владимировке и других. Главный штаб восстания находился сначала в Кокчетаве, затем в Сандыктаве и, наконец, в одной из самых контрреволюционных станиц — Лобаново. Этим крылом повстанческого движения руководил Пельмский, казачий подполковник станицы Нижне-Бурлукской, а всем фронтом командовал подхорунжий, уроженец станицы Якши-Янгиставской кулак Федотов.

Атбасар оказался отрезанным от губернского центра — Омска, всякая связь с ним была прервана. В окрестных селах, насыщенных кулацким элементом, с часу на час мог вспыхнуть антисоветский мятеж.

В этой тревожной обстановке состоялось экстренное заседание уездного политбюро. Нужно было искать выход из создавшегося положения. Помощи ждать неоткуда.

Первым взял слово тов. Бокша. Он предложил изолировать весь контрреволюционный элемент, который при удобном случае может стать во главе повстанческих банд.

Других мнений не было. В ту же ночь мы арестовали тех, кто тайно или явно ненавидел Советскую власть. Таким образом восстание в Атбасаре и его окрестных селах было предотвращено. Затем все силы милиции, партийно-советских работников были брошены на оборону города.

Но сделать это оказалось значительно труднее, так как Атбасар располагал малочисленным воинским гарнизоном, не имел запасов оружия, боеприпасов и снаряжения. Маленький, затерявшийся в степи городишко мало что мог противопоставить четырехтысячному вооруженному отряду бандитов. Положение казалось безвыходным.

Десятки раз все учитывалось, взвешивалось, предлагались всевозможные планы обороны и контраступления. Но все они были неприемлемы, отвергались...

Наконец, решение найдено. Я принял под свое командование отряд милиции в пятьдесят штыков и вышел навстречу во много раз превосходящему в силах противнику в направлении сел Владимировка — Сандыктав. На мой отряд возлагалась задача — сдерживать натиск неприятеля, идущего на Атбасар.

Стояли лютые морозы, мели бураны, снега было по пояс. Положение усугублялось недостатком продовольствия и особенно боеприпасов. Но бойцы маленького крепко спянного отряда не только сдерживали натиск банд, но и, переходя в контратаку, крепко били их. Так было в селе Балкашинском, где крупная банда не смогла устоять перед натиском милиции, дрогнула и откатилась назад.

Ожесточенные бои завязались у села Владимировки. Мой отряд, к тому времени пополнившийся за счет коммунаров, наголову разбил значительно превосходившую нас по численности банду повстанцев.

Мы были не одиноки. К нам вливались свежие силы патриотов из бедняцких слоев населения. Отряд вырос до четырехсот человек. Большую помощь оказывали нашему отряду крестьяне села Петровки. Одно время, когда мы оказались в кольце окружения, крестьяне помогли нам вырваться, избежать гибели. Они помогли нам продовольствием, теплыми вещами, подводами.

В начале весны, продолжая свой рейд и ведя тяжелые бои, мы подошли к станице Сандыктав — последнему оплоту контрреволюции. Противник оказывал упорное сопротивление. Лишь на второй день отряд под командой тов. Полудова помог нам прорвать вражескую оборону и овладеть станицей.

После освобождения Сандыктава повстанческое движение пошло на убыль. Остальные казачьи станицы: Акан-Бурлук, Верхний Бурлук и Арык-Балык — были взяты без особых усилий.

Борьба с бандами была для нас суровым испытанием. В боях с контрреволюцией мы учились мужеству, учились вести себя так, как подобает настоящим защитникам Советской власти.

Храбрость и смекалку проявляли работники санитарного отряда, которым командовал фельдшер тов. Кузовоткин. Нередко поливаемые градом вражеских пуль, они выносили раненых из пекла сражения, и ни один боец не попал в руки бандитов.

В течение двух с лишним месяцев наш отряд выдержал более двадцати ожесточенных боев. В схватках с контрреволюцией мы теряли лучших соратников. Они погибли героями, защищая молодую Советскую республику.

Кулацкое восстание, вспыхнувшее в феврале 1921 года, было ликвидировано в апреле. Но его отголоски долго еще напоминали о себе. Остатки контрреволюционного казачества перешли к борьбе иного характера — к уголовному бандитизму. В августе 1921 года на

территории Атбасарского уезда появилась банда в 300 человек под командой казачьего офицера Охранюка, вооруженная двумя пулеметами.

Банда двигалась со стороны Уральска, чиня на своем пути террор и расправу над мирными гражданами, вырезая партийные ячейки, громя советские организации.

В подавлении этого черного смерча активно участвовали работники атбасарской милиции. Белогвардейская нечисть была разбита, обоз и пулеметы стали нашими трофеями, а сам главарь с сорока своими приспешниками позорно бежал.

Подобная участь постигла и банду некоего Глазунова, появившуюся в Атбасарском уезде в декабре 1921 года. Главарь, назвавшись батькой Махно, отличался зверской жестокостью в расправах над советскими активистами. Его молодчиками были зарублены попавшие в плен милиционеры тт. Почтаренко, Есипенко, Окончуков, Сердюк, Прохоров и Костенко.

Но расплата за совершенные злодеяния не замедлила прийти. На этот раз банду Глазунова настиг отряд милиции под командой тов. Ашихмина. Бой шел всю ночь. Головорезы живыми не сдавались, бились до последнего человека... Глазунов вместе со своей женой были взяты в плен.

В этом бою от рук белогвардейской нечисти погибли милиционеры Петерякин и Момот.

В июле 1922 года, когда в Атбасарском уезде было покончено с контрреволюцией, я переехал в Петропавловск и через неделю был назначен председателем чрезвычайной комиссии по борьбе с вспыхнувшей холерой. Это бедствие было не менее страшно, чем бандитизм. На борьбу с ним выступили лучшие силы медперсонала и милиции. Благодаря их мужеству и самоотверженности, эпидемия была ликвидирована в течение месяца.

Спустя три года партия направила меня в Аулие-Атинский уезд. Там мне вместе с милиционерами Ермукамбетовым и Кольдеубаевым пришлось столкнуться с бандами Джантурчиева и Алимбаева. Однажды мы были окружены, и нам грозила неминуемая смерть. Спасла решительность и чекистская смекалка. Я удачно ранил главаря банды, что вызвало в стане бандитов панику, а нам помогло выйти из окружения. Через несколько дней банды Алимбаева и Джантурчиева были уничтожены.

И. ПЛЕСКАЧ.

г. Атбасар.

И. Антипов

НЕМЕРКНУЩИЕ ТРАДИЦИИ

19 января 1919 года. Раннее морозное утро. Полки 25-й и 22-й дивизий прорвали оборону белоказачьих войск и взяли Уральск. Город стал советским.

На другой день на площади перед театром состоялся парад красных войск. Его принимал командующий Южной группой войск Восточного фронта Михаил Васильевич Фрунзе.

Перед рабочими Уральска, восторженно встречавшими свои, народные войска, чеканя шаг, прошли бойцы молодой армии.

Вечером Михаил Васильевич собрал командиров частей и политработников. Он рассказал о предстоящей борьбе с врагом, обрисовал обстановку. В боях за Уральск белоказачья армия генерала Толстова изрядно потрепана. Но все же она сумела сохранить основное ядро своего состава. Вражеские позиции в двадцати верстах от города. Белогвардейцы в любой момент могут перейти в контрнаступление. Нужно организовать крепкую оборону и отстоять город во что бы то ни стало.

— Уральск должен остаться у нас в руках, — подчеркнул Михаил Васильевич. — Мы должны сдерживать врага. Не дать ему пройти на Саратов и соединиться с армией Деникина.

Вскоре город был объявлен на военном положении. Началась его героическая оборона, которая длилась более двух с половиной месяцев.

Трудящиеся Уральска как драгоценную реликвию хранят телеграмму В. И. Ленина защитникам города.

«Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьба не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом», — писал Ильич.

В те трудные, тревожные дни губернский революционный комитет особое внимание уделяет организации рабоче-крестьянской милиции. Первые ее подразделения были созданы в январе 1919 года, через несколько дней после занятия Уральска красными частями. Губернскую милицию возглавил большевик Н. Кропалев.

Гражданская война разрушила железную дорогу, мосты, многие хозяйственные коммуникации. В городе царили беспорядок и неорганизованность. Его наводняли шпионы, диверсанты, уголовники. Контрреволюции удалось сколотить группу заговорщиков. Они старались подорвать оборону изнутри. Участились случаи саботажа и диверсий особенно по ночам.

Железной рукой сотрудники ревкома, чекисты и милиция наводили революционный порядок. С первых дней своего существования уральская милиция принимает самое деятельное участие в борьбе с контрреволюцией, разрухой и голодом. Она мобилизует население города на ремонтные работы. По ее инициативе были восстановлены железная дорога, мосты, город очищен от снега и льда. Милиция достает подводы для переброски воинских частей, продовольствия и снаряжения.

А в дни осады многие работники милиции влились в воинские подразделения и с оружием в руках сражались с белогвардейцами. Они помогли отразить наступление казачьих войск на Уральск и Новенький. Воевали мужественно, умело и самоотверженно.

После разгрома Толстова уральская милиция занялась вторым фронтом — борьбой с эпидемией тифа, которая свирепствовала с ноября 1919 по апрель 1920 года. И здесь уральцы выполняют самую трудную работу: изолируют больных, доставляют медикаменты.

В августе 1920 года Уральску снова грозит опасность. Изменник Советской власти Сапожков собирает остатки своей разбитой дивизии и подходит к стенам города. Вся

губернская милиция, к тому времени пополнившаяся за счет соседей-саратовцев, была переведена на военное положение и по призыву Революционного комитета ушла на передовые позиции.

В одном из донесений в Оренбург — тогдашнюю столицу Казахстана — есть такое сообщение о боевых действиях милиции.

«Во время сапожковщины, — пишет автор этого документа, — дружно работали милиционеры во главе с начальником района. Когда бандиты были совсем близко, они не отступили, не дрогнули, а двинулись в контратаку, обратив противника в бегство, отбирая обоз и захватывая в плен отставших сапожковцев... После ухода неприятеля в селах и деревнях милиционеры проводили митинги».

Сапожковщина ликвидирована. Но это не означало наступления мирных дней. В лесах Илекского уезда появились сотни дезертиров, называвших себя «зелеными». Они угрожают еще неокрепшей Советской власти в Уральской губернии. И снова милиция выполняет свою нелегкую работу, прочесывая леса и вылавливая «зеленых».

Однажды ночью крупная банда «зеленых» разрушила телеграфную связь с Гурьевом: перерезала телефонные провода и свалила столбы. А на станции Озимки «зеленые» напали на пассажирский поезд. Они ограбили и избili пассажиров.

На подавление банды был брошен отряд Уральской милиции. Около двух суток длилось преследование. Наконец неподалеку от Лбищенска (ныне Чапаево) милиция настигла шайку негодяев и в короткой схватке разоружила ее.

«Жизнь каждого мирного жителя, его хозяйство, его труд находятся в постоянной опасности со стороны издыхающей контрреволюции, — писала газета «Красный Урал». — А если это так, то всем надо встать на ноги и покончить с бандитизмом. Губернский комитет РКП призывает всех честных граждан встать на борьбу с бандами, на защиту мирного населения».

На призыв губернского комитета партии коммунисты, работники милиции ответили делом. В Илекском, Калмыковском, Гурьевском уездах, где особенно свирепствовали бандиты, милиция повела с ними решительную борьбу. В схватках с контрреволюционным отребьем милиционеры проявляли героизм и мужество. Вот только некоторые из многочисленных примеров отваги уральцев, преданности их делу революции.

В станице Сломихино (ныне Фурманово) бандиты напали на небольшой гарнизон милиции под командованием Назарова. Банда была хорошо вооружена и намного превосходила гарнизон численностью. Милиционеры заняли круговую оборону в одном из домов и сутки ожесточенно дрались с врагом.

Видя, что милицейский гарнизон непреклонен, бандиты подожгли дом, пытаясь заживо сжечь горстку храбрецов. Под прикрытием дыма милиционеры перебежали в другой дом и продолжали сопротивление.

«Зеленые» в бессильной злобе ворвались в квартиру Назарова и зверски убили всю его семью. Подоспевший отряд красноармейцев из Александрова-Гая помог назаровскому гарнизону разбить банду «зеленых».

Двое суток сражался с бандитами Калмыковский гарнизон, защищая город в декабре 1921 года. На подступах к Калмыкову милиционеры плечом к плечу со своими братьями по оружию — красноармейцами — били бандитов. Противник был сломлен и отброшен далеко от города с большими для него потерями.

В этом бою милиционеры потеряли начальника уездной милиции тов. Самсонова — человека кристальной души и большого личного мужества.

Белогвардейские шайки, чувствуя свой конец, в дикой злобе мстили Советам. В селе Январцево они напали на милицейский гарнизон, захватили в плен начальника милиции тов. Паушкина, долго пытали его, чтобы узнать о планах гарнизона. Паушкин ничего не сказал врагам. Его расстреляли. Зверствовали бандиты и в селе Александровском Илекского уезда. Здесь в ожесточенном бою с бандитами погибла группа милиционеров во главе с начальником гарнизона тов. Песчаным. В эти же дни отдал свою жизнь, защищая Советскую власть в городе Джамбейте, начальник уездной милиции тов. Великанов и многие его соратники.

Велика заслуга Уральской милиции и в ликвидации банды Серова, орудовавшей весной 1922 года в Приуралье. После того как ее главные силы были разбиты регулярными частями Красной Армии, милиция вылавливала разбежавшиеся по всей губернии мелкие шайки серовцев.

3 декабря 1922 года воскресный номер газеты «Красный Урал» выходит с броским аншлагом: «Да здравствует Рабоче-Крестьянская милиция — сестра и боевой резерв славной Красной Армии!» В этом же номере газета сообщала о предстоящем съезде уральской милиции. По мнению губернского комитета партии, съезд должен подвести итоги работы, выявить недостатки, а также выработать необходимые меры, которые помогут еще больше укрепить ее авторитет.

«Покажи же крестьянину, милиционер, — обращалась газета, — что ты воин, что ты строго и бдительно смотришь за революционным порядком, что ты борешься за его интересы».

Съезд обсуждал такие злободневные вопросы: отношение к новой экономической политике, определение служебных функций милиции как вооруженной силы (части Красной Армии, дислоцирующиеся в Уральской губернии, были тогда малочисленны). И, наконец, как осуществляются декреты и распоряжения Советской власти на местах.

Не случайно в первые годы Советской власти уральские коммунисты уделяли особое внимание милиции. Многие милиционеры, имевшие опыт работы, ушли во время гражданской войны в Красную Армию. В милицию просочились политически не зрелые кадры. Некоторые милиционеры запятнали себя в глазах населения взяточничеством, чванством, прислужничеством. Вот почему сразу же после губернского съезда в уральской милиции началась чистка. Продолжалась она до июня 1923 года. Все, кто не держал в чистоте высокое звание милиционера, были изгнаны из рядов революционных блюстителей порядка. Причем управление губернской милиции прямо и честно сообщило населению о чистке. Вот отрывок из этого сообщения:

«Губернская комиссия по чистке милиции от преступного элемента проделала трудную работу огромной важности. Закончена чистка служащих учреждений милиции города Уральска. Работа была направлена на поднятие милиции на должную высоту. Выкинут за борт элемент, дискредитирующий своим присутствием милицию. Оставлены в ее рядах честные, стойкие и преданные делу работники».

Вскоре ряды уральской милиции пополнили коммунисты, курсанты-комсомольцы, прошедшие ускоренное обучение, демобилизованные красноармейцы.

В те памятные дни пришла в милицию первая в Приуралье женщина-милиционер Анна Макаровна Попкова. С ней довелось вместе работать и молодому поколению сотрудников органов охраны общественного порядка. Она прослужила в милиции около 35 лет.



Первая женщина-милиционер в Уральской области Анна Макаровна Попкова.

Рис. П. Васильева.

Анна Макаровна Попкова сражалась на фронтах гражданской войны вместе со своим мужем, военным комиссаром. В одном из жестоких боев с белогвардейцами она потеряла его. Вернувшись с фронта, Попкова поступила в милицию и поклялась всю жизнь посвятить защите интересов Советской власти.

Анну Макаровну быстро полюбили простые люди. Полюбили за честность, прямоту, веселый нрав. Несмотря на молодость, люди уважительно величали ее по имени и отчеству. Одна из первых операций, которую самостоятельно провела Попкова, надолго ей запомнилась.

Стояла беспокойная осень 1923 года. В селах и станицах еще орудовали бандиты. По рассказам старожил, опасно было в то время путнику пускаться в дорогу. Каждую минуту могли налететь бандиты в косматых папах, отнять коня, выстрелить в спину из обреза. Нередко вооруженные конокрады врвались в села и на глазах у крестьян отбирали скот, угоняли лошадей, убивали тех, кто оказывал сопротивление.

Особенно много бесчинств творил некто Федоров, бандит, по кличке «Блинок». Не одно темное дело лежало на его совести. Не раз пытались арестовать его работники милиции, но Блинок ускользал.

Руководители управления губернской милиции решили поручить поимку Федорова Анне Макаровне Попковой. Она согласилась пойти на это ответственное и опасное задание.

По сведениям, поступившим в губернский уголовный розыск, в поселке Требухи жила женщина, у которой часто бывал Блинок. Еще в Уральске Анна Попкова решила остановиться в этом поселке и выследить бандита. Так она и сделала. В Требухи добралась вечером. Одета Анна была в старенькое платье, за плечами котомка. В то время немало богомольных странниц бродило от села к селу. «Странница» ни у кого не вызывала подозрений. Анна медленно прошла по улицам поселка, выбрала дом победнее, попросилась переночевать.

Встретили ее приветливо, усадили за стол, накормили.

— Богатое у вас угощение, — сказала Анна, благодаря хозяйку.

— Кушай, божья странница, — приговаривала, всхлипывая, пожилая женщина, — горе у нас.

Оказалось, недавно здесь, в доме Речкиных, побывал бандит Федоров и, присмотрев лошадь, хотел увести ее со двора. Муж Речкиной преградил ему дорогу.

— Не уйдешь, зверюга! — крикнул он, заноса над головой бандита цеп.

Федоров достал наган и застрелил казака на глазах жены и детей.

— На поминки к нам попали, — закончила свой рассказ женщина и заплакала.

Анна Попкова несколько дней прожила в доме Речкиных. Она помогала по хозяйству: стирала белье, носила воду. Хозяйка довольна была «странницей».

Как-то, идя за водой, Попкова прислушалась к судачившим о чем-то женщинам.

— Опять этот бандюга у своей отсыпается. В уезд сообщить надо. Пусть милиция нагрянет...

Анна отнесла в дом ведра и кинулась к уполномоченному волисполкома Буренину.

— Запрягай лошадь! — сказала она и показала ему свое удостоверение. — Федоров под носом разгуливает, а мы тут с тобой сидим!

— Постой, постой! В чем дело? — удивился уполномоченный.

— Не мешкайте оказать помощь, товарищ Буренин. Бандита брать будем. Я сейчас вернусь...

Анна сходила за спрятанным оружием и по дороге обдумала план операции. «Буренин с лошадью останется на улице, а я зайду в хату», — решила Анна.

Она тихо постучалась в дом, где отсиживался Федоров. Никто не ответил. Тогда Анна дернула щеколду и дверь отворилась. В полутемных сенцах выросла фигура женщины.

— Окаянный вас носит! — чертыхнулась она, увидев на пороге странницу. — Ни минуты покоя нету...

Попкова притворно запричитала, вошла в сени и негромко потребовала показать, где прячется Федоров.

Женщина, увидев оружие в руках «странницы», побледнела и слабо махнула рукой в сторону чулана. Анна шагнула в темноту, скомандовала:

— Руки вверх!

Ранним утром в сторону села Рубежи выехала подвода. В бричке лежал связанный бандит. Рядом шла в полной милицейской форме Анна Макаровна Попкова и с ней уполномоченный волисполкома Буренин. Они спешили в Уральск.

* * *

Очень хорошо известна уральцам семья Зеленцовых. История этой семьи — яркий пример беззаветного служения народу.

В мае 1918 года казак Бударинской станицы Михаил Зеленцов был приговорен белогвардейским полевым судом к смертной казни за связь с большевистской организацией. Узнав об этом, его станичники, бывшие фронтовики, направили своих ходатаев с прошением об отмене решения суда. Белогвардейцы чувствовали себя неуверенно. Видно, они решили привлечь станичников на свою сторону и пересмотрели дело Зеленцова. Суд заменил смертную казнь пятнадцатью годами каторжных работ с лишением прав казачества.

Но отбывать каторгу Михаилу Зеленцову не пришлось. Спустя полгода Уральск был освобожден Красной Армией, и все политические «преступники» были выпущены из тюрем.

Летом 1919 года губернский революционный комитет посылает большевика Михаила Павловича Зеленцова в Москву на учебу в Центральную школу партийно-советской работы при ВЦИК^[13].

Весной 1921 года в Приуралье стали создаваться коммуны, и руководителем одной из них в Красновской волости стал вернувшийся к тому времени из Москвы Михаил Зеленцов... Впоследствии он работал в партийных и советских органах Приуралья, немало сил отдал коллективизации сельского хозяйства.

В семье Зеленцовых жила глубокая преданность делу революции. В дни Октябрьских событий в их доме действует подпольная большевистская группа. Здесь собираются и засиживаются до поздней ночи бывшие фронтовики Михаил Хохлачев, Михаил Чуйков, впоследствии расстрелянный белогвардейцами, Иван Авдеев, Гурьян Ялов, Аким Серов и многие другие. Это в большинстве своем неграмотные станичники, получившие первую большевистскую закалку в окопах русско-германской войны.

После свержения атаманской вольницы братья Михаила Зеленцова Иван-старший и Иван-младший ушли служить в ряды Уральской рабоче-крестьянской милиции и с оружием в руках защищали Советскую власть. Их примеру последовал и младший брат — Семен, впоследствии работавший в Закавказье и получивший там первым из работников милиции орденом «Знак Почета».



Братья Зеленцовы. Слева направо: Семен, Иван-старший, Иван-младший.

Не менее интересно сложилась судьба и у Зеленцова Ивана-младшего. Он член Коммунистической партии с 1920 года, в первые дни становления Советской власти в Приуралье работал милиционером, затем начальником Уральского окружного административного отдела ОГПУ, некоторое время возглавлял губернскую милицию, долгое время был заместителем начальника областного управления внутренних дел. О его делах мы расскажем несколько ниже.

Крепка оказалась традиция в семье Зеленцовых. Старший сын Михаила — Павел в трудные годы коллективизации также работал в органах милиции, боролся за укрепление общественного порядка, вылавливая жуликов, конокрадов и кулаков. За безупречную службу Павел Зеленцов награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.



П. М. Зеленцов.

По его пути пошел и младший брат — Николай. Около двадцати лет работает он в Уральском областном управлении охраны общественного порядка и по праву считается одним из лучших работников. Так уж сложилось в семье Зеленцовых: дело отцов продолжают сыновья. Они так же, как их отцы, твердо стоят на страже социалистического правопорядка.

* * *

Младшему брату Михаила Зеленцова — Ивану довелось разгромить одну из последних банд на территории Уральской области. Вот как это было.

Год 1928-й. Успехи в социалистическом строительстве не по душе бывшим баям и буржуазным националистам. Это отребье надеялось на возврат старых порядков. Особенно бесчинствовала бандитская группа Канатыра Бекмамбетова. Бывший алаш-ордынец, выродившийся в матерого уголовника, грабил население. Все попытки сотрудников Уральского уголовного розыска положить конец его преступлениям оканчивались неудачей. Бекмамбетов, пользуясь поддержкой некоторых запуганных жителей аулов, уходил от правосудия. Так продолжалось до зимы 1928 года.

Как-то поздним декабрьским вечером Ивана-младшего Зеленцова вызвал к себе начальник ОГПУ Белоногов. В приемной клевал носом секретарь Жалудь — добрейшей души человек, как отзывались о нем сотрудники окротдела. Увидев перед собой Зеленцова, Жалудь вскочил из-за стола, привычно одергивая гимнастерку. «Заходи, заходи», — сказал он, кивнув на обитую дерматином дверь.

На письменном столе начальника ОГПУ коптила лампа-молния, сгущая по углам вечерние сумерки. В кабинете было по-домашнему тепло и уютно.

— Вот что, батенька мой, — сразу же перешел к делу Белоногов, — бери-ка вороного и завтра на зорьке отправляйся в Новую Казанку. Дела там предстоят нешуточные. Получены данные об антисоветских действиях Канатыра Бекмамбетова. Он оперирует в районе Айбасовского аула. За последнее время бандиту удалось сколотить группу сообщников. По прибытии в Новую Казанку свяжись с нашим оперуполномоченным, посоветуйся насчет формирования отряда из местных советских активистов. Не забывай об одном и, пожалуй, о главном: операция должна пройти без жертв...

Как только над Уральском засинело утро, Зеленцов, заложив розвальни, выехал на Новоказанский большак. Мороз крепчал. Под полозьями саней убаюкивающе поскрипывал выпавший за ночь снежок. Вороной без понукания шел рысцой...

По приезде в Новую Казанку Зеленцов, не снимая тулупа, разыскал оперуполномоченного ОГПУ по Джангалинскому району. Им оказался еще молодой человек, высокий, с коротко подстриженными усиками.

— Да, такие сведения поступили, — докладывал он, поправляя на узких плечах старенькую португую. — Бандит действует в Айбасовском ауле, там живет его вторая жена...

За разговором наметили состав отряда. В него вошли коммунары, работники милиции. Лошадей подобрали на договорных условиях у местных жителей. Поздним вечером одиннадцать вооруженных всадников выступили из села.

Двигались с большой осторожностью. В любую минуту отряд могли обнаружить связные Бекмамбетова и сообщить ему о надвигающейся опасности.

Верстах в десяти от Айбасовского аула оперативники разделились на две группы. Первой остался командовать Зеленцов, вторую возглавил советский работник из Новой Казанки — Соколов. Ему приказано оцепить третий аул. Согласно поступившим сведениям, там скрывались сообщники Канатыра — Тыныш Тулешев и Байдулла Габдушев. Группе Зеленцова предстояло обезоружить и арестовать самого главаря.

Первыми в руки чекистов попал сообщник Канатыра, Музапар Бергалиев. Он шел из гостей, не подозревая о том, что аул оцеплен.

Допрос был недолгим. Музапар Бергалиев не отрицал своей вины и связей с бандитской группой Канатыра Бекмамбетова, но на вопрос, где скрывается главарь, упорно молчал.

Прошел час, другой. Кто-то из чекистов, находившихся в оцеплении, заметил всадника, примчавшегося в аул. У занесенной снегом землянки неизвестный круто осадил коня. Конь вздыбился, тихо заржал. Из дома вышла закутанная женская фигура. Всадник бросил ей поводья, а сам скрылся в доме.

Кто бы это мог быть? Тотчас же двое милиционеров отправились в разведку. Вскоре они вернулись и доложили о том, что под навесом двора действительно стоит оседланная лошадь. Но кому она принадлежит — трудно сказать. Может быть, хозяин коня — Канатыр Бекмамбетов?

После короткого совещания решено было вызвать на переговоры брата Канатыра Бекмамбетова, который жил в этом же ауле и к Советам относился уважительно.

Утопая в снежном сугробе и кутаясь в плохонький полушубок, к Зеленцову подошел молодой казах. Это был Джузбатыр Бекмамбетов.

— Вот что, товарищ Бекмамбетов, — сказал Зеленцов, — ты должен помочь нам задержать и арестовать Канатыра. Он злой человек и может много слез и горя принести в аул.

— Пусть шайтан будет ему братом, — горячо начал Джузбатыр, — все люди отвернулись от него...

— Тогда ступай в дом его жены, — посоветовал Зеленцов, — и разузнай обо всем.

Джузбатыра ждала неудача. Он вернулся сердитый, проклиная хозяйку, которая и на порог не пустила его.

Ждали часов до двух ночи. Канатыр не давал о себе знать. Тогда Зеленцов приказал сделать несколько предупредительных выстрелов. Ночную глушь разорвал винтовочный залп. В то же время, как бы споря с ним, из землянки, куда ходил Джузбатыр, грянул выстрел, за ним другой, третий... Теперь стало ясно, что главаря взять будет нелегко. С ним предстоит сражаться или, по крайней мере, убеждать добровольно сдаться органам власти. Зеленцов после недолгого раздумья решил прибегнуть к последнему.

Как только начало светать, Джузбатыр снова отправился на переговоры.

— Попробуй убедить его, что сдача без боя гарантирует жизнь преступнику, — напутствовал Джузбатыра Зеленцов. — Ну, действуй!

Прошло немало томительных минут, прежде чем вернулся с задания Джузбатыр. Результаты превзошли все надежды. Главарь согласился говорить с официальным представителем власти.

Зеленцов постучался в дверь землянки. Кто-то глухо покашливая вышел в сенцы.

— Я из Уральска, — твердо сказал Зеленцов. — Меня послало ОГПУ. Советская власть прощает тем, кто сложит оружие. Ты можешь застрелить меня, Канатыр, вот я стою за дверью, ты слышишь мой голос. Но помни, люди не простят тебе. Подумай над моими словами.

— Пусть аллах вырвет у тебя язык, если ты сказал неправду, — услышал Зеленцов хриловатый голос бандита. — Я сдамся, — продолжал он, — если никто из твоих шайтанов не тронет меня пальцем.

Зеленцов поспешил убедить Бекмамбетова в искренности своих слов. В ответ клацнул винтовочный затвор и в ту же минуту раздался треск и звон разбитого стекла. Зеленцов оглянулся: перед окном в снежный сугроб упала винтовка. Она была без затвора...

После того как Бекмамбетову было объявлено об аресте, милиционеры произвели обыск. В землянке они нашли сорок винтовочных патронов.

К концу дня прибыла группа Соколова. Она успешно справилась с заданием. Сообщники Канатыра — Тыныш Тулешев и Байдулла Габдушев отсиживались в стоге сена.

Так закончилась одна из операций по ликвидации последней бандитской группы. Она закончилась без жертв и крови.

И такой исход закономерен. Даже в самых отдаленных аулах представители милиции пользовались огромным авторитетом. Сказалась долгая и кропотливая работа среди самых различных слоев населения. Рабоче-крестьянская милиция свято берегла и продолжала славные, немеркнущие традиции первых революционных лет.

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Уральск.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ

Милиционер — зеркало Советской власти, по которому население судит о Советской власти.

М. И. Калинин.





А. Кондратский, А. Штульберг

ТРОЕ ПРОТИВ ТРИДЦАТИ

Волк выскочил из-за давнишней, трухлявой копенки, увидел людей, запряженного в тарантас верблюда, оскалился, осел на задние лапы.

«Саженой двадцать до серого», — прикинул Терентий Телегуз, нашаривая круглую рукоять маузера. Наскоро целясь, навскидку бабахнул.

Шарахнулся в испуге верблюды. Волк махом пошел по степи.

— А-лю-лю-у-и! — взвизгнул ему вдогонку аксакал-возчик и засмеялся:

— Помирать побежал каскыр.

Вскинулся задремавший было на тарантасе Калашников.

— Чего палишь?

— Волка стрелял... Промазал.

Калашников сел, широко, сладко зевнул. Недовольно сказал:

— Ну и дурень. Что, богатым на патроны стал? У нас их, сам знаешь, лишнего нету. — Дотянулся до фляги, закинув голову, напился и стал выговаривать:

— Ты, парень, впервой на задание едешь, многого не знаешь. В степи, брат, еще не такие бирюки бродят. Лютее тигра. Ты запомни: ежели стрелять, так чтоб без промашки. А то худо будет. Спроси аксакала, он и не таких волков встречал.

Возчик согласно закивал головой:

— Правду говорит Федор. Ты слушай его, Терентий, слушай. Бандит в степи гуляет, конокрад хуже волка.

И старик, понутив голову, под скрип давно не мазанных колес, слово за словом поведал печальную историю своей жизни.

Медленно шагает верблюд. Натуженно тянет телегу. С кочки на кочку замерзшей дорожной грязи хромают колеса. Тягуче, будто бы нехотя, говорит аксакал:

— Скверная дорога... Верблюд гнется. Чу, рыжий! Шагай шире, тяни! Плохая дорога была и в моей жизни...

За последние версты до седьмого аула возчик, наконец, успел досказать про свою долю. Говорил старик грустным глуховатым голосом.

Много лет батрачил он у бая Урнекова. Днями пас баранов, бесконечно бродил с отарами по безбрежным приуральским степям. В солнцепек и в осеннюю пору под нудными дождями. В снежную метель ночами стоял караульщиком... Одни штаны носил годами, жил впроголодь, денег не видал. Была у него работящая жена. Без устали доила байских коров и кумысных кобылиц. Рано сгорбилась, но была хорошим, верным другом пастуха.

— Пришла Советская власть в аул, — продолжал старик. — На первой сходке приезжий из Уральска комиссар, хороший, смелый человек, стал нам, беднякам, раздавать скотину бая. Мне велел взять вот этого верблюда да пять овец. Большая радость пришла тогда к нам. Бай куда-то сбежал, мы стали сами хозяйничать.

Но уехал комиссар. Снова появился бай со своими прихвостнями. Нет, он не стал проводить сходок, не стал отнимать свой скот.

Только однажды ночью, когда он, старик, на своем верблюде ездил в степь за соломой для топки, какие-то молодчики напали на его жилье, убили старуху. Хату подпалили. Такая же судьба постигла и семьи многих других бывших батраков бая...

— Я теперь, однако, с вами всегда буду. Куда надо, отвезу. Тарантас крепкий, верблюд сильный. Помогать буду.

— Спасибо. От помощи твоей не отказываемся, помогаешь ты не мне, а народу, нашей власти. Только те, кто против нас идет, звери лютые. Не струсил?

Смеется старик: значит, согласился начальник.

Мерно шагает верблюд. Тарантас, как лодка на мелкой зыби, переваливается на ухабах. Ветер гонит холодную пыль по промерзлой земле. Скоро ночь. Два милиционера едут в степь на задание.

Кончается ноябрь 1920 года. Ветер злой и холодный...

Начальник второго района Илекской уездной милиции не на шутку встревожен. Старшие милиционеры Федор Калашников и Терентий Телегуз, уехавшие в волость по делам службы, вот уже три недели не дают о себе знать. Начальник рапортом докладывает об их таинственном исчезновении в Илекское уездное управление милиции, а оттуда уже сообщают в Уральск. На розыски отправляется сперва агент уголовно-следственного стола Колыханов, а затем начальник инспекторского подотдела Уральской губ-милиции Циффер.

«Следы Калашникова и Телегуза, — пишет последний в докладе на имя начальника Уральской губмилиции, — найдены в поселке Александровском... В поселке этом они, однако, и теряются, так как милиционеры уехали, не заявившись в исполком. Житель аула № 6 Смитянов через несколько дней видел их едущими на тарантасе с верблюдом. По этим данным был открыт их дальнейший путь... В последней группе аула № 7 милиционеры побывали у Сакеша Урнекова. До этого милиционер Калашников неоднократно ловил Урнекова на крупной спекуляции».

* * *

Многих обездолил бай-мироед Урнеков. Кто только не побывал в его кабале! Всюду по пути люди жаловались на него приехавшим в степь милиционерам, видя в них своих защитников. У Калашникова все злее становились глаза, все крепче сжимались губы. Он уже знал, что Урнеков привез из Оренбурга большую партию мануфактуры, которую вместе со своими подручными добыл разбойным путем. Уже успел немало денег заграбастать. Словом, когда милиционеры добрались до богатого его дома, им было доподлинно известно, чем он сейчас промышляет. У богатея действительно нашли кипы мануфактуры — ценного по тем суровым дням товара. Было у Урнекова и много денег — выручка от последних выгодных спекуляций. Нашли и долговые расписки, и оставленные в залог вещи.

Застигнутый врасплох, Урнеков не успел припрятать вещественные доказательства. Чтобы выпутаться, спасти дефицитный товар, он пытался улестить милиционеров, уговорить их. Приглашал к себе, у него, мол, и тепло и светло, даже керосин есть. Есть сахар к чаю, мясо найдется, спирт тоже. Совал пачки денег.

Калашников был непреклонен. Молча писал акт о конфискации предметов спекуляции и преступно добытых деньгах, молча ушел из просторного, светлого, но ненавистного вражеского дома. Вместе с Телегузом и стариком-возчиком отправился на край селения, устроился на ночевку в тесной, пропахшей кизячным дымом землянке.

А Урнеков тут же послал по соседним аулам верховых. Скоро в его доме собрались такие же, как и он сам. Те, кто промышлял разбоем и грабежами, спекуляцией и насилием. Шептались, не зажигая огня.

— Калашника не купишь деньгами, не соблазнишь угощением, подарками, — злобно шипел Сакеш. — Калашник, как кошка ночью, все видит, как шайтан, все знает. Молодой джигит с ним — такой же. А старая собака — возчик — помогает им, мстит мне. Пока Калашник жив, по степи ходит, не будет нам покоя, голытьба вся ему помогает. Я сам пойду убивать милиционеров. Того, кто со мной будет, щедро награжу. Все деньги, весь товар, что у меня забрали, вам отдам.

Заговорщики долго не расходились, сидели в темноте, ждали, когда совсем тихо станет в ауле.

...Тесно, душно в землянке. Темно. Терентий попробовал было зажечь копилку, что стояла на полу возле закопченного казана, но сухой фитиль только задымился: не было керосина. Пришлось обходиться пучком лунного света, что пробивался в маленькое единственное оконце в крыше землянки.

Улеглись рядком на старой, порыжевшей от времени кошме. Вместо подушек положили под головы тугие тюки мануфактуры, конфискованной у Сакеша Урнекова. Рядом с собой

Федор бросил мешок с деньгами, награбленными бандитом. Здоровый мешок, набитый до завязок.

Рядом столько добра, а поужинать нечем.

Крепким, молодым сном спит комсомолец Терентий Телегуз. Слипаются глаза у притомившегося Федора. Задремал старик.

Бледный лучик медленно-медленно плывет по землянке.

Первым спохватился возчик, когда под сильным ударом слетела с ржавых петель ветхая дверь.

— Шайтаны! — не своим голосом закричал он и весь съежился, закрывая руками голову.

Вскочил на ноги Калашников. Схватился за винтовку, прикладом отбил шкворень, занесенный над стариком тенью чьих-то огромных рук. Закричал осипшим вдруг голосом:

— Назад! Стрелять буду! — и стал наугад крушить прикладом мелькающие тени. Но тех было много...

В тесную хибару ввалилась бандитская ватага. Прижала Калашникова к стене, подмяла.

— Аркан ему на шею... Дави! Дави! — хрипел голос Урнекова.

С кошмы вскочил Терентий Телегуз. Спросонья не мог понять, что происходит. И только когда услышал властный голос старшего друга: «Стрелять!» — схватился за маузер. Но куда стрелять? В кого? Ведь в этой свалке и Федор, и аксакал. Еще своих побьешь... И тогда Терентий, понадеявшись на могучую силу, зверем бросился в самую гущу свалки, сокрушая рукояткой маузера кого попало. Не один стон услышал он! Но врагов много! Чьи-то руки уже клещами схватили за ноги, двое дюжих мужиков повисли за спиной, старались свалить наземь. Долго крепился, стараясь расшвырять бандитов Терентий. Но не устоял. Сломилась сила... Свалили его, скрутили веревками, стали бить и топтать ногами. По груди, по лицу. Сакеш Урнеков вцепился руками в горло комсомольца и давил что есть силы.

Последнее, что увидел при слабом свете луны Терентий, было перекошенное лицо бандита, ощерившееся волчьей пастью. Ее Терентий видел в степи, стрелял по ней из маузера. Только вот промахнулся... Промашку дал.

* * *

О развязке этой трагической истории рассказывают сохранившиеся в Казахском государственном архиве документы. Вот некоторые из них:

«В Кирнаркомвнудел. Через начальника Уральской губмилиции получено донесение, что в районе Чиликской волости Илекского уезда в колодце близ реки Шанда в тридцати верстах от аула № 7 обнаружены трупы милиционеров второго района тт. Калашникова Федора и Телегуза Терентия. Около них находился труп неизвестного мусульманина. На шеях убитых были затянута веревки... Тела преданы земле. Выявлено семь участников нападения, по показаниям коих, в убийстве участвовало тридцать человек. Меры к розыску преступников приняты и следствие ведется».

Через несколько дней из Уральского Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских киргизских и казачьих депутатов в Оренбург, в Кирнаркомвнудел направляется еще один документ:

«Губотуправ (губернский отдел управления) сообщает, что, по полученным данным, убийство милиционеров Калашникова и Телегуза совершено на почве мести по заговору, душой которого был Сакеш Урнеков, у которого тт. милиционеры отобрали, как у спекулянта и бандита, мануфактуру и деньги...»

* * *

Федор Калашников. Терентий Телегуз. Первые полпреды Советской власти в ауле. Недолго служили они трудовому народу, но служили верно, не пощадив своих жизней во имя долга.

В архиве мы нашли еще два документа, которые свидетельствуют о том, что подвиг Федора Калашникова и Терентия Телегуза не остался незамеченным в те героические, насыщенные примерами мужества и самоотверженности суровые дни.

Вот текст письма, датированного началом 1921 года. На письме гриф: «Весьма срочно».

«Начальнику Уральской губмилиции. Главное управление милиции предписывает немедленно донести, не осталось ли у погибших при исполнении долга милиционеров Калашникова и Телегуза кого-либо из их семейств. Сведения необходимы на предмет возбуждения ходатайства о назначении пособия. Начальник главмилиции Кирреспублики...»

В ответ на это из Уральска сообщили, что у погибших смертью храбрых милиционеров Калашникова и Телегуза остались родственники и близкие. А именно: у Телегуза жена Татьяна 23 лет, отец Савва и мать Пелагея. В семье Калашникова остались жена 33 лет и дочь 6 лет... Имена их в документе, к сожалению, не приводятся.

* * *

1921 год. Над дверью Уральской губмилиции трепещет кумачовый плакат.

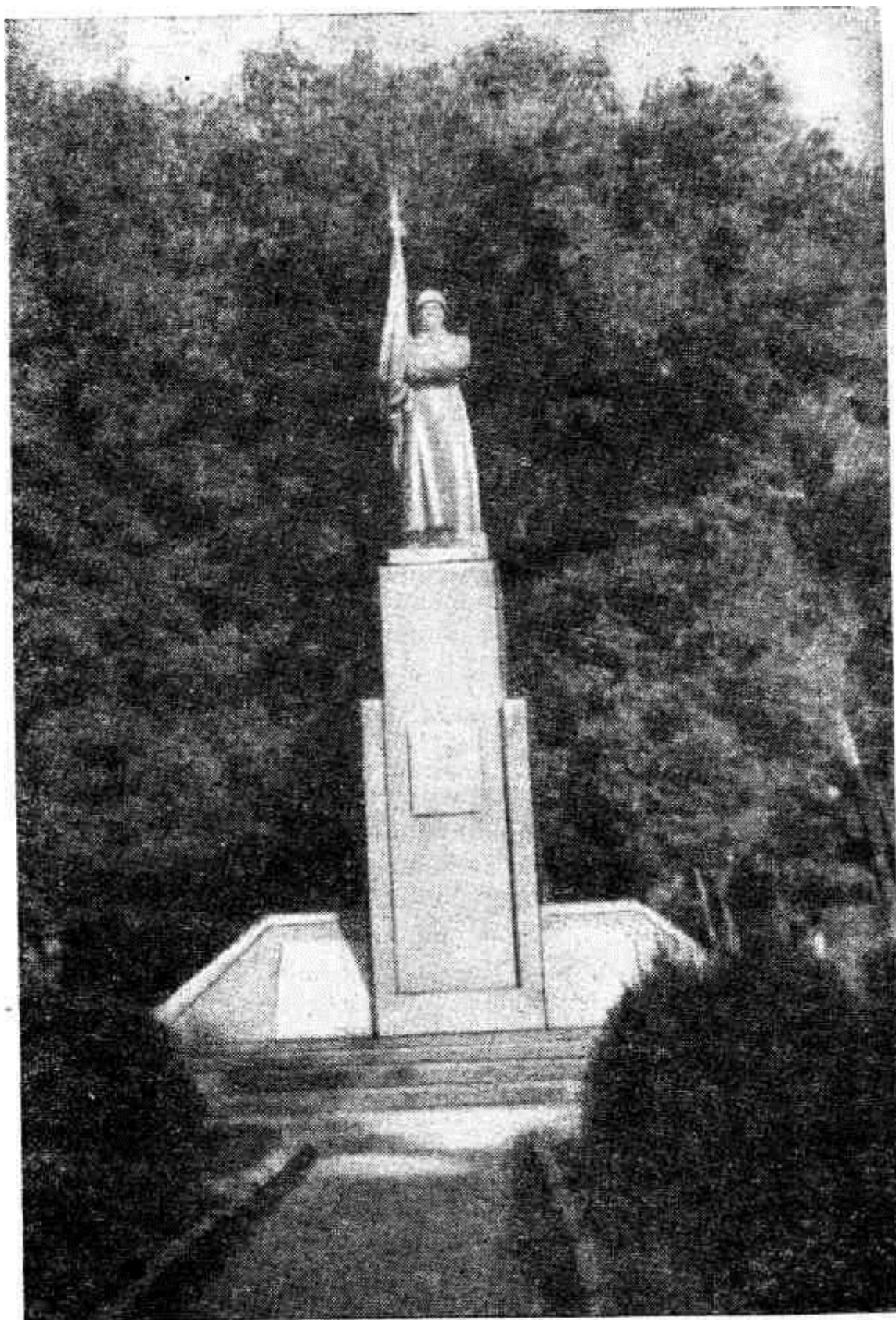
«Вперед, милиционер! Крепче винтовку! Выше красное знамя! — начертано на нем. — Победа трудового народа близка!»

Бойцы рабоче-крестьянской милиции шли на битву с теми, кто мешал становлению в молодой Казахской республике Советской власти. А таких еще немало было в начале двадцатых годов. Много милиционеров погибло во время ликвидации авантюры белогвардейца Сапожкова в Приуралье, бандитских шаек «зеленой армии». Длинен список павших героев. Одними из первых в нем записаны Федор Калашников и Терентий Телегуз — старшие милиционеры второго района Илекской уездной милиции Уральской губернии.

А. КОНДРАТСКИЙ, подполковник,

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант внутренней службы.

г. Уральск.



Чимкент. Памятник героям-коммунарам, погибшим в борьбе с басмачами в 1923—1930 годах.

И. Антипов

НЕ СКЛОНИВ ГОЛОВЫ

22 июля 1921 года начальник Главмилиции Киргизской АССР Найнамбетов издал приказ о поощрении милиционера Константина Галишева.

«За революционную дисциплину, знание своего дела, — писал он, — преданность власти и геройскую самоотверженность в борьбе с насильниками мирного трудового населения товарищу Галишеву от лица службы выражаю великую благодарность».

За что же удостоен милиционер Галишев этой «великой благодарности»? Другие документы, найденные в архиве, помогли ответить на этот вопрос. Вот что произошло в один из июльских дней 1921 года в поселке Новопокровском Уральской губернии.

* * *

Ранним утром, когда Константин Галишев поднялся на крыльцо губернской милиции, его назвал уставший от бессонницы дежурный.

— Товарищ Александров кликал, — сказал он. — Заходи разом к нему, Костя. Сказывают, в Новопокровском опять шалят бандиты.

Дежурный взял с подоконника закопченный чайник и, закрыв припухшие глаза, потянул через носок воду. Шумно передохнув, добавил:

— Третьего дня еще мужики жаловались...

Галишев поспешил к начальнику губрозыска. Сидевший за столом молодой русоволосый мужчина жестом указал на стул.

— Пришел, значит, — сказал начальник губрозыска. — А я тут с бумагами... С Покровского на конокрадов пишут... Придется ехать туда, товарищ Галишев. В помощь тебе назначаю агентов Мурзина и Фролова. Приедешь на место — досконально разберись во всем. Ну, в добрый путь! — и, поднявшись из-за стола, начальник губрозыска проводил Галишева до самого порога.

В Новопокровский приехали засветло. Остановились у инвалида войны Гречина, который отдал в распоряжение гостей одну комнату пятистенника. Неспроста же следователь из губрозыска пожаловал. Кругом свирепствуют конокрады, орудует жулье, мошенничают спекулянты.

Гречин помог милиционерам распрячь лошадей и, стреножив их, пустил на выгон.

Посоветовавшись с агентами, Галишев решил допросить «беглых» киргизов, которых подозревают в конокрадстве. Ему привели одного из них — уже пожилого, по виду нищего человека.

Войдя в избу, «беглый» достал табакерку и, постучав ею по задубевшей ладони, кинул за щеку насыбай. Допрос шел без переводчика.

Задержанный изредка бросал косые взгляды на висевший на боку у милиционера наган, но волнения своего не выдавал, отвечал на вопросы степенно.

Родом он был из города Иргиза. Всю жизнь батрачил у бая Талгамбета. А теперь, почуяв новую жизнь, ушел от своего «владыки». Так же поступили и другие аксакалы, оказавшиеся с ним в Новопокровском.

Допрос подходил к концу, как вдруг с улицы донесся конский топот. В избу вбежал бледный хозяин и, весь дрожа, сообщил, что в селе появились бандиты.

Отпустив задержанного, Галишев позвал агентов Мурзина и Фролова, но ему никто не отозвался.

Подбежав к окну, Галишев увидел, как двое бандитов, сидя на сытых, нетерпеливо кусавших удила конях, кричали на растерянных агентов, потрясая винтовками:

— Сказывай, где милиция?! Сам атаман Киселев требует...

Услышав имя главаря банды, Фролов и Мурзин совсем сникли. По их жестам Галишев догадался, что они называют себя людьми посторонними. Дескать, в избе осталась милиция. Следователь метнулся к другому окну, выходящему во двор, но и на той стороне были бандиты.

«Значит, в ловушке», — обожгла мысль. Вряд ли головорезы пощадят милиционера. В сердце закипела злоба на Мурзина и Фролова, трусливо отказавшихся от своего звания и бросивших товарища в тяжелую минуту. Надо как-то найти выход из создавшегося положения.

Что же делать? Из дома теперь не выбраться. Единственный выход — сражаться до последнего дыхания... Галишев расстегнул кобуру и вынул наган. В нем было пять патронов...

Со двора слышалась пьяная брань:

— Выходи, коль жизнь мила!..

Милиционер вжался в простенок. Со всех сторон загрели выстрелы. Враги наседали. Вот уже двое из них ворвались в сенцы... Галишев саданул ногой в дверь и в тот же миг выстрелил из нагана. Притаившийся в сенцах детина дико заорал, раненный в руку, и бросил винтовку. Милиционер подобрал ее и отступил в комнату.

Снова загрели выстрелы, полетели разбитые стекла. Следователь метнулся в соседнюю комнату... В окно лез бандит. Галишев бросился туда и огрел верзилу прикладом. Тот, охнув, вывалился за окно.

Получив отпор, бандиты приутихли. Галишева позвал из сеней знакомый голос Николая Гречина:

— Слышь, предлагают сдаваться... Иначе дом спалят. У меня же дети малые. По мирупустишь...

— Брешут, гады! Скажи им, что большевики не сдаются.

— Сам сгоришь и семью без крова оставишь, — слезно молил хозяин.

Сердце милиционера сжалось. На миг представил, как запылывает пятистенник Гречина, как его больная, исхудавшая жена будет биться в истерике... Ну а дети? Кто приютит такую ораву?

Милиционер решился: вышвырнул за окно винтовку, разрядил наган и пустил его следом. Вышел к бандитам безоружный.

— Стреляй, дьявольское отродье! — неистово крикнул Галишев и рванул на груди рубаху.

* * *

Бандиты не стали расстреливать Галишева в Новопокровском. Они раздели его до белья и повели в поселок Алексеевский, к атаману Киселеву. Все шестеро «победителей» ехали на резвых конях, а следователь бежал впереди. От усталости сильно кружилась голова. К тому же ныла рана. Там, в доме Гречина, он не почувствовал даже, как вражеская пуля задела лопатку. Теперь правое плечо сильно болело, а спина была липкой от крови. Вели его скошенными лугами, и колючая стерня больно ранила босые ноги.

Атаманское гнездо находилось на окраине села в старом купеческом доме. Ярый белогвардеец, ненавистник Советской власти с кучкой такого же, как и сам, отребья, скрывался от народного гнева, мстил большевикам. К тому времени его вконец потрепанная банда насчитывала не более двадцати человек.

Галишева со связанными руками втокнули в подвал. Пол в нем был земляной и холодный, разутые израненные ноги болели, хоть плачь. Милиционер, стиснув зубы, стал ждать своего конца.

Так прошло не более часа. Наконец дверь отворилась, и часовой грубо окликнул:

— Выходи!.. Атаман кличет...

Галишев очутился в большой светлой комнате. За столом уставленным бутылками, сидел крепкий, обросший щетиной мужчина и смачно дымил самокруткой.

Он приказал развязать Галишеву руки, налил стакан самогона.

— Держи! Перед пулей крепче стоять будешь...

Галишев отказался:

— Не из пугливых!..

— Э-э, да ты, видать, герой! Шкура! — выкрикнул Киселев и, грузно дернувшись из-за стола, кулаком сбил милиционера. В бешеной ярости выхватил пистолет, поставил Галишева к стенке и, не целясь, стал стрелять. Пули слева и справа ковыряли стену.

Расстрел отложили до утра. Галишеву сказали, чтобы подумал о своей молодой жизни. Если, мол, он дорожит ею, то пусть вступает в отряд атамана.

* * *

Константин Галишев не стал думать над тем, что ему предлагали. Лучше умереть от вражеской пули, чем затравленным волком скитаться по свету... Его снова бросили в темный, сырой подвал. Он повалился на пол и тут же уснул.

Проснулся в полночь. Большая и чистая луна глядела в окно, зашитое железными прутьями. Совсем рядом протопал часовой.

Милиционер подошел к окну. Днем он не обратил внимания на то, что оно было без стекол. Галишев потянул один из прутьев, и он легко поддался. Попробовал другой, третий... Окно опустело.

Пока не вернулся часовой, надо действовать. Здоровой рукой он оперся на скользкую от сырости нишу, просунул в окно голову и, сделав усилие, оказался на улице.

Осмотревшись, Галишев кошачьим шагом пробрался к затемненной от луны стороне дома и стал ждать. Неподалеку послышалось слабое покашливание. Тело сжалось в пружину. Исход схватки решит смелый, решительный бросок. Другого уже не будет...

Все дальнейшее произошло в считанные секунды. Галишев оглушил часового камнем, связал его, а в рот втиснул кляп.

Вооружившись, милиционер смело открыл дверь дома, прошел в атаманскую комнату. На полу была раскинута перина, в углу стояла заряженная винтовка, а на столе валялась полевая сумка. Киселева не было...

К вечеру того же дня милиционер Галишев прибыл в Уральск. С собой он принес две винтовки и ценные сведения о численности банды Киселева.

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Уральск.

Ю. Кузнецов, В. Садовников

ЛЮДИ ПОМНЯТ

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

о награждении Свиридова Н. Е. орденом Красной Звезды

За проявленное мужество и отвагу при задержании опасных преступников наградить милиционера Свиридова Николая Егоровича орденом Красной Звезды.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Б р е ж н е в.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Г е о р г а д з е.

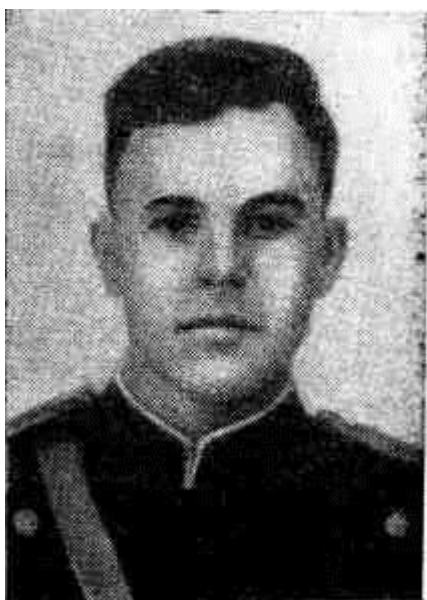
Москва, Кремль, 28 апреля 1962 г.

Поезда шли на целину. В вагонах не умолкали песни, слышались взрывы громкого хохота. Парней и девчат встречали древние ковыльные степи.

Целине требовались не только хлеборобы. Ей нужны были строители и бухгалтеры, врачи и повара, инженеры и парикмахеры, учителя и милиционеры. И целинники шли работать туда, где они были нужны.

Так и случилось, что двадцатитрехлетний воронежский комбайнер Николай Свиридов, приехавший в Кустанайскую область по комсомольской путевке, начал свою службу в милиции на небольшой станции Кушмурун.

Поселок маленький, всех жителей знаешь в лицо, однако служба беспокойная. Станция. Народ уезжает, приезжает. Николай и не подозревал, что первое время будет так нелегко. Но к военной дисциплине он привык еще в армии. Это помогло втянуться в строгий режим милицейской службы. Со временем все больше набирался опыта, а настойчивости ему было не занимать. Он четко и умело выполнял задания, ему поручали ответственные дела. А вскоре за добросовестную службу и инициативность ему досрочно присвоили звание сержанта.



Н. Е. Свиридов.

Первым поздравил Николая его сосед младший сержант Диденко. Вместе шли со службы домой. Они всегда ходили молча. Очень уж неразговорчивым был Николай. Сегодня такой день, а он идет себе спокойно, помалкивает. Диденко попытался растормошить его. Но он, как всегда, отвечал односложно. Однако Диденко давно дружил с Николаем и знал, чем того можно увлечь.

— Ну, как твой Юрка?

Николай мгновенно оживился.

— Понимаешь, жена положила его вчера на нашу кровать. Смотрит: спит. Отвернулась на три минуты за чем-то. Оглядывается, а его нет. Пеленки тут, а его не видно. Кинулась к

кровати, а он в уголочке лежит, ноги к потолку поднимает и улыбается. Как развернулся, как уполз — уму непостижимо...

Николай очень любил своих детей — двухлетнего Сашку и трехмесячного Юрку. Рассказывать о них мог сколько угодно. Но только своему другу Диденко. Когда Николай вспоминал разные истории, приключавшиеся с сыновьями, лицо его преображалось, твердые губы расплывались в ласковой улыбке.

Диденко всегда удивляла в Николае постоянная сдержанность, серьезность, с которой он делал любое, даже самое пустячное дело. И еще Николай никогда не говорил с ним о их дружбе — этого уж от него никогда не дождешься. Но зато каждый раз он поджидал Диденко, чтобы вместе идти на работу и с работы, старался вместе попасть в наряд.

В тот вечер Николай так и не дождался Диденко.

Уже час ночи, а его все нет. Николай всегда старался не задерживаться, знал, что если к половине второго не придет домой, Таня будет волноваться. Сдал дежурство, сыграл партию в шашки. Да, задерживается Диденко. Николай взглянул на часы — начало второго. Времени — как раз добраться домой.

Он шел по пустынной немощеной улице. В редких палисадниках уже начали осыпаться листья. Стоял август, но приближение осени чувствовалось, особенно сейчас, по-осеннему прохладной ночью. «Скоро дожди начнутся, — подумал Николай. — Ночи станут длинными.хлопот прибавится...»

Откуда-то со степи налетел ветер, сорвал несколько листьев с дерева.

Николай замедлил шаг. Вот и его домик. В окне свет. Не спит, ждет. Подошел к калитке, облокотился на штакетник. Прислушался. Сейчас должны петь первые петухи. Вот один уже подал голос где-то далеко, на другом краю поселка.

Николай обернулся, прислушиваясь. По другой стороне улицы торопливо прошли четверо. По тому, как они пробирались, стараясь держаться в тени домов и по тому, как они сгибались под тяжестью какой-то ноши, он понял, что дело тут нечисто. Четверо на минуту остановились, поговорили тихо о чем-то и двинулись в сторону железнодорожного полотна.

Николай неслышно отделился от-забора и двинулся следом. Оружия с собой не было. Он нащупал в кармане свисток. Вот и контрольная будка. Четверо спускались по железнодорожному откосу. Резкий свисток Николая пронзил тишину. Две фигуры мгновенно выпрямились. Глухо стукнули о землю мешки. Еще секунда — и, метнувшись в сторону, они исчезли. Двое продолжали идти в том же направлении. Сержант ускорил шаги, чтобы настичь их как раз между двумя складами. Но преследуемые вдруг повернули к нему навстречу. В следующее мгновение Николай понял причину их смелости. Сзади в проходе между складами подходили еще двое, те, что убежали. Николай ждал. И вдруг...

Обрез! Он заметил это сразу же, как только один из преступников, приблизившись вплотную, высвободил его из-под полы. Мгновенно левой рукой Николай рванул обрез в сторону, а правой нанес удар по заросшему черной щетиной подбородку. Сзади в сержанта вцепились двое. Резким движением он опрокинулся на спину, подмяв двух бандитов. Им не сразу удалось вырваться из сильных рук Николая. Тяжело дыша, они отскочили в сторону. В ту же секунду Николай был на ногах, он весь напряжился для новой схватки. Но ослепительное пламя обожгло грудь. «Еще обрез!» — понял Николай.

Бандиты стояли, ожидая, когда сержант рухнет от этого выстрела в упор. Но он вдруг качнулся и шагнул вперед, невероятным усилием рванул бандита к себе, бросил его на колени. Удар ножом, полученный уже из плотного черного мрака, потом второй, третий...

Шумят тонкие тополя на кушмурунской улице имени Николая Свиридова. Шагает по поселку пионерская дружина имени Николая Свиридова.

И каждый год в день героической смерти сержанта на его могиле собираются милиционеры отделения.

Звучат слова: «В память о тебе, наш боевой друг и товарищ, клянемся не жалеть сил, а если потребуется, то и самой жизни в борьбе с уголовной преступностью и нарушителями социалистического правопорядка, добиться того, чтобы все наши сотрудники являлись образцами добросовестного и безупречного исполнения этой присяги...»

Ю. КУЗНЕЦОВ, капитан милиции,

В. САДОВНИКОВ, журналист.

ст. Кушмурун.

А. Кондратский, Ю. Кузнецов

СМЕРТЬЮ ПОБЕДИВШИЙ

На правом берегу Иртыша, в ста километрах от Семипалатинска, раскинулось в три улицы село Долонь. Большое, красивое, утопающее в зелени — центральная усадьба крупнейшего в Прииртышье животноводческого совхоза со средней школой, Дворцом культуры, электростанцией, больницей, детскими садами и яслями, с десятками новых добротных изб механизаторов.

Богатое село: почти над каждой крышей возвышаются радио- и телеантенны, в окнах горит электрический свет, в палисадниках цветут розы и георгины, многие долонцы ездят на собственных велосипедах, мотоциклах, «Москвичах», «Волгах».

Такой стала ныне Долонь, бывшая казачья станица, входившая в кордон Иртышской линии сибирского казачьего войска. Многие десятилетия лихие долонцы верой и правдой служили русским царям, помогали им угнетать казахский народ. И даже после Великой Октябрьской революции они еще долго сопротивлялись Советской власти, добровольцами сражались в рядах колчаковцев, в банде Анненкова.

«Последними могиканами» долонской вольницы в 20-х годах были зажиточные казаки Евстигнеев, Шумилов, братья Пахомовы, Таганашевы, богатая казачка Смирнова. Они держали всю станицу в ежовых рукавицах, не считались с распоряжениями и постановлениями волисполкома, который возглавлял хотя и преданный Советской власти, но слабохарактерный и инертный человек — Николай Васильевич Зонов.

До самого 1924 года почти каждый день во все колокола звонила в Долони церковь; поп — выходец из семьи Евстигнеевых — в своих проповедях неизменно предавал анафеме большевиков. Гудел в кабаке пьяный люд, по-прежнему по степным полям и

пойменным лугам паслись тучные табуны дончаков, а по трактам мчались лихие тройки коней, принадлежавших кулакам.

Вот тогда-то в Долонь и приехал первый коммунист с мандатом Семипалатинского губкома партии большевиков, с полномочиями старшего милиционера, с заданием дать решительный бой антисоветчикам.

Это был Николай Васильевич Дикопольский.

Ныне живущая в Долони Мария Матвеевна Кравченко о приезде его в станицу вспоминает так:

— Я тогда в волисполкоме полы мыла и нянчилась о детишками председателя Николая Васильевича Зонова, И вот... Не то в самый покров, дай бог памяти, не то после и появился к нам молодой парень. Глаза большущие, карие! Из-под форменной фуражки темно-русый чуб выбивается. Росту вроде бы небольшого, но плечи были широченные, а грудь так и выпячивал колесом... Этакий бойкий, разговорчивый, так и сыплет, так сыплет словами: «Почему в комитете пусто?», «Почему кулаки верховодят...», почему, почему...

О себе он рассказывал скупно, сдержанно. Родился в городе Чистополье Казанской губернии, успел закончить только три класса приходской школы, потом уже при Советской власти был слушателем курсов рабоче-крестьянской милиции. Служил на Балтийском флоте, бил колчаковцев в Сибири, является членом партии большевиков...

Прочитав мандат уполномоченного, председатель станичного совета Зонов почесал затылок и растерянно пробормотал:

— Где же, браток, тебя поселить?

Минут пять помолчал и наконец решился!

— Пойдем-ка, дружище, к Евстигнееву Николаю. Казак он справный, дом имеет просторный, а семья небольшая. Там тебе будет удобно и спокойно...

Откуда было знать моряку с Балтики атамана долонской вольницы Евстигнеева и его «теплый» дом? Поверил председателю исполкома, пошел за ним на новоселье.

Первая встреча молодежи с будущим комсомольским вожаком состоялась на берегу Иртыша. Он как-то удивительно просто и понятно рассказывал о Петрограде, о том, как совершилась революция, о Ленине, о встрече с ним... Говорил, что стоял в карауле возле Смольного и видел Ильича близко, слышал его голос.

Поведал тогда бывший балтиец долонцам ленинскую правду о Советской власти, о ее будущем. Рассказал и о себе, не скрыл, зачем сюда приехал:

— Приближаются выборы в Советы рабочих и крестьянских депутатов. Все будем голосовать... Кроме кулаков, богатеев. Будут лишены этого права и некоторые ваши станичники.

— Такое смелое заявление, — рассказывает Мария Матвеевна, — пришлось, прямо скажу, некоторым присутствующим не по вкусу. Со мной рядом стояла Надька Смирнова, вдова-богачка. Муж ее воевал сотником у колчаковцев. Надьке кто-то в память о покойном

мужике его колчаковскую фуражку привез. Так она ее в первом углу горницы повесила и как на икону молилась. С тех пор лютую злобу затаила, самогонку каждый день лакает, своих батрачек кнутом сечет. Так вот, когда милиционер рассказывал о себе, как, сражаясь в рядах красноармейцев, беспощадно саблей рубал колчаковцев, Надька Смирнова от злости не выдержала и заорала: «Будь ты проклят!»

Проклятиями встретила Николая Дикопольского в станице Долонь не только вдова убитого сотника-колчаковца, но и другие богатеи. Тем более, что вскоре от слов он перешел к конкретным делам по упрочению Советской власти в станице.

Прежде всего он создал и оформил в станице партийную ячейку. Коммунисты единогласно избрали его секретарем. Затем помог молодежи организовать комсомольскую ячейку. Комсомольцы единогласно избрали его своим вожаком.

Вокруг партийной и комсомольской ячеек начал сколачиваться надежный и верный актив из казаков — бедняков и середняков, а вскоре Николай Васильевич Дикопольский созвал и общий сход всех станичников. На повестку дня его вынес самый злободневный в то время вопрос: об организации комбеда и товарищества по совместной обработке земли.

До сих пор многие старожилы Долони помнят этот сход.

— А где землю для своего товарищества возьмешь? — спрашивал в упор Евстигнеев.

— Лишек заберем и у тебя, — смело отвечал Дикопольский.

— А на чем пахать будете — баб в плуги запряжете, что ли? — орал на сходке старший Шумилов.

— Твои табуны дончаков придется сократить, — спокойно отвечал ему Дикопольский.

— Советская власть, новая экономическая политика не позволят вам насильничать, — в один голос гудели братья Пахомовы.

Но сход абсолютным большинством постановил создать комбед, начать организацию товарищества по совместной обработке земли. Беднота вереницей потянулась к столу, за которым Николай Дикопольский составлял список желающих добровольно записаться в первый коллектив...

Второе серьезное столкновение Николая Дикопольского с кулаками произошло, когда волисполком принял решение собрать с Евстигнеева, Шумилова и других богачей повышенное обложение. Тут Дикопольский выступал уже в роли милиционера, потому что такие, как Смирнова, братья Пахомовы орали на всю станицу:

— Не дадим ни копейки. Пусть попробуют силой взять!

С такими у милиционера Дикопольского свой разговор был. Вызывал их в Совет, говорил резонно:

— Берем деньги не к себе в карман, а на постройку моста, на ремонт дороги, на проводку в станицу телеграфа.

— Так это же мои деньги — хочу дам, хочу нет, — перебивал младший Пахомов. — Мы пот проливали, зарабатывали копейку и — вот те на, отдай ни за понюх табаку!

— Пот проливали на вас батраки. Вот на их благо и будут пущены эти деньги, — повелительно заключил Дикопольский и установил точный срок, когда надо внести деньги в кассу исполкома.

И вносили.

Особенно настойчиво и горячо действовал большевик Николай Дикопольский в ликвидации змеиного гнезда антисоветчиков, которое свил в церкви поп. Батюшка не только в проповедях предавал анафеме большевиков, но и сколотил вокруг себя хулиганскую шайку и с ее помощью пытался поджечь здание волисполкома, запугать некоторых комбедовцев. Однако милиционер Дикопольский был начеку. Хулиганы были пойманы на месте преступления и с головой выдали попа. Состоялся суд, который превратился в собрание всех станичников. И это собрание решило:

«Колокола с церкви снять, иконы выбросить и сделать в церкви народный дом. Заведующим народным домом на общественных началах поставить Николая Дикопольского».

Нет, не ошиблись долонцы, назначив заведующим клубом балтийского моряка. Скоро бывшая церковь стала настоящим культурным центром в станице. Здесь почти ежедневно собиралось много людей, чтобы послушать интересные лекции на антирелигиозные темы, о международном и внутреннем положении; из Семипалатинска стали наведываться артисты с концертами и спектаклями, оживилась клубная работа в селе.

Сам Николай был замечательный танцор. Поэтому молодежь часто устраивала вечера танцев и песни; впервые в истории Долони был создан драмкружок из самодельных артистов, открылся ликбез для неграмотных и вечерняя начальная школа.

— Бывало, — вспоминает Мария Матвеевна, — соберемся в нашем нардоме, разойдемся в танцах да плясках, а Николай вдруг гармонисту команду: «Хватит, браток, «Барыню» жарить. Так всю жизнь проплясать можно. Надо, друзья, и за учебу браться. Памятуйте: ученье — свет, а неученье — тьма». И мы учились — читали книги, писали. На стене висела большая черная доска, на ней задачи решали. Николай был строгим и требовательным учителем.

...Шел к концу 1925 год. Уборочная страда в Долони была дружная. Станичники, даже бедняки, собрали неплохой урожай хлеба. Но на государственные заготовительные пункты его из Долони поступило очень мало.

Тогда, согласно решению волисполкома, милиционер разнес по домам Ильи Шумилова, Петра и Романа Пахомовых, братьев Таганашевых и других богатеев извещения на увеличенную сдачу хлеба государству.

— Нет у нас лишнего хлеба, — от имени всех кулаков заявил Евстигнеев и даже демонстративно открывал крышки пустых ларей.

Дикопольский точно знал, что кулаки решили саботировать хлебосдачу, спрятали пшеницу в тайники.

— Найдем — хуже будет, — предупредил Евстигнеева милиционер.

Предупредил и задумался над тем, как найти кулацкие тайники с хлебом. Стал строить планы этого поиска.

В конце декабря в соответствии с Конституцией и Положением о выборах в Советы Долонский волисполком создал избирательную комиссию. Председателем ее был избран Николай Дикопольский. На одном из своих первых заседаний избирательная комиссия постановила: лишить кулаков права участия в выборах; списки лишенцев были вывешены на видных местах.

...Коротки зимние дни, да долги ночи. Спит станица в ночной мгле, да не вся: ярко горит керосиновая десятилинейная лампа в окне волисполкома, что стоит напротив нардома, пробиваются лучи света лампы-молнии меж ставнями пятистенного дома Надьки Смирновой. В волисполкоме Николай Дикопольский со своими товарищами обсуждает важный вопрос: как организованно провести избирательную кампанию. А в доме Надьки кулаки ядовито шепчутся, как сорвать выборы.

— Надо обойти каждый двор, каждую хату, разъяснить избирателям их права, — напутствует членов избирательной комиссии Дикопольский.

— Дожились, станишники, — бурчит Николай Евстигнеев. — Дыхнуть не дает Советская власть.

— А все он, твой квартирант-заводи́ла, — вставляет Илья Шумилов.

В ту январскую ночь заседание избирательной комиссии под председательством Николая Дикопольского решило: «В двухнедельный срок закончить составление и уточнение списков избирателей». А сборище кулаков в ту ночь решило покончить с Николаем Дикопольским.

12 января 1926 года Дикопольский весь день был занят горячей работой. Как секретарь партийной ячейки, инструктировал агитаторов и провожал их по дворам избирателей для разъяснения советской Конституции и избирательного закона. Как милиционер, с помощью активистов вел поиски кулацких тайников со спрятанным хлебом. Такой тайник, в частности, нашел во дворе одного из братьев Таганашевых. Саботажник вырыл в овчарне огромную яму и прямо в сырую землю засыпал 500 пудов пшеницы. Решил лучше сгноить хлеб, чем продать государству! Хлеб у кулака конфисковали полностью. Как секретарь комсомольской ячейки, Дикопольский собирался провести вечер отдыха молодежи в нардоме.

...Опускались сумерки над станицей. Освободившись от дел, Николай зашел в свою комнату (он по-прежнему жил в доме Евстигнеева) поужинать и переодеться. Присел на скамейку, вытянув уставшие ноги.

— Может быть, в баньку сходишь? — сладко улыбаясь, предложил Николаю хозяин дома. — Чай, давненько не парился?

— А что ж? Это можно.

Пока Николай мылся да парился в бане, Евстигнеев проворно вытащил из оставленной на скамейке кобуры наган, вынул все патроны из барабана, а револьвер с кобурой положил на прежнее место.

Из бани Николай вышел довольный, быстро надел форму, натянул сапоги, опоясался ремнем с наганом, накиннул полушубок и направился к народному дому, где уже собиралась молодежь.

— Тот вечер удался на славу, — вспоминает Мария Матвеевна Кравченко. — Николай провел интересную беседу с молодежью о предстоящих выборах, а потом мы долго танцевали. Он танцевал со мной в паре, вместе мы и домой пошли...

Распрощавшись с девушкой, Николай спокойно зашагал по переулку. Но не сделал и ста шагов, как из-за плетня справа и слева выросли в ночной мгле фигуры мужиков.

— Что вам от меня нужно, эй вы, тени? — не робея, спросил Николай.

— Ты, ты, голубчик, нужен нам, — ехидно пробасила одна из фигур и решительно двинулась на Дикопольского.

Еще секунда — и Николая плотным кольцом окружили братья Пахомовы, Евстигнеев, Шумилов и другие кулаки.

— Не подходи, стрелять буду! — крикнул Николай, нащупывая в кобуре пустой наган.

— Ха-ха-ха! — истерически засмеялся Евстигнеев и быком стал надвигаться на Николая.

— Св... — не успел сказать Дикопольский, как рухнул в снег от удара по голове дубиной. Удар нанес старший Пахомов.

У Дикопольского все-таки хватило сил подняться на ноги и даже вцепиться Евстигнееву в горло. Но силы были неравные. Озверев, кулаки гурьбой навалились на балтийца, смяли его, долго били и топтали уже бездыханное тело.

Бандиты пытались замести следы. Труп Дикопольского решили отнести на окраину села, закопать в снежный сугроб, и тихо разойтись по домам.

Но тихо не вышло.

— Я словно сердцем чуяла беду, — смахивая с глаз набежавшие слезы, вспоминает Мария Матвеевна. — Нет, я тогда не легла спать. Минут через пять вышла на улицу и услышала выкрики, возню, удары. Мигом метнулась к волисполкому.

Дежурный сразу же поднял на ноги группу активистов, и убийцы были задержаны.

Враги Советской власти получили по заслугам: суд приговорил их к расстрелу.

* * *

Много врагов — внешних и внутренних — разгромил наш народ. И никогда не забудут советские люди тех, кто не щадя жизни боролся за Советскую власть. Хранят и долонцы светлую память о милиционере-коммунисте, первом полпреде Советской власти в их селе — Николае Васильевиче Дикопольском. Главная улица в селе названа его именем. Именем первого милиционера названа и средняя школа. В центре села раскинулся парк, посаженный в честь отважного милиционера.

На площади напротив Дворца культуры сегодня сооружается обелиск из розового гранита. На нем будет выбита надпись:

Милиционеру-коммунисту

Николаю Васильевичу Дикопольскому,

павшему от рук бандитов

на боевом посту в январе 1926 года.

А на гранитном постаменте — строфа из народной песни о чекистах:

Ты с нами жив, чтоб снова сердцем чистым
К врагам народа ненависть будить.
Ты показал, что значит быть чекистом,
Как даже смертью можно победить.

А. КОНДРАТСКИЙ, подполковник,

Ю. КУЗНЕЦОВ, капитан милиции.

с. Долонь Семипалатинской области.

А. Штульберг

МГНОВЕНИЕ

Жили они в разных городах и раньше никогда не встречались. Но вот однажды встретились. Встретились, как враги, и было в этой встрече одно мгновение, которое запомнилось навсегда.

Борис Никитин и Игорь Четинцев — одноклассники. Как у ровесников, у них в жизни поначалу было много общего. В один и тот же год пошли в школу, учились по одним и тем же учебникам, читали Гайдара и Фадеева, Шолохова и Маяковского. Наступило время — надели солдатские шинели, научились держать в руках оружие. Возмужали. А потом демобилизация, и планы на будущее, и мечты — словом, все, что бывает у молодых людей в такие переходные моменты.

После службы в армии Игорь Четинцев учился в институте, получил высшее образование, приступил к интересной работе. Его заметили...

Скромнее начинал Борис Никитин. Случилось так: вернувшись после демобилизации домой, в первые же дни, не снимая военной формы, он пошел в райком комсомола, чтобы встать на учет. Там разговорились. Работники райкома сказали: нужны толковые ребята в милицию. И Борис сменил военную форму на милицмейскую, оставшись, по существу, тем же солдатом на посту.

Пока что Борис и Игорь шли прямой дорогой. А потом один из них свернул в сторону, потянула его легкая разгульная жизнь, и, оказавшись человеком не очень твердых правил, он опускался все ниже и ниже.

Наступил день — их пути пересеклись.

...Третий день нет денег на водку. Злой и издерганный, с утра шатался Четинцев по городу, а под вечер пришел к проходной. Шахтеры, поднявшись из забоя, расходились по

домам. Игоря здесь знали. Кое-кто приветствовал его, но он держался отчужденно, стоял в стороне и с неприязнью наблюдал, как растекается рабочий люд по улицам. Лица шахтеров, усталые и спокойные, веселые и озабоченные, вызывали у него раздражение.

Он прислонился к столбу, закурил дешевую, непривычную сигарету, размышляя, у кого бы из знакомых перехватить спасительную трешку.

В проводах надрывно гудел ветер. «Занесло меня в эту дыру...» — чертыхнулся Четинцев, угрюмо глядя по сторонам. Все ему здесь не нравилось сейчас: ни люди, ни город. Даже погода. Чувство одиночества росло, теснило грудь, и ему вдруг стало жалко самого себя. Неожиданно чья-то тяжелая рука легла на плечо. Четинцев вздрогнул, оглянулся. Перед ним стоял Митрич — старый шахтер.

В упор, строго он спросил Четинцева:

— Достукался? Выгнали?

Игорь криво усмехнулся, сплюнул в подернутую апрельским ледком лужу изжеванный окурок. Промолчал настороженно.

— Что делать теперь будешь? Докатился до грузчика и то не удержался...

Опять кривая усмешка.

— Дел много. Найду... дело. — Игорь снова закурил. — А ты не глумись, Митрич, не радуйся...

— Я не радуюсь. Жалею.

Игорь через силу хохотнул:

— Если жалеешь, выручи. Дай четвертную.

Шахтер извлек из кармана надорванную пачку «Беломора», чиркнул спичкой.

— Сейчас денег не дам. Не жалко, а не дам. Пропьешь. — Митрич пристально посмотрел на Игоря. — Знаешь, парень, приходи к вечеру ко мне. Чего прочего не будет, а пельмени моя старуха добрые стряпает. Подумаем, поговорим. Может, что и надумаем?

Схлынул людской поток. Пусто стало у ворот шахты. Игорь безучастно смотрел в сторону.

— Ладно. Приду... попозже.

«Мораль читает, старый хрен. Подумаем, поговорим. Я уже решил — советчиков не надо».

А Митрич не унимался. Глядя в упор, опять грубо спросил:

— Слышал, дружка твоего, Витьку Воробьева, тоже вытурили? Допрогуливались... Водка — она добру не научит. — И помягче: — Так ты смотри, приходи.

Грузно ступая, шахтер пошел прочь, обходя лужи. Жалел, видать, сапоги. Четинцев презрительно поглядел ему вслед. Подождал, пока сутулая фигура скроется за углом. «Пельмени...» — усмехнулся он и зашагал в город.

Воробьев — вот кто ему сейчас нужен. Витька найдет еще одного, он местный, знает отпетых... А потом обоих по боку.

Витьку встретил у пивной: у того были деньги. Распили бутылку «Московской», долго шептались. Договорились...

На другой день около пяти часов в городскую сберегательную кассу вошли двое. Третий остался на улице, на углу, настороженно и неумело оглядываясь по сторонам.

В помещении, никого, лишь за перегородкой кассир Чукина приводит в порядок документы. Скоро закрывать. Четинцев рывком перемахнул через барьер, приставил к горлу женщины нож — рраз! — и тихо! Он все взвесил, предусмотрел. Казалось, промаха не должно быть. Не учел одного: не все дрожат, как он, за свою шкуру.

Чукина отпрянула, закричала, стала отчаянно сопротивляться. Широкая ладонь зажала ей рот, тяжелый удар оборвал крик.

Четинцев орудовал уверенно. Открыл сейф — деньги за пазуху. Воробьев потянулся было за наганом — Четинцев ударил его по руке: сопляк, стрелять не умеешь.

Взял оружие, порылся в сейфе, нашел коробку с патронами.

— Ходу!

Но крик кассира услышали шахтеры Андрей Полищук и Михаил Мамонов. Заметили убегающих. Несчастье?!

Пришедшая в себя Чукина коротко рассказала о происшествии. Предупредила: у них наган! Полищук и Мамонов пустились в погоню.

Шофер Николай Сухарев грузил дрова. С полуслова понял: нужна подмога. Не раздумывая, включил зажигание.

Машина нагнала преступников на самой окраине города. Дальше степь.

Четинцев приостановился. Прикинул — уйти не удастся. Вскинул наган. Выстрелил. Машина притормозила.

Налетчики бежали дальше, но наперерез им уже спешил человек в милицейской форме — командир отделения Саранского городского отдела милиции Борис Никитин. Он услышал выстрелы, увидел бегущих людей и сразу оценил обстановку.

— Стой! — крикнул он.

Четинцев остановился, опять поднял револьвер. Сухо щелкнул выстрел — у ног Никитина взметнулась струйка земли.

Борис приближался, зорко следя за каждым движением преступников. По всему видно: тот, что с оружием, сдаваться не собирался. Хрустнули за пазухой деньги. В ладони —

рубчатая рукоятка нагана. Отчаяние и злоба туманили голову. Положив ствол револьвера на левую руку и целясь, он пошел навстречу милиционеру. Расстояние быстро сокращалось.

— Бросай оружие, — приказал Борис, схватившись за кобуру, и пошел навстречу чернеющему дулу револьвера.

— Руки вверх! — скомандовал он еще раз, держась за кобуру, и такая сила, такая уверенность послышалась в его голосе, что рука преступника дрогнула.

«Не уйти» — сжалось тоскливо сердце. Четинцев затравленно оглянулся, увидел трясущегося, с поднятыми руками Воробьева. Третий сбежал еще раньше. — Все... Четинцев швырнул к ногам милиционера оружие. Поднял руки.

...Их разделяли считанные шаги. На долю секунды скрестились взгляды. В глазах Четинцева трепетал страх.

Когда преступники были обезврежены, Борис Никитин, унимая нервную дрожь, облегченно вздохнул. Еще не веря, что все кончилось, молча ощупал пустую кобуру.

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант внутренней службы.

г. Сарань.

Ю. Кузнецов, А. Шаульский

УЛИЦА КОЖАХМЕТОВА

Р е ш е н и е

исполкома Целиноградского городского Совета депутатов трудящихся

...Улицу Болотную переименовать в улицу Кожухметова.

***И. О. председателя исполкома городского Совета депутатов трудящихся
В. В. В е л и к а н о в.***

Секретарь исполкома городского Совета депутатов трудящихся Ф. И с а н г у л о в а.

12 февраля 1965 г.

Человек, именем которого названа улица... Человек, совершивший то, что люди зовут подвигом. Нет, не был он батыром. Ничего необыкновенного, героического не было в его облике. Невысокого роста, коренастый человек с простым и открытым лицом. И биография его была проста и повторяла десятки других. Рабочий парень, токарь. После армии пришел в милицию. Учился, мечтал стать офицером...

Что же, так-таки ничего в его характере, в его биографии не предвещало этих минут подвига, что сделали известным его имя? Нет, это не так. В скромных, будничных поступках милиционера Кожухметова порой приоткрывалась сталь его характера и основа его — живая, горячая любовь к людям.

Нурмухамбет женился вскоре после того, как вернулся из армии. Они очень любили друг друга. Но их любви пришлось выдержать суровое испытание. Через несколько месяцев после замужества Соня тяжело заболела и надолго слегла. Все время, оставшееся после службы, он проводил у постели больной жены. Мыл полы, стирал белье, готовил обеды, а когда кончал с хозяйственными делами, садился к кровати Сони и читал ей вслух. Неизвестно было, как повернется болезнь, на молодую женщину находили порой приступы хандры, и тогда Соня говорила мужу, что напрасно он губит свою молодость, что она не хочет быть ему обузой и не нуждается в жалости... И Нурмухамбет успокаивал ее, говорил, что дело вовсе не в жалости, а в любви, в одной любви. И врачи серьезно утверждали: в том, что пришло выздоровление, не последнюю роль сыграли эти слова.



Н. Кожухметов.

Это дома, в семье. Но таким он был и на службе. Недаром товарищи, пытаясь определить главную черту характера Кожухметова, часто повторяют слово «человечность». Много пришлось Нурмухамбету повозиться с Виктором Н., рабочим СУ-4. Сколько раз беседовал милиционер с хулиганистым пареньком, сколько сил приложил он, чтобы повернуть душу парня к хорошему. И повернул!

Да никогда и не делил Кожухметов свою жизнь на «домашнюю» и «служебную». Свой долг защитника людей, защитника порядка он одинаково помнил и тогда, когда был в милицейской форме, и тогда, когда снимал ее.

Дождливым летним вечером семья Нурмухамбета сидела у самовара. С улицы донесся женский крик: «Грабят!» Кожухметов выбежал на улицу, смело вступил в неравную схватку с двумя грабителями и спас девушку...

...Проходил областной фестиваль молодежи. Нурмухамбет и Соня побывали в фестивальной городке, погуляли в парке. Когда возвращались домой, на мосту через Ишим произошло несчастье: под тяжестью людского потока рухнул пролет. В сплошном гоме ничего нельзя было разобрать. Люди падали в воду. Упала и Соня. Мелькнуло ее яркое платье.

Нурмухамбет прыгнул в реку, схватил жену за руку и поплыл к берегу. Соня не умела плавать. Одежда тянула вниз. Казалось, что силам приходит конец. Но вот под ногами дно. Он остановился, перевел дыхание, и бросился на берег, стал рвать шнурки ботинок, сбрасывать одежду.

— Ты куда? — спросила жена.

— Надо спасти людей.

Русоволосая девочка барахталась в воде. Нурмухамбет спас ее.

— Родненький, помогите, помогите! Мой мальчик гибнет! — кричала какая-то женщина.

И снова Нурмухамбет бросился в реку.

Не одного ребенка спас от смерти милиционер. И, возможно, не все родители спасенных знали, кому они обязаны жизнью своих детей.

Да разве перечислишь все происшествия, в которые приходилось вмешиваться ему, зачастую рискуя жизнью.

Этот день начался так же, как многие другие. Нурмухамбет встал, как обычно, в семь утра, взял со стула одежду и, осторожно ступая, чтобы не разбудить жену, прошел в кухню. Оделся, потом занялся хозяйственными делами. В полдень читал Соне роман Вилиса Лациса «К новому берегу».

В пятом часу Нурмухамбет стоял на автобусной остановке и нетерпеливо поглядывал на часы: сегодня особенно ответственное дежурство, надо быстрее попасть в клуб завода «Казахсельмаш». Подошел автобус. Только Кожаметов хотел войти в открывшуюся дверь, как услышал взволнованный женский голос:

— Около универмага дерутся! Смотреть страшно!

Нурмухамбет бросился к магазину. Какой-то тип избивал кастетом молодого парня. Парень еле держался на ногах. Белое, как мел, лицо заливала кровь. Собралась большая толпа, но вмешиваться в драку никто не решался — бандит часто оборачивался и кричал:

— Не подходи, убью!

Нурмухамбет узнал Могушкова — известного милиции вора-рецидивиста. Это был преступник, которого нелегко было задержать даже группе милиционеров. А сейчас он вооружен, пьян и не остановится ни перед чем. Может, сбегать за нарядом милиции? Но ведь преступник успеет забить свою жертву до смерти. Нужно брать его немедленно. Нурмухамбет решительно направился к Могушкову.

— Не подходи! — рявкнул Могушков, замахиваясь на милиционера.

Нурмухамбет отклонился в сторону от удара, а в следующее мгновение повис на руке преступника, сжимавшей кастет. Напряг мускулы, рванул на себя Могушкова и одновременно ударом под колено свалил его на землю. Потом заломил ему за спину сначала одну, затем другую руку и своим ремнем крепко связал их.

Из толпы вывернулся долговязый субъект в сером костюме.

— А ну, отпусти человека, — нагло сказал он. Правую руку он держал в кармане. Не было никакого сомнения в том, что это один из шайки Могушкова.

— Немедленно отойдите прочь!

— Нет, ты его отпусти!

Кожухметов вспомнил, где он видел это узкое лицо, этот покатый дегенеративный лоб. Нет сомнения, он знает этого человека, хотя, кажется, и не встречался с ним.

— А-а!..

Хлынул поток грязной ругани. Кожухметов не спускал взгляда с рук длинного субъекта и вдруг вспомнил. Фотокарточка! Его фамилия Алмагачиев! Объявлен его розыск. В Караганде он изнасиловал девочку и зверски убил ее.

— Милиция! — радостно крикнул кто-то.

Милиционеры Кутжанов и Кунакпаев уже были рядом. Они подняли и положили в кузов автомобиля связанного Могушкова. Алмагачиев сказал:

— Меня держать нечего. Я сам с вами поеду как свидетель. Еще узнаете, как честных людей вязать, — и тоже прыгнул в кузов.

Нурмухамбет и Кунакпаев склонились над Могушковым, продолжавшим буйствовать. Кутжанов объяснял шоферу, куда ехать. Вдруг Нурмухамбет вскрикнул — острая боль обожгла тело, будто кто-то вонзил в сердце длинные когти и раздирал его. Последним усилием повернулся. В руке преступника нож. Он тускло блестит и кажется огромным. На нем кровь. Его, Нурмухамбета, кровь. Сейчас бандит ударит Кутжанова, который стоит к нему спиной. И уже где-то за пределами сил, уже ничего не видя, деревенеющей рукой вырвал Кожухметов револьвер и нажал спуск. Выстрела уже не слышал, но сквозь пелену боли, обволакивающую все тело, прорвался последний крик убийцы...

Человек, совершивший подвиг... Человек, именем которого названа улица... Он был добрым. Он был человеческим. Он, комсомолец, мечтал стать коммунистом и доказал, что был достоин высокого звания.

Ю. КУЗНЕЦОВ, капитан милиции,

А. ШАУЛЬСКИЙ, журналист.

г. Целиноград.

ВETERАНЫ МИЛИЦИИ ВСПОМИНАЮТ

За милицейской службой и милиционерами я наблюдаю давно и убедился, что они действительно являются друзьями народа; они вложили всю душу в святое дело защиты обиженных.

А. М. Горький.



ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

(Из воспоминаний Ф. И. Калюты, члена КПСС с 1920 г.)

Сын донецкого шахтера Филипп Иванович Калюта — активный участник Октябрьской революции. После установления Советской власти в центре России он отправился в Атбасарский уезд, куда к тому времени переехала его семья. Вместе с большевиками Ф. И. Калюта принимал участие в создании первых совдепов, а в период колчаковщины и гражданской войны был одним из организаторов партизанского движения в акмолинских степях. Все последующие годы он работал в органах ВЧК и милиции, находился на партийной и советской работе.



...Над степями Северного Казахстана полыхало пламя гражданской войны. В селах и аулах свирепствовали белогвардейские банды Колчака. Опираясь на зажиточное казачество и кулаков, местных баев и алаш-ордынцев, они устраивали в селениях повальные порки и расстрелы, вешали тысячи людей, не желавших подчиняться старым порядкам и служить в белой армии.

Учиня кровавые расправы, колчаковцы хотели запугать население, склонить его на свою сторону, всеми силами отстоять старую власть. Но злодеяния белогвардейцев вызвали в народе лишь озлобление и гнев. Трудовой люд поднимался на борьбу за свободу и независимость. В деревнях создавались партизанские отряды.



Ф. И. Калюта среди первых комсомольцев республики. Слева направо: М. В. Оринич, член КПСС с 1920 года, К. А. Гадиев, член КПСС с 1924 года, А. И. Ворожеева, член КПСС с 1921 года, М. Ж. Жунусов, член КПСС с 1926 года и С. Темирбекова.

Руководители партизанского движения тайно созывали на собрания бедноту, фронтовиков, а также и молодежь, укрывавшуюся от мобилизации в колчаковскую армию. Помню одно такое собрание.

Стояла суровая сибирская зима. Деревня Каскатау потонула в сугробах снега.

— Вечером в хату Бельтюкова... — передавали по домам надежные люди.

Когда стемнело, в доме плотника Бельтюкова собрались партизаны нашего отряда. Их было 17. Хозяин хаты открыл собрание и предоставил слово мне.

— Товарищи, партизанские отряды действуют, — сказал я. — Земля горит под белобандитами. Но у нас мало оружия, мало людей. Надо, чтобы ни один человек из села не шел к Колчаку, а помогал нам. Надо, чтобы у каждого было оружие. Будем подрывать Колчаку тыл, соединимся с Красной Армией, а там — победа!

Единодушно решили собрать и передать партизанам оружие, патроны, лошадей, сбрую. В отряд записалось еще 29 человек. Жители деревни искренне сочувствовали нам. Люди эти не признавали колчаковской власти, отказывались платить налоги. Вскоре село Каскатау полностью стало партизанским.

Наш отряд, расположившись в окрестных сопках и лесах, внезапно напал на колчаковские банды, тревожил обозы и мелкие части, двигавшиеся к Атбасару. Хорошо помню, как разгромили карательный отряд в Веденевке, забрали в плен трех офицеров и захватили богатые трофеи.

Партизанское движение разрасталось. Вскоре мы слышали о знаменитом восстании крестьян в селе Марьиновке, о действиях партизанских отрядов в Акмолинском, Кокчетавском и Петропавловском уездах.

Белогвардейцы усилили террор: в крови были потоплены восставшие крестьяне Марьиновки.

От зверской руки карателей погиб в те дни пламенный революционер Адильбек Майкотов. До революции он работал в Атбасаре медицинским фельдшером. Его знала и любила вся казахская и русская беднота. Майкотов являлся первым организатором Советской власти в уезде. Белобандиты давно охотились за ним. Но Адильбеку удавалось скрываться и вести энергичную революционную работу среди крестьянства. Однако уберечься он не смог. По доносу предателей его схватили в Атбасаре и вскоре казнили.

Но как бы ни зверствовали колчаковцы и их ставленники, они не в силах были потушить огонь народного гнева. Крестьянские восстания усиливались, нарастали. Партизаны подрывали тыл белогвардейцев, приближая желанный час победы.

И вот наступила осень 1919 года. В села и аулы вступили части полка имени Степана Разина 5-й Красной Армии. В уезде начала устанавливаться Советская власть. Военный комиссар полка Николай Денисович Веденеев (впоследствии генерал Советской Армии) и

политрук Точин остались в Атбасаре, чтобы помочь создать ревкомы и местные органы управления. Началась кропотливая и сложная работа.

Веденеев происходил из рабочих Джетыгаринских золотых приисков. Это был прекрасный организатор, энергичный и решительный человек. Возглавив Атбасарский ревком, он провел большую и тщательную работу по объединению разрозненных партийных сил и организации уездного и волостных Советов.

В этот период и были созданы в Атбасаре уездная Чрезвычайная комиссия и уездная милиция. Председателем ЧК ревком назначил меня, а начальником милиции — Ивана Плескача. И вот мы, вчерашние партизаны, приступили к созданию учреждений, которые должны стоять на страже завоеваний революции.

— Какие будут инструкции, с чего начинать? — спросили мы у председателя ревкома.

— Инструкции подскажет вам ваша революционная совесть, — ответил Веденеев. — А дела?.. Вот получайте дела, — и, улыбнувшись, он вручил нам по карандашу и блокноту. — Остальное организуйте сами. Партийная ячейка и народ помогут вам.

Найти помещения для своих учреждений было несложно. Милицию разместили в здании бывшего станичного правления, а для ЧК заняли один из домов буржуя Попова.

Гораздо труднее оказалось подобрать кадры. Самоотверженных, закаленных в боях и преданных Советской власти людей было много. Но почти все они были неграмотны. Да и сами мы, руководители, не имели достаточного образования. А надо было уметь вести следствие, принимать решения в соответствии с революционными законами, надо было, в конце концов, знать, как составлять различные протоколы. Никаких инструкций, уставов и наставлений по этим вопросам в ту пору не было.

Между тем время не ждало. Жизнь требовала каких-то решений. Посоветовавшись, мы с Плескачом решили объехать уезд, поискать надежных людей. Он направился в южные и западные волости, я — на север и восток. Встречаемся как-то с ним в одном селении, он с улыбкой и говорит:

— А знаешь, я раздобыл-таки одного специалиста по юридическим вопросам. Будем у него учиться и... приглядывать за ним.

Оказывается, в Кийме сидел под арестом урядник Семиразумов. Он не симпатизировал контрреволюции, был безвреден и положительно настроен по отношению к Советской власти. Вот у него поначалу мы и брали уроки составления протоколов, ведения следствия, оформления различных документов. Потом стали получать из центра газеты, различную литературу, директивы. Работать стало легче.

На службу в милицию люди шли охотно, хотя мы ничего не могли предложить им взамен за их нелегкую и опасную в то время работу: ни формы, ни жилища, ни пищи, ни даже зарплаты. Оружием и лошадьми снабжали только конную милицию. Остальные должны были обеспечивать себя кто как мог. Несмотря на это, служба в милиции считалась большой честью — в людях горел боевой дух.

На работу в органы охраны общественного порядка пришли бывшие фронтовики и красные партизаны Семен Клименко, Григорий Грищенко, Василий Редовский, Новак, Хомяков, Исайкин, Ашихмин и многие другие. Изъявивших желание работать принимали осторожно, бдительно, только по рекомендации аульных и сельских обществ, которые

гарантировали, что будущий милиционер «является сыном трудового народа и общество доверяет ему защиту Советской власти».

Создали мы волостные отделения, распределили участковых милиционеров. Если бы спросить тогда любого работника милиции о его задачах, он, не задумываясь, ответил бы: «Охрана завоеваний Октября». Каждый из них делом доказал, что это так и было.

Многие работники милиции отличались высокими моральными качествами, душевной красотой. Милиционер на своем участке был и представителем Советской власти, и проводником идей Коммунистической партии.

Милиция тесно была связана с населением. Чуть что случится — появится ли в деревне подозрительный человек, прибудет ли неизвестный к односельчанину, заметит ли кто непорядок какой — обо всем немедленно ставили в известность милицию.

В горячую пору сельскохозяйственных работ милиционеры помогали крестьянам пахать, сеять, косить сено, убирать хлеб. Работники милиции были инициаторами общественной помощи одиноким и сиротам. Засеивались зерном специальные делянки для детских домов, которые в ту пору начали организовываться при активном участии органов ЧК и милиции.

Жизнь постепенно налаживалась. Не редкостью стали концерты художественной самодеятельности. Организаторами их были опять же работники милиции. Никто не жаловался на отсутствие помещений. Спектакли и концерты ставили в приспособленных для этого сараях, складских помещениях, а то и просто на открытых площадях. В Атбасаре под клуб отвели магазин бывшего купца Харламова. Организовали в нем русскую и украинскую группы, большой хор. К самодеятельности привлекали учителей, девушек, ребят. Ставили украинские пьесы «Наймичка», «Бесталанна», а также пьесы А. Островского и А. Чехова.

Находились у нас и свои сочинители. Правда, художественный уровень произведений оставлял желать много лучшего, но содержание приводило в восторг как исполнителей, так и зрителей. Помню, мы, группа бывших партизан, написали пьесу «Колчаковщина». В постановке наших кружковцев она прошла с большим успехом.

Хорошие постановки и концерты привлекали много людей, вызывали горячие симпатии, самодеятельный театр стал своего рода агитпунктом. Сюда шла не только молодежь, но и пожилые станичники. В этих самодеятельных выступлениях люди видели проявление народных дарований, ростки новой культуры.

* * *

Контрреволюция не успокаивалась. Недобитые колчаковцы, белоказачество и эсеры организовывали вооруженные банды, устраивали мятежи. Большую роль в их разгроме сыграли отряды милиции.

Весной 1920 года на юге уезда появилась вооруженная банда Кийке, организованная баями и алаш-ордынцами. Основная цель ее была — сорвать продовольственные мероприятия Советской власти. Бандиты нападали на продотряды, убивали советских работников, терроризовали крестьян.

Рабочие Карсакпайского завода и крестьяне сообщили о местонахождении банды, ее численности, вооружении. Для уничтожения банды был послан отряд атбасарской милиции под командованием Мазутова. Отряд успешно справился со своей задачей.

В подавлении контрреволюции, разгроме различных белогвардейских банд отряды милиции являли пример мужества и беззаветной преданности молодой Советской республике. Население, измученное колчаковщиной и жаждущее скорейшей победы над врагом, оказывало милиции всемерную помощь и поддержку.

...В штабе отряда, стоявшего в то время в селе Петровке, шло заседание командиров. Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату вошел бородатый, весь в снегу, старик. Сняв шапку и тулуп, он громко спросил:

— Где тут Плескач?

— Здесь, — обернулся Иван Иванович и, узнав деда Ивана из села Борисовки, с радостью спросил, переходя на украинский язык:

— Чого, дидусь, прыхав?

— Да ось гостинцы вам привезлы.

— Яки гостинцы?

— А подывися, — с хитрецей ответил дед и потом добавил: — Продовольствие, одежду, а заодно и 60 хлопцев прыхалы к вам для пополнения.

Через полчаса на площади собрался митинг. Дед Иван взволнованно рассказывал о том, как в селах женщины пекли хлеб, из старых полушубков шили для бойцов шапки и рукавицы, а мужчины чинили валенки и рубили табак. По дороге к обозу присоединялись все новые подводы с гостинцами для красных воинов.

Против беспримерного мужества и героизма наших бойцов, которых единодушно поддерживало население, не могли устоять никакие вражеские силы. Во второй половине 1921 года все белогвардейские банды были разбиты, очаги контрреволюции подавлены.

В Атбасарском уезде наступила мирная трудовая жизнь.

г. Атбасар.

ОГНЕВЫЕ ГОДЫ (Из воспоминаний генерала внутренней службы III ранга К. И. Григорьева)

Константин Иванович Григорьев — один из старейших ветеранов советской милиции. Комсомолец с 1921 года, член партии с 1930 года, он всю свою жизнь посвятил нелегкой, но почетной работе.

Еще в 1925 году К. И. Григорьев был направлен комсомолом в Акмолинский уездный уголовный розыск. Там он работал и учился. А уже в 1930 году он возглавил в республике отделение по борьбе с бандитизмом. Был начальником уголовного розыска г. Уральска, затем — Хабаровского края; участвовал в войне с самурайской Японией, а после победы вернулся в органы милиции.

К. И. Григорьев прошел путь от рядового уполномоченного до руководителя крупного управления охраны общественного порядка, заслужил высокое генеральское звание. Имеет шесть боевых орденов и пять медалей, дважды награждался боевым оружием.



К. И. Григорьев.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Пара сытых крестьянских лошадей бойко бежала по проселочной накатанной дороге.

Был октябрь — сухая осень с холодными ночами, с ощутимыми морозами по утрам.

Лошадьми правил молодой крестьянин. Разговаривал со мной он неохотно. Назвав себя Алексеем, коротко и односложно отвечал на вопросы, понукал лошадей, настороженно поглядывал по сторонам.

Вокруг расстилалась равнина, не тронутая плугом. Клочки обработанной земли я видел только возле двух деревень, стоявших на нашем стокилометровом пути.

Шел 1926-й год. Нэп был в «расцвете». В захолустном уездном Акмолинске бойко торговали частники. В деревне, прикидываясь смиренными, обрастали и набирали силу кулаки. Малoverы хныкали и шептались, что нэп укоренился, если не навсегда, то надолго. Советский аппарат в отдельных волостях уезда был еще слаб, нередко на руководящие посты в волисполкомы пробирались кулаки и гнули свою линию.

В пути мне невольно вспомнился разговор с секретарем укома партии Сухининым.

Нас (меня и еще одного комсомольца) вызвали в уездный комитет комсомола и дали направление на работу в уголовный розыск. Конечно, о деятельности этого учреждения мы не имели еще никакого представления.

— Пойдете бандитов ловить, — сказал секретарь укома комсомола Семенов.

А затем мы были приглашены в уком партии. Беседа была обстоятельной.

— Работа опасная, — говорил Сухинин, — но благородная. Книжки потом писать будут о вас. Преданность ваша нам известна. Сохраняйте чистоту комсомольского имени. Не зазнавайтесь, власть вам дается большая. Помните слова Дзержинского: «Тюрьмы нам нужны для капиталистов, контрреволюционеров, саботажников и бандитов, но не для трудящихся». Вы должны работать ради счастья и благополучия советского человека. У вас нет опыта, его у нас вообще пока мало. А услугами царских специалистов — жандармов, полицейских, сыщиков мы не пользуемся. Царские кадры чужды и враждебны нам. Опыт будете приобретать сами, — закончил секретарь укома и, пожав нам руки, отпустил.

Памятен и тот момент, когда нас ввели в кабинет, в котором предстояло работать. Это была большая комната, в которой стояли четыре стола. За двумя из них сидели угрюмые на вид люди в полувоенной форме, с наганами на боках. Прямо от двери на глухой стене был намалеван масляными красками черт, влево — Адам и Ева под яблоней... Только через два месяца нам удалось уговорить старых сотрудников и привести в порядок нашу служебную комнату; вместо «страшных и назидательных» картин мы повесили портрет Ильича.

* * *

В уезде было беспокойно. То и дело в деревнях, разбросанных по степи, обнаруживали убитых. Уничтожались иногда даже целые семьи. Преступники бесследно исчезали. Действовала какая-то хорошо замаскированная банда, не оставлявшая ни следов, ни свидетелей. Бандиты, как правило, брали только деньги и ценности.

Вот поэтому в октябре всем сотрудникам уголовного розыска дали задание — разъехаться по уезду и нащупать следы неизвестной банды. Только нащупать, но не предпринимать активных действий. Это было первое ответственное поручение, выпавшее на мою долю.

Вечерело, когда мы вброд переехали небольшую речку и поднялись на бугор.

Впереди открылась панорама невысокого горного кряжа, вершины сопок еще были освещены лучами заходящего солнца, а в долину уже опускался сумрак.

У подножия горы, километрах в трех от нас, раскинулось большое село Константиновка, там предстоял нам отдых и смена лошадей.

Мой возница остановил лошадей, осмотрел сбрую и, обращаясь ко мне, сказал: «Вот здесь в прошлом году убили моего отца, — и кнутовищем показал влево от дороги. — Вон у того куста стоял стог сена. В него бандиты запрятали труп отца и телегу и подожгли. Был ветер, стог вспыхнул, и крестьяне прибежали его тушить, чтобы спасти другие скирды. Вот тут и нашли остатки трупа и железные части телеги. Приезжала милиция, осмотрела, протокол составила... Дня три пили самогон у богатых мужиков, с тем и уехали», — хмуро закончил Алексей и стал садиться на облучок.

Узнав, что я работник уголовного розыска, он рассказал мне, что в 1924 году в Константиновке останавливался большой и богатый табор цыган. После их отъезда оказался обворованным магазин единого потребительского общества (членами которого были в основном местные кулаки). Кулаки подняли почти всю деревню, вооружились кто

чем мог — вилами, топорами, ружьями, — сели на коней, догнали цыган и всех мужчин, женщин и детей поубивали, а имущество — лошадей, ковры, телеги, сбрую, золото — поделили между собой.

— А слух по деревне ползет, что лавку-то ограбили сами же кулаки... Только вы один-то не беритесь за это дело, — предупредил меня Алексей. — Кулачье у нас такое: убьют — и концы в воду.

Заниматься этим делом, действительно, не входило в мой расчет, и я сказал Алексею, что не буду. А случай с табором действительно имел место, но виновные были преданы суду только в 1928 году.

Так за разговорами мы незаметно и въехали в село Константиновку, и Алексей пригласил меня ночевать к себе.

Семья его состояла из четырех человек — сестра пятнадцати лет, семилетний брат и мать. Вдова убитого угостила нас сытным деревенским ужином.

Утром Алексей неожиданно вызвался везти меня дальше, правда, на одной лошади. Я охотно согласился, меня это устраивало — ехать уже со знакомым парнем, с которым установились хорошие отношения.

Позавтракав, мы выехали из Константиновки и направились к хутору Дермень, где мне предстояло встретиться еще с одним работником уголовного розыска и уже вместе с ним продолжать путь.

Хутор был последним населенным пунктом Акмолинского уезда, дальше шел Павлодарский уезд. Располагался он в широкой пади, по которой протекала быстрая неглубокая речка. Хуторяне часто вели доходившие до драк споры со своими соседями-павлодарцами из-за сенокосных угодий. Как только я появился в сельском Совете, с этим вопросом и обратились ко мне крестьяне. Ответив, что у меня нет полномочий устанавливать границы и разрешать подобные споры, я стал наводить справки: нет ли кого в хуторе из уезда. Оказалось, никто не появлялся. Оставалось ждать. К вечеру дежурный сельсовета отвел меня с Алексеем на квартиру к местному жителю.

Когда мы зашли в дом, семья сидела за ужином. Хозяин дома — плотный мужчина среднего роста, с густой черной бородой, лет сорока пяти; жена выглядела лет на пятнадцать моложе, очень подвижная, красивая женщина. Детей не было.

Встретили нас неприветливо, особенно хозяин. Тем не менее к столу пригласили, и хозяйка нарезала нам хлеба и сала, налила чаю.

Узнав, что я из уездного центра, хозяйка стала интересоваться, какие есть в городе магазины, много ли товаров, какие цены. Хозяин спрашивал, нет ли с кем войны — с Англией или Францией. Ни радио, ни телефона в те годы не было, и я не удивлялся таким расспросам. Неторопливо отвечал, что знал. Алексей сидел молча.

Перед сном мы с ним вышли и направились к речке напоить лошадь, а заодно и размяться. Как только оказались у речки, я спросил Алексея, понравились ли ему наши хозяева.

— Совсем не нравятся, — мрачно ответил он. — Знаете, товарищ сотрудник, среди хозяйской одежды на стене висит зипун моего отца...

Это известие ошеломило меня.

— Что же будем делать? — спросил я растерянно.

— Не знаю, — сказал Алексей. — А только завтра я зипун заберу и отвезу показать матери.

— Ни в коем случае не делай этого, — запротестовал я, лихорадочно соображая, что же предпринять. — Подождем, должен еще приехать сотрудник, посоветуемся и решим. А сейчас молчи, не выдавай себя. И пойдем скорее, а то обратят внимание, что нас долго нет, еще что-нибудь заподозрят.

Мы быстро возвратились, хозяйка указала нам место в горнице, где на полу была постлана постель, и, позевывая и крестясь, ушла на кухню.

Укладываясь спать, я думал: что же делать, какое принять решение? А вдруг Алексей ошибается, а если даже не ошибается, вдруг хозяин этот зипун купил у кого-либо? Решение не приходило.

Ночь тянулась тревожно и долго. Оба мы прислушивались к каждому шороху, рука моя то и дело тянулась под подушку и ощупывала рукоять нагана. Но все было спокойно, наш хозяин мирно похрапывал на кухне.

Усталость все-таки взяла свое, и под утро мы уснули.

Проснулись от яркого света. Солнечные лучи били в окна. Хозяйка погромыхивала хватками. Все выглядело так мирно, будто и не было кошмарных вчерашних подозрений.

Утро взбудрило меня, и я решил действовать. Тихо, чтобы не услышала хозяйка, посоветовал Алексею отъехать от хутора версты три-четыре, сломать колесо у ходка и дожидаться. Я же буду просить хозяина, чтобы он довез до Константиновки.

— Как только поравняемся с тобой, будем брать хозяина...

Кивнув мне в знак согласия, Алексей встал и засобирался к отъезду.

Позавтракав с хозяйкой (хозяин поехал рано в поле за соломой), я ушел в сельский Совет и занялся своими делами. В беседе с секретарем сельсовета узнал, что наш хозяин Пашков — бывший казачий урядник, служил у Анненкова, правда, сейчас ни в чем предосудительном не замечен. Это сообщение меня еще больше насторожило и заставило серьезно продумать все детали операции.

Во второй половине дня погода изменилась, небо заволокло тучами, и они пошли так низко, что стали цепляться за вершины сопок. Мой товарищ так и не приехал. Я спросил у секретаря, чья очередь отбывать трудгужповинность, то есть везти (в те годы должностные лица использовали частный транспорт, имея на руках открытые листы, выдаваемые административными отделами исполкомов; плата взималась пять копеек с версты). Секретарь сказал, что увезти может мой хозяин — лошади у него хорошие и его давно уже никуда не посылали.

Все складывалось, как надо.

К Пашковым я пришел вместе с секретарем сельсовета. Спросив хозяина, сможет ли он увезти меня, и получив утвердительный ответ, секретарь ушел.

Пашков стал собираться. Сердце мое билось учащенно, и я боялся чем-либо выдать себя — впереди предстояла серьезная операция, по существу, она уже началась.

Погода ухудшилась. Заморосил мелкий дождик.

В ходок был запряжен резвый гнедой мерин. Простившись с хозяйкой, я вышел первым и стал поудобнее усаживаться в ходок, гадая: а что наденет хозяин? Может, зипун...

Хозяин вышел одетым в полушубок и сверху в грубый брезентовый плащ. К моему удивлению, в руках он держал охотничью берданку (в квартире я оружия не видел и даже не предполагал, что оно может быть в этом доме).

Обстановка, как говорят, осложнилась, настроение у меня испортилось.

Лошадка бойко тронула с места и резво побежала по еще не намокшей дороге. Чтобы не выдать своего волнения, я стал разговаривать с хозяином о хуторских делах, о скандалах с соседями по уезду. Пашков охотно поддерживал разговор. Настроение у него было неплохим. В Константиновке его ожидали какие-то свои дела, и поездка эта была ему кстати. Я особенно не допытывался. Но Пашков счел нужным объяснить:

— С маслоделом договориться надо. Сбить постного масла к филипповкам (пост перед рождеством).

Стоявшего возле самой повозки Алексея первым заметил Пашков. «Что это, однако, ваш возчик стоит?» — спросил он, показывая вперед кнутовищем. Алексей стоял на условленном месте. Лошадь была впряжена и мирно жевала брошенное в коробок сено. Колесо валялось на земле. Мы остановились.

Я вышел из тележки и пошел к Алексею, Пашков остался сидеть.

Громко спросив, в чем дело, я вполголоса сказал Алексею: «Осторожно, у Пашкова ружье, подходи к лошади, хватай за уздцы, рассупонивай лошадь и отвязывай вожжи, а я буду безоруживать».

Подойдя к тележке, я выхватил наган и скомандовал: «Ни с места, руки вверх!» В то же время Алексей бросился к лошади. Отбросив в сторону ружье, я велел Алексею взять вожжи и связать задержанного. Затем стали запрягать лошадей в тележку Алексея, сняв колесо с ходка Пашкова. Делали все быстро, молча. Арестованный тоже молчал. Меня удивило, что он мне не задал ни одного вопроса, не закричал.

Дождь усилился и подул холодный ветер, когда мы свернули на дорогу в волостной центр Николаевку.

Алексей лошадей не жалел, от них шел пар. Дорога раскисла, но возчик все гнал и гнал. Часов в десять вечера мы были в Николаевке.

Волостная милиция размещалась в обычном деревянном домике, состоявшем из кухни и комнаты. Дежурил сельский исполнитель с винтовкой.

Назвав себя, я послал исполнителя за старшим милиционером. Пока мы счищали с себя грязь, прибежал в полном вооружении — с шашкой, винтовкой и револьвером — старший милиционер Болкунов.

Освободив от вожжей Пашкова, я усадил его на табуретку, а Болкунова с Алексеем послал в хутор Дермень сделать у Пашковых тщательный обыск, забрать зипун и, если найдется, оружие.

К этому времени дождь перешел в снег, на улице завывало, засвистело. Но Болкунову приказания не требовалось повторять дважды, никакая погода его не пугала, он оказался закаленным милиционером, уже знакомым и с опасностью, и с разного рода лишениями.

Под завывание ветра, при свете керосиновой семилинейной лампы я приступил к допросу Пашкова.

Передо мной, двадцатилетним парнем, сидел угрюмого вида пожилой человек, немало на своем веку повидавший. Мог ли я вести допрос? Допрашивал я впервые, и не мог тогда понять, что заставило заговорить Пашкова. Внезапность, быстрота действий, напористость, наша уверенность в правоте действий? Не знаю. Может быть, все, вместе взятое. Как бы там ни было, но Пашков заговорил.

Как он убил отца Алексея?

— Осенью в прошлом году на базаре в Акмолинске, — начал Пашков, — я со своим родным старшим братом заметил денежного мужичка, продавшего пару быков и воз хлеба. Отрекомендовались мы плотниками, с собой у нас были топоры. Вечером встретились с этим мужичком на постоялом дворе, выпили бутылку «горькой», разговорились и наняли его за 5 рублей довести нас до Константиновки.

По дороге бросили жребий, кому бить. Выпало мне. Когда осталось до Константиновки верст пять, я ударил его обухом топора по голове. Он сразу упал. Забрали мы деньги, а убитого и телегу сожгли в стогу сена... И черт попутал меня взять зипун! Показалось холодно...

Страшный рассказ свой Пашков продолжал не торопясь, временами долго тер виски, вспоминал об очередных своих убийствах, выпивал кружку воды и опять продолжал свою жуткую повесть. Чтобы запутать следы, убийства они совершали в разных концах уезда — все меньше свидетелей. Никого, даже детей, в живых не оставляли, ничего, кроме денег, не брали.

— Не жалко было убивать? — не вытерпев, вмешался в допрос сельский исполнитель.

— Нет, не жалко, — ответил Пашков. — Но бил топором чаще мой брат, он сильнее меня. Оружием никогда не пользовались, хотя у меня и у брата есть револьверы.

— Так он же у тебя «святой брат», у староверов вроде как бы поп? — заметил я.

— Ну что ж, потом отмаливал перед богом грехи, — ответил Пашков и криво ухмыльнулся.

— Один раз, — сказал он, — я пожалел убитую. Молодая, хорошенькая была, подрядилась с нами, чтобы увезли ее за 20 рублей до Кокчетава. Думали, денег у нее

много, шубка хорошая, шляпка, ботиночки лаковые, а когда убили — в сумке оказалось 30 копеек серебром. Учительница, оказалось, ехала к своему мужу.

«Звери, — подумал я, — и ведь какое «содружество»: один — белобандит-урядник, другой — «святой».

Записывая эти жуткие показания, я не заметил, как рассвело. Буран прекратился, земля была покрыта ровным слоем снега. Вскоре приехали Болкунов с Алексеем и привезли зипун, деньги и оружие.

Болкунову отдыхать не пришлось. Заменяв лошадей, он поскакал в уездный уголовный розыск с донесением, а оттуда — в Кургальджино для ареста «святого брата» — старшего Пашкова.

Так закончился мой первый трудный экзамен. Было еще немало и удач, и ошибок, но с этого случая работа в угрозыске стала моей профессией.

ПО СЛЕДАМ БАНДЫ УСЕРБАЯ

В жизни Акмолинска в эту весну внешне не было заметно никаких перемен. Все так же по субботам и воскресеньям звонили колокола церквей, призывая православных к молитвам, все так же в строго положенные часы на двух минаретах мусульманских мечетей кричали муллы, призывая правоверных к намазу; все так же бойко вели торговлю местные нэпманы Ривкины, Сарымсаковы, Джумагуловы, Стариковы, сменившие дореволюционного миллионера Кубрина.

По вечерам местные обыватели, спекулянты, дельцы веселились в частном ресторанчике «Ишим». Там же они заключали торговые сделки, обсуждали «деловые предложения».

Со всех концов уезда спекулянтам и нэпманам везли хлеб, мясо, кожу, шерсть, а увозили керосин, спички, мыло. За свой товар драли нэпманы втридорога. Государственная торговля была еще слаба и не могла полностью обеспечить потребности населения.

Ушедшие глубоко в подполье недобитые белоказачьи офицеры и иные «бывшие» нашептывали о перерождении Советской власти. Временами будоражили тихую провинциальную жизнь кулацкие и уголовные банды. И казалось — этому не будет конца. Но так только казалось: нэп доживал свои последние дни.

В один из апрельских вечеров 1927 года я вместе с другими товарищами — Гузевым, Горбуновым, Муксиновым — был приглашен к председателю уездного исполкома.

В просторном кабинете уже сидели начальник уездной милиции Акжаров, секретарь укома партии Сухинин и начальник уездного отдела ОГПУ Кузьмин. Ему и было первому предоставлено слово. Подойдя к висевшей на стене карте Акмолинского уезда, он обвел всех собравшихся взглядом, как бы проверяя, все ли на месте, и начал говорить о сложившейся обстановке.

— На границе Акмолинского и Павлодарского уездов, — начал он, — обосновалась банда Усербая. По нашим данным, банда обрастает всякими уголовниками, в частности, в нее влилась шайка Иманова, ворующая скот. У банды есть свои базы, пособники и укрыватели. Ее поддерживают баи. Известно, что бандиты установили связь с басмачами, орудующими в песках Кара-Кумов, и получают оттуда подкрепление... За последнее время бандиты совершили ряд налетов на окрестные села и аулы, разграбили местные

кооперативы, нарушили связь, угнали много скота. Налетчики проявляют жестокость, зверски расправляются с активом, насилуют женщин... Недавно они разграбили Карагандинскую волостную милицию. Захватили оружие, боеприпасы, лошадей. Как видите, дело зашло далеко. Перед нами стоит задача — ликвидировать банду. Есть приказ ОГПУ.

Кузьмин зачитал телеграмму из центра, предлагавшую срочно обезвредить банду.

— Знаем, задача нелегкая, — продолжал Кузьмин. — В один день ее не решишь. Район действия бандитов редко заселен, на юг к Балхашу — всего три-четыре кочующих аула. Нет воды, нет дорог, нет связи. У нас не имеется никаких войсковых единиц. В ваше распоряжение товарищ Акжаров выделит десять конных милиционеров. У коменданта ОГПУ получите два ручных пулемета, винтовки. При надобности отряд пополните людьми на месте.

— Указания волостным комитетам партии уже даны, — вставил Сухинин.

— Будьте осторожны, ведите разведку, выявляйте пособников, укрывателей. И если необходимо, изолируйте их, но «не стригите все, что растет». Во всем вам помогут честные люди, опирайтесь на них. Уисполком дает вам право объявлять отдельные районы на чрезвычайном положении, мандаты получите сейчас.

— Вот и все, — заключил Кузьмин. — Утром надо выезжать.

Рано утром, когда город еще спал, наш небольшой отряд тронулся в путь. Впереди ехал Муксинов. Я невольно залюбовался им. Среднего роста, с черной густой шевелюрой, густыми бровями, черными, как уголь, глазами, он ловко сидел в седле, плавно покачиваясь.

За ним по два в ряд ехали конные милиционеры. За конниками шла тележка, запряженная двумя лошадьми. В ней сидели сотрудник ОУР Горбунов и милиционер Перов Вася, бывший чапаец. В тележке были сложены пулеметы, патроны, лишние винтовки (на случай пополнения отряда) и небольшой запас продовольствия и фуража.

Мы с Сутюшевым ехали сзади. Наш начальник отряда Гузев задержался в городе: ждал сына.

В первом волостном центре, селе Николаевне, наш отряд пополнился. В него пришли начальник местной волостной милиции с двумя конными милиционерами.

* * *

А в это время в юго-восточной части уезда бандиты, упоенные легкими победами над безоружными крестьянами и удачным налетом на местную милицию, справляли свой праздник. Их штаб разместился в нескольких юртах около небольшого степного озера. Среди юрт выделялась одна — большая, белая. В ней и пировали главари банды. Неподалеку на лугу паслись лошади, овцы. К юрте то и дело подъезжали вооруженные всадники — с донесениями.

Поводом к пирушке послужил еще и приезд знатного гостя. Бандиты изрядно «хватили» водки и, развалившись на пышных подушках, с жадностью поедали беспармак, запивали его ароматным кумысом, изредка косясь на гостя и прислушиваясь к его редким словам.

Главарь банды — Усербай рассеянно слушал своих приближенных и с нетерпением ждал, что скажет гость. Но гость не торопился. Видно, дальняя дорога утомила его, и теперь он с удовольствием ел мясо.

Наконец, насытившись, гость обратился к собравшимся:

— Вам надо больше собирать джигитов, обиженных Советами. Надо беспощадно бить коммунистов и всех, кто за них. Бояться не надо. В городах Таджикистана уже не один год воюет непобедимый Ибрагимбек, собравший большое войско. В Кара-Кумах и Кызыл-Кумах ждут верные отряды, скоро они выйдут в просторные степи Казахстана. Надо захватывать села, аулы, громить милицию, военкоматы и вооружаться. Тогда больше правых пойдут под зеленые знамена.

— У вас неплохое начало. Пусть везде вашему батыру сопутствует счастье, — и гость приложил правую руку к сердцу, наклонил голову в сторону Усербая. — Наш курбаши шлет ему свой привет и вот этот подарок.

С этими словами гость передал Усербаю новую винтовку с английской маркой и кривую с серебряной насечкой на ножнах азиатскую саблю.

Заблестели глаза Усербая. Лесть и выпитое вино кружили ему голову. Он уже видел, как его отряд занимает богатые села — Долинку, Михайловку, Тихоновку, Белоярку, Константиновку, Вишневку, — а там уже недалеко и Акмолинск. Он не даст пощады никому: ни женщинам, ни детям. Уничтожит большевиков, шкуру с них, с живых, будет сдирать. Усербай мечтательно заскрипел зубами. Он хотел что-то сказать в ответ на речь почетного гостя, но послышался стук копыт: на взмыленном коне подскакал связной. Свалившись с коня, он на четвереньках сполз в юрту и стал докладывать Усербаю о том, что из Акмолинска выехал отряд уездной милиции.

* * *

Около небольшого селения Ситень наш отряд встретился со своими разведчиками Зарифовым и Сарсыбековым. Переодетые в штатское и снабженные документами уездной кооперации, они, не вызывая подозрений, ездили по селам и аулам, нащупывали бандитов, собирая о них нужные нам сведения. Разведчики доложили, что банда находится в урочище Джаман-Нияз, недалеко от Караганды, и готовится совершить налет на село Долинку. Бандиты уже знают о продвижении нашего отряда и держатся настороже.

Договорившись о следующей встрече, разведчики ушли выполнять новое задание. Двинулись и мы. Передвигались только ночью — иначе можно было спугнуть бандитов.

На третьи сутки отряд вошел в широкую долину, по обеим сторонам которой тянулись невысокие горные цепи. Путь преградила небольшая, но быстрая речка. В крутые берега хлестала пена, в воздухе стояли мелкие, как пыль, брызги.

Кони никак не хотели заходить в воду. Они упирались, храпели, становились на дыбы. Первым окунулся Сутюшев. Сильная лошадь, борясь с течением, вынесла его на противоположный берег. Постепенно переправился весь отряд.

После ледяной ванны лошади нервно просили повод, а у всадников не попадал зуб на зуб. В довершение ко всему к ночи подул холодный ветер, заморосил дождь. Двигались почти вслепую, дороги не было, крошечная тьма не давала возможности ориентироваться. Через

три часа такой езды кони, скользя по намокшей почве, с трудом несли отяжелевших всадников.

Необходим был привал. Но где его сделать? Тут же в степи? Переутомившиеся бойцы повалились бы, уснули прямо на мокрой земле, и тогда простуды не миновать. Все-таки начали искать подходящее место и вскоре оказались у подножия крутой горы, где было тише и не так сыро.

Постепенно дождь прекратился, на востоке посветлело. Приказав отряду не двигаться, я вместе с двумя бойцами поехал вперед. Мы обогнули гору и увидели неподалеку аул; из труб мирно курился дымок, а по улицам сновали всадники. Прижавшись к скале, я стал наблюдать, послав одного из бойцов за отрядом.

Отряд появился быстро, его заметили в ауле. Тишину разорвал выстрел, эхом раскатившийся в горах, за ним последовала редкая беспорядочная стрельба. Отстреливаясь, бандиты стали убегать из аула, часть нашего отряда бросилась им наперерез. Тогда бандиты рванулись в другую сторону, но там их уже поджидала наша засада, она открыла огонь из пулеметов. Кольт бил ровно и метко. Несколько лошадей упали и забились. Видя безвыходность положения, бандиты сдались.

Оказалось, что это только часть банды во главе с Имановым. Самого Усербая и других главарей в ауле не было. Чтобы запутать следы, Усербай разбил банду на три самостоятельные группы, строго наказал в открытый бой с милицией не вступать, а стараться заманить милиционеров в засады.

Дальше двигаться наш отряд не мог. Нужно было дать отдых людям и заменить несколько лошадей. И мы направились в ближайшее село Долинку, где нас с радостью встретили местные жители. Крестьяне быстро разобрали своих лошадей, ранее захваченных бандитами. Женщины со слезами на глазах стали рассказывать, как разбойничала банда Усербая: магазин разграбили, скот угнали, многих женщин изнасиловали. Главарь банды заявил, что теперь в районе он хозяин, Советов нет, и слушать надо только его.

Председатель сельсовета подал мне завернутое в газету письмо и сказал:

— Усербай велел передать.

Я стал читать. Написано было на ломаном русском языке. Усербай писал:

«Я теперь не простой бандит, а враг Советской власти, у меня большая сила. И только когда у верблюда вырастет хвост до земли, тогда вы поймаете Усербая. Жалкому вороненку не догнать сокола...»

Заканчивал он свое послание тем, что предлагал убраться из степи по-хорошему, иначе грозился отправить всех «в царство Иблиса». Прочитав письмо, я передал его Сутюшеву (он собирал весь следственный материал) и посоветовал приобщить к уголовному делу.

После короткого отдыха мы направились в центр промышленной волости — село Большую Михайловку. Надо было разобраться с задержанными. После допроса бандитов Сутюшев предложил всех освободить до суда, за исключением главаря Иманова. В этом был смысл. Посоветовавшись, мы согласились. Иманова допрашивали все вместе. Я старался выяснить, что толкнуло на такие тяжкие преступления Усербая: ненависть к Советской власти, месть или мелочное самолюбие.

Подумав, Иманов дал оригинальный ответ:

— Усербай смелый джигит, но безвольный человек. Он как пустой мешок: что в него всыплут, такую форму он и принимает. Ну а баи и муллы постарались сделать ему нужную начинку.

— Чем же объяснить такую жестокость с его стороны? — спросил я.

— Человек, ставший шайтаном, — сказал Иманов, — будет куда хуже шайтана.

— А ты зачем присоединился к этой банде?

— Лихие набеги, свобода, риск, я джигит...

Он замолчал, не договорив. Видимо, понял, что мы не очень-то верим его легковесным объяснениям, и спросил:

— Что вы сделаете со мной и с моими людьми?

— «Твоих» людей мы отпустим по домам, а тебе придется ждать суда.

— Как отпустите?! Усербай говорил, что всех нас ждет страшная расправа...

Иманов вдруг выругался.

— Проклятый Усербай! Если я попался, то и тебе не уйти!

У Иманова развязался язык.

Хорошо понимая, что бандиты не могут существовать без поддержки со стороны, мы начали узнавать, кто снабжает Усербая оружием и боеприпасами, кто у него покупает награбленное, кто дает ему приют. Иманов назвал нам десятка три фамилий, и мы, посоветовавшись с местными руководителями, решили наиболее активных сообщников Усербая арестовать.

Вскоре в Михайловку приехал Гузев — наш начальник отряда, которого обстоятельства заставили на время остаться в Акмолинске. Ознакомившись с обстановкой, Гузев занялся глубокой разведкой. Каждый день он отправлял во все концы разведчиков. Сутюшев занимался следствием, опрашивал потерпевших и изолировал наиболее активных соучастников Усербая. В то же время мы приводили в порядок отряд. Пополнили его людьми, заменили лошадей, заготовили фураж, отремонтировали седла, насушили сухарей, запаслись солью, чаем, сахаром — словом, подготовились к длительным переходам.

По данным нашей разведки, банда Усербая ушла на юго-восток от Спасского завода. Главарь спешно принимал меры к пополнению своей банды, рассылая гонцов по аулам.

Но по аулам уже распространился слух о том, что мы освободили захваченных с Имановым бандитов и арестовали ярых соучастников Усербая. Люди вздохнули свободнее. Банда не только не пополнилась, но и стала таять. Бандиты попритихли, уже не осмеливались нападать на аулы, заматали следы, старались скрыть свое местонахождение.

Оставив Михайловку, наш отряд расположился в одном из аулов за Спасским заводом.

Тихим июньским вечером я отправился вместе с проводником Рахимбековым в разведку. Ехали мы холмистой степью. Часа через два горизонт стала затягивать большая туча. Ночь наступила душная, кони часто фыркали, нарушая тишину. На западе все чаще вспыхивали молнии. Вскоре у небольшой степной речки мы увидели аул. Едва успели подъехать к нему, как разразилась гроза. Заскочили в первую же юрту. Спросили, чей это аул. «Сатпаева», — ответили нам. Это был известный в этих краях богач.

Хозяин юрты, среднего достатка казах, предложил нам ночлег. На вопрос, были ли бандиты в ауле, хозяин ответил отрицательно.

Отдохнули мы без происшествий. Утром хозяин, кланяясь, сообщил, что к завтраку я приглашен самим Сатпаевым.

Юрта Сатпаева стояла несколько в стороне на чистой лужайке. Войдя в юрту и сказав обычное приветствие на казахском языке, я по приглашению хозяина сел на указанное место. Юрта была богато убрана. Висела красивая люстра с большой керосиновой лампой, пол устлан коврами и тигровыми шкурами.

Узнав о цели моего приезда, Сатпаев послал жену посмотреть, нет ли кого вблизи юрты, и, убедившись, что нас не подслушивают, доверительно сообщил, что Усербай с частью своих головорезов был у него в ауле только вчера, силой захватил косяк лошадей, стадо баранов, сказал, что это нужно для его войска, и ускакал.

— Рыщет он неподалеку от аула, а ваш проводник, с которым вы приехали, — продолжал Сатпаев, — ближайший сообщник Усербая, он ваш отряд давно водит за нос.

Что и говорить, меня ошеломило это известие, но еще больше я был поражен тем, что сообщение исходит из уст бая. Видимо, богатею не понравилось, что Усербай «пощипал» его. Поблагодарив за гостеприимство, я стал собираться.

— Дай вам аллах удачи, смелый джигит, но в пути будь осторожен. В ауле вас охраняет закон, а в степи все может быть. Будь осторожен.

И мы с проводником Рахимбековым отправились дальше.

Я вскочил на коня, ударил его, помчался. Проводник не отставал.

Аул скоро скрылся из виду. Попридержав лошадь, я перевел ее на шаг, а затем спешился. Сделав вид, что мне плохо, попросил проводника слезть и придержать коней. Ничего не подозревая, он выполнил мою просьбу. Остальное произошло без осложнений. Я обезоружил предателя, связал ему руки, посадил на коня и прикрутил к седлу. Теперь поехал медленнее.

Вдруг вдалеке показались три всадника. За плечами у них были ружья. Бандиты! Я соскочил с коня, стал укладывать его — стоящий конь слишком уж большая мишень даже для плохого стрелка.

— А ты стой на месте, — крикнул я Рахимбекову.

Положив карабин на седло, как на упор, я открыл огонь по всадникам. Один из них свалился. Я вставил другую обойму, но бандиты, подобрав убитого, повернули назад. Через час бешеной скачки мы были у места стоянки отряда. Я доложил Гузеву о случившемся, и отряд направился по горячим следам бандитов.

День и ночь мы шли переменным аллюром, давая короткие передышки лошадям. К утру следующего дня обнаружили бандитов. Издали банда была похожа на большой кочующий аул.

Впереди двигалась группа вооруженных всадников, за ними тянулся табун лошадей, сбоку пастухи гнали небольшое стадо баранов, вышагивали верблюды, навьюченные разобранными юртами, коврами и всяким награбленным добром.

Заметив нас, бандиты, не слезая с коней, открыли беспорядочную стрельбу, не причинившую нам особого вреда. Правда, была убита одна лошадь и одного из бойцов легко ранило в руку.

Спешившись, мы установили пулемет и дали несколько коротких очередей. Три-четыре лошади упали. Но наша попытка отрезать бандитам путь не удалась. Лошади совсем устали, и мы не могли настичь бандитов, они скоро скрылись за сопками, оставив убитых, раненых и все свое хозяйство. Мы было попытались оседлать захваченных у бандитов лошадей, но те оказались необъезженными.

Теперь Усербай остался с небольшой кучкой своих ближайших помощников. Пленные показали, что они шли в глубь степи, где предполагали пробыть до весны следующего года, имея все необходимое для сытой и праздной жизни. Становилось очевидным, что, лишившись добра, Усербай предпримет какие-то меры. Поэтому, сменив лошадей, мы еще несколько дней преследовали банду, пока окончательно не потеряли ее след.

Надо было вновь вести разведку, и мы вернулись на Спасский завод. Гузев поехал в уезд для доклада.

Приближалась осень. Слушая по утрам крики гусиных караванов, мы с Мукановым вздыхали. Вот бы на озере с ружьишком позоревать! Но назревали важные события...

Из уезда прискакал гонец с пакетом. Это был новый сотрудник уголовного розыска Верзилов. Фамилия соответствовала его росту. Сидя на небольшой монгольской лошадке, он едва не касался ногами земли. Из уезда предписывалось встретиться с отрядами павлодарской милиции (день и место были указаны) и договориться о совместных действиях по окончательной ликвидации банды Усербая.

Вскоре наши разведчики в степи перехватили связного Усербая. При обыске у связного нашли несколько писем, адресованных разным лицам. Боясь предстоящей холодной и голодной зимы, Усербай от тактики открытых нападений перешел к шантажу. В своих письмах он предлагал доставить ему столько-то лошадей, баранов, муки, соли, теплой одежды, боеприпасов. В противном случае грозился сообщить в милицию, что адресат является его активным соучастником. Два состоятельных степняка уже клюнули на эту удочку.

Усербай, по словам захваченного бандита, до самого снега будет менять свою стоянку.

Встретившись с отрядом павлодарской милиции, мы договорились, как нам лучше действовать. Сутюшев с Верзиловым, используя перехваченные письма Усербая, поехали предупреждать этих адресатов об ответственности. Никто из них не был арестован, но оружие и боеприпасы мы изъяли.

Полученные данные заставили нас передвинуться на северо-восток, ближе к наиболее вероятной стоянке бандитов.

Стало холодать, наступил октябрь. В Константиновке мы запаслись овсом, и теперь, делая короткие переходы, подкармливали своих лошадей, накапливая силы. В Белоярке сделали короткий отдых. Дальше шла безлюдная степь.

Отъехав километров восемьдесят, мы решили для того, чтобы ускорить поиски банды, разбить отряд из 20 человек на две группы. Одну группу повел Сутюшев. Я с другой половиной отряда повернул на юг вдоль границы с Павлодарским уездом. Верзилов остался с задержанными бандитами в Николаевке.

Поздно вечером мы остановились в маленьком ауле. Хозяин зимовки Нургазиев принял нас радушно и начал готовить ужин, заколол барана. За ужином он сообщил нам, что часть бандитов скрывается в одном заброшенном ауле, который расположен километрах в сорока отсюда. Главаря Усербая хозяин зимовки не видел, но и то, что он сообщил, было очень важно.

Когда мы уже ложились спать, раздался стук в окно. В избушку ввалился милиционер Перов.

— Беда, ребята! — крикнул он и рассказал, что отряд нарвался на засаду бандитов, все бойцы и Сутюшев схвачены, он чудом спасся.

Быстро одевшись, мы разобрали оружие и заседлали отдохнувших лошадей. Нургазиев предложил свои услуги. Он знал наикратчайший путь до того аула, где были схвачены наши товарищи.

Ночь была безлунная, холодная, в небе ярко мерцали звезды. Земля застыла, и топот подкованных коней был слышен далеко.

Переехав вброд небольшую речку, наш проводник остановил отряд и предложил предусмотрительно захваченным войлоком обмотать коням копыта.

— Все равно собаки услышат и залают, — сказал я.

— Нет, — возразил проводник.

— Здесь собаки натасканные на зверя, а на людей не лают.

Часа через три мы подъехали к аулу. Окружив зимовку, мы стремительно ворвались в нее, захватили пленных, но увидели печальную картину. Сутюшев и другие бойцы отряда были жестоко избиты, связаны и брошены на пол, отобранное у них оружие было свалено в другой избушке. Все они ждали решения Усербая, к которому бандитами был послан гонец.

Второпях мы не обратили внимания на то, что около избушки ходил непривязанный двухлеток жеребенок. Когда стали осматривать двор, один из бандитов вскочил на жеребенка и ускакал.

Часа два потребовалось на то, чтобы наши люди пришли в себя; хуже всех чувствовал себя Сутюшев, ему от бандитов досталось больше всех.

Мы связали пленных бандитов и посадили их на лошадей.

Светало, когда мы выехали из этого злосчастливого аула. Двигались медленно, без остановок, день был солнечным, но морозным.

К вечеру на горизонте появилось белое облачко, оно стало расти, и вот сначала посыпал редкий мелкий снежок, а через час разыгралась метель.

Ветер обжигал лицо, он то налетал сзади, то дул сбоку со страшной силой, то бросал в лицо снежную пыль. Видимость исчезла, небо и земля — все в сплошной снежной пелене. Наш проводник уверенно вел отряд по каким-то ему одному известным приметам.

Сквозь вой ветра он крикнул мне:

— Скоро аул, дымом пахнет, а там ждет ужин. У нас в народе говорят: человеку в степи друг баран, а враг — буран.

Я и сейчас с благодарностью вспоминаю этого человека, оказавшего нам такую большую помощь. Не будь его, неизвестно, остались бы живы захваченные в плен наши товарищи.

На следующий день в Николаевке нас уже ожидал Верзилов. Бандиты показали, что Усербай только с одним своим соучастником Джамшитом находятся в урочище Джаманкуль, где их и можно взять, соблюдая осторожность.



1927 год. Группа сотрудников Акмолинской милиции. Слева сидит К. И. Григорьев, справа — Верзилов, поймавший главаря банды Усербая.

Посоветовавшись, мы эту операцию поручили Верзилову с милиционером Зерифовым. Первый был здесь новичок, второй хорошо знал местность.

В штатском, без винтовок, только с наганами, с документами работников конторы «Заготживсырьё» медленно тронулись они в путь, закупая в окрестных селах и аулах шерсть и кожи. А отряд остался в Николаевке.

Как и предполагали, Усербай не обратил внимания на «заготовителей» и был спокойно взят у себя в избушке...

Сейчас я с гордостью и уважением вспоминаю о моих сверстниках, самоотверженно несших нелегкую милицейскую службу в те трудные годы.

Теперь может показаться, что все произошло быстро и несложно. Но операция была утомительной и нелегкой: восемь месяцев на лошадях лишь с небольшими привалами; и в жару, и в дождь, и в мороз мы добивались своей цели. И в этом нам помогали десятки простых и честных людей, горячо любивших родную Советскую власть.

КОНЕЦ ОСИНОГО ГНЕЗДА

Ночью прошла гроза. Утро наступило ясное, свежее. Яркая майская зелень благоухала. Снежные вершины Заилийского Алатау четко выделялись на фоне синего неба. Словом природа настраивала на праздничный лад.

У нас же, работников республиканского уголовного розыска, настроение было отвратительное: дежурный вносил в суточную сводку чрезвычайное происшествие — на окраине города убита семья из трех человек.

Преступники спрятали трупы в подпол, наглухо закрыли ставни и наружную дверь.

Осматривая жилище погибших, мы обнаружили 50 золотых монет царской чеканки. Имуущество убитых, вероятно, вывезли преступники. Около дома ясно был виден след телеги.

Соседи рассказали, что погибшая семья жила замкнуто. Муж, старый инженер, работал на одной из строек города. Жена — учительница. Дома управлялась старушка, близкая родственница. Хозяйка иногда навещала Торгсин^[14], в обмен на золото брала там муку, крупу, сахар. Жили в достатке, хотя в то время, в 1931 году, была карточная система на продукты.

— Уже третий такой случай, и не можем на след напасть, — заметил старший оперуполномоченный Федоров.

К нам в кабинет вошел начальник уголовного розыска Русаков. Поздоровавшись, он сказал, что меня и Федорова вызывает к себе Дед.

Дедом мы называли начальника управления милиции республики Бокшу. Он предложил мне подробно доложить о результатах осмотра места происшествия. Выслушав, долго молчал, постукивая карандашом по столу, затем встал, подошел к карте города.

— Безусловно, мы имеем дело с серьезной организованной бандой, у которой в нашем городе, есть свой «наводчик», где-то есть и «ямщики». Обратите внимание, это третье убийство и все на окраинах города, — Бокша показал на карту. — Начните искать «наводчика», поиски организуйте с помощью населения. Пошлите своих работников к соседям — в Ташкент, Фрунзе, Новосибирск — в маленьких городах бандиты сбывать награбленное не будут, — заключил начальник управления и отпустил нас.

Долго и внимательно изучали мы все материалы по трем последним убийствам, много спорили, еще раз консультировались с судмедэкспертом, звонили во Фрунзе. Оказалось, что и там не раскрыто аналогичное убийство, совершенное в ноябре 1930 года. Все мы пришли к выводу, что и здесь и там действует одна и та же банда с опытным «наводчиком».

Однажды, когда мы вели оживленный разговор о деталях нашего плана, в кабинет вошел Масанчи. Его приход для нас не был неожиданностью. В уголовный розыск он любил заходить. Мы уважали его, как одного из видных руководителей партизан Семиречья, любили за веселый нрав, умение вовремя подбодрить шуткой.

— О чем спорите? — спросил Масанчи, поздоровавшись с каждым за руку. Я рассказал ему о нашей беде.

— Чего же унывать-то, — заметил он. — Придерживайтесь совета Козьмы Пруткова: «Отыщи всему начало и ты многое поймешь». — Масанчи заразительно рассмеялся, но потом посерьезнел. — Не первая это у вас трудность и, к сожалению, не последняя. Много у нас еще недобитой сволочи, на вашу долю выпали трудные дела, но ведь было и труднее. Вспомните мятеж в Верном, вспомните банды Ибрагимбека. Нелегко было, ох, нелегко! Ваше дело незаметное, будничное, но нужное — надо советских людей оберегать от всякой нечисти.

Через три дня нашему сотруднику Ивану Прусенко, работавшему на Клеверном участке (тогдашняя окраина города), жители показали одного человека, бесцельно слонявшегося по улицам. Проходив за ним до ночи, Иван установил, что это некий Ералашкин с Горной улицы, молотобоец, работает в кузнице на Ташкентской аллее.

— Будь он проклят, этот Ералашкин, — рассказывал нам Иван. — Целый день мотался за ним, как неприкаянный. Люди говорят: «непутевый парень», а почему, не объясняют, мнутя. Был я и у хозяина кузницы. Интересный состоялся разговор.

— А Ералашкин тебя не заметил?

— Нет, я прятался в зелени, гимнастерку снимал. Завтра опять пойду смотреть за ним.

Иван Прусенко, среднего роста, крепкий тридцатилетний мужчина, служил в армии Буденного пулеметчиком, награжден орденом Красного Знамени за бои с белополяками. В угрозыске стал работать с 1923 года после демобилизации. Отличался смелостью, находчивостью, смекалкой.

— А может быть, не будем на него, на этого молотобойца, больше время тратить, а потихоньку проверим его? — предложил я. — Тем более, что наш кавалерист уже насторожил и кузнеца, и соседей.

— Я тоже за это, — поддержал меня Федоров.

— Сейчас около двух. Возьми эту операцию на себя, Александр Иванович, — сказал я Федорову. — Завтра с тобой поедет Прусенко, а сейчас пойдемте-ка отдохнуть.

В шесть часов утра в конце Горной улицы, в тени густо разросшихся деревьев, стояла тележка с лошастью. Иван Прусенко наблюдал за домом Ералашкина. Как только молотобоец вышел из дому, Иван подал знак. Федоров, сидевший в тележке, тронул лошадь.

— Садись, парень, довезем до города, — весело крикнул Федоров и приостановил повозку. Ералашкин хмуро покосился, но сел.

Не доезжая до Головного арыка, Иван Прусенко выхватил револьвер, наставил его на Ералашкина и приказал: «Молчи!» Молотобоец дико повел глазами, но сопротивляться не стал. Ему быстро накиннули на голову мешок и положили на дно тележки.

Допрос вели мы с Федоровым. Прусенко сидел и слушал не вмешиваясь.

— Ну что, правду будем говорить?

— А мне и врать нечего, — усмехнувшись, ответил Ералашкин, — не знаю, за что вы меня забрали...

Часа через полтора Прусенко вошел в кабинет и, положив на стол протокол допроса кузнеца, доложил, что сам кузнец находится здесь.

— Вот слушай, что о тебе говорит хозяин кузницы. — Я зачитал ему протокол допроса. — Может быть, кузнеца позвать?

— Не надо, — тихо сказал Ералашкин.

— А теперь посмотри, знакомо тебе это? — и я показал фотографию — общий вид дома, где было совершено преступление, а затем фотоснимки комнат.

Ералашкин выпил подряд три стакана воды и закурил.

— Познакомился я с ними в Талгаре, — начал он свой невеселый рассказ. — Мать посылала купить муки. Там у нас есть знакомый казачок Конкин, у него я и остановился. Единоличник. Вот у Конкина они и были. Крепко выпили. Утром похмелились; дали мне муки, крупы, масла и сказали, что еще дадут, если я помогу им подыскать дом... Я всегда ломал двери — вышибал или срывал с крючка, а все остальное они делали сами... Где живут, не знаю. Оружие у всех есть, сам видел, меня припугивали.

— Сколько их?

— Трое. Завтра в двенадцать часов ночи я должен с ними встретиться.

— Где? — спросил я.

— В Верхних садах, у Шипунова.

— А кто он такой, Шипунов-то?

— Тоже казак из Талгарской станицы. Такая шкура!

Арестованного увели.

— Как думаешь, не врет?

— Думаю, не врет. Если не захватим бандитов у Шипунова, будем брать Конкина и следствием разматывать, — сказал Федоров.

Ералашкин без колебаний согласился пойти на явку с бандитами. В одиннадцать часов вечера от здания республиканского уголовного розыска отъехали дрожки, запряженные парой резвых лошадей. Лошадьми правил Прусенко. В дрожках сидели Федоров, еще один сотрудник Малышенко с собакой Дианкой и Ералашкин.

За Головным арыком дорога пошла мягкая, пыльная, и наши дрожки катились почти без шума. Ночь была звездная, но безлунная, предметы угадывались с большим трудом. Мы поднялись на первый пологий холм, и город оказался где-то ниже нас, тускло мерцая из-за густой зелени отдельными огоньками, а впереди, прямо перед нами, возвышаясь, темнели горы.

За холмом, подъехав к домикам, мы остановились, привязали у тополя лошадей и тихо тронулись по заросшей чуть заметной дорожке. Пройдя немного, Ералашкин показал нам дом Шипунова. Это была пятистенная изба. Двор окопан неглубоким рвом и огорожен со всех сторон забором. В глубине двора сад.

В доме горел свет. Несмотря на поздний час, хозяин не спал, видно, у него были гости.

Я и Федоров залегли в канаву перед воротами, Малышенко с Дианкой расположились неподалеку, а Прусенко — в саду. Прежде чем отпустить Ералашкина, условились, что он при первой возможности выйдет на улицу и, если банда в сборе, кашляет столько раз, сколько бандитов; если нет, кашляет один раз.

Ждали мы долго. Уже забрезжил рассвет, пополз туман. Наши гимнастерки стали влажными от павшей росы, а Ералашкин все не показывался.

Ночь уходила. Над землей вдруг побежал ранний ветерок и погнал туман.

Наконец закрипела дверь, и пятеро мужчин стали спускаться с невысокого крылечка. «Посыльный» не кашлял, но нам и без этого все было хорошо видно. Федоров вынул из кармана гранату, положил ее впереди себя и, щелкнув курком нагана, громко крикнул:

— Ложись, сволочи! Сдавайтесь, вы окружены! — и почти одновременно все мы выстрелили из наганов вверх.

Один из бандитов бросился назад в дом, и свет в нем моментально погас; другой кинулся в глубь сада, а трое тут же легли. Через несколько секунд из сада раздался выстрел и затем — взрыв гранаты.

— Собаку! — крикнул я Малышенко.

Через несколько минут все было кончено. Бандиты стояли с поднятыми руками, в стороне валялось два револьвера. Прусенко и Малышенко вели из сада раненого. Малышенко держал в руке его револьвер.

В доме Шипунова слышался плач.

— Хозяин, выбрасывай оружие и выходи! — крикнул я.

Из избы со свистом вылетел обрез, и женщина, бранясь, вытолкнула на улицу Шипунова.

ВАС РАССТРЕЛЯЮТ НА ЗАКАТЕ...

(Из воспоминаний **Г. М. Анциферова,**
подполковника милиции в отставке)

Георгий Михайлович Анциферов вступил в ряды рабоче-крестьянской милиции двадцатилетним юношей в первые годы становления Советской власти на Акмолинщине. Он служил рядовым милиционером, инспектором, а затем многие годы возглавлял Акмолинское городское управление милиций, работал начальником одного из отделов Семипалатинского областного управления охраны общественного порядка.



Г. М. Анциферов.

Волостную милицию в селе Алексеевке Акмолинского уезда организовали в начале 1920 года. Я пришел на работу туда месяца через три в первых числах мая.

Пустые комнаты... Только у делопроизводителя есть мебель — грубо сколоченный неструганный стол да колченогая табуретка.

В кабинете начальника толкуются милиционеры. Одеты кто во что горазд — в солдатские гимнастерки, в кожаные куртки. Некоторые щеголяют в наскоро переброшенных офицерских френчах, бекешах: формы тогда у нас не было. Все курят махорку.

Начальник милиции — вижу его как сейчас — посланец питерских рабочих Евгений Алексеевич Долгих, повидавший окопы империалистической бойни, понюхавший пороху в жарких схватках гражданской войны, дает задания, принимает рапорты. Рядом с ним подтянутый, строгий инспектор милиции — уфимский металлист Мансуров...

Служба наша была нелегкой. Приходилось не только охранять общественный порядок в селах, вести борьбу со спекуляцией, воровством, но и помогать частям Красной Армии в борьбе с организованными, хорошо вооруженными бандами. «Милиция — сестра и

боевой резерв славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии», — такой лозунг был у нас в то время.

Очень сложной стала обстановка в уезде осенью 1920 года. Зашевелилось по селам кулачество, объявились мелкие бандитские группы, которыми часто руководили недобитые офицеры — колчаковцы, дутовцы, каппелевцы.

Особенно напряженно было в больших богатых селах нашей волости — Сосновке и Никольском. Там кулаки в открытую выражали недовольство Советской властью, подстрекали крестьян к мятежу, к расправе над коммунистами. Поддерживали подстрекателей и богатеи из других сел поменьше, но тоже зажиточных. Были и в них мужички, которые жили очень крепко и которым новые порядки пришлось не по нутру.

У многих имелось оружие — наследство минувших войн. Винтовки и обрезы, пистолеты и револьверы различных систем, гранаты, шашки хранились в сундуках, на чердаках, в укромных местах, на огородах. Вскоре из уездного управления милиции пришло указание изъять все имеющееся у местного населения оружие, включая и охотничьи ружья. Прибавилось работы сразу — весь личный состав Алексеевской милиции занимался этим нелегким делом весь ноябрь и декабрь 1920 года и даже половину января

1921 года. Собранное оружие свозили в Алексеевку, складывали в помещении школы. Скопилось его там много...

А в январе 1921 года слухи о готовящемся мятеже уже стали реальностью. Обстановка накалилась. Мы уже знали, что в селе Никольском расположился «штаб» мятежа, что кулаки начинают сколачивать бандитские отряды. Но скоро ли начнут они действовать, кто руководит мятежом — этого мы не знали. Нужно было пробраться в стан мятежников, произвести разведку.

Никольское — мое родное село. Там жили мои близкие — четырнадцатилетняя сестренка и женщина, которая в детстве заменила мне мать. Начальник милиции тов. Долгих решил, что мне легче всего будет пробраться в село для разведки. Я с волнением и радостью согласился: это было мое первое настоящее боевое задание.

Дали мне хорошего верхового коня и наган. Больше никакого оружия брать нельзя было. Одед я дубленый белый полушубок и отправился в путь ранним утром 25 января — памятный это для меня день, день боевого крещения.

К обеду добрался до небольшой деревеньки Серьговки. До Никольского оставалось около семи верст. Еду улицей. Вижу: возле сельсовета рядом несколько подвод, человек с винтовкой. Чего бы это?

Не остановился я, не стал спрашивать, чтобы не возбуждать подозрений. Проехал рысью. Решил для отвода глаз заехать к кому-нибудь из кулаков. Подумают, раз к богатому завернул, значит, не выведывать приехал. По пути попался дом Рогозы — кулака из первых в Серьговке. К нему-то я и пожаловал во двор. Спрыгнул с коня, держу его под уздцы.

— Куда путь держишь, малец? — крикнул он мне с крыльца. — Заходи в избу!

— Благодарствую, дядя, некогда. Еду в Никольское, домой. А к вам заехал попить.

Рогоза усмехнулся недобро. Крикнул, чтоб вынесли воды, и сказал:

— Ну что ж, ехай, ехай... В самый раз попадешь...

Я прикинулся простачком. Придурковато посмотрел на хозяина.

— Присмотрел подводы возле сельсовета? Мобилизация у нас идет. В Никольском новая власть теперь, чисто советская, без коммунистов. Соберем людей и двинем на Алексеевку, бить краснопузиков. Хе-хе...

Старик оказался из говорливых. Пока я пил, он мне выболтал, что новые «советы» возглавляют в Никольском Степан Ефремов и Иван Окатов. Знал я их. Первый — местный торгаш, купец, второй — кулак. Из самых злых мироедов. Военную власть взял на себя Козодуб — бывший прапорщик царской армии.

Выболтал он мне это самодовольно, и понял я, что в Никольском мне делать нечего. Вывел лошадь со двора, вскочил в седло.

— Куда? — рявкнул Рогоза. — Погоди-ка...

— В Никольское, — крикнул я, а сам пустился во весь дух в обратный путь — в Алексеевку.

Возле Серьговского сельсовета уже не было подвод — убралась в Никольское. Видно, кое-кто знал, что я в милиции служу, вот и решили, что сейчас приехал не один, а показываю путь красным отрядам. Испугались.

От Серьговки гнал тридцать километров — половину пути до Алексеевки — и остановился на хуторе у знакомого еще кое-что узнать. И правда, узнал. Знакомый посоветовал не задерживаться — кругом казачьи разъезды и вообще неспокойно.

Только сел я в седло, слышу конский топот. Недалеко совсем.

— Гони, — крикнул мне хозяин, — казаки!

Выскочил я на дорогу, пришпорил коня, а сзади защелкали выстрелы, запели пули над головой. Знать, спохватился Рогоза, послал погоню.

Спасли меня сосновый бор да добрый конь. Как пошла дорога лесом, перестали стрелять преследователи, отстали.

Прискакал я в Алексеевку. Мороз, а конь весь в мыле. Доложил начальнику: так, мол и так. Нужно действовать.

Начальник сразу же послал в Акмолинск, в уезд, конного курьера, и мы принялись готовиться к нападению бандитов-мятежников.

В то время в Алексеевке стоял продотряд — 19 штыков, — которым командовал питерский рабочий Жимоловский. Вместе с продотрядцами нас было немногим больше тридцати человек.

Сперва решили обеспечить себе тыл. Арестовали кулаков в ближайших селах, в том числе задержали кулака Козодуба — брата того прапорщика, что командовал бандитами. Приготовились к обороне. Всех нас, милиционеров, перевели на казарменное положение, организовали общее питание.

В этот же день в Алексеевку прибыл военный комиссар Акмолинского уезда Пасиковский с отрядом в 30 человек. Отряд он направил на подавление кулацкого мятежа в село Сосновку, хотя ему и советовали не делать этого, а встретить общими силами кулацкие банды у Алексеевки: ведь были точные данные о том, что мятежники пойдут на Алексеевку. Им нужно было оружие, и мечтали они захватить его именно в алексеевской школе. Это данные были раздобыты мной и другими разведчиками. Рассказывали об этом и Никольские крестьяне, не желавшие идти заодно с мятежниками.

Не послушался Пасиковский, дал команду отряду идти в Сосновку. Сам же остался в Алексеевке. Дорого обошлась нам эта неосмотрительность.

Через два дня показалась со стороны Никольского первая казачья сотня мятежников. Ворвались в село, рассчитывая на легкий успех. Знали, что основной наш отряд ушел на Сосновку, а она-то дальше Никольского.

Сразу устремились к школе — манило оружие. Но на площади мы встретили их дружным огнем... Стали валиться с коней бандиты. Увидали — дело плохо, повернули назад. Но мы понимали, что ушли они не совсем, скоро вернуться, и были бдительны. Напряженно прошла ночь. Потом день и еще ночь. Из Сосновки тем временем вернулся отряд, посланный туда Пасиковским. Вернулось, собственно, несколько бойцов... Остальные, в том числе и начальник отряда, сложили свои головы под Сосновкой. Так обошлось нам легкомыслие одного человека.

Увидел это Пасиковский, весь увешанный гранатами вскочил в кошевку, запряженную парой крепких лошадей, и был таков. Только мы его и видели.

Теперь нас в Алексеевке было около сорока человек... Вооружены мы были двумя пулеметами. Один, помнится, высокий, на треногах — американский «сетен». Был еще ручной пулемет «шоша».

А сила на нас шла немалая: кулацким заправилам угрозами, принуждением и обманом удалось собрать в свои отряды около трех тысяч человек. Правда, нам помогал снег. Много его было в тот год. Стоило чуть свернуть с дороги, и лошади проваливались по брюхо, увязали в сугробах люди. Завалено снегом было и село Алексеевка. Горы снега лежали чуть не до крыш. Мятежным отрядам нельзя было наступать широким фронтом, а мы могли держать оборону.

Однако слишком велика была сила, осаждавшая Алексеевку. В первые часы боя погиб инспектор милиции — уфимский рабочий Мансуров... Один за другим, сраженные вражескими пулями, падали бойцы.

Целый день продолжалась жестокая перестрелка, а к вечеру у нас кончились патроны. Ворвались бандиты в село, кинулись в рукопашную. Тут же, в бою был пронзен штыком командир продотряда питерский рабочий Жимоловский... Меня ударили прикладом по голове. Потерял сознание...

Ночью нас, оставшихся в живых и захваченных в плен, отправили в Никольское, в главный штаб банды. Меня, избитого и почти раздетого, вместе с несколькими товарищами бросили в холодный сарай. На другой день состоялся «суд». Приговор был коротким: расстрелять. Оставалось нам жить до вечера.

Так и сказали нам бандиты:

— Глядите в последний раз на белый свет. Когда солнышко зайдет, кокнем.

А вечером в село Никольское с севера, со стороны Петропавловска, ворвалась Красная конница. Наши отряды спешили и с юга, из Акмолинска.

Главари мятежников Степан Ефремов, Иван Окатов и прапорщик Козодуб бежали. Многих бандитов в тот день побили... Нас, пленных милиционеров, освободили. Несколько дней отхаживали меня мачеха и сестренка. Лечили раны, ушибы. С перевязанной головой, с незажившими кровоподтеками вернулся я в Алексеевку, в свою милицию. А через неделю опять на коне. Все лето 1921 года мы продолжали борьбу, ликвидируя остатки кулацкой банды.

с. Алексеевка Целиноградской области.

И. Пепеляев

ОПАЛЕННЫЕ ПОРОХОМ

Они выехали вчетвером. Четверо коммунистов, четверо боевых испытанных товарищей. Начальник милиции города Чимкента Никон Сурдушкин и его помощники Усманов, Троянов и Маматказин. Задача была не из легких: ликвидировать в Бостандыкском районе басмаческую банду Канаева. По сведениям, поступившим в милицию, Канаев скрывался в горах, где-то в районе Чаткольского перевала.

Было это беспокойным летом 1929 года.

Маленький отряд Сурдушкина выехал сразу, как только было выяснено приблизительное местонахождение банды. Медлить было нельзя. Только внезапность могла решить успех схватки в горах. Они ехали молча. Потому что давно знали друг друга и каждый был уверен в товарищах, как в самом себе.

Никон Сурдушкин с ранних лет связал свою жизнь с большевистской партией. Еще четырнадцатилетним пареньком, в 1916 году он был связным в подпольной организации политических ссыльных Чимкента. В доме его отца — Макара Никитовича — часто устраивались тайные собрания большевиков. Смышленный мальчуган слушал и запоминал разговоры революционеров. Здесь он и получил азы марксистской политграмоты.



Н. М. Сурдушкин — начальник Чимкентского городского отдела милиции. 1929 год.

В 1918 году Никон Сурдушкин вступает в партизанский отряд и с оружием в руках защищает молодую Советскую республику. После гражданской войны работает в рабоче-крестьянской милиции.

Ближайший соратник Сурдушкина — Ерназар Усманов — тоже с оружием в руках защищал Советскую власть. Октябрьские события 1917 года застали юного Ерназара в одном из аулов. Он тянул батрацкую ляжку у бая Таира. В декабре 1917 года Ерназар приезжает в Чимкент. Ему удается сколотить группу единомышленников из таких же молодых батраков, как и он. Юноши путешествуют из аула в аул, рассказывая землякам о революционных событиях в России.

Баи и духовенство создали в это время в Чимкенте контрреволюционную организацию «Шуран-Ислам». Они запугивали и терроризировали население. В подвале одной из мечетей подвергались пыткам советские активисты. Людям, отмеченным агентами «Шуран-Ислама», тайно подсовывались повестки с требованием явиться на допрос. После этого люди бесследно исчезали. Такую повестку получил и Ерназар. Над ним нависла угроза попасть в руки террористов. Юноша скрылся. Вернулся он в родной город в составе красногвардейского партизанского отряда под командованием З. М. Романенко. Ерназар помог найти и арестовать членов организации «Шуран-Ислам». Потом Усманов участвовал в боевых операциях против крупного басмаческого отряда Ибрагимбека, боролся с кулаками в селе Дмитровке, с бандой Осипова в Ташкенте. В 1922 году Ерназар пришел в Чимкентскую милицию.

* * *

Забрезжили огни горного аула. Сурдушкин приказал спешиться. Посоветовались. Решили послать Маматказина на разведку. Он хорошо знал местность, так как бывал здесь раньше. Ему удалось узнать многое. Басмачи мелкими группами, по четыре-пять человек,

рассредоточились в трех аулах. Они гуляли по случаю какого-то религиозного праздника. Сам главарь банды Яйшибек Канаев пьянствовал в одном из аулов у местного муллы.

Они проехали еще немного и остановились у подножия горы. Никон предложил продумать план действий. Решили дождаться темноты и атаковать ближайший аул, а пока дать отдохнуть лошадям.

— Нужно создать как можно больше шума. Пусть подумают, что нас много, — сказал Сурдушкин. — Будем действовать гранатами: кроме басмачей, как доложила разведка, там никого нет.

Как только опустилась ночь, четверо всадников подъехали к первому аулу. В крайней хате горел свет. Из-за дувала доносились пьяные песни басмачей.

— Гранаты, — скомандовал Никон.

В окна и двор полетели гранаты. Раздалось несколько взрывов. Свет погас. И все стихло.

Усманов вошел во двор, быстро вернулся.

— Ни один не ушел, — сказал Ерназар.

— По коням! — крикнул Сурдушкин, и отважная четверка поскакала ко второму аулу.

Во дворе дома муллы видны были в лунном свете силуэты людей, кто-то зло бранился, лаяли собаки. По-видимому, бандиты слышали взрывы гранат и готовились оказать сопротивление.

На скаку милиционеры бросили гранаты во двор. За дувалом взметнулось пламя. Загорелся стог сена. Четверо всадников открыли стрельбу по ошалевшим бандитам.

— Сдавайся! — крикнул Сурдушкин, воспользовавшись секундным затишьем. — Вы окружены!

Спустя несколько минут из-за дувала показалась длинная жердь с белой тряпкой. Бандитам было невдомек, что их окружили лишь четверо храбрецов.

В тот же миг сзади послышался конский топот. Усманов обернулся и увидел мчавшегося во весь опор всадника.

— Уходит курбаши! — крикнул Усманов, разглядев под лохматым треухом черную повязку главаря.

Бандит вскинул винтовку и выстрелил в Усманова. Но промахнулся. Канаев резко повернул коня и исчез в темноте. Все это произошло неожиданно, и ни одна из пуль, посланных вдогонку курбаши, не достигла цели.

Воспользовавшись появлением главаря, окруженные за дувалом бандиты попытались оказать сопротивление. Но полетевшие во двор последние гранаты закончили дело.

Третий аул встретил всадников темнотой и молчанием. Вышедший из крайней мазанки казах рассказал, что четверо басмачей ускакали в сторону горного ущелья. Преследовать

бандитов ночью в горах было бесполезно, и милиционеры решили остановиться и немного отдохнуть.

Выехали чуть забрезжил рассвет. В глубоком ущелье еще клубился туман. Копыта коней милиционеры предусмотрительно обмотали кошмой, и теперь лошади неслышно несли всадников по каменистой горной дороге.

Едущий впереди Ерназар Усманов натянул поводья:

— Смотрите! Костер.

Присмотрелись. Действительно, сквозь молочную пелену мигал огонек. Милиционеры спешили и, привязав коней к боярышнику, тихо двинулись к огненной точке. Расчет был прост: окружить людей у костра и, если это бандиты во главе с Канаевым, заставить сдаться без боя.

Подойдя совсем близко к костру, Сурдушкин подал знак остановиться. Долго вглядывались в силуэты. Наконец Усманов тихо сказал:

— Вон тот, справа, Канаев.

Прячась за скалы, милиционеры замкнули кольцо.

Басмачи, прижавшись друг к другу, сидели возле угасающего костра. Неожиданно над их головой прогремел выстрел. Бандиты всполошились, схватились за оружие. Властная команда Сурдушкина и Усманова заставила их побросать винтовки.

Но тут случилось непредвиденное. Тот, что с черной повязкой, метнулся в сторону, пытаясь уйти. Следом за ним рванулся Ерназар. По ущелью прокатились выстрелы. Через некоторое время Усманов, прихрамывая, вернулся и доложил, что раненный в плечо главарь Яйшибек Канаев связан и лежит у скалы шагах в семидесяти. В схватке с ним Ерназар был легко ранен в ногу.

Так закончилась боевая операция на Чаткольском перевале. Банда Яйшибека была ликвидирована. Но это не означало, что в Сыр-Дарьинской области наступили мирные дни. Предстояли новые дела, новые трудные походы.

* * *

Глубокой осенью в Бостандыке вспыхнул басмаческий мятеж. Бандиты убивали партийных и советских работников, комсомольцев, учителей, сжигали аулы, угоняли скот. В срочном порядке был сформирован конный отряд милиции. Командование принял на себя Никон Сурдушкин.

Недалеко от Бостандыка отряд Сурдушкина, насчитывающий чуть более тридцати человек, встретился с крупной и хорошо вооруженной бандой.

Попытка атаковать залегших бандитов окончилась неудачей. Милиционеры были встречены сильным пулеметным и ружейным огнем. Пришлось отступить за песчаные барханы, вынося из-под огня раненых товарищей. Отряд окопался, организовал оборону. Но бандиты не спешили с атакой. Приближался вечер. Со стороны села тянуло дымком, слышно было мычание коров и лай собак. Мирная картина села насторожила Сурдушкина и его товарищей. По всему было видно, что бандиты что-то затевают. Но что? Решено

было послать в село разведгруппу. С наступлением ночи трое милиционеров во главе с Александром Трояновым отправились на задание.

Обогнув село, разведчики подошли к крайней хате. Троянов тихонько забарабанил в затянутое бычьим пузырем окно. Скрипнула дверь, и на пороге выросла сгорбленная фигура.

— Не бойся нас, старик! — шепотом сказал Троянов. — Не злая воля принесла нас к тебе. Нам нужна твоя помощь.

Узнав, что перед ним работники милиции, старик стал жаловаться на бесчинства и зверства басмачей, назвал их приблизительную численность. Однако, что они намерены предпринять — не знал.

— Надо добраться до штаба бандитов, — решил Троянов.

Он попросил у старика халаты и папахи. Разведчики переоделись и вышли на улицу. Было за полночь. Они шли к площади, держась в тени домов. Вот и площадь.

Справа темнела мечеть, а налево светилось здание конторы «Заготзерно». Через незанавешенные окна было видно, что дом полон басмачей. То и дело хлопали двери, впуская и выпуская связных.

Разведчики, прижавшись к плетню, стали наблюдать. Прискакала новая группа всадников. По тому, как почтительно расступились перед входящими в дом, Троянов догадался, что в числе всадников главарь банды.

— Оставайтесь здесь, — сказал Троянов товарищам. — А я попробую подобраться поближе. Если что случится — уходите.

Александр осторожно перелез через плетень и от дерева к дереву стал пробираться к дому. Вот уже слышны голоса совещающихся басмачей. Вдруг рядом мелькнула черная тень, и перед разведчиком вырос детина в лохматом треухе.

— Стой! — прохрипел басмач.

Троянов нанес бандиту молниеносный удар. Падая, басмач успел выстрелить. Пуля обожгла Троянову щеку и ухо. Привлеченные выстрелом, из дома высыпали басмачи. Чтобы отвлечь их внимание от оставшихся в засаде товарищей, Троянов бросился в противоположную сторону. Но скоро почувствовал, что попал в кольцо. Со всех сторон налетели басмачи. Удар прикладом по голове... Александр потерял сознание.

Очнулся в темноте. Страшно болела голова, огнем жгло щеку и простреленное ухо. Первая мысль была о товарищах. «Где они? Может быть, так же, как и он, попали в руки бандитов?»

Преодолевая боль, стал наощупь знакомиться с помещением. Окон не было. Значит, подвал. Троянов нащупал кучу какого-то тряпья и лег на нее. Опять им овладело забытье...

Разбудил лязг железного засова. В глаза больно ударил свет факелов.

— Выходи, красный шайтан!

Под конвоем издевавшихся басмачей Троянова провели через площадь в штаб. В большой комнате, полной бандитов, за столом сидел маленький человек в лохматой папахе.

— Так. Попался, большевик. Говори, где твои люди? — сказал тот, что за столом.

Радостно забилося сердце. Значит, друзья-разведчики вне опасности. Троянов не удержался, чуть заметно улыбнулся. Но басмач заметил улыбку.

— Да ты еще смеешься, — крикнул главарь. — Научим тебя плакать...

Двое бандитов подскочили к Александру, выкрутили руки. Еще трое сорвали с него одежду, сбили с ног. Били камчами, шомполами, прикладами. Били долго.

Сквозь кровавый туман доносились резкие голоса:

— Где твои друзья, шайтан? Что собирался делать? Сколько сабель в отряде?

Троянов молчал. Тяжелые и страшные удары сапогом в спину. Из рта Троянова хлынула кровь.

— Сдыхает, собака, — сказал маленький. — Убрать...

Но Троянов уже не слышал этих слов.

Истерзанного разведчика бросили в низкую сырую землянку, рядом со штабом.

Очнулся он только ночью через сутки. Сквозь щели землянки лил дождь. Троянов подполз к натекшей лужице, напился и снова потерял сознание.

Никто не видел, как темная фигура, крадучись, подобралась к землянке, где лежал Троянов. Караульный в это время ушел погреться. Через несколько минут человек с тяжелой ношей на спине показался на пороге, скользнул между деревьями сада и исчез в густой завесе падающего дождя.

Александр пришел в себя. Темное бородатое лицо склонилось над ним. «Сволочь! Не скажу ни слова...» Но бородатое лицо, улыбаясь, склонилось еще ниже.

— Товарищ... Это я. Не узнаешь? — Лицо старого таджика, снабдившего Троянова и его товарищей одеждой, осветилось слабым огоньком коптилки. Троянов облегченно закрыл глаза...

Днем и ночью таджик не отходил от раненого. Присыпал раны кизячным пеплом, отпаивал травяными настоями.

Могучий организм Троянова победил. Уже мог он, кривясь от боли, подползать к порогу, прищуривая отвыкшие от света глаза, смотреть в степь. Дело шло на поправку.

Однажды старик вбежал в хату взволнованный.

— Саша! Конец бандитам. Вокруг аула много-много красных бойцов...

14 ноября 1929 года в район Бостандыка на помощь милицейскому отряду Сурдушкина прибыли курсанты Ташкентской школы красных командиров имени В. И. Ленина.

Заметались окруженные со всех сторон басмачи. Зло и жестоко расправлялись они с жителями аула, пытавшимися наладить связь с бойцами милиции и курсантами.

— В этот же день к вечеру басмаческая группа была разбита, — рассказывает Ерناзар Усманов. — Сашу Троянова мы нашли во дворе. С первыми же нашими выстрелами он взял охотничье ружье у старика и выполз во двор, чтобы помочь нам. Но сил хватило лишь на полдороги. Так и застали мы его лежащим во дворе возле колодца с охотничьим ружьем в руках. Он отлежался в госпитале, выздоровел. Его мужество и храбрость стали легендой. Немало опасных преступников помог он задержать. Погиб Александр Троянов в схватке с вооруженным уголовником. Ему не успело исполниться и двадцати семи лет.

* * *

Начало коллективизации. Кулаки яростно сопротивлялись новым порядкам. В только что организованных колхозах не хватало семян, под угрозой срыва был сев весной тридцатого года. Кулачье не хотело расставаться с зерном, запрятанным в погребах и ямах. Перестали поступать сводки о поставке хлеба и семян из Сузака. А ведь на этот район в Чимкенте возлагали большие надежды.

В те тревожные дни в маленькой конторке «Коопхлеб» собрались на экстренное совещание активисты. Лица присутствующих хмуры и сосредоточены.

— Почему они молчат! — Александр Григоренко — председатель правления «Коопхлеба» — от досады даже ударил по столу. — Четвертый день ни слуху, ни духу...

— Связь с Сузаком оборвалась, — сказал входя Василий Ливенцов — заместитель Александра Георгиевича. — Я только что был на почте.

— Придется ехать.

Григоренко поднял на заместителя покрасневшие от бессонницы глаза.

— И ехать придется тебе, Вася. Надо узнать, в чем дело, и на месте принять все меры, чтобы выполнить план по поставкам.

Ливенцов по-военному подтянулся и поправил ремень старенькой гимнастерки.

— Есть, Александр Георгиевич. Когда выезжать?

— Завтра утром.

Однако к утру намеченный план пришлось изменить. Забывшегося в тяжелой дремоте Ливенцова разбудила жена.

— Вставай, — тревожно шепнула она. — Александр Георгиевич пришел.

Было еще темно. Григоренко взволнованно ходил по комнате.

— Еду с тобой, Василий.

На вопросительный взгляд Ливенцова отшутился: «Вдвоем веселее...» И шепотом, так, чтобы не слышала возившаяся у печки жена, торопливо бросил:

— Собирайся быстрее. По дороге расскажу.

Ливенцов взял приготовленную котомку, поцеловал жену: «Я скоро. Не беспокойся», — и они вышли на улицу.

— Ну вот, Вася... Придется повоевать. В Сузаке вспыхнул басмаческий мятеж. Сейчас мы идем на вокзал. Там формируется отряд из работников милиции и активистов города.

В вокзальном зале ожидания было уже много народу, Знакомые лица боевых товарищей — все участники сражений на фронтах гражданской войны — Сурдушкин, Усманов, Исаев, Клоков, Трегубов, Аузен, Нестеренко....

— Гвардия! — подумал Григоренко, с удовольствием и гордостью наблюдая, как спокойно и деловито разбирают товарищи сложенные на скамьях винтовки, привычными руками проверяя затворы, крепления ремней и штыков.

На одну из скамеек поднялся Исаев — работник Сыр-Дарьинского окрфинотдела.

— Становись! — раздалась команда. Бойцы выстроились. — Слушать меня! Я назначен командиром отряда. Мой заместитель — товарищ Сурдушкин.

Исаев кратко рассказал о боевом задании. Предстояло проехать по железной дороге до ближайшей к Сузаку станции, форсированным маршем подойти к Сузаку и подавить мятеж.

— Друзья! — предупредил товарищей Сурдушкин. — Сейчас выступаем. Не вам рассказывать, как следует вести себя в боевой ситуации. Но прошу иметь в виду, что к отряду басмачей примкнуло немало людей, обманутых и запуганных бандитами. Одна из наших главных задач — попытаться разъяснить людям их ошибки и склонить их к отказу от вооруженного сопротивления. Оружие применяйте только в крайнем случае, когда иного выхода нет.

К назначенной станции прибыли лишь к концу следующего дня. Было решено за ночь пройти к аулу Чулак-Курган, преодолев, таким образом, половину расстояния. Сформировали разведывательную группу под командованием Григоренко. Добровольно вызвались идти в разведку Ерназар Усманов и Василий Ливенцов.

Разведчики оседлали коней, выделенных для них местным конесовхозом. Сурдушкин подошел к склонившемуся над картой Григоренко.

— Ну, Александр Георгиевич, в добрый путь. Рейд ваш будет опасным. Береги людей и себя.

— Буду беречь и людей, и себя, — улыбнулся Григоренко. — А что касается опасности, то ведь все мы понюхали пороху еще в гражданскую.

Исаев и Сурдушкин крепко пожали руки отъезжающим. Через несколько минут всадники скрылись за окружающей станцию ивовою рощей.

— Вроде и нет особых причин, — сказал Исаев, — а чувство такое, будто не увидим мы больше этих ребят...

Часа через полтора отряд Исаева в походном порядке выступил в направлении Чулак-Кургана. Путь был тяжелым. Чтобы не демаскировать себя, двигаться приходилось ложбинами и впадинами, полными вешней воды и нерастаявшего снега. Намокшие сапоги бойцов тяжело хлюпали по раскисшей глинистой почве. Особенно трудно было тем, кто нес станковые пулеметы и ящики с патронами и гранатами. Пулеметы решено было не разбирать из-за возможности внезапного нападения басмачей. Несли пулеметы на носилках, меняясь каждые полчаса. Видно было, что люди устали. Всех тревожила неизвестность.

Исаев и Сурдушкин молча шли впереди отряда, время от времени советуясь со следовавшим за ними проводником. После утомительного шестичасового перехода решили сделать привал.

— А вот и место для привала, — Сурдушкин указал на темневшую впереди старую заброшенную кошару, обнесенную ветхим глинобитным дувалом.

— Что-то не нравится мне это место, — сказал Исаев, оглядывая возвышавшиеся вокруг крутые песчаные барханы. — Как на ладони.

— На барханы выставим дозорных.

Сурдушкин не договорил. Грянули выстрелы. Стоявший рядом Исаев схватился за плечо и опустился на землю. Слева, со стороны барханов раздалось еще несколько залпов. Бросившиеся за укрытия бойцы открыли ответный огонь. Но вскоре все стихло.

— Эй, милиция! — Послышалось из-за барханов. — Убирайтесь отсюда. Всех перебьем. Нас много.

Потом голоса умолкли. Посланные на барханы бойцы доложили, что обнаружили там следы лошадей, стреляные гильзы и оброненную кем-то старую офицерскую фуражку.

— Видимо, бандитский разъезд, — сказал Исаев и, морщась от боли, стал стягивать с себя шинель. Пуля попала в мякоть плеча и застряла под кожей.

— Никон Макарович, размещай людей для отдыха. Но так, чтобы была обеспечена круговая оборона на всю ночь. Двигаться дальше в темноте нет смысла. Двинемся дальше утром.

— Что же с нашими разведчиками? — в мрачном раздумье произнес Сурдушкин. — Как могло случиться, что бандиты подкрались к нам, минуя встречу с группой Григоренко?

Ночь прошла спокойно. Едва начало светать, отряд выступил в путь. К полудню впереди показался аул Чулак-Курган. Остановившись на одном из холмов, Исаев разглядывал в бинокль сжатое со всех сторон песчаными барханами селение.

— Черт знает!.. Впечатление такое, будто в ауле никого нет. Почему разведка ничего не сообщила? Где они все?

Действительно, аул казался вымершим. Не лаяли собаки, не курчавились дымки над крышами, на улицах — ни единой души. Развернувшись в цепь, бойцы осторожно подходили к крайним глинобитным мазанкам. Село оказалось покинутым. В молчании отряд собрался на маленькой площади. Мертвая тишина нависла над аулом. Жалобно скрипели под ветром распахнутые настежь двери.

Внезапно тихий стон раздался из дома, возле которого остановились Исаев и Сурдушкин. Товарищи бросились к входу. То, что они увидели, заставило отшатнуться даже этих, выдавших виды бойцов. Посредине комнаты, привязанный за руки к потолочной балке, висел человек. Обнаженная спина залита кровью. Белое, как мел, лицо безжизненно склонилось на грудь, испещренную кровавыми звездами.

Привести в чувство уложенного на скамью человека долго не удавалось. Наконец, после многих хлопот, предпринятых отрядным фельдшером, глаза человека раскрылись. Он оказался Байгали Омаровым — местным активистом, одним из тех, кто первый без сомнений и колебаний вступил в колхоз. Нерадостную весть поведал Байгали бойцам.

Недавно в одну из февральских ночей в аул ворвалась банда вооруженных басмачей. Они разграбили сельский магазин, перепились. Однако запасов водки оказалось мало. Пошли по домам искать самогон. Там, где его не было, учиняли погром, избивали хозяев, издевались над женщинами. Зверски расправлялись с теми, кто пытался оказать сопротивление. Крики и выстрелы днем и ночью раздавались во дворах и на улицах. Бандиты бесчинствовали несколько дней. Гонцы, посланные в Сузак с сообщением о налете, обратно не вернулись. По ночам жители собирали свои пожитки и уходили в соседние аулы. Вскоре в ауле осталось всего лишь несколько человек. Они решили хоть что-то сделать, чтобы спасти родное село от окончательного разгрома и сожжения. Среди них был и Байгали Омаров.

За сутки до прихода отряда Исаева товарищи собрались в доме Омарова для того, чтобы составить план действий. Внезапно с улицы послышались крики, конский топот и выстрелы. Бросившиеся к окнам друзья увидели, как по дороге, отстреливаясь от наседавших басмачей, проскакал отряд всадников. Вот один из них, одетый в милицескую форму, упал в жидкую дорожную грязь. Другой, схватившись за голову, стал медленно сползать на землю.

— Это наши! Надо помочь...

Байгали выскочил на улицу и, не обращая внимания на перестрелку, подбежал к лежавшему на дороге милиционеру. Это был Ерназар Усманов, раненный в грудь. Взвалив тяжелую ношу на плечи, Байгали бегом кинулся к дому. В нескольких шагах от калитки он споткнулся о камень и упал. Подбежавшие товарищи подхватили Усманова, потом сходили за упавшим с лошади бойцом.

— Спрячьте бойцов, — крикнул Омаров друзьям. — Я как-нибудь доберусь.

Байгали попытался встать. Острая режущая боль пронзила ногу.

«Вывих, наверное», — подумал юноша и, цепляясь за плетень, медленно волоча ногу, пошел, пытаясь уйти с улицы. Но это ему не удалось. Ватага басмачей с криками и руганью схватила Омарова.

— А-а-а... красная шкура!

Бандиты поволокли Байгали к дому, где разместился главарь банды.

— Куда отнесли милиционеров?

Байгали, стиснув зубы, молчал. Страшный удар в лицо повалил его на пол. Палачи долго истязали юношу. Уже потерявшего сознание, его подвесили к потолку, вырезали ножами

ленты на спине, звезды на груди. Басмачи уже собирались прикончить свою жертву, как вдруг в дом вбежал запыхавшийся от бега бандит:

— Милиция!.. Большой отряд... с пулеметами.

Это был приближающийся к Чудак-Кургану отряд Исаева. Басмачей как ветром сдуло. Так и остался висеть привязанный к потолку полуживой Байгали Омаров.

— Что стало с Ерназаром Усмановым и другим раненым бойцом? — спросил Исаев.

— Раненых милиционеров, скорее всего, наши спрятали в колхозном зернохранилище на краю села... Ищите там. А разведчики ваши ускакали в сторону Сузака. Дело плохо. Ведь в Сузаке главные силы бандитов. Да к тому же и отсюда в погоню за ними бросилось десятка полтора басмачей...

Раненых бойцов действительно нашли на чердаке длинного сарая, приспособленного под хранение зерна. Вторым разведчиком оказался Василий Ливенцов.

— Подъехав к Чулак-Кургану и установив, что в нем есть басмачи, — рассказал Василий Кириллович, — мы решили провести разведку боем. Не хотелось терять времени на долгое наблюдение, чтобы определить численность банды. Однако басмачей оказалось слишком много. Они окружили нас кольцом вокруг склада, где мы заняли оборону. Долго отстреливались. Стали кончаться патроны. Тогда решили прорваться. Остальное вам известно.

— Почему решили прорываться в сторону Сузака? — спросил Сурдушкин.

— А что толку было бы в том, если бы мы вернулись к вам, ничего не разведав?!

— И все-таки надо было вернуться. Потеряем товарищей. Восемь человек в самой гуще многочисленной банды басмачей, — сказал Исаев.

В район Сузака отряд прибыл ранним утром. Приближение его не осталось незамеченным бандитами. Еще во время движения бойцы наблюдали то тут, то там одиночные фигуры и небольшие группы верховых басмачей.

Село, окруженное сплошной линией высоких тополей, раскинулось по берегам маленькой речушки. Исаев остановил отряд на привал у ручья, извилистой лентой пробирающегося между глинистыми буграми.

Уставшие бойцы легли на землю, держа оружие наготове.

— Слева по направлению к нам движется большая толпа, — крикнул один из наблюдателей.

По ложине из-за высокого холма появилась толпа. Женщины, дети, старики. Они медленно двигались в направлении отряда.

— В чем дело? — Сурдушкин и Исаев прикинули к биноклям.

— Вот сволочи! Бандиты думают напасть на нас под прикрытием женщин и детей, — сказал Исаев.

Действительно, в бинокль было видно, как упирались идущие впереди люди, подталкиваемые стволами и прикладами ружей. Вот послышался выстрел, упал под ноги идущим один из седобородых стариков. Крики, стон и проклятия донеслись до слуха бойцов.

Двойная цепь врагов и их пленников медленно приближалась, заняв собой всю ширину ложбины. Дойдя до ручья, делавшего крутой поворот метрах в трехстах от отряда, цепь остановилась. Сзади над головами поднялась белая тряпка. Вперед вышел басмач в длинном чапане, перепоясанном пестрым кушаком, с винтовочным обрезом в руках.

— Эй, коммуния! — донеслось до бойцов. — Пропустите нас в сторону Туркестана... Мы уйдем на Афган. Иначе всех перестреляем. И вас, и этих.

Он ткнул рукой в стоявшую рядом с ним молодую казашку. В следующий момент случилось неожиданное. Молодой боец, лежавший за пулеметом, не выдержал, нажал на гашетку и выпустил длинную очередь поверх толпы. Поднялась паника. Мирные жители, напуганные выстрелами, кинулись бежать и смяли притаившихся за ними бандитов. Свирепые окрики, удары прикладами и даже выстрелы в упор не смогли остановить устремившуюся в сторону аула толпу.

— Самохов! — закричал Сурдушкин. — Еще одну очередь! Подлиннее!

Новая пулеметная очередь заставила залечь оставшихся басмачей.

Завязалась перестрелка. Откуда-то со стороны вдруг застрочил оказавшийся у бандитов ручной пулемет. Перед самым бруствером, окружавшим командный пункт Исаева и Сурдушкина, разорвались две самодельные басмаческие гранаты.

— Вооружены они неплохо, — сказал Исаев, протирая засыпанные песком глаза.

— Да и численный перевес налицо, — заметил Сурдушкин, наблюдая, как справа и слева со стороны окружающих бугров стали появляться дымки ружейных выстрелов.

— Пытаются окружить. Нам нужно ударить по левому флангу. В центре не пройдем. Пулемет, — сказал Исаев.

Однако первая вылазка, предпринятая отрядом, окончилась неудачно. Сильно мешал переместившийся на фланг ручной пулемет бандитов. Двое бойцов и пулеметчик Самохов были ранены.

Несколько удачней оказалась вторая попытка. Двум бойцам удалось подобраться и забросать гранатами ручной пулемет. Цепь бандитов, расположенная по фронту, была отброшена назад, а отряд занял позицию, исключаящую возможность незаметного окружения. Но в целом стало ясно, что имеющимися силами нельзя не только ликвидировать банду, но и воспрепятствовать ее продвижению в сторону афганской границы. У басмачей были лошади и верблюды, отобранные в Сузаке и близлежащих хозяйствах.

— И тем не менее, — заключил Исаев, — необходимо принять все меры к тому, чтобы бандиты не ушли.

* * *

— Как мы выдержали страшное напряжение того памятного дня, — рассказывает Никон Макарович, — уму непостижимо! Беспредельными вылазками, отчаянным огнем, внезапными атаками мы буквально парализовали бандитскую группу, не давая ей возможности оторваться от нас и начать отход к станции Туркестан.

К вечеру бойцы валились с ног от усталости. Да и боеприпасы кончались. Положение было критическим. И если бы не подоспевшая помощь, — Никон Макарович улыбнулся из-под нависших лохматых бровей, — не сидели бы мы с вами сейчас на этой скамеечке.

В сумерки в район Сузака прибыл большой отряд курсантов Ташкентской школы красных командиров. Басмачи были окружены. Лишь двум-трем головорезам удалось бежать, да несколько человек были убиты в схватках. Остальные бандиты сложили оружие.

— Потом был народный суд, — дополняет рассказ своего друга Ерназар Усманов. — Каждый басмач получил по заслугам. А преступлений они совершили немало. В Сузаке бандиты прежде всего зверски расправились с работниками райсовета и милиции, с сельскими активистами. Молодую женщину-фельдшера они веревками привязали к хвосту лошади и долго гоняли по степи, а затем убили. Они убивали каждого, кто пытался оказать хоть малейшее сопротивление. Грабежи, насилия и убийства совершались в те дни постоянно.

Конечно, сейчас все это представляется невероятным. Для того, чтобы правильно оценить происшедшее в Сузаке, нужно учесть условия того времени.

В Казахстане в то время околачивалось много разного отребья: недобитое белогвардейское офицерье, кулаки, озверевшие от лютой ненависти к изгнавшим их Советам, попы и монахи, миглом сообразившие, что одурманивать народ больше им не придется, и потому сменившие крест и рясу на бандитский обрез, матерые уголовники, доставшиеся нам в наследство от царского режима. Были и свои, казахстанские, отщепенцы — раскулаченные баи, муллы, скототорговцы из числа тех, которым новая власть крепко наступила на горло.

Весь этот сброд и составлял обычно ядро бандитской басмаческой группы. Путем обмана и запугиваний они привлекали на свою сторону неустойчивую часть сельской бедноты и середняков. Сыграли свою роль, конечно, и перегибы в коллективизации. Таким путем образовывалась значительная по своим размерам банда. Была она разношерстной, объединяла и ярых врагов Советской власти, и несправедливо обиженных.

Бороться с такой группой было чрезвычайно трудно. Местом своей «деятельности» бандиты избирали, как правило, глухие отдаленные районы, добраться до которых при тогдашнем состоянии дорог и транспорта можно было не скоро. Да и связь с отдаленными районами была отвратительной. Сообщения и сводки из них шли в областной центр неделями. Вот так и получилось, что в Сузакском районе в течение семи дней беспрепятственно хозяйничали басмачи.

— А что стало с Григоренко и его разведчиками?

— Они попали в руки бандитов, — говорит Сурдушкин, и лицо его становится напряженным. — Мы нашли их только на следующий день после завершения операции. Восемь обезображенных пытками трупов...

Четверых похоронили на станции Туркестан, четверо лежат под вздвигнутым в Чимкенте обелиском...

Обелиск погибшим работникам милиции стоит в городском парке. На сером постаменте всегда живые цветы. Сюда, к обелиску, часто приходят юные чимкентцы, чтобы встретиться с живыми участниками боевых походов. Затаив дыхание, слушают они ветеранов милиции, участников боев с басмачами — Никона Макаровича Сурдушкина, Ерназара Усманова и других. Им есть что рассказать ребятам о тех суровых днях.

И. ПЕПЕЛЯЕВ, подполковник внутренней службы.

г. Чимкент.

П. Самойлов, И. Антипов

ВСТРЕЧА В НОЧИ

Есть на самом севере Казахстана село Ольгинка. Природа в тех местах веселая, через каждые полверсты колки серебристых берез; но жизнь там до революции была совсем невеселой. Ольгинка — село переселенческое, сюда, за Урал, нужда загнала мужиков из Центральной России, с Украины, но и здесь от нищеты избавились единицы — те, кто похитрее да попржимистее, а остальные беднели все больше, совсем теряли хозяйство, шли в батраки. С детства батрачил у кулаков Кузьмичевых и Андрейка Перистый.

Хозяева были не из самых плохих, работать мальчишке приходилось, конечно, от зари до зари, но хоть не издевались. А с хозяйским сыном Витькой у Андрея завязывалось даже что-то похожее на дружбу. Завязывалось, да так завязаться и не успело — далеко разошлись их пути.

Когда началась война, Андрей Перистый был призван под ружье защищать царя и отечество. Три года с лишком провоевал он в составе Сибирской дивизии, дважды попадал в немецкий плен, дважды бежал из плена.



А. Р. Перистый.

В 1917 году 41-й Сибирский полк, в котором служил рядовой Перистый, перешел на сторону революции. В суровые годы гражданской войны солдаты бывшего 41-го храбро сражались с врагами Советской власти, бились с Колчаком.

Летом 1919 года Андрей Перистый вместе с несколькими своими товарищами был отозван с фронта и направлен в распоряжение ВЧК в уездный город Кокчетав. Ему поручили возглавить отделение бойцов-чекистов.

Время было беспокойное. На востоке не добит был еще «верховный правитель России», в степи бродили остатки белогвардейских и алаш-ордынских банд, кулачье продолжало надеяться на поражение Советской власти. Молодой чекист участвовал во многих схватках с белобандитами, не раз проявляя мужество и находчивость.

...Андрей Перистый готовился к отъезду домой, на побывку. За успешно проведенную операцию по ликвидации белоказачьего бунта в станице Лобаново он получил несколько дней отпуска. Земляки помогали ему собираться в дорогу, писали письма, просили кланяться родным и знакомым.

В самую последнюю минуту перед отъездом зашел к нему Василий Иванович Смоленский, комендант уездной ЧК.

— Собирайся, Андрей, в штаб, сам Широков вызывает...

Через минуту они уже шагали по широкой улице, и Смоленский рассказывал молодому чекисту невеселые новости. На деревню Колесниковку налетела на днях банда белогвардейцев и целиком, с детьми и женщинами, вырезала пять крестьянских семей, отцы которых сражаются в Красной Армии. Расследовать это страшное дело был послан комсомолец Григорий Еременко с товарищами. Но и они не вернулись. Пошли слухи, что Еременко погиб от рук бандитов.

Федор Петрович Широков, начальник уездной ЧК, не спал уже несколько суток. Он поздоровался с пришедшим, потер красные глаза и негромко сказал:

— Ну, Перистый, ты уже, конечно, в курсе дела. Сам понимаешь — с отпуском придется повременить. Поедешь на место со своим отделением и расследуешь обстоятельства гибели Еременко. Попробуй разузнать о численности банды, но не зарывайся, — внезапно повысил он голос, — а то знаю я тебя, всегда в самое пекло лезешь...

Чекистам было известно, что бандой, орудовавшей в Кокчетавском уезде, верховодит бывший начальник полиции Филатов — злобный, коварный и неглупый враг. Он отлично знал местность, чуть не в каждом селе среди кулаков у него была тайная агентура, поэтому удары его были внезапными и сильными.

В Колесниковку Андрей Перистый выехал со своими, подчиненными Вдовиным, Егоровым, Левиным и замечательным наездником Муратовым. Все они до прихода в отряд ВЧК успели пройти суровую фронттовую школу, были смелыми и находчивыми бойцами.

До Колесниковки семьдесят верст. Добрались без всяких происшествий. В деревню приехали уже затемно. Въехали осторожно, спешили и постучали в крайнюю избу — она была невидной, явно бедняцкой. Дверь отворила сгорбленная старуха. Она долго

недоверчиво разглядывала молодого коренастого парня в военной форме. Наконец сказала:

— Мы Кругловы. А тебе кого надобно?

— Да тебя, бабуся, и надо, — ответил Перистый. — Узнать нам надо кое о чем...

Старуха пожевала губами.

— А вы из каких будете?

Перистый долго объяснял ей, что все они из уезда, от Советов. Старая крестьянка слушала молча, наконец по ее глазам чекист понял: поверила. И сразу изменилась, засуетилась, пригласила в избу:

— Милости просим! Будьте как дома!

Вскоре на столе появился до блеска начищенный старый самовар с медалями на боках.

У хозяйки двое сыновей служили в Красной Армии. В день налета к ней в дом ворвались бандиты в папахах, угрожали спалить хату: «Все большевистские гнезда выжжем!» Да не успели что-то, спешно стали собираться из села.

А через день пришли другие, может, и из той же банды, кто знает, в грязных, рваных рубахах, перепоясанные парусиновыми ремнями, обвешанные оружием, горластые, пьяные.

В одной из телег, на которых они приехали, лицом вниз лежал молодой парень, раздетый и окровавленный. Кто он был, в селе так до сих пор и не знают. Говорят бабы, что был это парнишка из красных, прислали его сюда, чтобы выследить Филатова...

Как раз в сумерки дело было. Парня сбросили с телеги, долго допрашивали, били плетью, а потом положили вдоль бревна, привязали и взяли поперечную пилу...

Молча, опустив головы, сидели милиционеры, слушая страшную повесть о гибели своего товарища. Они знали, что каждого из них в любую минуту подстерегает смерть, что враг, сдыхая, готов на любые зверства. Но не страх, а беспощадную ненависть к контре вызвал этот рассказ в сердцах революционных, бойцов.

Рано утром Андрей Перистый и его бойцы пошли на могилу безвестного милиционера. Нужно было точно установить, кто был зверски казнен бандитами, хотя чекисты не сомневались, что погиб именно Григорий Еременко.

Узнав о прибытии милиции, на кладбище собрался народ. Перистый приказал своим подчиненным вскрыть могилу...

Спустя час все стало ясно: от рук белогвардейской нечисти погиб комсомолец Еременко. Всю ночь бойцы не сомкнули глаз, украшая могилу своего товарища. На скромном памятнике они сделали надпись:

Здесь похоронен зверски замученный

белогвардейцами комсомолец

ЕРЕМЕНКО Григорий Петрович.

Вечная слава герою! Мы отомстим за тебя!

На рассвете Андрей Перистый отправил Хамита Муратова в Кокчетав с донесением, а сам с остальными бойцами направился в сторону Тарангула, куда, по словам жителей Колесниковки, скрылись бандиты.

Ехали лесами и балками, дышащими пьянящим запахом земляники. Вскоре чекисты увидели юрту. Неподалеку от нее серебрилось озеро, слышалось блеяние овец. Картина была самой мирной. Но бойцы ни на минуту не могли забыть, что в этих прекрасных, как сказка, краях рыщут бандиты, что жизнь мирных людей отравлена здесь горем и слезами.

К ногам коней бросились лохматые сторожевые собаки и залились неистовым лаем. Из юрты вышел еще не старый казах и, приставив ладонь козырьком ко лбу, стал смотреть на приближающихся всадников. На его смуглом лице появилось настороженное выражение, хотя приближения незнакомцев он ждал молча и с достоинством.

Поравнявшись с ним, Перистый сказал обычные слова приветствия. Пастух ответил сдержанно и продолжал разглядывать незнакомых людей. И только когда бойцам удалось убедить казаха, что они красные, милиционеры, лицо его сразу подобрело, и он гостеприимно пригласил приехавших в юрту. Но гостеприимством хозяина не было времени пользоваться — до вечера нужно было добраться до Тарангула, разузнать о бандитах и ночью вернуться в Кокчетав.

Пастух рассказал, что верстах в пяти от его стоянки в лесу живут двое каких-то людей. («Плохие люди, совсем плохие люди», — покачал головой казах). Вот уже который раз они приходят к нему в юрту и, угрожая оружием, требуют баранов. Пастух не смеет отказать. Получив добычу, бандиты исчезают.

— Скоро совсем разорят, — жаловался пастух, — и уехать не дают. Догоним, говорят, убьем...

Милиционеры вскочили на коней и помчались туда, где, по рассказам чабана, прятались грабители.

Подъезжая к лесу, чекисты слышали слабое ржание коней. Перистый подал знак спешиться. Всадники повиновались его команде. Они привязали коней к соснам, повесили им на шею торбы с овсом, а сами с винтовками, скрываясь меж кустов, двинулись дальше.

Шли медленно, стараясь не обнаружить себя. Вечерело. С каждой минутой становилось все труднее просматривать лес. Наконец на небольшой поляне Андрей Перистый заметил вспыхнувший на мгновение огонек. Его увидел и шедший рядом Вдовин.

— Никак, люди, товарищ командир? — тихо сказал он.

— Вижу, — тихо отозвался Перистый, продолжая пробираться вперед.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, милиционеры хорошо разглядели фигуру неизвестного. Он сидел на пеньке, оборванный, не мытый, видно, месяц, и курил, задумавшись о чем-то...

Андрей подал условный знак своим подчиненным — залечь и наблюдать. Он решил дожидаться второго бандита.

И тот скоро показался — такой же обтрепанный и грязный, как первый. Движения его были неровными, судорожными. Между бандитами завязался какой-то разговор, скоро перешедший в спор. Казалось, второй в чем-то убеждает первого, но тот не соглашается и даже хочет заставить замолчать своего приятеля. Слов не было слышно, но жесты бандитов достаточно выразительно передавали характер их беседы.

Перистого мало интересовала дискуссия, возникшая между бандитами. Он подал товарищам знак, те бесшумно поднялись, и грабители с растерянными лицами подняли руки, увидев направленные на них винтовки...

Их изумление было естественным. Но так же изумлен был и Перистый — перед ним с поднятыми вверх руками стоял сын его бывших хозяев Кузьмичевых — Виктор... Да, это был он. Конечно, годы изменили его, но не узнать Виктора даже в этом худом, сутулом, давно не бритом человеке Перистый не мог. Впрочем, Андрей тут же справился с собой и произнес «Вот и встретились» таким тоном, будто он пришел сюда именно за тем, чтобы повидаться со старым знакомым.

Пленных повели к юрте пастуха. Полдороги шли молча. Потом Виктор повернулся к Перистому и коротко спросил:

— Чекист?

— Чекист, — так же коротко ответил Андрей. И, прошагав еще немного, добавил. — Все же не думал я, что встречу тебя здесь. Хоть и был твой батька богатеем, да не ждал я тебя бандитом встретить. Видно, правда, что яблочко от яблони не далеко падает.

— Судьба, — пожал плечами Кузьмичев.

— Человек сам себе судьбу выбирает.

— Какой теперь у меня выбор? Как у вас там говорится — в штаб к Духонину...

В голосе пленного не было ни бравады, ни, пожалуй, страха. Андрей чувствовал в нем только отчаяние заблудившегося человека...

— Нет, Виктор, выбор есть и у тебя, — твердо сказал Перистый, — я не знаю, какие ты преступления совершил против Советской власти. Но мы узнаем, и тебе за них, конечно, ответ держать. Ты можешь облегчить свою судьбу, если правдиво расскажешь о банде, если сможешь нам ликвидировать ее.

Виктор бросил на Перистого быстрый взгляд, словно пытаясь узнать, можно ли верить его словам, но ничего не сказал.

Допрос снимали в юрте. Кузьмичев не запирался. Он рассказал о численности банды Филатова, ее вооружении, указал на местонахождение. В лесу он жил вместе с другим бандитом. Отсюда они вдвоем ходили на промысел, волками кидались на добычу, таскали баранов.

И снова Перистый не чувствовал в ответах Кузьмичева страха. Говорил он с искренним, кажется, раскаянием. Андрею даже стало жаль приятеля детских лет. Но он тут же

мысленно оборвал себя: «Проиграл, потому и раскаивается, а как бы он пел, если б я у него оказался в руках...»

В Кокчетав выехали во второй половине ночи. Торопились, чтобы быстрее доложить товарищу Широкову о выполнении задания. Но на полпути возле глубокой балки загремели выстрелы. Засада! Вокруг чекистов смыкалось кольцо. Перистый приказал товарищам пробираться через лесок, а сам залег за пеньком, плотно прижав к плечу приклад. Стрелял не торопясь, держал бандитов на почтительном расстоянии. Но вдруг сзади что-то резко зашуршало. Не успел повернуться, как тяжелый удар по голове лишил его сознания.

...На поднятых оглоблях телеги покачивался фонарь, тускло освещая сидевших вокруг людей. На ступице высокого колеса сидел еще молодой сухощавый мужчина и помахивал плеткой. Он, казалось, так был занят этим делом, что позабыл о своем пленнике.

Андрей Перистый со связанными руками стоял перед ним. Руки затекли, голова тупо болела.

— Ну-с, господин Перистый, — наконец заговорил Филатов, продолжая играть плеткой, — сколько же большевики за мою голову положили? Молчите?.. Ну что ж, ваше счастье, что позабавиться с вами некогда — спешим-с. Так что смерть у вас будет легкая. Только быть вам на том свете непременно минут этак через десять. Никифор!

В тот же миг у повозки появился тощий вертлявый человек и замер перед Филатовым. Главарь плеткой указал на Перистого. Но неожиданно из темноты выплыла фигура Виктора Кузьмичева.

— Дозвольте мне, господин Филатов, — сказал он, вытягивая руки по швам. — Он же в плен меня брал.

Филатов усмехнулся:

— Что ж, давай, Кузьмичев, по знакомству...

Смертник и конвоир ушли в темноту. «Вот и раскаялся бандит, — горько подумал Перистый. Ненадолго у тебя раскаяния хватило... Чего же мы так далеко идем?» И словно в ответ на эту мысль раздался хриплый голос Кузьмичева, приказывающий остановиться и стать лицом к дереву. Последние секунды. Андрей слышал, как щелкнул затвор. Ну, все. И в ушах — выстрел, другой.

Почему же я не падаю? Ранен? Но нет боли. Не мог же Кузьмичев промахнуться с такого расстояния... Перистый повернул голову. Виктор подходил к нему.

— Ну чего стоишь?! — шепотом спросил Кузьмичев и ткнул в спину прикладом.

— Издеваешься, гад?! — прохрипел Перистый. — Стреляй же, если вызвался!..

— Тебе говорят — беги! — почти крикнул Кузьмичев. — Авось, живы будем — свидимся...

Жизнь медленно возвращалась к Андрею. Он взглянул в глаза Виктора. Нет, не издевается, не обманывает.

— Развяжи руки, — попросил Перистый.

Кузьмичев молча освободил ремни и, ни слова не сказав больше, ушел во тьму...

На рассвете банда Филатова была частью уничтожена, а частью взята в плен подоспевшим отрядом чекистов. Кузьмичева в числе убитых и пленных не оказалось. Как выяснилось потом, за несколько часов до боя он тайком оторвался от ехавшей банды и исчез в лесу...

Сорок лет прослужил в органах охраны общественного порядка Андрей Романович Перистый. Участвовал в десятках важных и опасных дел. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями, Почетными грамотами. Много изъездил дорог, много узнал людей. Но ни разу больше не довелось ему встретить человека по имени Виктор Кузьмичев. Ни разу не пришлось и услышать о нем. Перистый не знает, как сложилась дальше судьба Кузьмичева. Но ему хочется верить, что человек, в чьем сердце пробудилась совесть, сумел вернуться на правильный путь.

П. САМОЙЛОВ, майор милиции в отставке,

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

Кокчетав — Уральск.

ВСЕГДА НА ПОСТУ

Пока

за нашим

октябрьским гулом

и в странах

в других

не грянет такой —

стой,

береги своим караулом

копейку рабочую,

дом и покой.

В. Маяковский.



Ф. Молевич

БУДНИ МИЛИЦИИ

Перелистываешь подшивку газеты «На страже»^[15], вчитываешься в лаконичные строки приказов министра: «Отмечая... объявить благодарность... наградить Почетной грамотой... присвоить досрочно звание... представить к правительственной награде...»

Приказы предельно кратки. Но не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе скромных тружеников милиции, без громких фраз и самолюбования стоящих на своей нелегкой вахте. Люди на службе. Далеко не всегда она романтична — служба охраны общественного порядка. Ведь сталкиваться приходится, как правило, отнюдь не с лучшей частью человечества... Пьяницы, дебоширы, опустившиеся до скотского состояния, хапуги, любители легкой, «красивой» жизни за счет чужого добра, люди, потерявшие совесть, элементарные понятия о чести, товариществе, правилах социалистического общежития, — кто только не проходит перед глазами работника милиции



В целом их не так уж и много. Но каждый из них опасен, каждый может нарушить покой, отравить жизнь многих советских граждан. И милиция всегда начеку. Ее девиз — всегда на посту. А на посту случается всякое. И серьезные чрезвычайные происшествия, требующие от работника милиции полной отдачи сил, а иной раз и исключительного мужества, сопряженного с риском для жизни. Это входит в повседневные обязанности милиции, и тогда в буднях рождаются подвиги.

Итак, о чем же поведали нам приказы министра и подшивки газеты «На страже» хотя бы за несколько месяцев 1965 и 1966 годов?

Дело было в Балхаше

Ночь уже давно опустилась над городом. Тишина...

Старого пенсионера Василия Николаевича Хомича мучает бессонница. Он лежит, слушает ночную тишину, прислушивается к ночным шорохам. Но на этот раз тишину нарушают не

шорохи, а пронзительный скрежет, выдираемых гвоздей, треск взламываемой двери, неясная возня и приглушенный разговор.

...На столе дежурного по Балхашскому отделу милиции зазвонил телефон.

— Говорит Тузова — дежурный пульта сигнализации. Из молочного магазина № 42 по улице Мира поступил сигнал... нарушена блокировка.

Не успел дежурный положить телефонную трубку, как снова раздался звонок:

— Это говорит Хомич. Пенсионер. Из окна квартиры вижу двух подозрительных, они пытаются взломать дверь магазина № 43, он в одном здании с магазином № 42...

Через четыре минуты ответственный дежурный капитан милиции Рахимбек Сагинтаев был на месте происшествия. Вскоре подоспели и сторожа — Василий Иванович Свицкий и Надежда Дмитриевна Колпакова.

Дверь в магазин была распахнута настежь. Что таит в себе эта черная пустота двери?

Первым переступил порог магазина Свицкий. Увидел в беспорядке разбросанные на полу сетки, набитые консервными банками. Мимо сторожа быстро прошел в глубь магазина капитан.

И вдруг две мужские фигуры метнулись из-за прилавка в «подсобку», захлопнув за собой дверь. Послышалась отчаянная возня у зарешеченного окна. Свицкий толкнул дверь, но она не поддавалась. Видно, кто-то подпер ее изнутри.

— Выходи! Стрелять буду! — крикнул сторож.

Ответа не было.

Сильным ударом ноги Свицкий вышиб дверь и шагнул в темноту. Из мрака «подсобки» навстречу ему с ножом в руке кинулся один из преступников. Капитан схватил бандита за руку и стал выкручивать ее. Однако бандит успел полоснуть ножом Сагинтаева, вырвал руку и занес нож над грудью офицера. Но грянул спасительный выстрел. Сторож Свицкий выпустил заряд по ногам преступника.

Затем, быстро перезарядив ружье, Василий Иванович приказал второму грабителю выйти из засады.

В это время Сагинтаев нагнулся над раненым преступником, пытаясь оказать ему первую помощь. Таков закон милицейской службы: пять минут назад грабитель покушался на жизнь милиционера, а сейчас милиционер пытается остановить у него кровотечение, забыв, что сам нуждается в помощи...

Этим-то и воспользовался второй преступник. Вооруженный обрезком трубы, он выскочил из своей засады и бросился на стоявшего к нему спиной капитана.

И снова выстрел Свицкого. Не добежав двух метров до капитана Сагинтаева, бандит упал.

Так Василий Иванович Свицкий, проявив находчивость, помог капитану милиции захватить на месте преступления двух грабителей.

Акробатический прыжок

Трасса Атбасар — Лодыженка, пожалуй, одна из самых оживленных в Целиноградской области. Нескончаемым потоком идут машины с целинными грузами. Охрана безопасности движения поручена здесь молодому сотруднику ГАИ лейтенанту милиции Григорию Литвинову. Водители знают его как смелого и решительного человека, предотвратившего немало дорожных происшествий.

...Из села Лодыженка в сторону Атбасара на предельной скорости мчался автомобиль. Не сбавляя скорости, машина вдруг резко вильнула в одну сторону, потом в другую. Казалось, только чудо спасло встречный автомобиль от катастрофы.

«Что-то неладно», — подумал Григорий. Остановив попутную машину и сев за руль, он бросился в погоню за лихачом. Машины поравнялись. За баранкой бешено мчавшегося автомобиля, то и дело роняя голову на грудь, сидел пьяный водитель.

Сигналы инспектора не подействовали. Тогда он стал «отжимать» нарушителя с трассы. Их машины уже помчались по степи. Передав баранку шоферу, Литвинов на ходу вылез в кузов и стал ждать удобного момента, чтобы перескочить в кузов машины пьяного шофера. Скорость была предельной. Как только машины поравнялись, Литвинов, рискуя жизнью, перескочил в кузов грузовика, а затем перелез в кабину и остановил машину.

Пьяный шофер получил по заслугам.

На таран

Работает в Усть-Каменогорской автоинспекции старшина милиции Василий Федорович Полетаев. Коммунист. Пришел в милицию по рекомендации производственного коллектива. Доверие коллектива полностью оправдывает.

...Дежурство подходило к концу. Наступила ночь. Вдруг старшина обратил внимание на грузовую автомашину, которая как-то странно виляла из стороны в сторону.

«Видно, водитель пьян», — предположил он. Сел на мотоцикл и пустился вдогонку. Обогнал грузовик, выехал на середину дороги и дал знак водителю остановиться. Но тот объехал автоинспектора и рванулся вперед. Полетаев за ним. Несколько раз пытался он остановить лихача, но безуспешно.

И тут преследуемая машина направилась в сторону узкого переулка. При свете фар заметались в панике люди. Им некуда было деваться от машины. Надвигалась катастрофа.

Что оставалось делать старшине? Раздумывать было некогда. Старшина пошел на таран. Он рванулся вперед и у самого въезда в переулок подставил мотоцикл и себя под удар машины.

К счастью, отважный старшина уцелел и задержал пьяного шофера.

Опомнившись от испуга, люди окружили старшину и наперебой стали возбужденно расспрашивать.

— Сильно ушибся?

— А почему шофер не останавливался?

— Так и до беды недалеко...

Вопросы, восклицания. И восхищенный возглас какого-то парня:

— Молодец, старшина!

Рискуя жизнью

Дежурному ГАИ Петропавловска младшему сержанту милиции В. Мусенко сообщили, что неизвестные угнали грузовой автомобиль. Не успел Мусенко выехать на место происшествия, как в ГАИ поступил второй тревожный сигнал. В районе колхозного рынка тоже неизвестно кто угнал еще один автомобиль.

Мешкать было некогда. Преступники могли натворить немало бед...

Много пришлось поколесить по городу инспектору дорнадзора В. Мусенко, прежде чем был найден один из угнанных грузовиков. Машина стояла в кювете. Вторая автомашина как в воду канула.



В нашем деле это не мелочи...

Младший сержант отлично понимал, какую серьезную опасность для пешеходов и водителей города представляют преступники, угнавшие автомобиль. Для них ведь не существует правил уличного движения.

На одной из улиц Мусенко увидел машину, которая следовала на превышенной скорости. Младший сержант милиции дал сигнал остановиться. Но водитель не подчинился, погнал автомобиль быстрее.

Перегнав автомобиль, Мусенко быстро затормозил, и, когда машина поравнялась с ним, бросился на подножку. Водитель стал петлять из стороны в сторону, пытаясь сбросить милиционера с подножки. На одном из поворотов машина врезалась в телеграфный столб. Последовал тупой удар, инспектора дорнадзора отбросило в сторону. Сидевшие в кабине бросились бежать. Превозмогая боль в ноге, Мусенко стал преследовать их. Он настиг одного преступника и доставил его в горотдел милиции. Вскоре был задержан и его соучастник.

Выстрел в грозу

(Рассказывает начальник отдела уголовного розыска УООП Целиноградской области полковник милиции И. И. Образцов)

Вспышка молнии на миг выхватила из темноты вымокшие деревья, и громовой раскат словно разорвал небо. Дождь с новой силой ударил по окнам веранды, забулькал в лужах, зашумел по крыше.

Григорий Савельевич Мишко с минуту постоял на веранде, прислушиваясь к грохоту. Затем отыскал комнатные тапочки и не спеша взялся за дверную скобу. Но вдруг новая вспышка. Треск и звон разбитого стекла оглушили, обожгли его...

Опомнившись на больничной койке, главный бухгалтер совхоза «Колутонский» Мишко стал мучительно размышлять о случившемся. В чем причина, толкнувшая какого-то негодяя на тягчайшее преступление? За свою бытность в совхозе он не помнит каких-либо конфликтов и осложнений в отношениях с людьми. Тогда что же? Может быть, какой-то пьяный хулиган решил «поразвлечься» с ружьем?

Не мог сказать Григорий Савельевич что-либо определенное и нам, работникам уголовного розыска, прибывшим в совхоз.

— Нет, никому зла не делал, — говорил он, перебирая в памяти разные события. — И никого не могу подозревать.

— Может быть, по работе стычки с кем-нибудь были? Должность-то ответственная. Может, кто-то затаил зло?

— Нет, вроде бы ничего такого нет...

На месте происшествия мы нашли обожженный пыж и дробь третьего номера. Доказательства не столь обнадеживающие, но и совсем не лишние в руках оперативников.

— На первый случай и это подспорье, — сказал оперуполномоченный Астраханского райотдела милиции Федоненко, перекатывая на ладони свинцовую горошину.

Мы с Мирошниченко — старшим оперуполномоченным областного отдела угрозыска — не могли не согласиться с ним. Чудес в нашей работе не бывает. Только упорный и кропотливый труд оперативника, не пренебрегающего любой мелочью, может принести успех.

Первым делом мы решили побеседовать с теми, кто не отличался на селе примерным поведением. Незадолго до покушения на Мишко в совхозе много говорили о скандале, происшедшем в компании подвыпивших ребят. Его участниками были любители подебоширить, покуражиться.

Трое суток вели мы разговор об этом случае, надеясь найти в нем первопричину трагедии. Не раз беседовали с совхозным киномехаником Орлянским, как одним из заводил в этой компании.

— В тот вечер, когда стреляли в Мишко, я картину крутил, — говорил он. — И со всеми вместе домой ушел. Так что я тут не при чем.

Парень с виду не внушал подозрений, и оперативники не стали больше беспокоить его. Думать же о причастности Орлянского к покушению на жизнь бухгалтера, руководствуясь одной лишь интуицией, — дело безнадежное. Так, быть может, мы и оставили бы его в покое, не случись под руками важных сведений.

А сведения были таковы. Мать Орлянского, работая заведующей складом совхозрабкоопа, сделала растрату и вместе со своим мужем, отчимом киномеханика Орлянского, скрылась.

Небезынтересен для нас, работников угрозыска, был и такой факт. В первый год работы в совхозе «Колутонский» Орлянские взяли ссуду и построили дом.

Правда, это, так сказать, дела обычные, житейские. Но в истории с домом заставила задуматься другая сторона. Орлянская, скрывшись, осталась должна совхозу значительную сумму непогашенной ссуды. Теперь ее сын стал ходить к директору и требовать разрешения на заселение дома матери, а долг, дескать, он дает обязательство погасить.

Не берусь судить, насколько прав был директор совхоза, отказывая киномеханику в его просьбе, и какие основания имел Орлянский, требуя ключи от дома. Нас интересовал другой вопрос: как вел себя киномеханик с руководителем совхоза? Ведь, следуя логике, он мог затаить злобу, угрожать?

— Угроз не слышали, — говорили руководители совхоза.

Однажды, беседуя с пострадавшим, я узнал от него интересную подробность. После исчезновения растратчицы Орлянской в совхозе распространились слухи о том, что якобы ее дом займет он, главный бухгалтер.

— Но такого решения даже и не предполагалось, — заверил меня Григорий Савельевич. — Это просто-напросто домысел досужих людей.

То, что Орлянский в тот трагический для Мишко вечер действительно демонстрировал кинокартину «Секретарь райкома», подтвердил его помощник Курганский. Сеанс закончился в 23 часа 45 минут, а выстрел из ружья прогремел в 23 часа 20 минут. По словам Курганского, за все время, пока шла картина, киномеханик выходил на улицу лишь один раз покурить на несколько минут.

Мы стали искать взаимосвязь между этими событиями и фактами. Проверка версии о том, что Орлянский совершил покушение на жизнь главного бухгалтера с целью мести, потребовала немалых усилий. Например, мы уточнили такую деталь: сколько времени нужно затратить, чтобы пройти расстояние в четыреста метров от клуба до дома Мишко и обратно.

— Немногим больше двадцати минут, — доложил оперуполномоченный Федоненко.

Что ж, не так уж много. Стало быть, нельзя сбрасывать со счета временную отлучку кинемеханика под предлогом перекура. Тем более, что Курганский нам точного времени не назвал; и еще одно соображение: Орлянский мог пройти это расстояние очень быстрым шагом, даже бегом.

Теперь требовалось выяснить, как ружье оказалось в руках Орлянского, если он является злоумышленником? Ведь своего ружья он не имел.

Найти ответ помогли односельчане. Как-то весной они видели Орлянского, охотившегося с ружьем. Чье же оно?

— Ружье отчима, — ответил Орлянский. — Но я его бросил в речку Колутонку, чтобы избежать напрасных подозрений со стороны милиции.

Вот это логика! Почему же другие совхозные охотники не побросали свои двустволки в речку?

Орлянский сказал правду. Мы нашли его ружье на дне реки, в трех метрах от берега. В стволе оказался невыстреленный патрон с дробью третьего номера.

Мы осмотрели ружье в присутствии Орлянского и понятых, сличили дробь с той, что найдена на месте преступления. Она оказалась одинаковой.

Решили послать дробь экспертам. И вот в тот момент, когда работники милиции упаковывали ее, чтобы направить нарочным в Целиноград, ко мне подошел Орлянский.

— Поедьте в Астраханку, — дрогнувшим голосом сказал он, — я все расскажу...

Всего лишь несколько минут потребовалось, чтобы совершить покушение на жизнь человека. Нет, не курить выходил он во время сеанса, а бегал домой за ружьем. Он думал, что Мишко в клубе смотрит картину. Дескать, самый подходящий момент подкараулить его и из-за угла сразить выстрелом.

Проходя на обратном пути мимо дома, где жил бухгалтер, Орлянский присмотрелся и на веранде заметил Мишко. Вслед за ударом грома прогремел ружейный выстрел.

«Коллекционер»

(Рассказывает ст. лейтенант А. Киселев)

Рабочий день только начинался. Мы не успели еще ознакомиться с оперативной обстановкой, как нужно было выезжать: сообщили, что в одном из домов по улице Карла Маркса совершена квартирная кража.

Осмотр квартиры показал, что кражи не было. Белье беспорядочно валялось по комнатам, ящики шкафов и комодов, лихорадочно выдвинутые в спешке, так и остались незадвинутыми. Хотя дверные замки были взломаны, ничего ни из вещей, ни из документов не пропало. Очевидно, грабитель искал деньги и не нашел. Опрос соседей был безрезультатным, никто ничего не знал.

Невеселыми возвращались мы с оперуполномоченным уголовного розыска лейтенантом Шляпниковым в горотдел. Вор находился где-то рядом, а следов не было. Чего доброго, после неудачи он постарается проникнуть в другую квартиру.

Навстречу нам шла милицейская машина. Сидевший в ней начальник уголовного розыска капитан Омаров приказал следовать за ним к павильону «Пиво — воды», где якобы была совершена крупная кража денег.

Наружный осмотр павильона наводил на мысль о возможности пролома в стене изнутри. Возникло предположение о симуляции кражи. К тому же сменщица потерпевшей продавщицы утверждала, что во время пересмены никаких денег не видела. Приняв смену, она решила отлучиться по делам. Когда вернулась, сразу же увидела дыру в стене.

Потерпевшая объясняла, что вечером работала допоздна. Поэтому выручку решила сдать утром. Деньги лежали у нее в хозяйственной сумке. После пересмены отправилась в кассу, но на полпути вспомнила, что деньги оставила на одном из столиков. Когда возвратилась, в стене павильона обнаружила огромную дыру. Деньги исчезли, пропал и мешочек с разменной монетой.

При более тщательном осмотре места происшествия в одном из ящиков с пустыми бутылками был найден мешочек с разменной монетой. Рядом лежал маникюрный набор в черной сумочке.

Продавщицы заявили, что они впервые видят этот набор. «Чей же тогда он?» — размышляли мы. Возможно, что кто-то из посетителей по растерянности оставил его. А могло случиться, что он потерян преступником.

В ходе расследования было решено предъявить этот маникюрный набор для опознания хозяйке квартиры, у которой побывал странный вор.

Хозяйка опознала пропажу. Стало ясно: взлом в квартире и ограбление павильона — дело рук одного и того же лица. Правда, непонятно было, для чего ему понадобились принадлежности дамского туалета? Нет ли в этом загадки? Может быть, воровала женщина, а возможно, преступник коллекционировал сувениры. Второе предположение не лишено было здравого смысла.



Сержант милиции А. А. Соколов, проводник служебно-розыскной собаки ОУР УООП города Алма-Аты, с собакой, по кличке Уран, на месте происшествия.

Каждого рецидивиста отличает определенный стиль, свой «почерк работы». Свообразием отличался и некий Х., вернувшийся в Целиноград после отбытия очередного наказания. Была за ним замечена одна страсть: как пойдет «на дело», обязательно прихватит какой-нибудь сувенир. То портсигар, то кольцо. На память о своих похождениях. Свообразный был коллекционер.

Так вот этого «коллекционера» и решили потревожить, спросить, не завелся ли у него конкурент. Как-никак, человек только что из заключения. Поговорили по душам. Оказалось, что конкурентов-сувенирщиков у него не имеется. А квартиру и пивной ларек он «осчастливил» своим посещением. Маникюрный набор прихватил по традиции. А когда в руки попали деньги, тут уже не до сувенира. Дай бог ноги унести побыстрее. А чтобы следы замести, взял и припрятал мешочек с разменной монетой среди пустых бутылок. Пусть, мол, милиция думает, что продавцы забрали деньги.

Маскировка не помогла

(Рассказывает ст. эксперт научно-технического отдела УООП Восточно-Казахстанской области капитан милиции М. Губушкин)

В Усть-Каменогорске ночью на улице Бажова, неподалеку от остановки «Коммунальная», автомашина сбила человека и скрылась. Пострадавшего подобрала проходившая мимо карета скорой медицинской помощи. В больнице, придя на короткое время в сознание, пострадавший сумел лишь назвать свою фамилию и скончался.

К месту происшествия выехали следователь младший лейтенант Чернорученко и инспектор дорнадзора младший лейтенант Подлесный. Вместе с ним поехал водитель, доставивший пострадавшего в больницу.

Трудную задачу предстояло решить сотрудникам милиции. Ведь наезда никто не видел, преступник скрылся, потерпевший умер.

Тщательно, метр за метром осматривали работники милиции место происшествия. Их внимание привлекли мелкие осколки стекла разбитой фары. Они валялись по правую сторону проезжей части дороги, неподалеку от того места, где подобрали потерпевшего.

Сотрудники милиции собрали осколки и передали в научно-технический отдел. На некоторых из них были видны отдельные части букв и цифр. Предстояло составить из осколков единое целое и по штрихам на стекле установить номер и серию автомашины.

Не так уж легко подобрать осколок к осколку, чтобы безошибочно поставить все на свои места. Но работники НТО не теряли надежды на успех. К сожалению, многих осколков не хватало. Сотрудники отдела решили вместе со следователем побывать на месте происшествия.

Участок, где был сбит человек, разбили на квадраты и тщательно изучили. На этот раз удалось обнаружить еще несколько осколков стекла. Кое-где на них сохранился краситель черного цвета.

В результате кропотливого исследования научно-технические работники установили серию машины — ВКА. А вот с номером дело обстояло не совсем ладно. Из четырех цифр стали известны только крайние — две тройки. Предпоследнюю цифру так и не определили. Зато от второй уцелела верхняя часть. Уже по ней можно было судить, что это двойка, тройка, восьмерка или девятка.



Обнаружены первые следы (кусочки краски на ободке разбитой фары), что помогло в дальнейшем выяснить детали преступления и найти автомашину, сбившую человека.

На снимке члены оперативной группы (слева направо): эксперт-криминалист НТГ УООП младший лейтенант милиции В. М. Морозов, начальник ГАИ Актюбинского ГОМ лейтенант милиции С. Мусин, следователь следственного отдела УООП по г. Актюбинску капитан милиции С. С. Хоженец и старший инспектор дорнадзора Актюбинском ГОМ лейтенант милиции А. П. Ляшков.

Установленная серия — ВКА — привела к выводу, что автомашина, совершившая наезд, принадлежит одному из автохозяйств Усть-Каменогорска. По установленным цифрам разработали комбинации составления государственного номера. Все это позволило ограничить круг разыскиваемых машин до сорока.

Внешний осмотр автомашин в таксомоторном парке не дал результатов. Но вот следователь вооружился лупой, и кое-что прояснилось. Осматривая поверхность ободков фар и красителя в штрихах серии и государственного номера, он обратил внимание на «Волгу» 32-13 ВКА.

На головках шурупов, которыми крепился ободок правой фары, замечен был свежий блеск металла. Краситель номера и серии левой фары отличался от красителя правой фары. Это дало основание предположить, что стекло рассеивателя фары на машине недавно заменялось.

Установили фамилию и адрес водителя. Им оказался некий Чернов. Появление работников милиции в его квартире буквально ошеломило водителя такси. Он ведь считал, что маскировка совершена им удачно и никто не может изобличить его в преступлении.

Годы тревожной службы

По велению сердца Нигмет Касенов надел милицейскую форму. Напряженная, требующая твердости и большой силы воли работа пришлась по душе Нигмету. Вот уже двадцать лет он стоит на страже общественного порядка, охраняя покой советских людей.

За годы службы в милиции старшине Кокчетавского райотдела милиции не раз приходилось встречаться лицом к лицу с вооруженными преступниками. Но он никогда не терялся, не избегал трудностей и выходил победителем.

Однажды Н. Касенов принимал участие в поимке опасного преступника. При задержании бандит оказал сопротивление, выстрелом из пистолета ранил старшину. Поблизости никого не было, и Нигмету пришлось рассчитывать только на самого себя. Превозмогая боль, он продолжал неравную схватку: выбил пистолет из рук преступника, задержал его и доставил в райотдел милиции.

Как-то Касенов возле села Евгеньевка остановил грузовую машину. Ему стало известно, что на ней преступники везут краденные из магазина товары. На машине ехали пятеро. Поэтому старшина не стал тут же задерживать воров. Он решил доехать с ними до Кокчетавы и там сдать их в милицию. По дороге окончательно убедился, что преступники везут ворованные вещи.

Однако грабители предугадали замысел милиционера. Доехав до реки, они внезапно остановили машину и сбросили старшину с четырехметровой высоты в воду. Уголовники рассчитывали, что милиционер утонет. Но ошиблись. Касенов выплыл на берег, остановил идущую машину и пустился вдогонку. В городе с помощью граждан он задержал преступников.

Таких примеров из жизни Н. Касенова можно привести немало. В коллективе Кокчетавского райотдела милиции он по праву считается лучшим работником.

По следам левши

К райотделу милиции вихрем подкатил «газик». Не выходя из машины, подполковник Оборонов сообщил о происшествии подошедшему в этот момент дежурному и пригласил к себе оперативников. Через несколько минут «вездеход» с работниками уголовного розыска помчался по улицам Алма-Аты.

В одном из магазинов по улице Комсомольской совершено дерзкое преступление. С целью грабежа бандиты убили продавщицу... Вот и все, что мог рассказать заместитель начальника райотдела майор Лахно оперативникам — старшему лейтенанту Мансурову и капитану Уютову, пока они ехали к месту происшествия...

Пострадавшая лежала за стойкой, в руке у нее было зажато несколько монет. По-видимому, когда продавщица нагнулась, чтобы выдать сдачу, ее ударили по голове. Об этом свидетельствовала ссадина чуть выше правого уха. Судя по всему, грабитель, ударивший женщину, находился по другую сторону стойки. Но, странно, подумали сотрудники уголовного розыска, как он мог нанести удар в правый висок? Может быть, бандит левша?

Этими догадками работники Советского райотдела милиции поделились со следователем и экспертом, прибывшими в тот же час на место преступления. Правда, деталь не столь обнадеживающая. Действительно, ударить левой рукой может всякий. Тем не менее об этой характерной примете следует подумать. Эксперт и следователь согласились с ними.

...Неподалеку от магазина собрались любопытные. В центре внимания девица в очках. Она о чем-то рассказывает обступившим ее людям, энергично жестикулируя. Старший лейтенант Герт Мансуров подошел ближе и незаметно смешался с толпой.

— Гляжу, и второй вышел из магазина, — говорила девица, — в руках у него бутылка водки. Воротник пальто поднят, шапка на глаза надвинута. Волком огляделся по сторонам и зашагал к речке. А потом какие-то ребята подбежали к магазину. Кажется, братья Седловы. Заглянули в окно, и слышу — кричат: «Тетю Машу убили!» Ну я сразу и побежала к магазину...

На первый случай и эти сведения — ценная находка, подумал оперативник. Ему известно было, где живут Седловы. Мансуров направился к ним.

Дома оказался младший из братьев. Оперативник сразу же спросил его:

— Ты знаешь тех ребят, которые незадолго до убийства тети Маши заходили в магазин?

— Нет, — ответил парень немного подумав. — Их должен знать голубятник, который до этого выпивал с ними.

— А кто такой голубятник? — спросил Мансуров.

— Да здесь один дяденька, пенсионер. Он голубей разводит. Его все так зовут.

Седлов согласился указать переулок, куда скрылись побывавшие в магазине неизвестные. И они вышли из дому.

В переулке Мансурова остановил пожилой мужчина. Приблизительно час тому назад он был свидетелем такой сцены. Двое незнакомых парней пытались перелезть через забор, что возле его дома. Но им помешала собака.

— Вот доказательство, — сказал мужчина, подавая оперативнику черный лоскут потертого материала. — Это мой Рекс хватил за штаны рыжего парня...

О попутчике рыжего кое-что сообщил старший Седлов, который тоже видел этих ребят возле магазина.

— Одет в светлую куртку на меху, среднего роста, — дополнил он сведения...

Поздним вечером старший лейтенант Мансуров вернулся в отдел милиции и стал дожидаться майора Лахно, который еще днем должен был встретиться с «голубятником».

Майор явился около двенадцати ночи. То, что узнал он от пенсионера, несколько пополнило данные. Оказывается, парней было трое. Но после того как они распили водку, сообщил «голубятник», третий тут же ушел. А кто он и откуда, пока неизвестно.

Мало что сообщил пенсионер о рыжем и его партнере. Выпивка была случайная, как говорится, на скорую руку. А что произошло потом, он не знает.

Ночь прошла без сна, в напряженных поисках. И надо сказать, не безрезультатно. К утру работники милиции выяснили одну немаловажную деталь. Им стала известна фамилия третьего участника выпивки. Это был Вячеслав Чирков.

Часов в десять утра к нему на квартиру отправились майор Лахно и старший лейтенант Мансуров. Открыла им молодая женщина.

— Нам нужен Вячеслав.

— Сейчас позову, — приветливо сказала хозяйка. — Слава! Тут к тебе пришли, — крикнула она.

На середину комнаты вышел светловолосый юноша. В руке он держал безопасную бритву, одна щека у него была намылена.

— Ко мне? — удивился он.

— Да, ты нам нужен.

Чирков пожал плечами и, подойдя к зеркалу, сказал:

— Говорите, слушаю.

Наступила минутная пауза. Тишину нарушил майор Лахно. Он спросил:

— Вы не остались должны тете Маше?

Рука у Чиркова дрогнула, алая полоска пересекла щеку. В глазах парня появился испуг.

— Я?! Нет, я не должен... — И вдруг его голос сорвался: — Клянусь, я не принимал участия!.. Поверьте!..

— А вы не волнуйтесь, — успокоил парня майор Лахно. — Расскажите лучше все по порядку.

По дороге в милицию Вячеслав Чирков рассказал многое. Вчера после долгой разлуки встретился с Виктором Якушкиным. Этот парень имеет кличку «Мордвин» и, кажется, левша. С ним был какой-то Ленька. По его разговору, токарь, но где работает — неизвестно.

За встречу решили выпить. Пошли в магазин к тете Маше. По дороге Якушкин сказал, что подворачивается хорошее дельце. Предлагал принять участие. Но Вячеслав не согласился. Расстались, кажется, врагами...

Подозрение в том, что Якушкин убил продавщицу, усилилось. Нужно было немедленно задержать его и допросить. Но Якушкин где-то пропал. Где же он? Об этом никто не знал.

Помочь оперативникам вызвались дружинники. Они стали нести дежурство в тех местах, где мог появиться Якушкин.

На третий день майор Лахно и старший лейтенант Мансуров решили побывать на квартире Вячеслава Чиркова, чтобы еще раз побеседовать с ним. На дороге их повстречал один из дружинников.

— Что нового? — спросил парня Мансуров.

— Рыжий у Чиркова, — сказал он, заметно волнуясь. — Там целая компания.

— А Вячеслав дома? — поинтересовались оперативники.

— Кажется, нет.

Поднимаясь по ступенькам, работники милиции услышали пьяные голоса, доносившиеся из квартиры Чирковых.

Мансуров решительно открыл дверь. Рыжий детина стоя допивал стакан. Увидев вошедшего незнакомого человека, он заметно ступешался. Потом, по-видимому, догадавшись в чем дело, рванулся из-за стола. Следом зазвенел разбитый стакан.

— Ни с места! — жестко приказал оперативник.

По дороге в милицию Якушкин пытался выброситься из машины. Но тщетно. Он был в надежных руках.

На допросе убийца не без цинизма признался:

— Да, я бью левой, и наверняка... Впрочем, записывайте все по порядку.

Сообщник Якушкина был задержан на следующий день. Так закончилась операция по разоблачению опасного рецидивиста. Она продолжалась всего три дня.

Лицом к лицу

Мела, крутила поземка, и пронизывающий до костей ветер валил с ног. К часу ночи оперативная группа из Саранского горотдела милиции, возглавляемая начальником угрозыска майором Потоцким, добралась до поселка Волынка. Работники милиции постучались в крайний дом. На улицу вышла немолодая женщина и, кутаясь в теплую шаль, рассказала о неизвестном человеке, который стучался к ней поздним вечером.

— Он спрашивал дорогу на Караганду, — сообщила женщина. — А был ли с ним мальчик — не скажу. Через дверь не слышала...

Словом, хозяйка дома мало помогла оперативникам. Лишь на утро след преступника был найден. И в этом помог работникам милиции бухгалтер шахты № 120 Ким. Он заметил неподалеку от обогатительной фабрики поселка Актас какого-то мужчину с ружьем. Неизвестный вел за руку мальчика.

Эти данные поступили к дежурному областного управления. Все говорило за то, что по степи бродит тот самый убийца Сукач...

Как по сигналу тревоги, оперативные работники собрались в кабинет начальника уголовного розыска подполковника Курманова. Разговор был недолгим. Задержать вооруженного преступника вызвались Виниченко, Нам, Ковалев и Балашов. Через минуту «газик» с оперативной группой мчался в сторону поселка Актас.

Вдали показалась лесозащитная полоса. Оперативники подъехали к ней и «прочесали». Но безрезультатно. Потом шофер-милиционер Бубнов поднялся на пригорок и неожиданно заметил удалявшегося человека. Он был с ружьем. Сомнений не оставалось: впереди бандит, который с минуты на минуту может исчезнуть из поля зрения.

С минуту посоветовавшись, оперативники распределили обязанности: Балашов и Нам пошли наперерез, а Ковалев и Виниченко стали преследовать преступника.

Кто же этот человек, затравленным волком скрывающийся от глаз людских?

Ранним февральским утром в поселке Дубовка прогремел выстрел. А спустя час люди узнали о трагической смерти Любы Сукач. Она погибла от руки своего мужа.

Убийца стал искать спасения от возмездия, взял ружье, патронташ и сманил с собой семилетнего сына.

Преступника заметили люди, стоявшие на автобусной остановке. Но озверевший бандит стал угрожать оружием и дважды выстрелил, оставив на кузове автобуса следы крупной дроби. К счастью, никто из пассажиров не пострадал. Убийце удалось скрыться.

Но час возмездия был недалек...

Не доходя шагов тридцать, Виниченко окликнул бандита.

— Да, я Сукач, — послышалось в ответ.

Работники милиции назвали себя и напомнили о бессмысленности сопротивления.

Поняв, что его окружают и час расплаты приближается, бандит, прикрываясь сыном, зарядил двустволку и начал раз за разом палить. Дробь свистела совсем рядом.

Но оперативники не растерялись. Они залегли. Виниченко дал из пистолета предупредительный выстрел. Но это не возымело действия. Убийца продолжал отстреливаться.

Кольцо сжималось. Но Сукач, как видно, и не помышлял сдаваться. Он, как и раньше, прячась за мальчика, стрелял наугад, попытался выйти из окружения.

Первым встал и пошел навстречу бандиту Виниченко. Он еще раз напомнил о том, что сопротивление бесполезно. Бандит заколебался.

— Вы меня убьете, — сказал он.

— Нет, этого не будет, — спокойно заявил Виниченко. — Вот смотри, я даже пистолет кладу в кобуру. — И оперативник проделал это на глазах у бандита.

Тянулись напряженные минуты. Хладнокровию и мужеству Виниченко научила служба на границе. Не раз встречался он лицом к лицу со смертельной опасностью...

И на этот раз смелый оперативник, бывший солдат-пограничник вышел победителем. Воспользовавшись замешательством бандита, Виниченко сделал внезапный бросок и выбил из его рук ружье.

За мужество и находчивость, проявленные при задержании опасного преступника, начальник Карагандинского областного управления охраны общественного порядка объявил участникам этой операции благодарность и вручил им ценные подарки.

Кража? Нет, симуляция!

Тревожно зазвенел телефон в кабинете старшего следователя по Защитинскому участку лейтенанта Абдулвалиева. Сообщение было коротким: совершена кража денег в конторе кондукторского резерва станции Защита.

Начальник отделения милиции подполковник Блинов приказал немедленно выехать к месту происшествия, а еще спустя несколько минут лейтенант Абдулвалиев, ознакомившись с обстановкой, проводил тщательный осмотр конторы.

На первый взгляд, картина, представившаяся лейтенанту, являла собой не что иное, как кражу со взломом: замок наружной двери был вырван из косяка и валялся на полу вместе со вставленным в него ключом.

«Если вор воспользовался ключом, который всегда висел на стене, то какая необходимость заставила его вырвать открытый замок из косяка?» — подумал Абдулвалиев, составляя протокол.

Когда дело дошло до кабинета инструктора кондукторского резерва В. Федосеенко, подозрения лейтенанта усилились.

Дверь кабинета была распахнута, а внутренний замок находился в закрытом положении.

При тщательном осмотре ни на лицевой планке замка, ни на его ригеле, ни на запорной планке царапин, вмятин и других следов взлома не было обнаружено.

«Постороннему человеку дверь без взлома не открыть. Дверь открыта, а следов нет — здесь что-то нечисто», — снова подумал Абдулвалиев, все более настораживаясь.

Вызванный в контору Федосеенко заявил, что деньги в сумме около 400 рублей были похищены из ящика его рабочего стола. Но и здесь никаких следов взлома не было обнаружено.

— Кражи не было, ее симулировали, — доложил Абдулвалиев начальнику, закончив осмотр. К такому же выводу пришли эксперты-криминалисты.

Лейтенант Абдулвалиев продолжал следствие. Выяснилось, что похищенные деньги были собраны пять месяцев назад среди работников станции для покупки комбикорма и сданы Федосеенко, как председателю месткома.

Однако комбикорма так никто и не увидел, но зато частенько видели пьяным в рабочее время самого Федосеенко.

На допросе зарвавшийся хапуга давал путаные, сбивчивые показания. На вопрос, почему он все время хранил деньги в сейфе, а в этот день положил их в стол, он ответить не мог.

Под тяжестью собранных улик, показаний экспертизы и свидетелей Федосеенко вынужден был признать свою вину.

Жизнь на волоске

Оба они одногодки: родились в 1926 году. Почти одновременно вступили в ряды КПСС. Оба служили в Советской Армии, а после демобилизации продолжали, по сути, ту же солдатскую службу в органах милиции, получили юридическое образование.

Один из них — капитан Жулдас Сисенов — трудится оперативным уполномоченным Балыкшинского районного отдела милиции Гурьевской области.

Другой — майор Дабыс Телагисов — работает заместителем начальника того же отдела милиции.

Службу свою несут они исправно.

Это случилось 7 сентября 1965 года.

Ночью во время патрулирования по районному центру к ним обратился местный житель и сообщил, что в последнее время в поселке стал часто появляться подозрительный гражданин, приезжавший на такси. Вот и теперь он прибыл и неизвестно чего дожидается.

Д. Телагисов и Ж. Сисенов сразу же подошли к автомашине и предложили пассажиру выйти. Но тот вдруг выскочил из машины и рванулся в темноту.

Началось преследование. Когда неизвестного настигли, он несколькими выстрелами из пистолета ранил Телагисова в руку, а Сисенова — в грудь.

Несмотря на полученные ранения, офицеры милиции с помощью подроспевших граждан задержали бандита, некоего В. Н. Трубу.

При обыске у него было изъято несколько пистолетов. Задержанный оказался матерым грабителем и взломщиком.

Указом Президиума Верховного Совета СССР мужественные офицеры награждены медалями «За отвагу».

Из-под колес

1 мая 1966 года в 9 часов 30 минут утра председатель Глубоковского поселкового Совета депутатов трудящихся Восточно-Казахстанской области П. И. Токмин, находясь на железнодорожном переезде, не заметил приближения поезда и не услышал предупреждающих окриков милиционера Г. С. Губы.

Тогда Губа бросился наперерез поезду и буквально из-под колес вытащил председателя поссовета, получив при этом удар буфером паровоза.

Приказом министра Г. С. Губа награжден значком «Отличник милиции».

* * *

Таковы события, стоящие за короткими лаконичными строками приказов.

Таковы будни милиции.

Ф. МОЛЕВИЧ, полковник внутренней службы.

г. Алма-Ата.

Г. Работнев

ОПЕРАТИВНО УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

— Понимаете, мне сегодня предложили магнитофон, да что-то уж очень дешево — за 35 рублей. Подозрительно: не ворованный ли?

Женщина волновалась и, хотя майор милиции М. Г. Белоусов пригласил ее сесть, стояла, мяла в руках сумочку и сбивчиво рассказывала о случившемся.

— Вы отказались?

— Да... нет... Сама не знаю почему, я сказала этим парням, что пришло к ним своего знакомого, ему, мол, нужен магнитофон.

— Куда это «к ним»?

— Они назначили условное место — трамвайная остановка, возле рынка на улице Пастера. Сегодня в два часа. Только ведь нет у меня никакого знакомого.

— Да вы не волнуйтесь, идите спокойно домой. Покупателя мы им подыщем. Ну а разговор этот, вы, конечно, понимаете, — между нами.

...По улице Пастера идет трамвай. Ничего примечательного — обычная городская картинка. И даже наблюдательный человек не обратил бы, пожалуй, внимания, что за трамваем, на расстоянии в полквартиры, неотступно следует «Волга» с шахматной строчкой по борту. Набирая скорость на перегонах и притормаживая на остановках, такси идет так от самого колхозного рынка.

В машине двое в штатском. Водитель столичного таксомоторного парка Анна Писклова, заполучив этих пассажиров около двух часов дня, задала обычный вопрос:

— Куда везти?

— В самом деле, куда? — переглянулись работники Фрунзенского райотдела милиции М. Г. Белоусов и Н. И. Шпарберг.

— Пока в район колхозного рынка, на улицу Пастера, а впрочем, подождите минутку. Вот документы. Мы работники уголовного розыска. Нам нужна ваша помощь, товарищ водитель. Машину, возможно, задержим надолго.

— Пожалуйста, — с готовностью ответила Писклова. — Можете на меня рассчитывать, сделаю все как надо.

К трамвайной остановке подоспели как раз вовремя. Остановились поодаль. И сразу обратили внимание на пятерых парней, стоящих в стороне от пассажиров. Даже издали видно было, что они изрядно навеселе. А вот и «покупатель», Николай Кузьменко, дружинник. Он стоит вместе с парнями, толкует с ними о чем-то. Вот они уже его уговаривают и предлагают посмотреть товар.

Подошел трамвай. Расталкивая пассажиров, ватага ринулась в вагон...

Ничего примечательного — обычная городская картинка — по улице идет трамвай. На проспекте Сейфуллина из заднего вагона вышла шумная компания — шестеро парней. Шли уверенные, что никому до них нет дела. И только один скорее чувствовал, чем видел: где-то сзади идет светлая «Волга».

Анна вела машину, будто всю жизнь только тем и занималась, что выслеживала преступников, и ни на минуту не теряла шестерых из виду. И все-таки они исчезли. Пропали как-то вдруг, свернув в узкий переулок. Этому преследователи не предвидели. Как быть? Ехать следом по безлюдной улочке нельзя: спугнешь шайку.

Всего несколько секунд длилась заминка.

— За ними! Вплотную! Потом выйди и громко спроси у кого-нибудь из жителей, где живут Ивановы, они, мол, такси вызывали. И — дальше.

— А как же вы?..

— Считайте, что нас нет.

Белоусов со Шпарбергом залегли, вжались в сиденья.

Толчок. Стала машина.

— Кто тут Ивановы? Такси вызывали?

— Ивановы? Нет вроде таких. Может, дальше...

И опять качается «Волга» по кочкам.

— База «Рыбсбыт», — вполголоса сообщает Анна. — Длинный высокий забор. Идут вдоль забора. Ворота. Прошли мимо...

— Загоняй на базу!

Шпарберг остался в машине, а Белоусов через всю территорию базы — к высокому забору. Вскарабкался по пустым ящикам. Вот они! Парни подошли к невзрачному домишку по улице Алексеева. Вошли внутрь. И скоро до Белоусова донеслась музыка.

«Показывают товар, — подумал он, — значит, здесь!»

Через полчаса Кузьменко в сопровождении двух парней вышел на улицу. Снова пошли вдоль забора. В магазин, наверное, за «магарычом» по случаю состоявшейся сделки.

На углу произошла короткая схватка. По сигналу Кузьменко бросились на его провожатых Белоусов со Шпарбергом. Но один увернулся, убежал, а другого, Евгения Афанасьева, скрутили, втолкнули в такси.

Михаилу Германовичу Белоусову за сорок, но он рассказывает, что в тот день «давал марафон», как олимпиец. А как же иначе? Сбежавший мог предупредить всю шайку. Но он направился вокруг базы, а Белоусов напрямик — и успел вперед.

Вошел — и словно окупился в табачный дым, в пьяный гвалт. За столом пятеро. Бутылки, веселье... — «Бродяга Байкал переехал..»

— Встать! Руки вверх!

У внезапно вошедшего руки в карманах. Рослый, решительный — загородил дверь. Поднялись собутыльники, затравленными зверьками смотрят на неизвестного. Так их и взяли: Станислава Устинова и трех Геннадиев — Аверкова, Землянова, Чепаксина, понуро стоящими перед Михаилом Германовичем. Пятый, сосед, оказался не причастным к краже.

...Который раз смотрит Варвара Ивановна на часы: вот уже без четверти четыре. Что же это? Куда запропастился Михаил? С утра ушел за билетом, обещал часа через полтора заехать, отвезти на вокзал, но вот уже дело к вечеру, а все его нет... Звонила на работу — во Фрунзенский райотдел милиции — говорят, не беспокойтесь, никуда не денется ваш сын.

— А я, милые мои, на то и мать, чтобы беспокоиться, — назидательно сказала Варвара Ивановна и положила трубку.

Она-то хорошо знала своего сына. Если уж он не сдержал слово, значит, были серьезные причины.

Вернулся Михаил часов в восемь. Виновато сказал:

— Ты уж извини, мать. Так получилось — зашел на минутку в райотдел и закопался в делах-бумагах. Срочно надо было...

— Да ладно уж, — отмахнулась Варвара Ивановна. — Днем раньше, днем позже уеду — какая разница?

— Вот и отлично.

Потом смотрела мать, как отчищал Михаил в коридоре с брюк следы глины, смеясь одними глазами, спросила:

— Что-то дела-бумаги твои какие грязные... Фартук бы тебе, чтоб вроде дворника...

— Да, мать, — серьезно ответил Михаил. — Дворник — это ты правильно сказала. Надо же кому-то выметать всякую нечисть, чтобы на земле нашей чище было.

...Мы беседуем с Михаилом Германовичем в его кабинете.

— Скажите, — спрашиваю его, — вам нравится ваша работа?

Вижу, что вопрос этот немало удивляет моего собеседника. Он молча открывает ящик стола.

— Хотите совсем немного статистики? За прошлый 1965 год мне удалось раскрыть не одно преступление. Да и в этом кое-что сделано... Это, прикиньте, насколько меньше человеческого отребья ходит по нашим улицам, насколько людям спокойнее жить! Вот хотя бы тот же магнитофон. Скажете, мелочь? Нет, не мелочь. Его утащили из Алма-Атинского ремесленного училища № 23, украли радость у большого молодежного коллектива. А ведь я, между прочим, тогда без оружия был, с одной авторучкой в кармане. Но знаю я уже этот народ — воров, жуликов. Трусы! Перед жизнью пасуют, перед маломальской работенкой. Вот и тунеядствуют. Такие и на фронте дезертирами были.



Обсуждение «мелких» деталей одного происшествия. Слева направо: старший лейтенант А. М. Рыс, майор М. Г. Белоусов и лейтенант Г. А. Спичаков.

Фронт... Это здесь получил закалку Белоусов, исколесивший не одну сотню километров военных дорог со своей 85-миллиметровой гаубицей. Кончилась война, а гвардии старшина Белоусов все еще был на фронте: воевал с бендеровцами в украинских лесах. Потом служил на границе — а это разве не фронт?! Демобилизовался. И вскоре — в 1950 году — по комсомольскому призыву пошел на работу в органы охраны общественного порядка. И опять на посту, пока мешают жить честным людям остатки старого мира.

Наступит день — отщепенцы, паразиты, живущие за счет других, исчезнут в Советской стране. В этом великая логика коммунистической эпохи: строится новая жизнь, создается новый человек. И в будущем, несомненно, уйдет на заслуженный отдых беспокойная должность милиционера. Но пока они зорко стоят на страже нашего спокойствия — люди в синих шинелях. И один из них — старший оперуполномоченный, капитан милиции коммунист Михаил Белоусов, оперативно уполномоченный народом на очень ответственный пост.

Г. РАБОТНЕВ.

г. Алма-Ата.

А. Штульберг

В ГОРАХ ИДУТ ДОЖДИ

Гром грохочет не умолкая. То мощным артиллерийским залпом ударит совсем рядом, то пророкочет где-то вдали. По брезентовому верху палатки без устали барабанят крупные капли. Маленькое оконце то и дело освещается белым светом. Кажется, что надоедливый фотограф только и знает, что щелкать своим блицем.

Когда немного утихает шум ветра и смолкает гром, еще явственнее становится рокот внизу, в Узкой щели. Это ворочает камни Безымянка — не очень заметная в сухое время года горная речушка.

— Ну и вода пошла, — думает Николай, — как бы мосты не поносило. Долго придется ждать Жаляла...

Два человека, следователь Николай Данилов и учитель истории Жалял Каримов, вот уже несколько лет подряд проводят свой отпуск вместе, в горах. Это их хобби. Заядлые туристы и краеведы, они не знают лучшего отдыха, а сделанные во время скитаний по горам находки пополняют экспонаты местного музея.

Николай усмехнулся. Припомнился последний день перед отпуском. Юрка Жуков, молоденький оперуполномоченный угрозыска, только что надевший лейтенантские погоны, съязвил:

— Что, опять в горы? А припомни-ка поговорку: умный в горы не пойдет, умный горы обойдет. Лучше бы в Гагру съездил, на Черное...

В ответ Николай так стиснул руку оперуполномоченного, вовсе не слабенького парня, что тот присел.

— Ладно, ладно. Больше не буду. Силен...

В нынешнем году погода не балует отпускников. Кончается июль, а они не снимают теплых спортивных костюмов. Еще позавчера к вечеру начал моросить дождь, и Жалял забеспокоился. Он хорошо знает коварный характер Безымянки.

— Надо постараться проскочить в город до большого дождя, — рассуждал он. — Продуктов дня на три осталось. Пойдут ливни, останемся мы с тобой, Коля, без еды и курева.

Доводы резонные, и Николай согласился. Идти в город следовало ему. Он и помоложе Жаляла, и очередь его подошла. Но накануне неудачно прыгнул, оступился и растянул связку. Захромал.

— Ничего, — успокаивал Жалял, — я эти места отлично знаю, управлюсь быстрее тебя. Завтра суббота, утром отправлюсь, дома переночую и в воскресенье вернусь.

Рано утром он ушел под мелким морозящим дождем, а в полдень хлынул ливень. Так и льет до сих пор.

Николай взглянул на часы. Скоро девять вечера. Вот и воскресенье прошло... Он взял книгу, забрался в спальный мешок, пододвинул поближе «летучую мышь». Дождь все выбивал дробь по брезенту. За шумом не слышно было, как кто-то подошел к палатке.

— Эй, хозяйева, зайти можно? — услышал вдруг Николай.

Откинув дверь, в палатку, согнувшись в три погибели, забрался человек. Грязная, насквозь мокрая куртка, со старой ушанки стекает вода.

Нежданный гость сел на брезентовый пол у порога, стряхнул с шапки воду, отдышался.

— Ну и дела, — пробормотал он. — В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит... Ты что, один в таких хоромах? Дождь пересидеть можно?

— Да вы сами сейчас про хорошего хозяина вспомнили, — отшутился Николай. — Отдыхайте.

Кто бы это мог быть? Чего бродит по горам в такое ненастье, на ночь глядя?

— Оботритесь, — протянул Николай гостю полотенце, — снимайте куртку, накиньте это.

Он подал сухую, теплую стеганку.

Путник не торопился. Он внимательно осмотрел палатку, увидел второй спальный мешок, спросил:

— А напарник где?

— В город ушел.

— Вы геологи, что ли?

— Вроде этого. Минералогией занимаемся.

Незнакомец снял куртку, мокрую рубашку. И то, что Николай увидел на груди странного путника, заставило вздрогнуть. В тренированной памяти следователя отчетливо вырисовалась фотография, вспомнились скудные слова ориентировки, с которой месяц назад познакомил начальник горотдела милиции личный состав отдела. Там, между прочим, значилось: на левой стороне груди вытатуирован прыгающий лев. «Странное везение», — заволновался Николай.

Путник, растирая полотенцем спину, поднял левую руку, и уродливо вытатуированный хищник на его груди, казалось, оскалился.

* * *

Начальник городского отдела милиции подполковник Ахметов собрал к себе оперативных работников в воскресенье вечером. Уже давно стемнело. Пока сотрудники собирались, подполковник писал. Потом, мельком взглянув на собравшихся — все ли, — начал без предисловия:

— Только что стало известно, что в городе появился Дмитрий Епифанов... Сведения достоверные.

Сделав это короткое сообщение, подполковник опять окинул взглядом подчиненных, как бы проверяя, какое впечатление произвели его слова.

Начальник уголовного розыска Рогов и старший оперуполномоченный Лыков так и подались вперед, боясь пропустить хоть слово. Старшина Панченко тоже настороженно посмотрел на Ахметова. Все слушали с большим вниманием, хотя кое-кто из новичков пока ничего не понял.

— Я тоже удивлен, как и вы, — продолжал подполковник. — В городе появился тот самый Дмитрий Епифанов, по кличке Митька-дезертир, которого мы два года безуспешно пытались разыскать. Многие из вас его помнят, а тем, кто не в курсе, я коротко расскажу.

В кабинете стало совсем тихо.

— Два года назад в нашем городе было совершено дерзкое нападение на инкассатора. Налетчики тяжело ранили его, отобрали деньги — и немало, — пистолет и скрылись. По подозрению в налете арестовали Епифанова. Но на другой день он ушел...

Подполковник взглянул на старшину Панченко, и тот опустил глаза.

— Митька-дезертир — местный житель, кличку получил не зря. В 1942 году дезертировал с фронта, года три скрывался в горах. В сорок пятом его арестовали, судили, потом вышел по амнистии. Где-то скитался, еще раз сидел за кражу и приехал сюда. И вот еще — налет на инкассатора. О подробностях говорить сейчас нет времени. Епифанов в городе, и его нужно найти. Линейная милиция и аэропорт уже осведомлены. — Подполковник с минуту помолчал.

— Что нужно делать нам? Многие давнишние дружки этого человека известны, но он, конечно, никогда не сунется к ним. Осторожен. Одну свою связь Митька держал в большом секрете. Я говорю о Дарье Носовой — его бывшей сожительнице. К сожалению, о ней мы узнали слишком поздно. Считая, что эта связь никому не известна, Епифанов может появиться у нее. Нужно взять под наблюдение дом Носовой на улице Дачной. Этим займутся лейтенант Жуков и старшина Панченко.

Жуков и Панченко встали.

— Вы, Жуков, новый человек у нас. Епифанова не знаете, но зато и он вас никогда не видел. А Панченко с ним хорошо знаком. — Начальник невесело усмехнулся. — Это у него из-под носа ушел преступник.

— Так вот, — продолжал подполковник, — отправляйтесь туда сейчас же. Зайдите к соседям, к самой Носовой. Найдите благовидный предлог, скажите, например, что разыскиваете знакомых: сегодня выходной. Да, учтите, что Дарья с год назад вышла замуж и с мужем, кажется, живет хорошо. Действуйте очень осторожно и, конечно, тактично.

Жуков и Панченко ушли. Подполковник жестом попросил сесть поближе оставшихся.

— Обсудим план. Я тут кое-что набросал...

Когда все пункты были обговорены и обязанности распределены, оперативники разошлись. В кабинете остались Ахметов и Рогов.

— Нам, Сергей Иванович... — начал подполковник и не окончил. Перебил телефон.

— Слушаю... Да, понял. — И Рогову:

— Быстро машину, собаку! Носова исчезла, в доме разгром...

* * *

Дождь монотонно стучит по палатке. Непрошенный гость ест тушеное мясо с бобами прямо из консервной банки. Он громко чавкает.

«Тимофей Криков, — вспомнил фамилию Николай. — Бежал из исправительно-трудовой колонии. Но почему очутился здесь, в горах? Что его сюда привело?»

Все отпускные думы разом покинули голову, Николай сейчас опять старший следователь, теперь он опять на службе.

«Задержать, это безусловно, — проносятся в голове мысли. — Как — это дело времени. Но не только задержать. Нужно узнать, зачем этот тип появился в таком неподходящем для него месте. Так просто, для прогулки, он сюда бы не пришел».

Пришелец опорожнил банку, вытер ладонью рот. Его все еще была мелкая дрожь.

— Скажи, геолог, а чего-нибудь такого, — он провел ладонью по горлу, — согреться... у тебя не найдется?

— Водки? Нет, водки не держим, — с явным сожалением сказал Николай. — Но я вас угощу, согреетесь, — вдруг вспомнил он.

В запасе у них была фляга со спиртом. Так, на всякий пожарный. Когда в кружку забулькала прозрачная жидкость, глаза Тимофея зажглись.

— Чистый?

— Ректификат. Вам в какой пропорции?

— Я лучше без воды... замерз.

Руки Тимофея дрожали, когда он принимал от хозяина палатки эмалированную кружку. «Алкоголик», — брезгливо подумал Николай.

Опрокинув в рот содержимое кружки, Тимофей с силой выдохнул. С минуту сидел, осовело глядя в угол. Потом блаженно растянулся на кошме.

— А ты, видать, парень свой, — Тимофей протянул руку, взял книгу, прочитал, запинаясь: «Занимательная ми-не-ра-логия...» Эх вы, геологи... А что же ты не спросишь, кто я?

— Сами скажете, если надо, — нехотя откликнулся Николай.

— Скажу, тебе... доверяю. — Тимофей посмотрел покрасневшими глазами на Николая. И хотя рядом никого не было и не могло быть, приблизился почти вплотную.

— Ты здешний?

— Нет. Я студент. На практике...

— Откуда?

— Издалека. Из Московского института минералогии, — сказал Николай и тут же усомнился: есть ли такое заведение.

— А я здешний. Из уголовного розыска я. По важному делу в горах, по службе.

Вот так фрукт, мысленно отметил Николай. Дело принимает любопытный оборот. Но ответил равнодушно:

— Я не любопытный. Особенно в таких делах.

— Тебе я скажу. — Ты парень государственный. Тебе можно, ты мне помочь должен.

Дыша в лицо спиртными парами, он зашептал быстро, торопясь. Николай слушал молча. И то, что он узнал, до того поразило его, что он не мог сразу собраться с мыслями.

* * *

Собака взяла след сразу и прямо с веранды повела в сад. Проводник Егорычев едва поспевает, за ним бегут Ахметов, Рогов и Жуков. Старшина Панченко остался охранять место происшествия.

За неухоженным, заросшим малиной и смородиной садом — пустырь. Здесь только что начали строить новый микрорайон. Собака пошла вдоль высокой дощатой ограды, какими порой окружают новостройки. Жуков подсвечивает карманным фонариком путь. Впереди, где забор под прямым углом поворачивает влево, что-то белеет.

Женщина. Лежит лицом вниз на утрамбованной самосвалами земле. Собака остановилась, обнюхала тело. Егорычев торопит:

— След, Барс, след...

Опять натянулся поводок, проводник с собакой устремились в темноту.

— Жуков, продолжайте преследование, — распорядился Рогов, склоняясь над телом. Лейтенант, доставая на ходу пистолет, побежал за Егорычевым и его четвероногим другом.

Прорезав темноту лучами фар, переваливаясь на ухабах, подошел милицейский «газик». Водитель, не дожидаясь приказа, связался по рации с дежурным горотдела:

— Первый, я шестой, я шестой... Прием.

— Жива, — сказал, наконец, Рогов. — Без сознания, на голове рана.

— Первый, срочно вызывайте скорую помощь на Дачную, 19...



Пока не исчезли следы...

Начался осмотр мест происшествия — дороги, где нашли Носову, ее квартиры. Не пришедшую в сознание Дарью отправили в больницу, вместе с ней уехал Рогов.

Соседка Носовой, старая женщина, приглашенная в качестве понятой, рассказывала, утирая глаза зажатым в кулак платком:

— Живет она, Дарья-то, сейчас хорошо. Муж завидный попался. Смирный да работающий. Дома только вот редко бывает, все в поле. Топограф он, целое лето в степи.

Женщина всхлипнула.

— Третьего дня вечером гляжу: у нее мужчина. Незнакомый, высокий. Лица, правда, я толком не разглядела. Утром спрашиваю: ты что, Дашка, очумела? Опять за старое? «Нет, — отвечает. — Старого не будет. А человек этот нехорошую весть принес, испугалась сначала, да отвязалась от него — ушел. А то, боялась — Толя зайвится». Это муж Дарьин — Толя, — пояснила понятая.

Ахметова заинтересовал рассказ женщины.

— Вы Дмитрия Епифанова знаете? — вдруг спросил он. — Не он это был?

— Митьку знаю, — серьезно, без тени удивления ответила старуха. Не он сюда приходил. Если б он был, сразу бы вам сообщила. Я его никогда не забуду, как он Ваську моего...

Старуха заплакала. Ахметов знал о печальной участи сына этой женщины — запойного пьяницы, которого уже дважды пытались лечить, но безуспешно. Однако о том, что этот человек связан с Епифановым, Ахметов не знал.

— А что он, Епифанов, сделал вашему сыну?

— Пить приучил, на темные дела таскал, вот что, — с горечью ответила старуха. — Молчала я, дура, боялась, в тюрьму Ваську упрячут. А лучше бы... Там бы воспитали. Все равно теперь не человек Васька-то мой... Дохлый он, за водку жизнь продаст.

Разговор этот происходил на веранде. В комнате старший оперуполномоченный угрозыска Лыков и следователь прокуратуры Туспеков с удивлением рассматривали четкий след, оставленный кем-то на подоконнике.

— Черт его знает, — сказал Лыков, — собака так легко взяла след с веранды в сад, а тут, мне кажется, кто-то ушел через окно на улицу.

В это время в саду слышались говор, шаги.

— Свои, — откликнулся Жуков на предупредительный возглас старшины.

Панченко сошел с веранды, взгляделся в темноту сада.

— Ведут кого-то, — сказал он.

Из-за деревьев вышли Жуков и Егорычев со своим Барсыком. Жуков подталкивал сутулого, обросшего рыжей щетиной парня с заложенными назад руками. Увидев приведенного, понятая охнула.

— Васька, — только и сказала она.

— Догнали у Большого карьера, — докладывал Жуков. — Залез в канализационную трубу и сидит. Это нашли у него. — Жуков протянул начальнику горотдела две двадцатипятирублевки и килограммовую фаянсовую гирю, завернутые в носовой платок. — Больше ничего не обнаружено, товарищ подполковник, — закончил Жуков. — Место задержания осмотрено тщательно. Задержанный ничего не говорит.

Васька бессмысленно хлопал глазами. Начальник милиции и его помощники знали, что этот человек умеет ловко выпрашивать деньги в поездах и на базарах, покупать и с

выгодой перепродавать вещи. Не такой уж он идиот, особенно когда трезв. А сейчас нет ни малейшего признака, что пил.

Допрашивал его Ахметов долго и упорно. Васька тоскливо смотрел в сторону и ничего не отвечал.

Тем временем из больницы вернулся Рогов. Носова пришла в сознание, и с нею разрешили поговорить. Она сообщила, что ударил ее дурачок Васька, сосед. Он вызвал ее из дому, сказал, что на пустыре муж лежит пьяный. Когда Дарья поняла, что Васька врет, и хотела вернуться домой, он ударил ее чем-то тяжелым. Дарья хотела еще что-то сказать, но ей стало плохо.

Доклад свой начальник угрозыска делал при задержанном, и Ахметов с интересом наблюдал, как тусклые Васькины глаза вдруг ожили, забегали.

В то время, когда в городе на Дачной Ахметов допрашивал Ваську, а в горах, под шум дождя в маленькой палатке шел разговор между Николаем и его «гостем», по дороге к отдаленной усадьбе совхоза «Горный богатырь» мчался грузовик. За рулем сидел атлетически сложенный мужчина лет сорока с угрюмым и волевым лицом. Это был Митька-дезертир.

В предгорьях шел дождь, Митька спешил.

После неудачного посещения квартиры Дарьи, когда ему пришлось убежать через окно, он понял: о его приезде в город знает милиция. Не зря старый знакомый Панченко с молоденьким хлопцем в штатском в поздний час появились у Дарьи. Их он хорошо видел из неосвещенной комнаты.

Выскользнув ужом в окно, когда работники милиции входили в дверь Дарьиной квартиры, Митька побежал по улице, хоронясь в тени забора. Ему повезло. Возле утонувшего в яблоневом саду особняка стоял грузовик. Из-за забора доносился разноголосый шум.

— Гуляют, — определил Митька и нажал ручку дверцы автомобиля. Та легко поддалась.

Острием лезвия складного ножа Митька умело включил зажигание. Несколько минут петлял по темным окраинным улицам. Погони не было. Потом вырвался на простор загородного шоссе.

«Уйти, уйти подальше, добраться до берлоги. А там деньги, с деньгами — через перевал, на самолет», — лихорадочно думал Митька, нажимая на акселератор. Дорога здесь хорошая.

Жалко, пистолет не нашел у Дашки... Сволочь баба, вышла замуж, выкинула, небось.

Беспокоило его и еще одно обстоятельство, которое, собственно, и заставило осторожного в своих действиях Митьку приехать за спрятанными в горах деньгами. Он узнал, что его компаньон по ограблению инкассатора Тимка Криков сбежал из колонии, где сидел за мелкую кражу. Тимка знает, где спрятаны деньги, и может завладеть ими.

Одному ему, конечно, не добраться до пещеры. По скалам лазить не умеет, утешал себя Митька. Метров на десять опускаться надо почти по отвесному камню. Куда Тимке!

Теперь бы до света добраться до Сухой балки, а там — машину под откос и через гору — в Узкую щель, и никакая милиция не достанет...

* * *

— Ладно. Дождь перестанет, пойдем в вашу таинственную пещеру, — сказал Николай. — Для геолога скала, как асфальт московский. А теперь давайте спать.

Тимофей забрался в спальный мешок и почти тотчас захрапел.

«Вот сейчас бы его и сцапать, скрутить, — подумал следователь. — Но где эта проклятая пещера? Ищи потом, как иглу в стоге сена».

* * *

Рассвет застал Жаляла у пенящейся Безымянки. Река беснуется в каменистых берегах, моста нет и в помине. С сожалением посмотрел он на близкий и совсем недоступный сейчас противоположный берег. Он так торопился, а теперь придется идти в обход, через Сухую балку. Это не близко, но там можно переправиться. Жаль, что часть груза придется оставить на ферме: тяжеловато нести будет.

Светало, гуще ложился туман. Жалял поежился от сырости, вскинул на плечи тяжелый рюкзак и двинулся в обратный путь. Опять пришлось идти вверх по узкой и крутой тропе, потом пошла старая, заброшенная дорога, по которой когда-то ездили в каменоломню за щебнем.

Здесь, вверху, туман не такой густой, как на берегу, но зато из ущелья дует холодный, пронизывающий ветер. Жалял поднял воротник и зашагал быстрее.

До фермы километра четыре-пять. Учитель уже хотел было свернуть на тропинку — сократить путь, но вдруг остановился. Впереди послышался гул мотора. Навстречу шла машина.

«Куда? — подумал Жалял. Впереди обрыв, неужели не знает? Впрочем, в тумане может и не заметить». Он вышел на дорогу, поднял руку:

— Стой!

Машина не остановилась, не сбавляя скорости, она мчалась прямо на стоявшего посреди дороги человека. Жалял едва успел отскочить в сторону.

«Пьяный, — мелькнула мысль. — Или сумасшедший? Как бы то ни было, нужно предупредить несчастье. Метров через триста дорога кончается, там обрыв. Да и ближе, сразу за поворотом, такие рытвины, что перевернуть машину не мудрено».

Жалял сбросил с плеч груз, побежал вслед за машиной, еще толком не соображая, что будет делать. Грузовик, уже круто накренившись, делал поворот. Вот он скрылся за выступом скалы.

Каримов рванулся вперед. Ветер дует навстречу. Вдруг за поворотом, где скрылась машина, раздался глухой удар. Лязгнуло железо, шум мотора стих.

Так и есть, разбился! Жалял на секунду остановился, потом опять побежал. Недалеко за поворотом, уткнувшись в большой камень, стоял грузовик. Слышно, как в радиаторе кипит вода. Возле — никого. Где водитель? Неужели несчастье? Может быть, ранен?

Осмотрелся вокруг, сложил рупором руки, крикнул в туман:

— Эге! ге-гей!

«Е-э-э-й...» — откликнулось в ущелье эхо, и все стихло. Откуда-то сверху доносился слабый шум ветра.

Каримов достал из футляра восьмикратный бинокль, с которым никогда не расставался в походе, вскинул к глазам: простым глазом в тумане трудно что разглядеть. И вдруг на ближайшем косогоре — он это ясно увидел в увеличении — мелькнула фигура. Человек карабкался по тропе. С секунду видел это Жалял, потом опять все заволокло белым туманом. Учитель опустил бинокль.

«Этому моя помощь не нужна, — нахмурившись, решил он. — Наоборот, я ему, кажется, помешал. Не нужно обладать проницательностью детектива, чтобы понять, что этот торпливый человек приехал сюда не за эдельвейсами».

Жалял еще раз осмотрел машину, которая крепко засела передними колесами в рытвине. Он записал номер и решительно зашагал в сторону фермы.

Сообщение пришлось передавать в город по этапам. С фермы Жалял созвонился с центральной усадьбой совхоза, а телефонистка оттуда связалась с городом. Только через полчаса она передала ответ.

— Вас просят, очень просят ждать на ферме, не уходить, — услышал Жалял далекий голос. — Из города выехали люди.

Медленно потянулись минуты. Долго ждал учитель, с нетерпением поглядывая на часы. Хорошо еще, что его развлекал только что проснувшийся неугомонный сынишка заведующего фермой. Он завладел биноклем и часто выбегал смотреть на дорогу. Наконец, радостно сообщил: «Едут! Едут!».

Из «газика» вышли четверо. Двух Каримов знал хорошо — начальника горотдела милиции Ахметова и его заместителя Рогова.

Молодой человек в спортивном костюме и берете, румяный как девушка, представился:

— Лейтенант Жуков. — И добавил, указывая на соседа: — А это старшина Панченко. Возможно, познакомимся поближе, если вы, товарищ Каримов, согласитесь...

— Согласится, — прервал, улыбаясь, Ахметов. — Знаете, Жалял Каримович, ваше сообщение о машине, возможно, облегчит решение одной задачи.

Подполковник коротко рассказал о событиях прошлой ночи и продолжал:

— Под утро Дарье стало лучше. Она рассказала, что дня два-три назад к ней явился напарник Епифанова по ограблению инкассатора — Тимофей Криков. Он потребовал у Дарьи спрятанный Митькой два года назад пистолет. Чтобы отвязаться от неожиданного гостя и опасаясь, что его может застать муж, Дарья отдала оружие. Криков ушел. Дарья с

запоздалым раскаянием сказала, что собиралась передать пистолет нам, да побоялась. Старая привычка...

— У нас есть подозрение, — продолжает Ахметов, — что Криков отправился в горы за деньгами, спрятанными там после ограбления инкассатора. Во время побега ни Криков, ни Епифанов не смогли забрать их с собой. Дарья передала нам еще и это.

Ахметов достал из планшета сложенный вчетверо лист бумаги.

Это была неплохо выполненная топографическая карта урочища Сухой Лог. Там, где зелеными точками обозначался лес, красным карандашом был выведен аккуратный кружок.

— Здесь, по-видимому, находится «берлога»...

— Но ведь это совсем недалеко от нашей палатки! — воскликнул Жалял.

Подполковник непонимающе поднял на него глаза.

— Там сейчас Николай Данилов. Один. С больной ногой, — пояснил Жалял.

— Нужно спешить, — сказал Ахметов. — Ваша встреча со странной машиной говорит о многом... К деньгам спешит Дмитрий Епифанов. Грузовик, к которому мы сейчас поедем, он угнал ночью, когда бежал из дома Дарьи Носовой. Ехал долго, скорее всего петлял: прямой дороги боялся. Мы решили послать в горы поисковую группу. Руководить ею будет Сергей Иванович Рогов, пойдут с ним лейтенант Жуков и старшина Панченко. Вас, Жалял Каримович, мы просим нам помочь.

Жалял нетерпеливым жестом прервал подполковника:

— Понял. Зачем просить? Только вот дожди в горах идут. Трудновато будет. Поведу самой короткой, но тяжелой дорогой.

* * *

К утру сложился четкий план. Теперь Николай знал, как он будет действовать.

Во-первых, надо постараться подольше задержаться с выходом: может быть, подоспеет Жалял, вместе проще справиться с пришельцем, доставить его в город. «Рисковать нужно умеючи, с умом, а не напропалую», — любит повторять начальник горотдела, и Николай хорошо усвоил это правило. Взвесив все «за» и «против», следователь не сбрасывал со счета вероятность того, что у Крикова при себе есть оружие. Нож, конечно, есть обязательно. Сейчас ему без Николая не обойтись, он юлит, заискивает. Но, завладев деньгами, может пойти на все, чтобы избавиться от выполнившего свою миссию человека.

Вот почему Николай решил разыгрывать роль легковерного, наивного юнца до тех пор, пока не узнает, где находится логово. А там придется открыть карты.

Дождь перестал, и проснувшийся Криков обрадовался этому. Он было засобирался в путь сразу, но Николай не спешил. Прихрамывая, он пошел к скале, где под нависшим камнем они хранили аварийный запас сухих дров, разжег костер, повесил на треногу котелок. Позвал:

— Давайте сушить одежду. Тащите свою куртку, сапоги.

Криков выбрался из палатки, угрюмо посмотрел на Николая.

— Чего там сушиться? — буркнул он. — Нужно идти, дело срочное.

— Успеем, времени много, — беспечно ответил Николай. — Подсохнут тропки, камни — пойдем. Сейчас скользко.

— А если опять дождь?

— Видите, туман садится? — вопросом на вопрос ответил Николай. — Будет хороший день, не волнуйтесь.

Туман холодными каплями ложился на камни, на хвою тянь-шаньских елей. Вершина близкого пика, покрытого снегом, заалела в лучах солнца.

— Когда друг твой придет? Скоро?

«Вот что тебя беспокоит», — подумал Николай и ответил озабоченно:

— Боюсь — не скоро. Слышите, как шумит Безымянка?

Тимофей с сомнением покачал головой:

— Как сказать... Для здешнего человека дорог много.

«Его что-то гнетет, беспокоит, — догадался Николай. — Спешит он, нервничает».

Вода в котелке закипела. Николай заварил кофе, открыл банку сгущенного молока, консервы. Предложил:

— Там во фляге осталось, хотите?

Криков отказался, и следовательно понял, что преступник решил действовать по-серьезному. Ели молча, Тимофей то и дело поглядывал вдаль, на убегающую в ущелье тропу.

С час после завтрака Николай возился с собранной в горах коллекцией минералов. Это время для Крикова было настоящей пыткой и, наконец, он не выдержал:

— Хватит копать, ты, геолог! Пошли!

Шли напрямик, без тропы. Ориентир, указанный Криковым, — высокая, разлапистая ель — все приближался. Николай еще раз окинул взглядом сутулую фигуру. «Справлюсь легко, — подумал он. — Рыхлый».

Вот и сосна.

— Пришли, — сказал Криков.

Они стоят на небольшой площадке у основания отвесной скалы. Узкая щель — вход в пещеру — вверху. Туда есть два пути, прикинул опытным глазом Николай. Сверху

добраться совсем просто. Да и отсюда не очень сложно. Конечно, для такого тюфяка, как Криков, это проблема.

— Трудно, — сказал он, осматривая скалу. — Трудно, — повторил Николай, поворачиваясь к Крикову, и замер.

Тот стоит пригнувшись, лицо злобно исказилось, в правой, прижатой к бедру руке — наган.

— Ты что, сопляк, раздумал? Думал — я играть с тобой буду? А-ну, давай лезь!

В барабане матово желтеют тупые рыльца пуль. Револьвер мелко подрагивает в грязной руке.

Николай сделал шаг назад, к скале, и тут же, резко спружинив, кинулся в ноги Тимофею. Ударил выстрел. Пуля, чиркнув по камню, ушла в сторону.

Рывок за пятки — отточенный, четкий прием. Николай действует хладнокровно, расчетливо, как на ковре в спортивном клубе. Стальные пальцы мертвой хваткой сжали руки преступника. Еще прием — теперь уже болевой, без него сейчас не обойтись, и начавший было сопротивляться Криков затих.

— Не баловать, — приказал Данилов. — Лежать смирно.

— Пусти, больно...

Николай тонкой прочной бечевкой перехватил руки задержанного, потом поднялся, подобрал отлетевший в сторону револьвер, тихо сказал:

— Встать! Не пытайтесь бежать, со связанными руками — глупо. Шею сломите.

Тимофей поднялся, повернулся лицом к Николаю и вдруг заговорил, даже не заговорил, а закричал, брызгая слюной:

— Такие деньги здесь! Дурак, фраер! И тебе хватило бы на всю твою жизнь. Сейчас их брать надо, неровен час хозяин придет, волк — каких мало осталось!

* * *

Группа Рогова приближается к цели. Идут вниз по крутому склону. Впереди — Каримов. Шагает легко, споро, как по асфальту. За ним гуськом остальные. Позади — лейтенант Жуков. Ему труднее всех: не бывал раньше в горах, нет сноровки.

— Теперь буду тренироваться, — говорит он идущему впереди Панченко. — В учителя возьму Кольку Данилова, он вышколит. Еще альпинистом стану.

Вдруг все разом остановились. В глубине ущелья, там, где виднеется разлапистая ель, грохнул выстрел. Гулко откликнулось многоголосое эхо.

— Это не ружье, — сказал Рогов. — Это револьвер... Близко.

— Стреляют у скалы, к которой мы идем, — откликнулся Каримов.

— Надо разбиться на две группы, — сказал Рогов. — Жалял Каримович, двое пойдут отсюда, двое должны зайти с тыла. Как это лучше сделать?

Каримов на листке из блокнота быстро набросал схему ущелья. Двоим идти верхом, укрываясь в ельнике. Остальным — по дну каньона...

Карандаш замер в руках Жаляла. Прогремело еще два выстрела. Один за другим...

— Вперед, — приглушенно скомандовал Рогов. — Жуков и Панченко — вниз. Мы пойдём ельником.

* * *

— Кто это хозяин? — требовательно заговорил Данилов, приблизившись вплотную к Крикову. — Откуда сведения, отвечайте быстро и без вранья, не ухудшайте своего положения...

Криков в деланной усмешке скривил губы.

— Не знаю, парень, кто ты... Только ясно, не геолог. А про хозяина знаю точно. Поэтому и спешил, хотел сам завладеть грошами... Хозяин — волк. За ним давно местная милиция охотится.

— Митька? — почти выкрикнул Данилов.

— Он. Теперь ясно, кто ты, гражданин начальник. А то — геолог. Со мной-то ты справился. А вот Митьку попробуй возьми. Он тут каждую нору знает.

— Возьму, — пообещал Данилов. — Не уйдет.

Слышал эти слова не только Криков. Они донеслись до ушей того, к кому относились непосредственно. Митька-дезертир был незримым свидетелем только что разыгравшейся у скалы сцены. Перед самым приходом этих двух он забрался в свое логово, выполняя заветную мечту, которая не давала ему покоя все дни, проведенные в бегах. Теперь, когда цель была достигнута, им овладел звериный страх, ужас перед близкой, неотвратимой расплатой. Надо было уходить. Он больше всего боялся встречи с милицией. А этот милиционер, о непримиримости которого Митька был наслышан, в силу же убедился только что воочию, не упустит случая. Надо бежать. Подгоняемый животным страхом, Митька пошел на рискованный шаг. Люди внизу заняты разговором. Пользуясь этим, он выполз из норы и, извиваясь змеей, начал карабкаться вверх.

Со скалы на площадку шлепнулся камень. За ним ссыпалось несколько камней поменьше. Николай отскочил в сторону, взглянул вверх. У самой вершины, по расщелине, цепляясь за камни, карабкается человек. Увидел это и Криков. Краска сползла с лица.

— Хана, начальник. Ушли деньги.

Николай видел это и сам. Кляня свою неосмотрительность, он сделал то, о чем вспоминает краснея. С криком «Стой!» Данилов дважды выстрелил вверх. Но Митька уже достиг вершины и скрылся за большим замшелым валуном. Николай метнулся было к тропе, ведущей вверх, но тут же вернулся. «Мальчишка, — обругал он сам себя, — за двумя зайцами гонишься...»

— Ну, ты, вперед, — приказал он Крикову, указывая направление на палатку. В голове вырисовался новый план. Сейчас же вместе с задержанным надо идти к чабанам, собрать людей, организовать поиски. Там лошади, есть рация.

Они не успели сделать и десятка шагов. В ельнике, где только что скрылся Епифанов, раздался выстрел, прозвучал повелительный голос. Слов Николай не разобрал. А из-за скалы к нему бежали двое. Свои, друзья. Впереди — румяный Жуков. В глазах тревога:

— Колька, цел?!

* * *

Нелегкие горные тропы привели этих людей в глухой уголок ущелья, к одинокой туристской палатке. Их семеро. Двое сидят поодаль, изредка с ненавистью поглядывают друг на друга. Ими руководила жестокая корысть, неистребимая страсть к наживе. Эта страсть свела их, толкнула на страшное дело. Сейчас та же неуемная жажда денег сделала их заклятыми врагами.

А пятеро у костра оживленно беседуют перед обратной дорогой. И с затаенной завистью слушают те двое не понятные им радостные слова о том, что операция прошла успешно, что народу будет возвращена немалая сумма.

Николай укладывает вещмешок, собирается в путь.

— Не сердись, Жаке, — говорит он другу. — Дела зовут. Поскучай маленько один.

Жалял понимающе кивает. Ему немного грустно, но он знает — Николай прав, надо вести следствие, до конца разоблачить преступников.

— В путь, — поднимаясь, говорит Рогов. — Опять собираются тучи. Дождливое нынче лето в горах.

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант.

Алма-Ата.

Ю. Кузнецов, В. Садовников

ЗА ЧТО ДАЮТСЯ НАГРАДЫ

— Старшина Лященко слушает.

В Октябрьском райотделе милиции города Караганды часто звонит телефон и Михаил Иванович — помощник дежурного — поднимает трубку. Мы ждем, когда он закончит разговор, и снова продолжаем нашу беседу. Речь идет о наградах и о том, почему некоторые не носят их.

— Есть люди, которые стесняются: дескать, чего выставлять свои заслуги. А вообще-то зря. Награды ни за что не даются.

На груди у старшины ряды цветных ленточек.

За что же он получил свои награды — ордена и медали? Красную Звезду, «Знак Почета», «За отвагу», «За безупречную службу» и еще некоторые другие?

Мы хотим рассказать только о трех из них.



М. И. Лященко.

1

Кузнечики словно решили заполнить своим стрекотом тишину этой ночи. Бойцы лежали на сухой, но уже остывшей за вечер земле и прислушивались к тому, что делается впереди на полосе противника. Было тихо, и казалось, что это из-за этих кузнечиков ничего не слышно. Один из них, прыгнув, ударился о щеку Михаила, и тот вздрогнул от неожиданности. Он толкнул в ногу лежащего впереди товарища, и они поползли дальше. Михаил оглянулся, чтобы запомнить место, где они оставили проход в проволочных заграждениях, но было так темно, что он засомневался, сможет ли теперь найти дорогу обратно.

Все шестеро спешили быстрее преодолеть нейтральную полосу. Казалось, что в том лесочке впереди, хоть он и занят противником, будет безопаснее. Треснула и прошипела ракета. Они замерли на минуту, прильнув к земле, хотя ракета описывала крутую дугу не над ними, а метрах в трехстах в стороне.

Михаил заметил при ее свете крышу какого-то сарая в глубине леса. Когда ракета сгорела, мрак стал еще плотнее.

Бойцы находились за первыми деревьями. Неожиданность подстерегала на каждом шагу, и сознание этого необыкновенно обостряло слух и зрение разведчиков. За поворотом дорожки, что вела к сараю, они скорее почувствовали, чем увидели, двух фашистских часовых. Один стоял прямо против них и лениво зевал, а второй что-то громко говорил

ему от другого угла здания. Наконец, они сблизилась. Их разговор становился все оживленнее.

Сигнала не было, но как только немцы повернулись спиной к разведчикам, те бросились на них. Через минуту связанные, с забитыми ртами немцы бестолково толклись на месте, не понимая, что случилось. Резкие подталкивания дулами автоматов под ребра красноречиво объясняли им, куда идти.

Мелким шажком пошли, пригибаясь в сторону своих позиций. Вновь затрещала, освещая все вокруг, ракета. Бойцы упали, уложив рядом пленных. Но один из немцев вскочил, замахал руками, глухо замычал в кляп. Удар под колени тут же уложил его. Минуты две было спокойно, потом из леска в их сторону взмыли одна за другой три ракеты и ударила пулеметная очередь. Один из товарищей Михаила, вскрикнув, замер, упав всем телом на его ноги. Михаил приподнял друга за плечи, сидя в глубокой яме, но он опять тяжело свалился на дно ложка.

Разведчики поползли вперед к глубокой воронке. Скатившись в нее, они сразу почувствовали себя в безопасности. Теперь их было пятеро. Шестой неподвижно лежал на желтой земле, и глаза его не закрывались, когда дрожащие ракеты рассыпали над воронкой голубоватый свет.

Спохватившиеся немцы бросились в погоню по тому же ложку. Автоматы разведчиков заговорили, когда серо-зеленые фигуры были в нескольких метрах от воронки.

Бой прекратился только с рассветом. Еще двух бойцов потеряли разведчики. Пленные сидели на дне воронки, со страхом наблюдая за советскими солдатами. Весь день до темноты просидели трое бойцов в воронке на нейтральной полосе. Ночью им удалось уйти к своим. Задание было выполнено: «языки» доставлены в штаб.

Так Михаил Лященко получил свой первый боевой орден Красной Звезды.

2

С поста на станции Караганда-Угольная Лященко с Комаровым сменялись в третьем часу ночи.

Они шли вдоль железнодорожного пути, тихо разговаривая о том, чем займутся завтра, в выходной день.

— Я прежде всего отосплюсь как следует, — чуть хриплым от усталости голосом сказал Михаил Иванович. Рядом с ними двинулся, лязгнув буферами, состав, потом медленно покатился назад и снова встал, прогремев тяжелыми вагонами.

Впереди от самой головы поезда навстречу шли две мужские фигуры. Они, видимо, хотели пройти под составом, но тот снова грохнул буферами, словно предупреждая, что этого делать нельзя. Двое прошли несколько шагов вперед и снова остановились в нерешительности. Потоптавшись на месте, они все же двинулись навстречу милиционерам.

— Чего-то волнуются, — сказал Михаил Иванович, а когда те поравнялись с ними, остановил их. Документов у мужчин не оказалось.

— Пойдемте с нами, — спокойно сказал Комаров.

Те покорно пошли с милиционерами вдоль состава. Вдруг один из мужчин бросился вниз, куда-то под колеса поезда, а через секунду оттуда грохнул выстрел из обрез, который он выбросил раньше, увидев милиционеров.

Раненый Лященко поднялся с перрона вовремя. Комаров держал под прицелом пистолета одного из преступников, второй старался ударить его сзади. Голос Лященко заставил и его поднять руки.

...— Ну вот, то в тебя фашисты стреляли, — сказал Комаров, которому не пришлось осуществить свои планы на свободный день: он сидел в больнице у кровати Михаила Ивановича, — а тут — свои.

— Это тоже враги, — тихо, с трудом ответил старшина.

3

Дом на Загородной загорелся днем. Соседки, сбежавшие на пожар, не сразу сообразили, что делать. Потом появились ведра, и вода, шипя, стала исчезать в пламени, охватившем дом. Вылетели стекла, и тут все услышали крик из горящего дома. В это время старшина Лященко и подбежал к толпе, собравшейся на улице. Решение пришло мгновенно.

— Лей на меня! — крикнул он женщине с ведром. Та в нерешительности остановилась. Он выхватил у нее ведро и вылил воду себе на плечи. Форма сразу потяжелела. Ударом сапога старшина распахнул дверь. Жар тугой волной отбросил его тело от порога. Толпа замерла, не спуская с него глаз.

Нагнув голову, Лященко бросился в пламя. Удар. Боль. Он поднялся и ошупью в дыму нашел дверь в комнату. Там тоже было полно дыма. С зажмуренными глазами Михаил Иванович бросился туда, откуда доносился плач. Пятилетний ребенок, оказавшись у него в руках, тут же смолк, и Лященко услышал голос второго. Не выпуская из рук ребенка, он метался по комнате, натываясь на вещи. На постели лежала старушка. Он наткнулся на нее случайно. Рядом был второй ребенок. Когда, вынеся детей, милиционер снова бросился в дом, толпа, словно очнувшись, стала лихорадочно лить воду в выбитые окна.

Женщина, оказавшись на свежем воздухе, сразу пришла в себя.

Вдруг какой-то мужчина, прорвавшись сквозь толпу, бросился в пылающее здание. Это было так неожиданно, что никто не успел его остановить. Крыша, разметав фейерверк искр, тяжело осела. Еще мгновение — и она рухнет. И снова, облившись водой, бросается Лященко в бушующее пламя. Но спасти пострадавшего уже было нельзя. Тот скончался от ожогов...

* * *

Можно рассказать о всех наградах Михаила Ивановича. Но это будет длинный рассказ о всей его жизни, большой, трудной и красивой. У старшины два сына и дочь. И дети гордятся жизнью отца — настоящего и благородного советского человека.

Ю. КУЗНЕЦОВ, капитан милиции,

В. САДОВНИКОВ.

г. Караганда.

С. Смородкин

ДЕВЯТЫЙ ВЫСТРЕЛ

Неплохо. Совсем неплохо. Он внимательно осмотрел себя в ресторанном зеркале. На него в упор глядел двойник: парень в солдатской форме. Худой. Плечистый. Коротко остриженный.

«Итак, «Маскарад». Действие первое. Драма Михаила Юрьевича Лермонтова. На дуэли, гады, убили. А ведь хороший был человек. Ты тоже, Костя, неплохой человек, сказал он себе и ухмыльнулся. Светлая у тебя голова, Костя. В лагере тебе так и говорил Митя-бухгалтер: «С вашей головой, Константин Ефимович, в Москве, в Министерстве финансов сидеть». Сиди, Митя, да меня вспоминай. Небось, таскают тебя сейчас к оперу. Вызнают, не говорил ли о побеге. Ведь рядом на нарах спали. И сказал бы, может, чего, а не знаешь...

Да, быстро я обернулся в Ташкенте. И билет успел купить до Москвы. И на толкучку сходить за солдатской формой. Гимнастерка, правда, немного коротковата. Ладно, сойдет. Кирзачи начищены. В бляхе перекачивается солнце. Подворотничок свежий. Едет солдат домой. Отслужил, отрубил свое. Врагу такой службы не пожелаешь. Нет, врешь, врагу пожелаешь».

Выбритый, аккуратный солдат сел за стол. Свернутую шинель положил налево от себя, на стул у вагонного окна. Огляделся по сторонам.

— Товарищ официант, шесть пива, сыр и гуляш. Нет, водки не надо.

«Главное — на станции не соваться. Военные патрули — народ серьезный. От них не открутишься. Так что сиди, Костя, тихо, как мышь. Пей пиво. Сколько же вы, Константин Ефимович, — светлая ваша голова — пива не пили? Давайте посчитаем. Три года восемь месяцев и одиннадцать дней. Задержались вы в лагере, задержались», — подумал он и опять ухмыльнулся.

Парень в солдатской форме пил пиво. Неторопливо, с видимым удовольствием жевал сыр, посыпанный солью. Дымил «Памиром». Ладный такой парень с серыми глазами. Свернутая шинель лежала рядом. Из правого шинельного кармана выглядывал краешек газеты. Непорядок, солдат.

Он заметил белый клочок. Засунул его дальше в карман. Через бумагу ладонь почувствовала твердую рубчатую рукоять.

Лежи, «макаров» до поры. Отдыхай, жди настоящего дела.

«Водки не надо». Охота выпить, но держись, Костя. Свое возьмешь потом. Помнишь, как говорил тебе «Седой»: «Губит нас, Костя, на свободе глупость. Как вырвемся из лагеря, как уйдем от проволоки, так и начинаем гулять. Нипочем нам все, коли уйти сумели. Один раз живем. Деньги просадим, а душа, конечно, горит. Вот и идешь на дело, самое мертвое. Прешь, сломя голову, как бычок. И снова КПЗ и суд, снова сосны пиляешь. Запомни, Костя, не так надо. Рискуй. Но с умом. Нет дела без риска. Но чтобы на всю жизнь. Чтобы потом как сыр в масле...»

Знал «Седой», что почем и что поскольку. Всю жизнь по лагерям да тюрьмам. Эх, «Седой», «Седой»! Загибаешься ты сейчас на больничной койке под серым зековским одеялом. Инфаркт у тебя. И вряд ли встанешь. Так и сдохнешь за решеткой. А я ушел. По твоему плану ушел. Тебе он все равно ни к чему. А мне жить. Пожить мне еще охота. Ведь и не жил толком. Детдом, колония, тюрьма, лагерь...

— Здесь свободно?

— Садитесь.

Солдат курил сигарету, смотрел в окно, рассматривая отражение лысой головы соседа в вагонном стекле. Дрожали в тонком стакане кровавые степные тюльпаны. Поезд Ташкент — Москва несся под шестьдесят, похрустывая суставами на поворотах.

Лысый отложил меню, поднял голову. Солдат взял еще один стакан, налил доверху пива, поставил перед соседом.

— Пейте, — сказал парень. — Пока еще официант раскачается...

— Спасибо, — сказал лысый. — Издалека едешь?

— Чего?

— Едешь издалека? — переспросил лысый.

— Издалека.

— Отслужил?

— Ага.

— Рано что-то. Приказа о демобилизации еще не было.

Солдат курил, молчал. Потом тихо сказал:

— Мать очень больна. Комполка — человек. Досрочно отпустил.

Сосед сочувственно покачивал лысой головой.

«Вопросы. Все им надо знать. Кто, откуда и зачем. В душу хотят заглянуть».

Солдат неловко повернулся, опрокинул стакан. Желтое пятно поплыло на скатерти.

«Спокойно, Костя, — сказал он себе. — Не психуй. Ничего у них не выйдет. Мотал ты их всех, пока живешь один...»

Доедешь до Москвы. Первое, конечно, прибахлится. Потом в Химки к Вале. Хата чистая. Для нее он и остался строителем из почтового ящика. В столице нашей родины, само собой, никаких дел, никаких старых корешей. Дело надо сделать где-нибудь подальше. В Туле или Брянске. И сделать дело одному. Без свидетелей. Если будут — кончить. Он теперь ученый. Хорошо бы взять сберкассу. И вся любовь. А там пусть ищут...

— Ченгельды скоро, — неожиданно сказал лысый.

— Ага, Ченгельды, — сказал солдат, а сам подумал: «Ишь ты, все знает. А может быть, лучше на крышу? От всяких любопытных... подальше. А то — разговорчики...»

Не простившись, пошел к выходу.

* * *

Рыскулбек сидел на жестком эмпээсовском диване и перематывал портянку. Перемотал, сунул ногу в сапог, встал, прошелся. Правый сапог все равно жал. Он опять пожалел, что не успел утром забежать к сапожнику и взять ботинки из починки. Сальменов посмотрел на часы: без четверти десять. Еще восемь часов дежурить. Много в таких сапогах не натопаешь. Сержант поправил фуражку, вышел из зала ожидания на перрон. Пассажиров было немного. Незнакомая женщина с узлами и двумя детьми, механик, который едет за запчастями в Чимкент, да однорукий старик Терентьев. Старик, нахохлившись, сидел на деревянном расписном чемодане с висячим замком.

— Здравствуйте, деда, — сказал Рыскулбек.

— Здорово, сержант. Куревом не богат?

— Богат.

— Ну давай твоих покурим. Они закурили.

— Далеко собрались? — спросил Сальменов.

— К брату, — сказал Терентьев. — В Астрахань.

— Хороший город Астрахань, — сказал Рыскулбек.

— Хороший, — сказал старик. — Все равно где умирать.

Сальменов переминался с ноги на ногу, не зная что сказать. Да и что тут скажешь. Совсем, видно, неумогу стало старику у дочери — вот и уезжает. Пьет у него зять. Крепко пьет. А ведь всю жизнь прожил здесь старик. Сначала в Арыси, потом в Ченгельды.

...Он вспомнил, как вернулся капитан Терентьев в сорок третьем из-под Курска с пустым рукавом и двумя рядами орденских планок. Так и сидел он потом в офицерском кителе без погон на площади под серой от пыли облезлой акацией. Сидел чинил обувь. Сапоги солдат, ботинки ремесленников, сандалии пацанов, женские босоножки, которые тогда назывались танкетками.

Зимой сорок четвертого украли у Рыскулбека в очереди хлебные карточки. Он не пошел домой. Не мог он идти домой, где ждали его, пятнадцатилетнего мужчину, — главу семьи — мать и еще пятеро братьев и сестер. Он сидел тогда около Терентьева, прижавшись спиной к гладкому стволу акации, и не мог заставить себя пойти домой. Они пошли домой вместе. Терентьев отдал матери свои хлебные карточки. Когда Терентьев уходил, мать упала на колени и хотела поцеловать ему руку. Сильно тогда рассердился Терентьев и ушел, хлопнув дверью.

Где-то через неделю Терентьев, узнав, что Саидку Габитова обвесили в хлебном магазине, схватился с продавцом Вольским.

— Шкура тыловая, — кричал Терентьев. — Детей наших обвешиваешь. Кровь нашу пьешь.

Дело было в станционном буфете, и Терентьев все хотел ударить Вольского пивной кружкой. Вольский ловко увертывался, мягко успокаивал:

— У меня же бронь. И что вы, папаша, расходились? Мы оба на фронте. На трудовом...

Забрали тогда Терентьева в милицию, и он, Рыскулбек, бежал по пыли за милиционером Сыздыковым и просил:

— Отпусти его, пожалуйста. Отпусти. Он же не виноватый.

Но Сыздыков вел Терентьева в отделение, заломив ему за спину единственную руку, и бормотал:

— Уйди, босяк. Не крутись под ногами. А то хуже будет.

Может, тогда и решил Рыскулбек пойти на работу в милицию, чтобы в ней не стало таких, как Сыздыков. Может, и тогда. Нет, наверное, все-таки позже. Гораздо позже. Году в пятьдесят шестом, когда он заступился за девушку, на которую напали двое парней...

А вот теперь старик Терентьев одиноко сидит на расписном чемодане с висячим замком и ждет поезда, который увезет его к брату. Даже дочь не пришла проводить старика.

— Ничего, деда, — сказал Рыскулбек Терентьеву. — Переживем. Ничего с нами не будет до самой смерти.

— Не будет, — улыбнулся Терентьев. — Это верно. До самой что есть смерти ничего не будет.

Подошел восемьдесят пятый, скорый, Ташкент — Москва. Пассажиры, как горох, посыпались на перрон. Сальменов взял терентьевский чемодан, дошел до восьмого вагона, остановился, поджидая старика. Он помог Терентьеву погрузиться и устроил его на нижней полке с помощью знакомого проводника Турсункула. Сальменов посидел, покурив с Терентьевым.

— Я, деда, пройдуь по вагонам, — сказал он Терентьеву. — Посмотрю и приду. Вместе до Арыси доедем. Я этот поезд до самой Арыси буду сопровождать.

— Приходи, — сказал Терентьев. — Хоть покурю с земляком.

Рыскулбек шел по вагону и думал, что же сделать для старика, чтобы тому было веселее ехать. Он вернулся назад, зашел в купе к Турсункулу и договорился, что тот будет весь путь поить Терентьева крепким индийским чаем.

— Специально для деда заварку делай, — наказал Сальменов.

— А кто тебе этот дед? — спросил Турсункул.

— Просто человек хороший, — сказал Рыскулбек.

— Для хорошего человека ничего не жалко, — сказал Турсункул. — Все сделаю. Не беспокойся.

Восемьдесят пятый набирал скорость. Сальменов поговорил с проводниками, прошел по вагонам из конца в конец поезда, внимательно присматриваясь к сидящим, спящим, пьющим чай. Заглянул в вагон-ресторан. Он был закрыт. Официанты меняли скатерти, залитые пивом. Кажется, все нормально.



Р. Сальменов.

Сальменов стоял в тамбуре, собираясь идти к Терентьеву, когда к нему подошел проводник пятого вагона.

— Вас ищу, сержант. Солдат на крыше едет. Я ему говорю: «Слезай, упадешь, кто отвечать будет?» А он смеется.

— Хорошо, — сказал Рыскулбек. — Я поговорю с ним.

Он докурил сигарету и пошел к хвосту поезда.

— Солдат какой-то на крышу забрался, — сказал он проводнику последнего вагона. — Пойду поговорю с ним. А ты посмотри, если что...

— У нас в поезде народ спокойный едет, — сказал проводник. Очень спокойный. Но я посмотрю...

Рыскулбек подтянулся на руках, перегнулся и вылез на крышу. Хвостовой вагон здорово мотало.

«Под семьдесят жмет, — определил Сальменов. — Никак не меньше».

Весеннее солнце светило ему прямо в глаза, и он не сразу увидел распластанную фигуру солдата далеко впереди.

«Заснет парень и свалится. Надо заставить спуститься», — подумал Рыскулбек.

Он не спеша пошел к солдату, перепрыгивая через промежутки между вагонами.

* * *

Парень лежал босой, на расстеленной шинели. Сапоги стояли рядом. Он первым увидел Сальменова, вернее, его голову в милицейской фуражке, которая показалась неожиданно над последним вагоном.

— «Так, — сказал он себе. — Надо ждать второго. По-моему, ты влип, Костя, — и ему сразу стало жарко. — Быстро же они след взяли. Кто же продал меня?..»

Он, не вставая, достал из правого кармана шинели тяжелый газетный сверток. Из левого — обоймы. Посмотрел назад. Сзади никого не было.

«Смотри, смелый сержант. Один пошел меня брать. Это уже легче. Один на один всегда легче. Ну давай, давай поговорим сейчас...»

Парень смотрел на человека в милицейской форме, который медленно шел к нему улыбаясь.

«Ишь разулыбался. С чего бы это. А может, он с добром ко мне?»

Но он сразу отогнал от себя эту мысль.

«Знаю я вашу доброту. Зря, сержант, улыбаешься, — подумал он раздраженно. — Сейчас плакать будешь. Кровью умоешься. А я посмеюсь».

Парень сполз с шинели, прикрывая пистолет телом, чтобы сержант не увидел его раньше времени. Он опустился на гармошку между третьим и четвертым вагоном, устроился поудобнее и прицелился в человека, который шел к нему улыбаясь.

Рыскулбек шел во весь рост по крыше пятого вагона. Он видел, что солдат как-то неловко, боком сполз с шинели на гармошку между третьим и четвертым вагоном. Теперь он отчетливо видел только коротко стриженную голову солдата.

«Вот чудак, — подумал Сальменов. — Прячется. Наверное, совсем молодой. В отпуск едет. Свалишься — вот тебе и отпуск».

Что-то сильно ударило его в левое бедро. Так сильно, что все тело его резко развернуло вправо, и он чуть не упал. «Что же это?» — подумал он.

И опять что-то сильно ударило его в правый бок и еще раз в ногу. Он упал на колени. И это спасло его. Пули прозвенели над головой.

Сальменов посмотрел вперед. Солдат лихорадочно забивал новую обойму. Рыскулбек вынул ТТ. Теплая рукоять привычно легла на ладонь. Он никогда так тщательно не целился. Он не мог, не имел права промахнуться. Для второго выстрела у него просто не было сил.

Рыскулбек выстрелил. Коротко стриженная голова парня дернулась и исчезла. Сальменов подполз к краю вагона. Парень лежал у насыпи, неловко скрючившись. Зеленое пятно его гимнастерки убегало от Рыскулбека все дальше и дальше, теряясь в бесконечной степи.

— Вот и все, — сказал себе Рыскулбек. — Вот и конец. Ничего со мной больше не будет, потому что вот она смерть, уже сидит во мне.

Он слабел все больше и больше. Вагон стал словно живым. Он все хотел сбросить Сальменова со своей покатой и жесткой спины. Рыскулбек, обламывая ногти, отползал на несколько сантиметров от края, но вагон сталкивал и сталкивал его деревенеющее тело все ближе и ближе к краю.

Сальменов смотрел на степь, которая безразлично неслась ему навстречу. Вдали у стального лезвия реки паслись лошади. И степь и лошади были залиты кровавым светом.

«Тюльпаны цветут», — подумал Сальменов. — А может, это просто кровь».

Он родился и вырос в степи, но никогда раньше не видел такого тюльпанного зарева.

«Это просто кровь», — решил он, теряя сознание.

...Сальменов мчался на коне по кровавому травяному морю. Впереди несся табун красных лошадей. И он никак не мог догнать этих бешеных красных коней.

* * *

Рыскулбек не помнит, что он крикнул дорожному мастеру, когда поезд остановился на разъезде Ак-Тас. Но он крикнул. И слабый его крик услышали люди. Они сняли Сальменова с крыши и трое мужчин разжимали его пальцы, схватившиеся за край вагона. Сержанта внесли в восьмой вагон в купе к Турсункулу, старик Терентьев и какая-то девушка-медсестра оказали ему первую помощь.

Привезли его в Арысь, вызвали из Ташкента хирурга, потому что местный хирург не решился оперировать Рыскулбека. Полгода он пролежал в ташкентском госпитале на грани жизни и смерти и еще полгода лечился на курорте. Многие думали, что он мертв, и слали письма его семье с соболезнованиями. Но Рыскулбек выжил.

Недавно я получил от командира отделения линейной милиции станции Арысь старшины Рыскулбека Сальменова письмо:

«Я жив и здоров. Теперь со мной до самой смерти ничего не будет. Кончил десятый класс в вечерней школе. У меня родился сын...».

С. СМОРОДКИН.

Арысь — Алма-Ата.

И. Антипов

СЕРМАГАМБЕТ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

Почти у самого своего дома старшего сержанта Сермагамбета Саимова нагнал на мотоцикле Волков — слесарь из депо станции Эмба. Резкий шум мотора взбудоражил устоявшуюся предвечернюю тишину в поселке. Выписав полукруг на пыльной дороге, Волков остановился.

— Как живем-можем, Сермагамбет? — весело крикнул он, не слезая с мотоцикла, упираясь длинными ногами в пыльную обочину дороги.

Саимов ответил на приветствие и, тоже улыбаясь, подошел к мотоциклисту.

— Не спешишь? — спросил Волков, обнажая в улыбке пожелтевшие от табака зубы. — А я хотел тебя на рыбалку пригласить. Клев хороший, глядишь, принесем...

Саимов сделал вид, что не расслышал Волкова, и принялся с любопытством разглядывать новенький мотоцикл.

— Когда же успел? — спросил Сермагамбет, давая понять, что речь идет о купленном мотоцикле.

— А-а, ты о нем! — расплылся в улыбке парень. — Весной еще... Кое-как собрался с духом...

— Давно мечтаю, — вздохнул Саимов.

— Надо-надо, — сочувственно сказал Волков, глядя куда-то в сторону. — Ну, что с рыбалкой — железно? — опять спросил он, стараясь переменить разговор.

— Подумаю, — пообещал Саимов. — Видишь, брат, с дежурства топаю...

— Ну-ну, давай, соображай.

Волков лихо крутнул заводную педаль, мотор взвыл, и мотоцикл, пустив шлейф синего дыма, понесся прочь.

«Везет человеку! — подумал Саимов. — Талантами не отличается, а поди же ты... С хозяйской стрункой, видать».



Сермагамбет Саимов.

Дома Сермагамбета встретила жена.

— Зачем ты этому Волкову понадобился? — спросила она недовольно. — Не в друзья ли напрашивается?

— А ты как в воду глядела! — невесело отозвался Сермагамбет. — Рыбачить приглашал.

— Знаешь, нехорошее о нем люди говорят, — уже из кухни сказала жена, позвякивая посудой.

— Все может быть, — согласился он, снимая китель и вспоминая свой недавний разговор с бабушкой Абрамовой.

Она явилась как-то под вечер и прямо с порога начала свой рассказ. Речь шла о поведении того же Волкова и о его дружке Кабанове.

— Глаза бы мои не смотрели на этих лоботрясов, — возмущалась старушка. — Почитай, каждый день глотку заливают... Не обессудь, что по пустякам тревожу... Они, правда, не хулиганят, а вот пьянствуют и — хоть ты им что...

«Ну, что ж, бабушка, — думал тогда Саимов, глядя на ее сгорбленную костлявую фигуру, на чуть вздрагивающие руки. — Возмущение твое вполне законное, а все же привлекать их мы не можем. На свои пьют, не хулиганят».

— Приглядывать стоило бы за ними, — не унималась старушка. — Недоброе люди поговаривают...

Выложив наболевшее, старая женщина ушла. Растревожила она Саимова. А из головы не выходили события одной беспокойной мартовской ночи...

Буран разбушевался не на шутку. Казалось, что стены дома не выдержат ураганный напор. Дом вздрагивал, поскрипывал, на улице выло и ухало.

Не спалось. Саимов лежал с открытыми глазами и слушал. В полночь он встал с постели, оделся потеплее и пошел на станцию.

На перроне увидел постового милиционера Кузембаева. Тот вышел встречать пассажирский поезд и теперь стоял и ждал его прихода, с головы до ног облепленный снегом.

— Вот это метет! — сказал Кузембаев, узнав своего отделенного и нисколько не удивившись его появлению в столь поздний час.

Постояли минуты две молча, прислушиваясь к пурге, всматриваясь в снежную кутерьму. Пробивая снежную пелену, за семафором возник свет. И вскоре под неяркими станционными, фонарями показался локомотив...

Уходя от Кузембаева, Сермагамбет посоветовал ему быть настороже. В такую погоду недолго и до беды.

Но, несмотря ни на что, беда случилась. В ту ночь грабители проникли в магазин...

Наутро из Оренбурга и Актюбинска прибыли опытные оперативные работники. Началось следствие. Оно тянулось около месяца, но никаких результатов не дало. Преступники, умело спрятав концы, разгуливали на свободе.

Как-то вскоре после разговора с бабушкой Абрамовой Саимов направился в станционное депо, где работал Волков.

— Пьет и прогуливает, — отозвался о слесаре пожилой мастер. — Мы уж его, каналью, и так и сяк, и по-хорошему... И милицией припугивали, — добавил он.

О разговоре со старым мастером Саимов сообщил у себя на работе.

— Так-так, порядок! — одобрил инициативу милиционера начальник линейного пункта старший лейтенант Савенков. — В общем, несите службу...

— Слушаюсь! — козырнул Саимов.

* * *

Шло время. Саимов, как и полагается, нес службу, встречал скорые и пассажирские, провожал громыхающие товарняки... И вот однажды он увидел картину, которая удивила и вместе с тем обеспокоила его.

Он вышел на перрон проводить скорый московский. Вдруг на перроне показался Волков с увесистым чемоданом в руках.

«Неужели уезжает?» — подумал Саимов, наблюдая за своим знакомым, который, озираясь по сторонам, остановился в хвосте скорого.

Возле вагона толпились пассажиры с узлами и чемоданами. Они спешили сесть на поезд, но Волков, как это по всему видно было, не торопился. Он продолжал стоять и, по-видимому, выжидал время.

Проходящая по перрону и наблюдая за Волковым, Сермагамбет тем временем подозвал постового милиционера Шукракова и приказал ему немедленно переодеться в штатский костюм, сесть на скорый и ехать до Актюбинска.

— Понаблюдайте вон за тем пассажиром, — приказал Саимов, показав на Волкова.

— Слушаюсь!

Все произошло так, как и предполагал Саимов. Как только поезд тронулся, Волков рванулся к вагону и повис на подножке. Сермагамбет и виду не подал, что заметил его, и продолжал стоять до тех пор, пока последний вагон не скрылся с глаз.

А как складывались события там, в Актюбинске, стало известно из рассказа Шукракова, который столкнулся с Волковым уже в пути, незадолго до прибытия в Актюбинск. Тот стоял в тамбуре и курил папиросу за папиросой. Его покрытое веснушками лицо было бледным. Безбилетник был явно чем-то взволнован.

— К выходу поближе? — спросил Шукраков, подходя к Волкову, чтобы прикурить, и показывая глазами на чемодан.

— Лучше раньше, чем никогда, — вяло улыбнулся тот, делая глубокую затяжку.

Помолчали, пуская папиросный дымок. И здесь Шукраков обратил внимание на одежду парня. Из-под выпущенной сверх брюк рубахи выглядывал голубой крепдешин. Милиционер еще и еще раз глазами прощупал безбилетника. Нет, зрение не обманывает...

Поезд начал сбавлять скорость. Вагон, покачиваясь на стрелках, шипел тормозами.

— Вот и приехали, — сказал Шукраков. — А вам, гражданин, — обратился он к Волкову, — придется зайти в милицию.

Волков застыл с чемоданом в руках.

* * *

— В чемодане у Волкова найдены отрезки драпа и вельвета, а под рубахой — крепдешин, — доложил Саимов своему начальнику.

— Так-так, порядок! — сказал старший лейтенант Савенков. — Ищите понятых и собирайтесь с обыском...

Через час милиционеры с понятыми пришли к Волковым. Молодая хозяйка, бледнее при виде неожиданных гостей, засуетилась.

— Ищите, где хотите, — приговаривала она, бегая по комнатам.

— Так-так, порядок! — повторил свою любимую поговорку старший лейтенант Савенков, и обыск начался. Шел уже третий час их пребывания в доме Волкова. Проверены были чердак, подпол, прощупаны пол и крыша. Но все тщетно. Старший лейтенант мрачнел и на доклады Саимова ничего не отвечал.

— Напоследок разрешите попробовать печь? — спросил Сермагамбет.

— А стоит ли? — не сразу согласился старший лейтенант.

Еще поначалу, войдя в дом, Саимов заметил у печи под самым потолком замененный кирпич. Он был наспех забелен и выделялся среди других.

Извлечь его оказалось делом несложным. Из образовавшейся дыры в печи Саимов вытащил отрез крепдешина, за ним последовал драп и куски какого-то материала.

— Так-так, порядок! — сказал начальник линейного пункта и с одобрением поглядел на старшего сержанта Саимова.

* * *

Поезд замер у заснеженного перрона. Сермагамбет взглянул на большие станционные часы. Они показывали начало шестого.

Вечерело. Холодное декабрьское небо неприветливо мигало редкими звездами.

Хлопали заиндевелые вокзальные двери, впуская и выпуская пассажиров, нагруженных чемоданами и авоськами. Под ногами певуче скрипел прихваченный морозом снег. Была обычная предпосадочная суета, до тонкостей знакомая милиционеру Саимову.

Рядом с девятым вагоном, как это про себя отметил Сермагамбет, стоял старший сержант Шукраков. Стоял он в кругу каких-то парней. Один из них, несмотря на лютую стужу, был раздет до пояса, остальные без шапок, в одних рубашках. Словом, компания вокруг Шукракова собралась разудалая.

Сермагамбет прислушался.

— Убирайся-ка ты подбру! — пьяно рявкнул кто-то из компании.

Сермагамбет понял, что угрожали его подчиненному... В дальнейшем все произошло в одно мгновение. Тот, что был раздет до пояса, сбил Шукракова с ног. Сермагамбет рванулся вперед на помощь товарищу...

Позади оглушительно взвыл паровоз, колеса товарняка бешено застучали по рельсам. И этот шум не сбавляющего скорость поезда заглушил все, что произошло в какие-то считанные минуты...

Хулиганов оказалось шестеро. Все они, обезумев от вина, накинулись на Сермагамбета Саимова.

В завязавшейся схватке двое легли от ловкого милицейского приема. Но остальных не удалось обезвредить. Поскользнувшись, Саимов упал и, падая, увидел блеснувшее над головой лезвие ножа...

Где-то в морозной степи затих шум товарняка, тронулся со станции, поскрипывая тормозами, пассажирский, затих топот ног кинувшихся следом за поездом бандитов... Все это явственно слышал Саимов, оставшись лежать на холодном перроне.

Двенадцать ран получил отважный милиционер в схватке с опасными хулиганами. Более месяца провел он на больничной койке. Врачи немало сделали, чтобы полностью вернуть человеку здоровье. Но удар по глазу не прошел бесследно — свет в нем померк...

За мужество и отвагу Сермагамбет Саимов награжден орденом Красной Звезды. Он продолжает служить в милиции. Он остался в строю.

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

ст. Эмба.

К. Селиневич

ЛАВИНА

В три часа ночи в управление милиции сообщили, что в доме близ междугородной автостанции раздалось несколько выстрелов. К месту происшествия выехали оперативный уполномоченный уголовного розыска младший лейтенант Шлыкин и проводник служебно-розыскной собаки лейтенант Бекетов с овчаркой Лайдой. Предотвратить преступление им не удалось — оно уже совершилось. На полу одной из комнат дома лежали, глядя в потолок мертвыми глазами, два трупа — девочки-подростка и ее матери, не старой еще женщины. Помочь им было уже невозможно. Оставалось одно: выследить, задержать и обезвредить зверя, совершившего убийство, не дать ему больше множить число преступлений.

Ночь была лунной и теплой, снег перестал падать совсем недавно. Собака шла по следу уже долго. Лайда устала, ее розовый язык свисал из пасти, но она продолжала рваться вперед, туго натягивая поводок. Устал и проводник, но все так же продолжал свой бесконечный равномерный бег по безлюдным улицам городской окраины. Где-то далеко позади слабо слышался тяжелый топот отставшего Шлыкина.

Но вот у штакетника, опоясавшего небольшой домик, Лайда остановилась, взвизгнув, припала мордой к калитке. Бекетов остановился, осмотрелся. Кругом белое безмолвие: снег густо накрыл деревья, заборы, крыши домов. У калитки лейтенант увидел следы, отчетливо выделявшиеся на снегу. Следы шли во двор домика.

Бекетов расстегнул кобуру и вслед за Лайдой перепрыгнул через ограду и подбежал к двери домика. Прислушался. Не было слышно ни звука. Подошел Шлыкин, осмотрел следы. Обратных не было, — значит, преступник здесь. На стук в дверь не ответили. Милиционеры постучали еще, резко, настойчиво. В доме послышалась возня, что-то упало. Наконец из-за двери спросили:

— Кто там?

— Милиция.

Минуты через две стукнули щеколдой и в проеме двери показалась фигура пожилой женщины. Она держится внешне спокойно, но ее волнение выдают глаза: в них затаился необоримый страх.

— Кто дома?

— Я одна...

И действительно, в доме никого не оказалось. Нет никого и в подполе. Бекетов поднялся на чердак и тихо выругался: из слухового окна были видны следы, они уходили по крышам сараев, стоявших один к другому вплотную, а за изгородью шли по заснеженной земле фруктового сада в сторону гор.

Времени потеряно было много, преступник, вероятно, ушел далеко. Некогда сейчас разбираться, как попал убийца в этот тихий домик, что связывает его с хозяйкой. Все это будет выяснено потом. Сейчас главное — не дать уйти бандиту. Но вдвоем за ним идти нельзя: нужно доложить обстановку в управление. И они решают: Шлыкин отправится в управление и вернется сюда с опергруппой, а Бекетов с овчаркой продолжит преследование.

Бекетов сбрасывает шинель:

— Вперед, Лайда!

След ведет по горным прилавкам все выше. Там, в хаосе скал, хочет скрыться убийца. Если он уйдет за перевал, найти его будет нелегко, и, кто знает, сколько вреда успеет он принести... Все круче подъем. Далеко внизу остался город. Вот и пояс хвойного леса. Снег под елями лежалый, плотный. Лайда уверенно тянет вверх, к скалам, дышит тяжело, бока ее ввалились, на отвисших губах — пена. Сам Бекетов беспредельно устал. Но отдыхать нельзя. И не только потому, что спешит и преступник. Остановиться, сесть — это значит замерзнуть. И, преодолевая усталость, лейтенант упорно идет дальше, подбадривая Лайду. Вскоре начинает опять падать снег. Тяжелыми хлопьями он медленно оседает на каменные глыбы. Вокруг высятся скалы, нависают каменные карнизы в огромных снежных шапках. Человек и собака идут по козьей тропе. Уже в полсотне метров ничего не видно.

Лайда внезапно забеспокоилась. Милиционер насторожился, но как ни всматривался — ничего подозрительного не заметил. Лайда снова потянула по тропе наверх, к нагромождению каменных глыб, смутно выступавших из снежной пелены...

И тут неожиданно грянул выстрел. Бекетов прильнул к земле. А за выстрелом другой звук — грозный, мощный. От него сжалось сердце — снежный обвал. Лавина снега с шипением и грохотом понеслась вниз, задев человека своим краем.

Когда все стихло и чувства вернулись к человеку, он увидел, что отброшен к каменному карнизу. Лайды не было. Шапку сорвало и унесло.

Над местом, где пронеслась лавина, повисла густая пелена снежной пыли. Метрах в тридцати от себя Бекетов увидел смутно проступающую через пелену фигуру человека, карабкающегося по скалам. Он очень торопился перевалить через гребень горы. Медлить было нельзя...

Оперативная группа уголовного розыска во главе с капитаном Семиным, приведенная в горы Шлыкиным, настойчиво продвигалась по пути, пройденному Бекетовым. При выходе из ельника они услышали выстрел и глухой грохот в скалах. Все с тревогой посмотрели вверх и пошли на выстрел предельно ускоренным шагом.

И вдруг остановились: следы оборвались — их накрыла снежная лавина. Путь преградил завал из снега. Но не преграда беспокоила сейчас капитана Семина. Он думал о другом: а что с Бекетовым? Не накрыла ли его лавина? — Обследовать местность. Искать, — распорядился капитан и сам полез по завалу, глубоко утопая в снегу.

Нашли шапку Бекетова. Погиб? А может, еще живой? Лежит под снегом, ждет помощи. Надо спешить, искать. Послали на метеостанцию, чтобы вызвать альпинистов со спасательным снаряжением, и продолжали поиски своими силами, прощупывая каждый метр завала...

В клочья изорвав одежду, в кровь изранив руки и колени, Мукаш Бекетов полз все выше и выше, остервенело цепляясь за выступы скал. Он достигал убийцу. Тот был уже совсем близко. Он часто оглядывался на своего преследователя, и тогда лейтенант видел волчий оскал лица бандита.

Оба понимали — стрелять нельзя: выстрели — и снежная лавина накроет обоих.

Поняв, что уйти не удастся, убийца остановился на небольшой площадке. Тяжело дыша, пошел прямо на Бекетова. Они схватились врукопашную.

Мукаш вовремя увернулся, и тут же ударил противника в челюсть. Преступник упал и выронил пистолет. Бекетов еле держался на ногах — сказывалась нечеловеческая усталость после нескольких часов отчаянной погони. Но борьба была еще не окончена. Убийца поднялся и, шатаясь, направился к милиционеру. Обессиленные и слабые, они молча сцепились, яростно нанося удары друг другу.

Мукаш слабел с каждой минутой. Опасаясь долгой борьбы, которой он мог не выдержать, Бекетов пошел на хитрость: собрав остатки своих сил, Мукаш притворился, что падает, и противник попался! Убийца опустил руки, торжествуя победу. Мгновение — и Бекетов выпрямился. Коротким боксерским «правым крюком» он ударил противника под ложечку. Убийца охнул и как сноп свалился на камни. Упал и Мукаш — он потерял сознание.

Очнулся Бекетов от холода. С тревогой поднял голову, но успокоился: преступник все еще лежал без сознания.

Мукаш связал ему руки, отдохнул и медленно поволок задержанного вниз.

Труден подъем, но еще труднее спуск с гор. Долго спускался Мукаш с круч и каменных уступов — счет времени он потерял давно. Голова кружилась, его мутило, глаза закрывались. Он часто терял сознание. Очнувшись, долго сидел у своей ноши, с трудом поднимался, и снова мучительно медленно шел вниз, надеясь дотянуть до жилья.

Но силы иссякали. Под вечер Мукаш упал у оголенного утеса, недалеко от завала и больше не поднялся. Здесь и нашла его альпинистская поисковая группа. Полузамерзший Бекетов лежал у каменной осыпи лицом в снег. Рядом возился преступник, пытаясь о кромку камня перетереть ремень, связывающий его руки.

...Два месяца провел лейтенант Мукаш Бекетов в госпитале и снова вернулся на свой пост.

К. СЕЛИНЕВИЧ

г. Алма-Ата.

Н. Шахов

ЧЕЛОВЕК ТРУДНОЙ ПРОФЕССИИ

— Вам старшего оперуполномоченного? — переспросил дежурный горотдела милиции, вытираясь мокрым от пота платком. — Пройдите, пожалуйста, в одиннадцатый кабинет. Он там занимается.

...Июль в городе всегда знойный: дверь кабинета старшего оперуполномоченного открыта настежь.

За столом сидит казах в форме старшего лейтенанта милиции. Без труда можно догадаться, что это и есть Нурум. Знакомимся. После вежливых фраз о погоде, о том о сем начинается наш большой разговор с воспоминаниями о войне, о службе, о разных оперативных делах. Передо мной сидит обыкновенный, внешне мало чем отличающийся от других мужчина со спокойным лицом и добрым взглядом карих глаз. Кажется, ему не более сорока лет. И только седина в торчащих ежиком волосах выдает его возраст.

— Нурум, расскажите о себе, о своей работе.

— А что тут рассказывать? Ничего примечательного. Работа, как у всех...

Но ему, конечно, есть о чем рассказать, и разговор постепенно входит в нужное русло. Из пятидесяти лет своей жизни он двадцать пять на боевом посту.

Многое пришлось изведать Нуруму Сыдыкову, во всяких переплетах бывать. Особенно трудными были годы после Великой Отечественной войны, когда приходилось иметь дело с бандитами, орудовавшими в тылу, всякого рода расхитителями народного добра, мелкими и крупными жуликами. Трудность борьбы с ними заключалась в том, что зачастую они были вооружены огнестрельным или холодным оружием и действовали из-за угла. Нужно было иметь поистине крепкую волю, хладнокровие и выдержку, чтобы идти на вооруженного бандита, отдавая себе отчет в том, что он без боя в руки не дастся, и не зная, откуда он может напасть.

Трудное время прошло, война давно закончилась, но борьба с преступностью не прекратилась. В 1951 году коммуниста Сыдыкова перевели на оперативную работу. Он с энтузиазмом, с чекистской принципиальностью взялся за порученное дело.

Работнику органов ошибаться нельзя. Перед ним не только преступники, но прежде всего люди. И оперуполномоченный распутывает клубок упорно, настойчиво и верно. Не зря в милиции говорят:

— Нурум взялся за дело — порядок будет.

* * *

Был вечер выходного дня. В парке играла музыка. На танцплощадке кружились молодые пары. Те, кто постарше, сидели на скамейках или степенно разгуливали по аллеям. К звукам музыки примешивались оживленные разговоры, задорный смех. Так и тянуло туда, где отдыхали, веселились люди.

Прямо со смены в своей запыленной железнодорожной форме Михтарьянц завернул в парк. Хотелось после трудового дня подышать свежим воздухом, посмотреть на публику. И вдруг, словно вихрь, на него налетела группа молодых людей, оттеснила в угол. Завязалась драка. Вскрикнули девушки, шарахнулись в сторону зеваки. И как-то сразу угол опустел. На полу лишь остался лежать окровавленный железнодорожник.

На шум поспешили дежурившие в парке работники милиции. Один из них наклонился над лежащим:

— Мертв.

— Кто присутствовал при драке? — обратился сотрудник милиции к окружающим.

— Все присутствовали, — раздалось в ответ несколько голосов.

— А дрался кто?

— Какие-то ребята свалку устроили, а потом удрали...

Подъехал «газик» из горотдела. Начались поиски преступников. И сразу неожиданность — возле фонтана задержали двух парней в чистеньких костюмах, державших под мышками какие-то рубашки. Развернули — рубашки в крови. Задержанного Капустникова и его товарища доставили в горотдел милиции.

— Вы убили человека?

— Что вы нам приписываете? Понятия не имеем.

— Откуда на рубашках кровь?

— Подрались.

— На танцплощадке?

— Мы там и не были. В углу парка на нас налетели какие-то парни, носы нам поразбивали и скрылись. Пришлось умыться у фонтана и переодеться. А тех парней мы даже и не знаем.

— А откуда у вас чистая одежда взялась?

— Э... Сестренка принесла... мы рядом живем.

«Сомнительно все это, — подумал дежурный. — Да и отвечают что-то торопливо, и бледные какие...» Но результата этот разговор не дал никакого. Дело было передано старшему оперуполномоченному Сыдыкову. Началась кропотливая работа.

Вторичные допросы подозреваемых ничего не дали. Они слово в слово повторяли свои показания на предварительном следствии. Не приносили результата и очные ставки.

Следствие затягивалось. И Нурум, быть может, впервые в жизни начал сомневаться в своих способностях. «Может быть, действительно, произошло все так, как рассказывают, и ребята ни в чем не виновны? — размышлял он. — Возможно, настоящие преступники скрылись, а мы от этих добиваемся чего-то... Конечно, прямых улик против них нет...»

— Как со следствием? — спрашивали Сыдыкова начальник горотдела милиции и руководители управления охраны общественного порядка.

— Подождем результатов судебно-медицинской экспертизы, — хмуро отвечал он.

И Нурум не ошибся. Вот и заключение экспертов: кровь на рубашках, изъятых у задержанных, и кровь убитого одна и та же. Остановившимся взглядом уперся в эту бумажку убийца и не слышит вопроса следователя.

— Что теперь скажете, Капустников?

А потом после обычной истерики и злобного плача признался.

— Да, Михтарьянца зарезали мы с товарищами. Я имел с ним личные счёты...

* * *

Одно время в городе участились случаи воровства и ограбления граждан. Причем преступления совершались примерно одинаковыми методами: кражи — посредством подкопа стен или взломов замков на дверях, а с прохожих либо снимали часы, либо отбирали деньги.

Пострадавшие твердили одно: грабителей было четверо, молодые люди. Но кто эти злоумышленники, узнать не представлялось возможным. Ограбленные о них ничего ясного сказать не могли.

— Налетели в темном месте, ограбили и быстро разбежались. В лицо никого не заметила, — жаловалась очередная жертва.

Но вот заявление от гражданки Коровиной.

— Одного негодяя я узнала. Валериком звать. Недалеко от нас живет.

Задержали Валерика. При обыске у него в квартире нашли часть вещей потерпевших. Недолго он запырлся, назвал компаньонов: Юрия, братьев Геннадия и Виктора.

Следствие по делу грабительской шайки и на этот раз было поручено Нуруму Сыдыкову. Много хлопот доставили ему преступники. Если Валерик сравнительно легко сознался в грабежах и воровстве, то с другими обстояло несколько иначе: они отрицали свое участие в шайке.

— Где вы были такого-то числа в одиннадцатом часу вечера? — допытывался Нурум у Виктора.

— Дома.

— А ваш брат?

— Не знаю. Гулял где-то.

Проверили показания, выяснили, что дома его в тот вечер не было. Снова допрос. Но и он дал мало утешительного. Разоблачение братьев затруднялось еще и тем, что при обыске их квартиры не было найдено существенных вещественных доказательств.

— В показаниях путаются, — докладывал Нурум начальнику горотдела. И после минутного колебания: — Прошу произвести в их доме повторный обыск.

Результат обыска превзошел все ожидания. В потайной яме во дворе были обнаружены многие вещи, выкраденные из складов и магазинов, силой отобранные у граждан. И когда на очередном допросе Виктор продолжал все отрицать, ему были предъявлены вещественные доказательства.

— Где вы это взяли? — в упор спросил следователь.

Дернулся, вздрогнули красные веки и нехотя начал рассказывать. Признались в грабежах и остальные.

Наш разговор продолжается.

— А скажите, что вам больше всего помогает в работе?

Нурум улыбается:

— Трудно сказать. Но, быть может, и опыт. Тот, военный.

Глаза его темнеют. Память, суровая память войны, возвращает нас в сорок первый, в Брестскую крепость...

В тот день Нурума разбудил гул моторов и взрывов. Немецкие самолеты прошли над городом и, развернувшись, стали снижаться к крепости. Боец разглядел на фюзеляже черные кресты. Тревогой обожгло сердце. «Это не провокация, а война!» — подумал про себя Сыдыков.

Заработали наши зенитки. Их снаряды рвались около «юнкерсов», образуя белые кучевые облака. Наконец, головной самолет задымил и, объятый пламенем, пошел книзу. Он где-то исчез в лесу. Боевой строй «юнкерсов» дрогнул. Фашистские летчики начали в беспорядке сбрасывать на крепость бомбы. Взрывы следовали один за другим.

С лихорадочной поспешностью просыпался палаточный городок.

Пулеметному расчету Сыдыкова было приказано выставить станковый пулемет на стыке двух рот.

А вот вновь немецкие самолеты. Бойцы выдержали жестокую бомбежку. И когда вслед за этим на дороге показалась конная разведка и мотоколонна противника, их встретили пулеметными очередями в упор. К ротам Шиканова примкнула и группа пограничников, отходивших с ближайшей заставы. Вместе с ними пулеметчики весь день вели бой, прикрывая отступление наших войск, а вечером сами начали двигаться на восток.

Но уже в тылу была танковая колонна немцев, и бойцы оказались отрезанными от фронта.

Первую военную ночь они провели в лесу у деревни Франополь. Под командованием лейтенанта Шиканова оказалось всего 250 человек — и свои, и присоединившиеся к отряду из других частей.

В ту ночь Шиканов дважды приказывал обследовать московскую шоссеюную дорогу. Он хотел увести отряд в Беловежскую пушу. Но каждый раз разведчики докладывали, что по дороге движутся большие колонны вражеских солдат и танков.

Попытались пробиться из окружения, но, потеряв несколько человек, снова отступили. Только на следующую ночь удалось форсировать шоссе, когда движение вражеских войск немного ослабло.

Отряд Шиканова находился в густом Старосельском лесу Жабинского района Брестской области.

Вскоре началось формирование партизанского отряда. Для этой цели было созвано партийное собрание с участием комсомольцев и активистов, на котором с пламенной речью выступил лейтенант Шиканов.

— Мы решили создать партизанский отряд. Каждый должен подумать, готов ли он к тому, что придется вынести. Жизнь партизанская будет полна большого риска. В тылу врага всякое может случиться. В нашем отряде должны быть крепкие люди, сильные духом.

Так был организован один из первых партизанских отрядов в Белоруссии.

Круглолицый, необычайно подвижный и ловкий казах Нурум Сыдыков соединял в своем характере лучшие качества солдата — бесстрашие и решительность, большую выносливость и неистощимый запас оптимизма. Его лицо всегда улыбалось и только в бою, когда Нурум сжимал приклад винтовки или пулемета, оно становилось злым и жестким, и узкие глаза с зоркостью степного охотника ловили в прорезь прицела зеленые фигуры гитлеровских солдат. Во все остальное время он был неизменно весел, умел поднимать настроение партизан даже в дни поражений и неудач.

Нурум был назначен командиром пулеметного отделения, а потом — взвода.

* * *

В партизанской землянке тускло горела лампа. Командир отряда пишет короткий и лаконичный отчет.

«Уничтожено 5 автомашин, 50 фашистов. Повешено 2 провокатора. В село Старосельское гитлеровцы входить бояться. Это территория партизанская, советская. В этих операциях отличился командир пулеметного отделения Н. Сыдыков.

Декабрь 1941 г.».

Зимним вечером 1942 года участвовал Сыдыков в очередной операции. В результате — 15 пленных полицаяв и большие запасы продовольствия, розданные населению.

Вскоре собрался народ.

— Берите, берите, товарищи! Побольше! Это добро народное, оно и должно достаться народу, — улыбаясь, говорил Сыдыков.

После этой операции в окружающих деревнях разнеслась весть о разгроме гитлеровского гарнизона в Радованичах. Среди населения шла молва о том, что советские части скоро предпримут наступление на другие села.

Так проносились боевые будни отряда.

К лету 1942 года в нем было более 250 человек.

В июле 1942 года отряд принял около города Ковеля неравный бой с численно превосходящими силами противника. Против тридцати партизан был направлен большой карательный отряд автоматчиков. После длительного кровопролитного сражения партизаны с боями отошли в лес.

У местечка Мокраны на Ковельской шоссе́йной дороге народные мстители устроили засаду. Операцией руководил командир отделения Сыдыков. Десять грузовых автомашин с небольшим интервалом двигались по дороге. В кузовах сидели вражеские солдаты. По сигналу Шиканова партизаны со всех сторон открыли ураганный пулеметный огонь. Более ста гитлеровцев нашли могилу на советской земле. Девять машин были подожжены. Операция эта длилась не более двух часов. На одну из уцелевших машин партизаны погрузили многочисленные трофеи и начали отходить в лес. В этом бою отличились Нурум Сыдыков, Хамид Смагулов, Фаина Тронкина, Мария Прошина и другие.

Узнав о дерзком налете, гитлеровские каратели против небольшого отряда послали полк автоматчиков. Началось преследование. На одном из участков партизаны были прижаты к реке. Положение было критическим. Форсировать реку было не на чем. И тогда боец Смагулов вместе с Сыдыковым пригнали с противоположной стороны паром и организовали быструю переправу партизан.

К этому времени в отряде насчитывалось более 600 человек, несколько орудий, минометы. Отряд стал громоздким и плохо управляемым. Было решено разбить его на два самостоятельных отряда. Причем один из них стал называться партизанским отрядом имени погибшего героя Чернака. Командиром этого отряда стал Рамазан Козырев. Командиром первой роты и заместителем командира этого отряда был назначен Нурум Сыдыков.

Нурум был в командирской землянке, когда из штаба Брестского партизанского соединения сообщили, что 22—23 июля 1943 года в Старосельское направляется карательный отряд численностью в 300 человек с целью забрать выращенный урожай и уничтожить партизанский отряд. Разведчики сообщили, что со стороны шоссе́йной дороги дозорные посты обнаружили группу гитлеровцев в двадцать человек, которая продвигается вдоль лесной опушки.

Обо всем этом командир роты Сыдыков доложил Козыреву, начальнику штаба Хомичу и спросил:

— Что предпринять, товарищ командир?

— «Усильте боевое охранение вдоль шоссе́йной дороги. Ведите за противником наблюдение. Это, вероятно, разведка гитлеровцев. Если они будут углубляться в сторону лагеря, уничтожить, — сказал Козырев и тут же распорядился сообщить об опасности командирам соседних партизанских отрядов.

— Встречать есть чем. Давайте будем обдумывать, как встречать.

Сыдыков изложил свой план отражения атак карателей.

— Мой план состоит в том, чтобы совместными усилиями с другими ротами нанести удар по врагу еще на подступах к селу из засады. Гитлеровцы, очевидно, попытаются окружить нас и уничтожить в котле, — сказал он.

...На правом фланге, где держала оборону 2-я рота, слышалась бешеная пальба. Она ни на минуту не утихала. Там шел жаркий бой. Но вот кто-то крикнул: «Идут!»

— Приготовиться к бою! Стрелять только по моей команде! — распорядился Нурум.

Появились автоматчики. В темноте их мундиры сливаются с зеленью кустов. Партизаны замерли в ожидании команды. Пулеметчик Гриша Юрко плотно прижался к «максиму» и смотрит через щит на движущиеся фигуры карателей. Гитлеровцы уже в ста метрах. Слышна их речь. Сыдыков дает команду:

— По фашистам огонь!

Ливень свинца обрушивается на карателей. Видно, как они падают от метких пулеметных и автоматных очередей. Дрогнули цепи фашистов, откатываются назад.

— Вперед! — раздается команда ротного.

Партизаны, прижимаясь к деревьям, поливая автоматным и пулеметным огнем бегущих карателей, мелкими перебежками ринулись вперед. Сыдыков настолько увлекся боем, что не заметил, как к нему подошел связной.

— Товарищ Сыдыков! Я от командира отряда. Он велел передать, что на левом фланге все атаки карателей отбиты, враг откатывается назад, убито двое партизан и двое ранено. Командир просил узнать, какие будут донесения, — сказал связной.

— Передайте командиру: будем бить фашистов до полного разгрома, — сказал Сыдыков.

— Сейчас каратели пойдут в атаку. Приготовиться! — отдал команду Нурум.

Со свистом пролетели мины над головой и разорвались недалеко от пулеметного расчета.

Бой шел четыре часа. Были убито более пятидесяти фашистов. Партизаны устали, но, окрыленные победой, бодро шагали по лесным тропам. Тихо стало в лесу, только по-прежнему шумели сосны — немые свидетели жаркого боя.

Скупые донесения о боевых действиях партизанского отряда имени Чернака сохранились до наших дней. Вот несколько из них:

«21—22 октября 1943 года. На Брестско-Московской железной дороге в районе дер. Косачи и Задворце взорван вражеский эшелон.

В результате взрыва, по сведениям разведки и местного актива, полностью уничтожен паровоз, разбито и повреждено 54 вагона. Из них 4 вагона с живой силой, а остальные с боеприпасами и обмундированием. Движение по железной дороге приостановлено на 15 часов. Убито и ранено до 120 гитлеровцев. Отличились Н. Сыдыков и И. Ерошенко».

«22—23 июля. На Брестско-Ковельской железной дороге между полустанками Каменка и Закрутин под сильным ружейно-пулеметным огнем противника отрядом произведен массированный удар по рельсам. Взорвано 204 рельса. Отряд отошел без потерь.

Для восстановления железной дороги противник перенес запасные рельсы со станции Брест. Движение по железной дороге было приостановлено на двое суток... Отличились Н. Сыдыков, А. Пугач и другие».

А всего рота Н. Сыдыкова пустила под откос 82 вражеских эшелона.

Наш разговор продолжается. Он насыщен военными фактами и эпизодами, скупыми рассказами о мирных буднях, где продолжается борьба с темным миром корысти и насилия, где бывшему солдату по-прежнему нужна военная интуиция и психологическое мастерство.

Я слушаю этого человека и по-хорошему завидую трудной и интересной профессии, проверенной и подтвержденной всей его честной и настоящей жизнью.

Н. ШАХОВ.

г. Алма-Ата.

СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ

Милиционер,

в темноту окраин

глаз вонзай

острей и зорче!

В. Маяковский.



С. Кыдырбаев

КРИМИНАЛИСТИКА — НАУКА ТОЧНАЯ

В этой небольшой статье трудно хотя бы просто перечислить отрасли наук, которые сегодня приходят на помощь криминалисту в раскрытии самых сложных, самых запутанных преступлений. И мне хочется привести цитату из прочитанной однажды книги, где, как мне кажется, очень точно определена суть работы научно-технических отделов, без которых немислима работа органов охраны общественного порядка.

«Непосвященный человек, оказавшийся в криминалистической лаборатории, не сразу поймет, где он находится. Здесь и химические реактивы, и кварцевые лампы, и муфельная печь, и спектрограф, и микроскоп, и пинцеты, иглы и множество других аппаратов и приспособлений, каждым из которых в отдельности пользуются люди различных профессий, но всеми вместе, пожалуй, только криминалисты. На помощь юстиции приходят биология, аналитическая химия, техническая физика, научная фотография, психология... Но криминалисты не просто механически воспринимают достижения естествознания и техники. Они перерабатывают их таким образом, чтобы приспособить к своим практическим нуждам, то есть к задаче расследования преступлений.

Наука обеспечивает раскрытие любого преступления и — что, может быть, еще важнее — страхует от возможных ошибок, вызванных предубеждением, случайностью, некритическим отношением к фактам»^[16].

За последние годы особенно возросла техническая оснащенность органов охраны общественного порядка; большой штат квалифицированных экспертов ведет кропотливую работу по расследованию преступлений. Их участие в борьбе с правонарушениями с каждым годом занимает все больший удельный вес.





Ночной поиск.

До войны и в первые послевоенные годы у нас в Казахстане из научно-технических средств применялись в основном некоторые виды судебной фотографии, велся дактилоскопический учет, собирались и исследовались вещественные доказательства. О широком использовании достижений отечественной и зарубежной криминалистики тогда не могло быть речи: уровень подготовки оперативно-следственных работников был низким, не хватало опытных криминалистов для подготовки кадров.

Самое первое научно-техническое отделение в составе четырех практических работников милиции было создано в оперативном отделе республиканского управления в Алма-Ате в военные годы. В 1948 году отделение было преобразовано в научно-технический отдел (НТО).

На следующий год в управлении милиции Карагандинской и Южно-Казахстанской (ныне Чимкентской) областей появились научно-технические группы (НТГ). В каждой из них работало по два эксперта-криминалиста.

Но и для того чтобы сделать эти первые шаги по организации научно-технической службы, понадобились усилия опытных криминалистов, обладавших знаниями и долголетним стажем практической работы. Это В. И. Попов, В. Я. Колдин, А. М. Агушевич. Первый из них теперь доктор юридических наук, второй — доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, А. М. Агушевич — доцент Казахского государственного университета. Подготовка кадров экспертов-криминалистов ведется на строго научной основе.

В создании научно-технических отделов, во внедрении криминалистики в практику оперативной работы большой вклад внес покойный А. М. Овечкин, один из первых начальников НТО.

С тех пор прошло не так уж много времени, но сегодня даже трудно сравнивать применение научных и технических средств лет двадцать назад и в наши дни. Сейчас количество одних только экспертов в областях увеличилось в двадцать пять раз (вспомним, что вначале их было четверо), а оперуполномоченные-криминалисты насчитываются сотнями. Теперь в органах милиции Казахстана имеется 4 научно-технических отдела и ряд отделений, групп, лабораторий в городских и линейных отделах.

Научно-технические средства в борьбе с преступностью находят все более широкое применение: если считать в среднем по республике, то в одном случае из пяти уголовных дел, возбуждаемых органами милиции. При этом необходимо учитывать возросшее качество исследований, их большую эффективность. Помимо чисто криминалистических экспертиз (дактилоскопических, графических, следоведческих, баллистических и других), научно-технический аппарат органов охраны общественного порядка теперь производит судебно-медицинские, химические и физические исследования. Выполняются эти экспертизы в специальных кустовых лабораториях НТО в Целинограде, Чимкенте, Усть-Каменогорске и в управлении милиции в Алма-Ате.

Эксперты активно и квалифицированно участвуют в осмотрах мест происшествий, проводят большую работу по обучению оперативно-следственных работников основам криминалистики, внедряют в практику новейшие достижения науки и техники.

За эти годы значительно возросла квалификация экспертов. Это относится и к представителям старшего поколения криминалистов, о которых речь уже шла вначале, и к тем, кого можно назвать средним поколением: И. С. Лычеву, В. А. Чертилину, Л. Г. Кобыще, Ю. Е. Крюкову, Т. А. Сергеевой, А. Имандиеву, К. Шаймарданову, Ю. А. Полякову, М. В. Лихачевой, Г. З. Филатову, Г. И. Кучаеву. Каждый из тех, кого я назвал, не только принимает участие в раскрытии преступлений, то есть в повседневной оперативной работе, но и продолжает славную традицию своих учителей: щедро делится опытом с молодежью, воспитывает ее в духе высокой требовательности, ответственности, преданности любимому делу.

Большой и сложной работой экспертов-криминалистов в республике руководит один из ветеранов милиции полковник П. И. Бушуев.

В задачу этой статьи не входит описание различных дел, в ведении которых были применены научно-технические средства. Но все же об одном случае хочется рассказать.

В Алма-Ате одно время участились угоны легковых автомашин, причем преступники всем другим маркам предпочитали «Волгу».

Милиции, которая вела следствие, удалось перехватить очередную угнанную машину до того, как преступники сбыви ее с рук. Сами воры скрылись, но на плафоне «Волги» эксперт обнаружил отпечаток пальца. Дактилоскопическая экспертиза позволила установить, что он принадлежит некоему Мухамедеву, привлекавшемуся и ранее к уголовной ответственности.

След от него повел дальше, были арестованы его соучастники Гучигов, Бахтин, Хуриев, Исраилов и другие.

Но участие криминалистов в этом деле не ограничилось тем, что были обнаружены отпечатки пальцев, что во многом помогло следствию. Было проведено пятнадцать различных экспертиз, которые установили более 10 поддельных технических паспортов. Ими преступники снабжали покупателей автомашин. В процессе исследований устанавливались вытравленные фамилии первоначальных владельцев. По почерку были установлены и исполнители подделок — Бахтин и Идигов. Рентгеноскопия помогла безошибочно доказать и подделку номерных знаков. Она производилась путем электрической сварки двух половинок разных номерных знаков. А баллистическая экспертиза пистолета, изъятого у Хуриева, показала, что этой группой было совершено еще одно преступление — ранение шофера грузового такси Шевченко.

Формы и методы применения научно-технических средств в разоблачении преступников настолько различны и многогранны, что перечислить и описать их в одной статье трудно. Экспертная работа, как уже говорилось, представляется в пределах от визуального исследования следов и вещественных доказательств до использования сложнейших современных приборов. Но это следует расшифровать. Электронно-оптический преобразователь, сложные установки для исследований в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, рентгеновская установка дают возможность устанавливать (прочитать и сфотографировать) скрытые тексты (залитые, подчищенные, вытравленные и т. д.), закрытые предметы и их изменения. Спектральный анализ определяет химический состав пробы, электрография — следы травмы или отложения посторонних веществ.



Сотрудники НТО (научно-технического отдела) МООП за обработкой материалов.

Перечисленные виды исследований далеко не предел. Научно-технический аппарат с каждым годом расширяет круг вопросов, разрешаемых в ходе расследования уголовных дел. В спецлабораториях НТО управления милиции республики и управления охраны общественного порядка Целиноградской области освоены новые методы исследования вещественных доказательств, в частности, метод определения пола человека по высохшим

пятнам крови, метод дактилоскопирования трупов, исследования красителей по микроструктуре, исследования масел в малых количествах на одежде. В криминалистических лабораториях освоен способ опознавания лиц, скрывающихся от органов власти, посредством «фоторобота».

Важным участком использования научно-технических средств в борьбе с преступностью является внедрение и применение различных сигнально-предупредительных установок. К ним прежде всего относятся средства проводной радиосвязи и сигнализации. Применение этих установок на объектах народного хозяйства не только предотвращает кражи, но и приносит экономический эффект, заменяя многих сторожей.

Вспоминаются два таких случая...

На пульт централизованного наблюдения в Алма-Ате поступил сигнал тревоги из промтоварного магазина. На место немедленно прибыла оперативная группа. Дверь магазина оказалась взломанной, а в помещении были задержаны два вора — А. Костенко и А. Грибко.

Такой же тревожный сигнал поступил на пульт наблюдения в Балхаше. Работники милиции, прибывшие на место происшествия, обнаружили в магазине преступников, тоже двоих, которые оказали вооруженное сопротивление, но все равно были задержаны.

В последние годы уверенно входят в практику работы следственных аппаратов МООП киносъемка, магнитофонная запись. Все это помогает с высокой точностью фиксировать показания свидетелей и обвиняемых, способствует установлению объективной истины.

По мере развития других наук будут совершенствоваться и научно-технические средства, применяемые в борьбе с правонарушениями. Но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что нет такого преступления, пусть самого продуманного и изощренного, которое не было бы раскрыто с помощью точной науки — криминалистики.

С. КЫДЫРБАЕВ, подполковник милиции.

г. Алма-Ата.

К. Селиневич

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Город спит. В переулке под раскидистым карагачом стоят двое. Молчат. Все давно переговорено. Один из них, маленький сухощавый лейтенант Климов, нетерпеливо переступает с ноги на ногу. Тот, что постарше и повыше ростом, стоит прислонившись к дереву, о чем-то думает.

Вечером капитана Сергеева предупредили: в городе появились опасные преступники. Один шатен, по кличке «Шелест», другой — одноглазый брюнет — «Жорж». Вот, собственно, и все данные.

Как бы в насмешку, налетчики ограбили квартиру неподалеку от областного управления милиции. Они отравили собаку, а супругов Гришиных связали и закрыли в подполе.

Ни Андрей Семенович Гришин, ни перепуганная насмерть жена его, Вера Николаевна, ничего вразумительного сказать не могли. Их подняли с постели, пригрозили оружием, связали... Кухонная дверь оказалась взломанной. Через нее-то грабители проникли в квартиру. Все было сделано очень осторожно, так что Гришины даже ничего не слышали.

Собака-ищейка Ойра дальше тротуара не пошла. Преступники, видимо, уехали на автомашине, не оставив следов. К тому же моросил дождь.

Второй налет бандиты совершили на улице Фурманова. И здесь налетчики применили яд, чтобы разделаться с домашней овчаркой.

Мысли Сергеева прервались. Где-то совсем рядом раздался женский крик, затем прогремел выстрел. От неожиданности капитан вздрогнул. Прислушался.



К месту происшествия...

— Товарищ капитан, это во втором квартале, где майор Малахов... Идемте! — выдохнул лейтенант Климов и, вынув из кобуры пистолет, бросился вперед.

И вдруг опять раздался выстрел, второй, третий... Справа заверещал милицейский свисток. Стреляли близко, беспорядочно. Послышался топот ног, залаяли собаки. Кто-то уходил через дворы.

И вот настало время действовать. Лейтенант Климов бросился на собачий лай, капитан Сергеев — в переулок.

Климов свернул к ограде, где визжала собака. Он перемахнул через забор и тут увидел человека, отбивающегося от цепного пса.

— Стой! — крикнул лейтенант. Но в ответ раздался выстрел, другой... Собака взвыла, загремев цепью, упала, затихла. Человек перевалился через забор и исчез в темноте.

Забыв об осторожности, Климов бросился преследовать бандита. Но глаза вдруг ослепило вспышкой выстрела, что-то обожгло предплечье... лейтенант упал.

Бандит метнулся к противоположному забору и скрылся в подвале двухэтажного дома.

Вскоре прибыло подкрепление из управления милиции. Из подвала продолжали греметь выстрелы. Работники уголовного розыска оцепили дом. Но неожиданно стрельба прекратилась. Кто-то из милиционеров заглянул в подвал и увидел: мужчина лежит на спине, а рядом с ним валяется пистолет. Незвестный был мертв.

Труп обыскали, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, осмотрели одежду, измерили обувь... Оказалось, что убит матерый рецидивист «Шелест», в жизни — Шелестов Иван Николаевич, сорока лет, уроженец города Калуги.

А где же его соучастник? Разыскать его было поручено капитану Сергееву.

* * *

В длинном коридоре областного управления милиции сидит пожилой мужчина в сером пальто. Рядом с ним — средних лет женщина. Женщина держится свободно. Мало ли зачем вызывают в милицию. Значит, зачем-то понадобилась, что-то нужно лично от нее, Клепиковой, врача-лаборанта галено-фармацевтической лаборатории.

Неожиданно отворилась дверь соседнего кабинета, из него вышла миловидная девушка с лейтенантскими погонами.

— Кто здесь Гришин? Зайдите к капитану Сергееву.

Капитан встретил Андрея Семеновича Гришина, стоя у стола, приветливо поздоровался, усадил в кресло.

При встрече с Гришиным Сергееву всегда становилось как-то не по себе. В его глазах он видел немой упрек, упрек человека, ожидающего помощи.

Вот и сейчас капитан ничего утешительного не мог сказать старику. Он мог только успокоить, обнадежить: дескать, найдем, разыщем ваши вещи.

Разговор был долгим и трудным. Пострадавший волновался, высказывая свои претензии к милиции. Капитан как мог успокоил Гришина, вежливо убедил его в трудностях розыска преступников. А как же иначе он мог поступить?

Следствию стало известно, что при вскрытии убитых собак обнаружилась любопытная деталь: псы были отравлены цианистым калием, ядом, достать который очень трудно. В городе цианистый калий мог быть только в галено-фармацевтической лаборатории. Было решено произвести проверку наличия и расходования сильнодействующих и отравляющих веществ в лаборатории, где работала Клепикова. При ревизии у нее была

обнаружена недостача цианистого калия. Вот поэтому и пригласил капитан Сергеев гражданку Клепикову.

Входя в кабинет, она спросила:

— Скажите, по какому поводу вы пригласили меня в милицию?

Пристально всматриваясь в лицо женщины, капитан ответил:

— По поводу недостающего у вас в лаборатории цианистого калия. Надеюсь, это не будет для вас неожиданностью.

— Ах, вот вы о чем! А я-то думала, бог весть что. Это ерунда!..

— Объясните, пожалуйста, куда вы израсходовали недостающий яд? — спросил капитан.

— О, это сделать не так уж трудно. Конечно, я неправильно поступила, что так сделала, но ведь цианистым калием, который я выдала незаконно, травили не людей, а волков. Это легко проверить...

— Потрудитесь объяснить, кому вы давали цианистый калий? — настаивал оперуполномоченный уголовного розыска.

— Своему брату, Григорию Морозову. Он волков травил, а шкуры от них сдавал в «Заготпушнину». Гриша копил на автомашину, а за волков неплохо платят. Ну вот я и дала ему немножко калия. А почему вы этим интересуетесь? — дрогнувшим голосом спросила Клепикова.

— У вас недостача яда. Естественно, милицию интересует, куда он делся...

Капитан Сергеев тотчас же поехал в контору «Заготпушнина», проверил документы, но выписанных квитанций на имя Морозова за убитых волков не нашел. Правда, на этот счет возникла версия: шкуры волков от имени Морозова мог сдать кто-то другой, его друг или знакомый. Но с какой стати он стал бы скрывать его фамилию?

Капитан Сергеев решил вызвать Морозова и допросить его. Но Морозова не оказалось дома — он уехал в Саратов.

* * *

В окнах вагона проплывали убранные поля, скирды соломы. Все напоминало о глубокой осени. На душе у Сергеева хорошо, спокойно. Он был несказанно рад, когда его вызвал начальник управления. От этой командировки капитан ждет многого. В Саратове должны подтвердиться его предположения, или все полетит вверх тормашками.

В Саратовском управлении милиции Сергеева ждало разочарование. Морозова здесь не знали, сведений о нем и его жизни дать не могли. Заручившись обещанием помочь, капитан занялся розыском сам. Успех пришел подозрительно быстро. Григорий Морозов жил на улице Герцена, работал заведующим гаражом. На предприятии характеризуется положительно: не пьет, исполнительен, автохозяинство держит в руках. Соседи отзываются неплохо, но удивлены его замкнутостью. В гости никогда и ни к кому не ходит и сам не приглашает.

Прошло пять дней, а на шестой — новое дело — рано утром сообщили в милицию: ночью ограблена дача инженера Грачева. В поиски включился и капитан Сергеев.

Оперативная группа во главе с майором Шаниным прибыла на место происшествия, осмотрела дачу. Интересно, что двери дома открыты знакомым Сергееву способом: запоры выпилены, а инженер и его жена оказались связанными в подполе. Знакомая картина.

— Понятно, — в раздумье произнес капитан Сергеев. Потом предложил, обращаясь к майору Шанину: — Едемте! Но прежде дайте распоряжение о вскрытии убитой собаки. Акт вскрытия обязательно покажите мне.

Теперь у капитана Сергеева сомнений не оставалось: Морозов является одним из соучастников опасной шайки грабителей.

Оперативники разработали план задержания Морозова. Майор Шанин с капитаном Сергеевым выехали в трест «Электромонтаж», где работал Морозов. Завгара на работе не оказалось. Он уехал якобы провожать гостившую у него сестру.

Работники милиции занялись осмотром автомобиля, на котором иногда ездил сам завгар, Морозов.

— Ошибки не может быть, — сказал Сергеев майору Шанину. — Смотрите, вон тот срез угла протектора, оставившего свою метку на дороге у дачи.

— Действительно, — после некоторого раздумья сказал Шанин. — У дачи Грачевых побывала именно эта машина... Сторож гаража Безбородов показал, что на ГАЗ-69 с вечера выезжал со двора Морозов, а куда — неизвестно.

Морозова арестовали у него дома по подозрению в ограблении дачи. И уже на первом допросе он «раскаивался»:

— Да, собаку отравил цианистым калием...

— Который вы получили от своей сестры? — в упор спросил капитан Сергеев.

Этот вопрос застал Морозова врасплох. Отпираться, очевидно, было бесполезно, и он рассказал обо всем.

— Приезжал дружок, специально... Вместе на «дело» ходили. А сегодня проводил его, в Ташкент уехал...

Морозов обрисовал внешность одноглазого, своего соучастника, Жоржа Патлаха. Слушая его, капитан Сергеев вспомнил своих случайных знакомых — пассажиров, когда он ехал в Саратов. Несомненно, один из них, как это устно описал Морозов, был одноглазый.

Отложив допрос, капитан Сергеев позвонил на вокзал и справился о том, где сейчас поезд № 73, который отбыл вчера из Саратова в Ташкент. Потом он быстро собрался и выехал в аэропорт.

Утром Сергеев был уже в Ташкенте. Поезд прибыл в полдень. Сергеев вошел в вагон, представился начальнику опергруппы, рассказал о цели своей поездки. Потом пошел по вагонам, внимательно приглядываясь к пассажирам.

Раздался сигнал отправления, поезд отошел от перрона.

Но вот в тамбуре одного из купейных вагонов капитан увидел высокого человека. Мужчина стоял у окна и курил. Увидев Сергеева, он резко повернулся. Взгляды их встретились. На оперативника смотрел единственный глаз...

«Он, — мелькнуло подозрение. — Что делать? Брать в вагоне? Нельзя, слишком рискованно. Одноглазый наверняка имеет оружие». Решил пройти мимо. Но одноглазый, по-видимому, почувствовал опасность в этом блондине с военной выправкой. Волчий инстинкт матерого бандита помог почуять неладное.

Он притворно засмеялся, развел руками, идя навстречу Сергееву.

— Вот так встреча! Здравствуйте! Давно ли расстались? И вот опять в одном вагоне. Поистине только гора с горой... Вы куда? В Ташкент?

— Да, возвращаюсь домой, — сдержанно ответил Сергеев.

Одноглазый, как-то неестественно улыбаясь, стал приглашать Сергеева в свое купе. Капитан сначала отговаривался. Но когда из купе выглянула маленькая девочка, это успокоило его, и он решил пойти следом за своим «знакомым».

В купе сидели молодой лейтенант-танкист, рядом с ним миловидная девушка с книгой в руках. Было тихо, и все располагало к мирной беседе.

Присаживаясь, Сергеев заметил какую-то тревогу в поведении одноглазого. Он зачем-то открыл чемоданчик, заглянул под столик. Вот он на минуту задумался:

— Ах, ты, дьявол! Портсигар-то забыл в ресторане. Одну минуточку, я сейчас... — и он направился к двери.

«Уйдет», — мелькнула мысль у оперативника.

— Стой!..

Одноглазый обернулся, и в тот же миг Сергеев получил сильный удар в подбородок. Покачнувшись, но, ухватившись за что-то, устоял. Одноглазый выскочил в коридор, с силой захлопнул дверь вагона. Все произошло так неожиданно, что женщина и лейтенант, сидевшие в купе, ничего не поняли и с недоумением смотрели на Сергеева.

— Лейтенант, за мной! — крикнул оперативник. — Помогите задержать опасного преступника.

И он рванулся вслед за убегающим.

Настигли Жоржа, когда он открывал дверь в последний тамбур хвостового вагона. Вот-вот он спрыгнет с поезда...

Заскочив в тамбур, Сергеев увидел: бандит стоит на подножке вагона и целится из пистолета... Неожиданно грохнул выстрел, потом крик, и одноглазый полетел вниз, по насыпи...

Не раздумывая, Сергеев прыгнул за ним и, ударившись о что-то твердое, покатился...

Давно заглох шум поезда, у насыпи тихо. Сергеев очнулся.

Ломило голову. Он вскочил и увидел, как шагах в пятидесяти от него поднялся одноглазый и, припадая на левую ногу, стал удаляться, карабкаясь по насыпи. Он шел к хлопковому полю, чтобы скрыться в нем.

Превозмогая боль, оперативник побежал за ним, выстрелил:

— Стой! Руки вверх!..

Жорж злобно сверкнул глазом, нехотя, медленно поднял руки.

Через час к станции, еле переставляя ноги, приковыляли двое в изодранной одежде. Первым шел одноглазый, а сзади с пистолетом в руке капитан Сергеев.

К. СЕЛИНЕВИЧ.

г. Алма-Ата.

И. Антипов

ЗАПУТАННЫМИ ТРОПАМИ

МЕСТЬ

Ивадат проснулась от нестерпимой боли, полыхнувшей по лицу. С бьющимся сердцем едва отыскала дверной крючок... Но и уличная прохлада не принесла облегчения: на лицо была выплеснута серная кислота.

Что это? Несчастный случай? Но в доме Ивадат серной кислоты не было. Поэтому думать о том, что ожог лица произошел по неосторожности, нет оснований.

Тогда, может быть, в дом проник злоумышленник и совершил свое черное дело? Но и эта версия вряд ли правдоподобна. Ведь дверь спальни была заперта изнутри на крючок. Может быть, в окно?..

К сожалению, на все эти вопросы не могли ответить работники уголовного розыска, прибывшие на место происшествия. Следствие по делу о покушении на Ивадат из села Кара-Жота было прекращено ввиду «неустановления преступника».

Прошло полгода. За это время Ивадат выздоровела. Сельчане, комсомольцы побеспокоились о ее трудоустройстве, морально поддержали девушку — ведь последствия травмы были небезущербны для ее внешности.

Казалось бы, все стало на свои места. Но так ли? Можно, конечно, списать и положить дело в архив, но нельзя вычеркнуть из памяти столь злостный факт покушения, ставший роковым в судьбе человека.

О несчастье Ивадат узнали в управлении охраны общественного порядка Алма-Атинской области. Дело, успевшее покрыться архивной пылью, было затребовано из Чиликского

райотдела милиции и тщательно изучено. Появилась надежда раскрыть преступление. Решить эту задачу было поручено следователю милиции Жагипару Муканову.

Следователь приехал в село Кара-Жота и начал осмотр дома, в котором жила Ивадат... Возле окна спальни, на полу, Муканов заметил несколько черных пятен с горошину величиной. Вначале они показались крохотными вытлелыми угольками, упавшими когда-то на пол. Не сразу заметил их и участковый уполномоченный Жака Ашимбаев, принимавший участие в осмотре комнаты.

Такие же некрупные пятна оказались и рядом с кроватью Ивадат. Сомнений не оставалось: в спальне — следы разбрызганной серной кислоты... Они идут от окна. Стало быть, злоумышленник проник в комнату через него и таким же путем ушел из дому.

Правда, сейчас, как заметил следователь, створки окна запираются изнутри. Но ведь запоров не было в то время, когда совершено преступление. Об этом сказано и в следственных материалах, в показаниях свидетелей.

Как рассказали родные Ивадат, окно в спальне заменено на новое незадолго до беды. Тогда, мол, у столяра, делавшего раму, не нашлось шпингалетов, а купить их в тот день не было возможности.

Столяром был пожилой человек, односельчанин. Он хорошо помнил тот день, когда менял раму в доме Ивадат. Все было в точности так: о запорах к окну хозяева не побеспокоились вовремя.

Логика событий привела следователя к выводу: об отсутствии запоров на окне знал злоумышленник. А если это так, то покушение на девушку совершил кто-то из близких людей.

До случившегося несчастья Ивадат дружила с девушкой, по имени Ахат. Но последнее время в их отношениях появилось отчуждение...

Ахат частенько бывала гостьей в доме Ивадат. Не раз сиживала она на подоконнике раскрытого окна. Может быть, она видела, что на окне нет запоров?

Среди вопросов, возникших у следователя Муканова, были и такие, ответ на которые требовал профессионального такта...

Вскоре следователю стало известно, что некто Курманов был в хороших отношениях с Ивадат. Ну и что же в этом предосудительного? Своих чувств к нему не скрывала и сама пострадавшая. Она не раз бывала в медицинском пункте, где работал фельдшером Курманов. Наведывалась туда и ее подруга Ахат.

Как-то, заглянув в медпункт и увидев там Ивадат, Ахат, не сказав ни слова, вышла из медпункта, резко хлопнув дверью... Кто знает, быть может, с того дня и появился холодок в отношениях молодых женщин...

Штрих малоприметный, но для следователя приобретает значимость. Странное поведение Ахат в медпункте не случайно. Между подругами не исключена ревность, но в силу своей непосредственности Ивадат не обратила внимания на поступок Ахат там, в медпункте.

С этого и началось распутывание дела. А окончательное убеждение в том, что Ахат причастна к покушению на девушку, пришло после посещения ее квартиры. На дне

чемодана следователь Муканов обнаружил резиновую перчатку с правой руки. Даже неискушенному человеку можно было заметить на ней следы серной кислоты.

Улика веская, но до конца не раскрывает картину преступления. Требовались другие доказательства. И они пришли. При обыске Муканов обратил внимание на поношенное платье. Осмотр его оправдал версию: ниже пояса и на рукаве чернели дырочки — следы серной кислоты. Результаты экспертизы подтвердили их происхождение.

ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

В субботний день кассир совхоза «Самарский» Елена Григорьевна Бредова спешила выдать зарплату. Но до наступления вечера ей так и не удалось раздать рабочим деньги. Она пересчитала их. В кассе осталось около двадцати двух тысяч рублей.

Уходя из конторы, Елена Григорьевна предупредила об этом сторожа. Хоть, мол, и нет особой причины беспокоиться, да чем бес не шутит...

Сторож Андрей Прокопов понимающе кивнул кассирше и, прихрамывая, проводил ее за ворота.

Наутро Елена Григорьевна пришла в контору и ужаснулась. Из окна торчали согнутые прутья решетки. Там, где стоял денежный ящик, чернели дыры от вырванных болтов.

Сбежались рабочие, пришли руководители совхоза. А спустя час к конторе подкатила автомашина с работниками милиции из Караганды.

Люди расступились. Служебно-розыскная собака Рекс, обнюхав вокруг, рванулась вперед. Капитан Кононенко едва удерживал поводок. Пробежав метров триста, собака заскулила. След преступников оборвался в приречном кустарнике.

На месте преступления никаких вещественных доказательств грабители не оставили. После бесед с кассиром, бухгалтером, руководителями совхоза и рабочими у работников уголовного розыска возникло ряд версий. Во-первых, ограбление кассы могли совершить местные преступники, потому что иначе кто мог узнать о том, что в кассе остались деньги.

Грабителями могли быть и заезжие, гастролеры. Может быть, кто-то из совхоза сделал наводку, подсказал, что в кассе оставлено более двадцати тысяч рублей денег?

В тот же день собрался совхозный партийно-комсомольский актив. Активисты помогли работникам уголовного розыска выявить лиц, злоупотребляющих выпивками. Однако ни допросы этих людей, ни беседы с рабочими не пролили свет на преступников.

Правда, до работников милиции дошли слухи, что некто Данько в одной из попоек говорил своим друзьям, что хочет «попробовать» самарскую кассу. Это, мол, такой медвежий угол, где украсть — пустяковое дело. Но пока это были только слухи.

Работники милиции решили пригласить Данько на беседу. Но его не оказалось — он был осужден и находился в местах заключения где-то в двух тысячах километров от Караганды. Проверка требовала времени.

Но между тем сотрудники уголовного розыска попытались разыскать участников той вечеринки, на которой шел разговор о самарской кассе. Им удалось узнать только

одного — Володьку, который работал шофером не то в городе Сарани, не то в поселке Дубовка.

Разыскать Володьку взялись подполковник Агапитов и капитан Марков. Сначала они заехали в Дубовку. В отделе кадров автобазы стали предъявлять им личные дела, документы, но безуспешно: Володька в Саранской автобазе не работал.

Вскоре пришло письмо из колонии, где отбывал наказание Данько. Оказывается, Данько и Володька арестованы за несколько дней до кражи в Самарке... Не помог следствию и найденный рыбаками на дне Томарского озера сейф, вытщенный грабителями из конторы вместе с деньгами.

Шли дни, месяцы. Народный суд Нуринского района за халатность осудил кассира, сторожа и главного бухгалтера совхоза, а налетчики оставались загадкой.

Но вот как-то глубокой осенью работники Темиртауского горотдела милиции задержали за мелкое хулиганство Александра Адамова. Несколько дней он сидел в КПЗ с такими же парнями, попавшими в милицию за нарушение правопорядка. Адамов не отличался скромностью. В камере он хвастался своей удалью, рассказывал о похождениях.

Кто-то из ребят, расставаясь с милицией, бросил реплику:

— Вот это фрукт — Адамов! С ним держи ухо остро!.. Говорит, что в Самарке кассу к рукам прибрал...

«Может быть, это пустое бахвальство», — подумали в милиции. Но все же Адамова пригласил к себе начальник уголовного розыска Куликов.

— Это блеф! Дымовая завеса, — расплылся в улыбке парень. — А впрочем, что мне скрывать. Хотел рискнуть, да кишка тонка... Адамов разоткровенничался и назвал ребят, которые приглашали его на дело в Самарку.

Адамов оказался ценной находкой. О нем немедленно сообщили в Караганду, стали искать его друзей.

Володька Жук и Юрка Кайнов жили в Темиртау и работали — первый на Магнитке, второй на заводе синтетического каучука.

Решено было вначале встретиться с Юркой. На завод поехали работники областного отдела уголовного розыска майор Кайгородов и подполковник Агапитов. Увидев людей из милиции, Юрка бросился бежать. Его задержали в поле.

— Не люблю с милицией дело иметь, — прикинувшись простачком, объяснил он причину своего бегства. — Нет, что вы, в Самарке в жизни не бывал. Извините, здесь произошла ошибочка.

Оперативники решили пойти на квартиру к задержанному.

— Пожалуйста, интересуйтесь! — соглашался Юрка. — Живу, как подобает трудящемуся классу...

Обыск не дал результатов. Приняли решение побывать в доме старшего брата Кайнова — Александра. Он жил в Самарке и работал в конторе связи. Но на этот раз старший Кайнов спал дома после тяжелого похмелья.

Обыск длился долго. Дом Кайновых был осмотрен самым тщательным образом, но никаких доказательств того, что в нем живет один из соучастников грабежа, не было найдено. Работники милиции собрались было уезжать в Караганду, когда к ним подбежал шофер оперативной машины Георгий Балашов.

— Михаил Васильевич, пойдите со мной, — обратился он к майору Кайгородову.

Оказывается, Балашов, побывав в курятнике, заметил мужской носок, закопанный под насестом. Он вытащил его, развязал... Там были деньги. Восемьсот рублей насчитали работники уголовного розыска.

— Я в краже не участвовал, — говорил на допросе старший Кайнов. — Деньги мне дал Юрка... на хранение. Имейте дело с ним.

Братьям пришлось сделать очную ставку. Юрка подтвердил показания брата.

— Да, я дал ему деньги, — сказал он. — Но не могу понять, зачем Сашка их в курятнике спрятал.

На вопрос майора Кайгородова, как он мог накопить такую сумму денег, младший Кайнов не мог ответить ничего вразумительного. Но на очередном допросе он признался:

— Остальные деньги на чердаке.

Кайнов не обманул. Действительно, на чердаке дома оказались спрятанными около двух с половиной тысяч рублей.

...В тот день в кабинете у начальника областного отдела уголовного розыска подполковника Курманова собрались оперативники. Они обсуждали итоги проведенной работы по розыску грабителей. За окном была осень. С деревьев падали листья, большие, яркие, как пламя. И от этого было чуть-чуть грустно. Но вместе с тем и радостно от сознания того, что этот очередной трудный поиск закончился успехом.

ТРАГЕДИЯ У ОЗЕРА

Несколько дней в совхозе «Минский» разыскивали неожиданно пропавшего помощника бригадира тракторной бригады Вячеслава Тимченко. И лишь на пятые сутки механизатора нашли в озере...

Для работников милиции смерть Тимченко была загадкой. Но в одном они не сомневались: помощник бригадира погиб от руки убийцы. Об этом говорили раны и ссадины на голове.

С чего начинать розыск преступников? Прежде решено было выяснить, где и с кем был помощник бригадира накануне своего исчезновения.

Вскоре стало известно, что Тимченко в ту трагическую ночь выпивал со своими товарищами — трактористами Кабуровым и Козодовским у знакомого односельчанина. Ну а что же произошло потом?

А потом вот как было. Из дому друзья вышли в полночь. Вячеслав Тимченко отстал, беседа с хозяином, а Козодовский и Кабуров ушли вперед.

Ночь была ветреная, безлунная. Неожиданно со стороны озера донесся рокот трактора. Помощник бригадира остановился, прислушался.

— Опять этот Хакимов на промысел собрался! — чертыхнулся он.

Сказав это, Тимченко быстро зашагал к озеру, где стояли тракторы его бригады. Но что стало с ним потом, хозяин дома, в котором ужинали трактористы, не мог сказать.

Возникла версия: тракторист Хакимов убил помощника бригадира. Факт налицо. Он воровским путем пытался угнать трактор, чтобы поехать в лес. Но в этот момент появился помощник бригадира. Между ними завязалась драка, и Тимченко стал жертвой злоумышленника.

Так думали работники милиции. На допросе Хакимов говорил:

— Да, я ездил в ту ночь в лес, но Тимченко не видел.

Выяснилась и такая деталь: тракторист не привез тогда бревна домой. А почему?

— В пути порвался трос, и сутунки пришлось бросить в степи, — ответил он.

Хакимов согласился показать то место, где пришлось ему расстаться с краденым лесом. Подполковник И. Образцов и другие оперативники побывали там, но бревен не нашли. Значит Хакимов лжет.

Подозрение усилилось после того, как в руках работников милиции оказалась еще одна улика. Как-то в совхозной конторе, ожидая следователя, Хакимов снял со своих ног туфли и передал их через окно своей жене. Это увидели рабочие и рассказали следователю.

Было решено сделать обыск в доме Хакимова и найти те туфли, которые передал он в окно. Но сотрудников милиции ждала неудача: от туфель Хакимова остались одни лишь обуглившиеся подошвы. Жена сожгла их.

Теперь стоит ли сомневаться в причастности Хакимова к убийству Тимченко? Доказательство неопровержимо. Тракторист, по-видимому, не был уверен в том, что его туфли не имеют следов крови. А ведь их могут обнаружить эксперты, и тогда... Тогда не миновать сурового возмездия. Вина Хакимова будет доказана.

Но работники милиции не стали спешить с выводами. Они решили проверить другую версию. А не могло ли случиться так, что Тимченко погиб от рук своих товарищей, с которыми выпивал в ту ночь?

Смушало одно обстоятельство. По словам односельчан, все трое были хорошими друзьями, в совхозе не помнят того, чтобы они ссорились или таили обиду друг на друга.

Что ж, довод логичен. Но можно ли принять его за истину? Друзья ведь были выпивши...

А вот показания Кабурова.

После того как трактористы вышли из дому, на дороге метнулся свет грузовика. Это совхозная машина шла на центральную усадьбу. Кабуров хотел догнать ее, чтобы доехать до общежития, долго бежал, но безуспешно: автомобиль промчался не остановившись. Ему пришлось идти пешком.

Почти то же самое говорил и Козодовский. Дескать, вино сделало свое. Он попал не на ту дорогу, добирался до общежития кружным путем и не сразу пришел в общежитие... Кабуров уже спал.

Козодовский явно что-то недоговаривал... Работники милиции осмотрели его одежду. На костюме были обнаружены капли крови. Эксперты сказали свое слово: кровь принадлежит Вячеславу Тимченко.

Стало быть, в убийстве помощника бригадира повинны оба — Хакимов и Козодовский? Не случайно же первый сжег ботинки. Словом, немало поломали головы оперативники над этой загадкой...

И все же ответ был найден. Страх и ложное предчувствие быть обвиненным в убийстве заставили Хакимова искать пути самоохранения. На очередном допросе он рассказал все, как это было.

Ночью, возвратясь из леса и не подозревая о случившейся трагедии с Вячеславом Тимченко, Хакимов ходил по тому месту, где была кровь. В темноте он, конечно, не видел ее. Но кровь случайно могла оказаться на ботинках. Вот почему и решил тракторист уничтожить их.

Отстав от убежавшего за машиной Кабурова, Козодовский раньше помбригадира услышал, как Хакимов заводил трактор. А когда трактор ушел в степь, Козодовский решил пойти в парк и «порыться» в чужих инструменталках. Благо, что ночь темная, и ему удастся в отместку взять ключи, похищенные кем-то накануне с его трактора.

А что произошло там, можно сказать словами Козодовского. Вино сделало свое. Он не услышал, как сзади подошел Тимченко. Не узнал Козодовский своего помбригадира и в тот момент, когда тот хватил его кулаком по голове. Ярость ослепила тракториста. Козодовский нащупал звездчатку и со всего маху ударил Вячеслава Тимченко. А когда пришел в себя и узнал своего друга, то было уже поздно.

ТАЙНА ПЛОМБЫ

Однажды вечером у гастронома, что в центре Алма-Аты, остановилась автомашина. Из нее вышел инкассатор и быстрым шагом направился в магазин. Там поджидала его кассирша. Инкассатор тщательно осмотрел приготовленную сумку с деньгами и, убедившись, что пломба на месте, так же поспешно вышел из магазина...

На другой день рано утром в гастроном позвонили из Госбанка: в денежной сумке, доставленной накануне инкассатором Крючковым, недостает две тысячи рублей. Исчезновение денег загадочное: пломба не нарушена и сумка в исправности.

Подозрение пало на кассиршу. И это было логично. Как могли пропасть деньги, если никаких следов вскрытия пломбы нет? Кассиршу пригласили в милицию.

— Расскажите все по порядку, куда делись деньги? — сразу же спросил ее сотрудник ОБХСС Н. Казаков.

— Я их не брала, товарищ следователь, — спокойно ответила молодая женщина. — Поймите, какая мне от этого выгода? Ведь недостачу вносить придется мне. Да и вообще это не очень умно...

И этот довод не лишен логики. Действительно, какой смысл симулировать кражу? Версия вряд ли правдоподобна.

Сотрудники милиции побывали в магазине, побеседовали с банковскими работниками, еще раз тщательно осмотрели автомашину, на которой в тот вечер приезжали инкассаторы за деньгами. Но тщетно, никаких следов.

И все же оперативники А. Агрест и Н. Казаков снова и снова изучают обстоятельства, при которых проходили прием и сдача денег, проверяют маршрут следования автомашины и время нахождения ее в пути...

В день пропажи денег вместе со старшим инкассатором Крючковым в машине находился инкассатор Рудаков, а за рулем был шофер Рехитов. По сговору украсть деньги они не могли. Эти люди разные по возрасту, характеру, поведению. И вряд ли цель легкой наживы могла объединить их.

Водитель Рехитов и старший инкассатор Крючков считались неплохими работниками, примерными семьянинами. Третий — Рудаков работал в Госбанке около двух лет. О нем в учреждении отзывались в общем-то неплохо, но вот соседи... Те говорили по-разному. Рудаков частенько приходит домой выпивши, и вечером слышно, как плачет жена... Ходили разговоры и о сомнительных знакомствах инкассатора. Словом, у следователей сложилось весьма невыгодное мнение о Рудакове, им было над чем поразмыслить...

Как-то на очередном допросе старший инкассатор Крючков высказал интересную деталь. В тот вечер он и Рудаков ездили за выручкой еще в один магазин...

— Я и на этот раз сам ходил за деньгами, — сказал Крючков, — а Рудаков оставался в машине. Их с шофером разделяла перегородка. Когда я, значит, вернулся, товарищ следователь, — доверительно продолжал инкассатор, — и открыл дверку машины, то невольно обратил внимание на то, как Рудаков почему-то вздрогнул, засуетился. И как-то необычно себя вел в этот момент...

Ну что ж, возможно, так и было. Но принять этот аргумент всерьез за доказательство вины Рудакова вряд ли правомерно. При нем были деньги, и поведение инкассатора психологически оправдано. Человек сидел задумавшись, а когда открылась дверка автомобиля, он невольно насторожился...

И все же показания старшего инкассатора нельзя сбрасывать со счета. Подобное загадочное исчезновение денег случается не впервые. В минувшем году из сумки, полученной в одном из магазинов, пропало пятьсот рублей. Жулика не удалось схватить за руку, недостачу внес кассир.

Интересно вспомнить, кто из инкассаторов дежурил в тот день? Проверить было нетрудно. Оказывается, инкассаторскую сумку, откуда исчезли пятьсот рублей, принимал Рудаков. Что это — случайное совпадение? Решили поговорить с подозреваемым.

На допросе Рудаков старался «держаться в руках», был подчеркнуто вежлив.

— Прямо скажу я вам, гражданин Рудаков, чудеса в решете.

Пропали деньги, и концы в воду. Все шито-крыто, — меня официальный тон, говорил оперуполномоченный Агрест.

— Зря подозрения возводите, товарищ следователь, — ухмылялся инкассатор, стараясь побороть волнение. — Пломба-то на сумке целехонька, а мы, инкассаторы, отвечаем только за нее. Так что, извините...

Подозрения усилились после того, как из Министерства охраны общественного порядка пришел результат экспертизы. Если простому глазу пломба казалась невредимой, то микроскоп показывал обратное: пломба была несколько деформирована — она свободно перемещалась по концам шпагата. Вывод напрашивался один: в инкассаторскую сумку проникли после ее опломбирования.

Рудакова взяли под стражу.

Но и после этого он продолжал разыгрывать из себя жертву недоразумения.

— Никаких денег я не брал, — говорил Рудаков на допросе. — Ищите настоящих жуликов, а меня оставьте в покое. Никогда на чужое не зарился...

Рудаков лицемерил. На второй день из камеры, где он сидел, были освобождены двое задержанных. У одного из них дежурные милиции обнаружили крохотную записочку. Она была написана рукою Рудакова.

«Аня, деньги зарыты в кладовке под ящиком с известью. Откопай их, чтобы не видели соседи и спрячь подальше...»

Все стало ясно. Рудаков обращался к жене. Вор боялся, что милиция пойдет с обыском и легко найдет деньги.

Продолжая изображать из себя невинно страдающего человека, Рудаков по-прежнему запирался. Но вот перед ним положили знакомые листы бумаги, в которые он завертывал спрятанные под известью деньги. Лицо Рудакова стало бескровным. Теперь отказываться от совершенного преступления не было смысла, и он рассказал о своих проделках...

Мошенник подыскивал такие сумки, на которых была слабо зажата пломба. В той сумке, откуда исчезли две тысячи рублей, оказалась именно такая пломба, она легко сдвинулась по шпагату. Рудаков развязал узелок, просунул пальцы в сумку и вынул оттуда первую попавшуюся пачку денег...

Финал оказался плачевным. Суд строго наказал Рудакова, приговорив его к длительному сроку заключения.

СОРВАННЫЕ МАСКИ

Шаги приближались. Вот уже явственно слышно, как под чьими-то ногами поскрипывает прихваченный морозом снежок... Потом хлопнула калитка, следом пропели половицы... Чувствовалось, что в коридор вошли двое.

«Странно, — подумала кассир Валентина Нилова, — сегодня инкассатор с напарником. Почему бы так?..»

Ожидая, что с минуту на минуту откроется дверь и на пороге появится знакомый сотрудник, Валентина Владимировна взглянула на документы, чтобы еще раз убедиться, все ли в порядке.

Дверь открылась, но почему-то резко, грубо. Нилова невольно вздрогнула, обернулась: на пороге стоял мужчина, но не тот, которого она ожидала, а другой, совсем незнакомый. Лицо его скрывала черная тряпка с прорезями для глаз.

— Замри, и ни звуку! — приказала маска, наставляя на кассиршу пистолет.

...Нилова пришла в себя от всего случившегося лишь после того, как в автопарк на место происшествия прибыла оперативная группа алма-атинской милиции. Валентина Владимировна сидела перед следователем Александром Гинзбургом и, напрягая память, старалась восстановить подробности нападения налетчиков.

— Да, их было двое, — говорила она. — Деньги брал тот, что с пистолетом. Другой стоял поодаль, тоже в маске. Но понимаете, товарищ следователь, — женщина на минуту задумалась, — мужчину, который угрожал оружием, я где-то видела. А вот где?..

В дверь постучали. Вошли руководители автопарка, за ними — работники уголовного розыска Петр Кузьменко и Владимир Журавлев. Беседа стала оживленнее. Отвечая на вопросы оперативников, Нилова вспомнила одну деталь. Днем, готовя деньги для сдачи инкассатору, она обнаружила разорванную пятерку. Порядок требует, чтобы в пачках не было порванных денег. Подняла валявшийся на полу какой-то лист бумаги, оторвала от него полоску и склеила им купюру... Разумеется, и эту пятерку вместе с другими унесли грабители.

Мелочь? На первый взгляд — да. Но для работников уголовного розыска находка. Следователь Гинзбург сообщил об этом в Министерство охраны общественного порядка. Вскоре в автопарк прибыла группа криминалистов во главе с начальником научно-технического отдела Петром Ивановичем Бушуевым. Криминалисты сразу же включились в работу.

Прошел час, другой. Были тщательно осмотрены корзины, урны, конторские комнаты, все закоулки. Бумаг, разумеется, много. Но среди них не было той, от которой оторвана кассиршей полоска.

Вот уже собрана порядочная бумажная коллекция... криминалисты в присутствии понятых составляют опись, печатают бумаги и отправляют их в лабораторию на исследование.

А тем временем оперативники П. Кузьменко и В. Журавлев отработывали одну из наиболее вероятных версий. До них дошли слухи, что недавно из автопарка за прогулы и пьянство уволен слесарь Истомин. Отзывы о нем в коллективе были нелестные: бездельник, мот, завсегда пивных...

Выслушав доводы оперработников, прокурор согласился дать санкцию на обыск. Работники милиции, взяв с собой понятых, отправились к Истому. На стук в калитку за высоким забором отозвалась злющая овчарка. Почувяв чужих людей, она неистово рвалась с цепи. Пришлось вооружиться палками, чтобы пройти в дом и произвести тщательный обыск.

Двери были раскрыты настежь. Истомин прямо в верхней одежде спал на диване... Но, услышав пришедших людей, моментально вскочил на ноги, испуганный, взъерошенный. От него резко несло водочным перегаром.

Начался обыск. Следователь Гинзбург и оперативники Кузьменко и Журавлев простукивают стены, прощупывают постель, одежду. Безрезультатно.

— Только зря людей булгачите! — возмущается Истомин.

Ему никто не ответил. Работники милиции направляются к выходу.

— Желаю удач! — ехидно прохрипел Истомин, решив, очевидно, что обыск окончен.

Но следователь Гинзбург предлагает ему выйти во двор: дескать, там будет продолжен обыск.

Истомин, нехотя набросив на плечи пальто, чертыхаясь, выходит следом.

Во дворе внимание следователя привлекла небольшая печь. Гинзбург просунул руку в поддувало и нашупал какой-то предмет. Потянул его, и, ко всеобщему изумлению, вытащил бидон...

Следователя окружили понятые, оперативники, с нетерпением ожидая момента вскрытия бидона. Подошел Истомин. Лицо у него будто каменное.

— Чего медлите, гражданин следователь? Открывайте! — дрогнувшим голосом сказал он.

Гинзбург сделал вид, что не расслышал его слов, в которых нетрудно угадать злую усмешку, и не торопясь достал из бидона... пачку денег.

— Теперь спешить некуда, гражданин Истомин.

— Гады! — прохрипел тот и метнулся к калитке. Но убежать ему не удалось: дорогу преградило несколько оперативников...

На другой день, сидя перед следователем, Истомин изворачивался:

— Деньги накопил, в печь спрятал от жены... Хочу «когти рвать» из Алма-Аты... Прошлую ночь с друзьями пьянствовал — справлял «отвальную».

Истомин внешне спокоен. Всем видом подчеркивал: докажите, мол. Накопил — и баста.

Следствие тянулось недолго. Вскоре криминалисты сказали свое слово...

В деньгах, которые найдены были в доме Истомина, действительно оказалась склеенная пятерка. Исследуя полоску бумаги, о которой говорила кассир Нилова, Петр Иванович Бушуев пришел к выводу, что она есть часть путевого листа, накануне выписанного водителю Шишкову, который работал в этом же автопарке. Сомнений не оставалось: Истомин один из грабителей.

...В тот день Истомин вошел в кабинет следователя Гинзбурга, как всегда, тихо, подобострастно наклонив голову.

— Чем могу служить? — начал он заискивающе.

— А вот, почитайте, — и следователь положил на стол акт экспертизы.

Истомин принялся медленно читать его. Было, видно, как с каждой минутой отливает с его лица кровь и нервно подрагивают губы. Он не дочитал до конца:

— Ладно, нащупали! — выкрикнул он.

— Нет, просто сняли маску... Помните? — улыбаясь одними глазами, закончил допрос следователь.

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

Яркий сноп света выхватил из темноты фигуру человека с поднятой рукой. Грузовик притормозил у обочины. Из кабины высунулась голова водителя.

— Куда?

— Подбрось до Карагача, браток. Два часа голосую.

— Лезь в кабину, вдвоем веселее будет.

Пассажир оказался молодым человеком. На плечи накинут поношенный плащ, на голове помятая кепка. Глаза смотрят колюче и настороженно.

В кабине тепло, и шофер, боясь дремоты, завел разговор:

— На работу, в совхоз?

— Посмотрим, — нехотя отозвался незнакомец, прижигая сигарету. — Родня у меня там...

— Издалека едешь-то?

— Везде побывал...

Беседа явно не клеилась. Вскоре показались огни поселка, и шофер облегченно вздохнул:

— Вот и Карагач. А мне дальше плыть.

Пассажир слился с чернотой пашни. Автомашина круто повернула влево и как бы на прощание мигнула красным глазком стоп-сигнала. Неизвестный шагал по вспаханному полю, темень ночи радовала его...

Где-то в селе слышались пение и звуки гармошки. Мужчина остановился прислушиваясь. Неподалеку скрипнула калитка, с хрипотцой твякнула собака. Он свернул в узкий переулочек. В крайнем доме горел свет.

На стук в дверь вышла молодая простоволосая женщина.

— Ахмет?! — не то спросила, не то удивилась она. — Почему среди ночи?

Мужчина не ответил. Он попросил ковшик, зачерпнул воды и залпом выпил ее. Переведя дух, негромко спросил!

— Какие новости?

— Душа изболелась по тебе. Начальство на свадьбе гуляет. Деньги привезли, очень много, — сообщила Моржан.

Ахмет тяжелым взглядом смерил ее:

— Одевайся! На улице постоишь...

* * *

«Преступники путем взлома кассы похитили шестьдесят две тысячи рублей...» — так начиналось тревожное сообщение из районного отдела милиции. Оно поступило в Алма-Ату ранним воскресным утром. Тотчас же во все концы Казахстана полетели «молнии» о чрезвычайном происшествии, на автотрассы помчались автоинспектора, в розыск грабителей включились оперативники...

Капитан милиции Георгий Конин нес службу на Илийском мосту. Разненастилось. Порывистый ветер зло трепал полы плащ-накидки, по капюшону стрекотал холодный дождь. Неподалеку чернела лента реки, а за взгорьем, точно гигантская люстра, тысячами огней переливался поселок Илийск.

В полночь у моста притормозила легковая автомашина. Шофер не спеша предъявил документы. Конин, опершись на радиатор, стал читать маршрутный лист. Но странно, в нем не было разрешения на загородные рейсы.

Таксист виновато переступил с ноги на ногу:

— Думал — быстро обернусь, в Сары-Озек ездил...

Автоинспектор открыл дверцу автомашины и встретился с испуганным взглядом человека.

— Прошу документы!

— При себе не имею, капитан.

— Тогда пройдите! — жестко сказал Конин.

В отделении милиций пассажир назвал себя Магомедом Бабахановым и путано объяснил цель поездки в Сары-Озек. Дескать, на днях приехал в Алма-Ату и решил съездить к родным. Они обещали помочь прописаться.

А так ли? Подозрения усилились после того, как работники милиции при обыске у него нашли пачку денег. В ней насчитали восемьсот рублей.

— Откуда у вас столько денег? — спросили оперативники.

Бабаханов молчал. Разговор на эту тему было поручено вести следователям...

Между тем оперативная группа из Алма-Аты продолжала вести тщательное расследование преступления в селе Карагач. Помочь сотрудникам милиции вызвались дружинники, рабочие совхоза. Вскоре появились и первые сообщения.

Как-то вечером к руководителю оперативно-следственной группы пришла уборщица совхозной конторы Елена Шведко. Она рассказала о странном исчезновении ключа от бухгалтерии. Случилось это дней за десять до происшествия. На квартиру к ней пришла секретарь-машинистка Моржан и попросила ключ от директорского кабинета. Уборщица не посмела отказать ей.

— Да не трудись возвращать, — сказала Шведко, подавая связку ключей. — Сама скоро в контору приду...

Так и было. Моржан не стала дожидаться уборщицу, ключи остались в двери директорского кабинета.

Утром уборщица с озабоченным видом подошла к секретарше:

— Вот беда: где-то девятый ключ потеряла. Ты не снимала его с кольца, Моржан?

— И не думала, — ответила та, продолжая стучать на машинке.

Елена Шведко не стала заявлять о пропаже. Да и нужды в этом не было. Благо, что второй ключ имели работники бухгалтерии.

Ниточка потянулась к Моржан. Может быть, ключом воспользовались злоумышленники, чтобы без лишних хлопот проникнуть в кассу? Допросили машинистку:

— Люди всякое подумают! — возмутилась она. — Этот ключ мне совсем не нужен!

Начальник областного отдела уголовного розыска П. Кузьменко после некоторых размышлений пригласил ее старшую сестру Фатиму.

— Когда последний раз приезжал брат Ахмет? — спросил он.

— Брат уехал летом, — ответила Фатима, — и вот уже три месяца мы ничего не знаем о нем. Не к делу вспомнили об Ахмете, товарищ следователь...

Некоторый свет на ход следствия пролил рассказ шофера такси, который в ту ночь обслуживал гражданина Бабаханова, задержанного госавтоинспекцией на Илийском мосту.

«Вечером подрулил к аэровокзалу. Часы показывали начало восьмого. Откинулся на сиденье, закрыл глаза. И вдруг:

— Эй, парень, счастье проспидишь!

Обернулся: рядом с машиной стоит мужчина в поношенном плаще и белой кепке.

— Крути баранку, дело есть!

— Только по городу, — говорю я ему.

— Валяй, потом увидим...

И уселся рядом. Вином от него несло изрядно. Не доезжая восьмой автобазы, говорит:

— Вот что, друг, гони-ка в Баканас!

— Это зачем же? — удивился я. — Маршрут у меня только по городу...

— Зря! — говорит. — В обиде не оставлю. Запустил руку в карман и вытащил горсть денег.

— Держи! С удачной дорогой еще получишь!

Бес меня и попутал. Часов в одиннадцать вечера были мы у бензоколонки, что в трех верстах от села Карагач. Клиент вернулся через час злой и недовольный чем-то.

— Поворачивай! — говорит. Ну а потом мы с товарищем капитаном и встретились...»

Султан Мргалиевич Бисембаев допрос начал издалека:

— Итак, гражданин Бабаханов, в тот вечер вы наняли такси и решили навестить родственников. Все, казалось бы, ясно. Но следствию непонятно вот что: откуда у вас столько денег?

Бабаханов не спешил с ответом.

— Деньги к деньгам, гражданин следователь.

— Не совсем вас понимаю.

— А тут и понимать нечего! Спекулянт я. В Сары-Озекке бурками торговал... С каждой пары по два червонца...

— Вот как! И сколько вы заработали?

— Не считал.

Бисембаев снял телефонную трубку и позвонил дежурному по управлению. Вскоре в кабинет вошла молодая женщина и прямо с порога кинулась к Бабаханову:

— Ахмет, родной, почему в милиции?

Бабаханов вскочил со стула и как от наваждения попятился назад.

— Не бойтесь, гражданин Асылбеков, — спокойно сказал Султан Мргалиевич. — Разве так изменилась ваша сестра Моржан?



Ночное дежурство.

Асылбеков-Бабаханов не ответил. Он снова опустился на стул, не удостоив взглядом сестру... Его увели в камеру.

Неделя прошла в тяжелых раздумьях. Шестьдесят две тысячи рублей, украденных в кассе Баканасского совхоза, не давали покоя. На следствии Асылбеков лгал и изворачивался, но с каждым днем кольцо улик сжималось. Казалось, он еще на что-то надеется.

За свою недолгую жизнь он ни разу не встречался со следователями и потому не верил, что эти люди могут узнать все о его деле. Шли дни.

Догадки и сомнения терзали душу Ахмета. Сердце давили тоска и гнетущая неизвестность. Рушились надежды на красивую жизнь.

Он схватил чистый лист бумаги, принесенный ему накануне надзирателем, и стал лихорадочно писать, мусоля огрызок карандаша. Потом, закончив это дело, со стоном бросился вниз лицом на жесткие тюремные нары и несколько минут лежал в оцепенении, обхватив руками голову. «Шестьдесят две тысячи рублей... Да, сумма немалая! За такие деньги и пулю в лоб недолго...»

Ахмет вскочил с нар, его припухшие от бессонницы глаза округлились. Нет, он хочет жить! Пусть будет любая жизнь, но жизнь при свете и солнце.

С этими мыслями он рванулся к железной двери и стал неистово колотить в нее.

Через час Ахмет стоял в кабинете генерала.

— Пришел рассказать всю правду, — с трудом выдавил он. — Деньги мне не нужны. Они закопаны на берегу Тусмурунского канала. В ту ночь ездил за ними, хотел забрать, но помешала милиция. Судите! Но прошу сохранить жизнь!

СХВАТКА С «ПУСТОЙ ПОРОДОЙ»

Он был не только хорошим шахтером, но и отважным дружинником. Несколько лет Гарри Фурса добровольно нес нелегкую службу по охране общественного порядка в горняцком поселке Гвардейский. Это было его второе призвание. Он всегда спешил туда, где нуждались в его помощи.

Как-то в глухую полночь Гарри проснулся от тревожного стука в окно. Пришли дружинники. Ребята рассказали, что неизвестные пытались проникнуть в универмаг. Начальник штаба дружины собрался как по тревоге и остаток ночи провел в поисках злоумышленников.

На рассвете у магазина при осмотре места происшествия подобрал брошенную кем-то телогрейку. На рукавах ватника заметил пятна сурика. Вспомнил, что позавчера кому-то выписывали краску... Направляясь в забой, завернул в рудоуправление, потом — на склад. Проверил все накладные и нашел фамилию получателя сурика. Эта улика помогла предупредить готовящееся преступление.

А спустя несколько дней в Гвардейском узнали о героическом поступке горного мастера Фурса. Он вступил в поединок с опасным рецидивистом, вооруженным двумя пистолетами, и задержал его. Тогда-то и состоялась беседа у начальника милиции.

— Мужества тебе не занимать, смекалки тоже, — говорил капитан Хрунов, прохаживаясь по кабинету. — Ты студент, будущий юрист. Переходи в уголовный розыск, по всем статьям подходишь...

Но поработать с капитаном Хруновым пока не удалось: горный мастер Гарри Фурса уехал в Усть-Каменогорск. Там мысль о работе в органах охраны общественного порядка окрепла и оформилась более четко.

В отделе уголовного розыска областного управления беседа была недолгой.

— Знаете, как старатель работает? — говорил начальник отдела. — В нашей службе есть что-то похожее на его труд. Умейте анализировать каждый факт: ценные детали в одну сторону, ненужные — на выброс...

Первое оперативное совещание было экстренным. Гарри Фурса внимательно слушал информацию. Ночью в Аблакетке убили сторожа управления «Строймеханизация». Бандиты выдернули трактором оконную решетку и выволокли сейф. Деньги же, из-за которых совершилось гнусное дело, взять не удалось...

На совещании докладывали о ходе следствия по раскрытию другого тяжкого преступления. От рук хулиганов погиб гражданин Хорошаев.

Кому поручить вести то и другое дело? Выбор пал на молодого оперативника Фурса.

Шло время, но по делу в Аблакетке не было ни одной зацепки. Тридцать дней и ночей прошли в непрерывных поисках. «Неужели так и придется расписаться в своей беспомощности», — закрадывались иногда сомнения. Интересно, что даст сегодняшняя встреча с Тоней С.?

Хрупкая и застенчивая, она вошла в кабинет и осторожно присела на стул. Фурса заметил ее волнение.

— Я боялась говорить о нем, — начала девушка. — Но сейчас Валерки в городе нет. Мне всегда страшно с ним. Однажды пошли в кино, он выпил вина и по дороге хвастался своим геройством. А потом все же сказал мне, что со своим дружкой убил человека.

И вот перед ним уже сидит Валерий Медведенко. Он молод, из-под черных вразлет бровей смотрят злые глаза. Допрос продолжается долго. Припертый неопровержимыми уликами, Медведенко, еще упорствуя и на что-то надеясь, все же сознается в своем злодеянии. Клубок разматывается.

А через день в кабинет Фурса шумно вошла уже немолодая женщина. В ту ночь, когда был убит сторож, в ее квартиру стучался тракторист Каримбаев. Да, верно, он и раньше бывал у нее: привезет краденые дрова, получит чаевые — и бывай здорова. Но это днем. А на этот раз явился ночью. Просил на бутылку водки. И уж так пристал, словно без этой водки жить не может.

— Уходи, и нечего по ночам людей булгачить! — вот что я ответила ему, товарищ следователь.

— Нет, к Пушкаревой я не стучался, — возражал на очередном допросе Каримбаев. — Это недоразумение, товарищ Фурса. Днем с работы ушел раньше времени: трактор мой на ремонте. А вечером в кино был.

Возле брошенного сейфа найдены трос и кусок трубы, которым заводят трактор. Фурса вспомнил разговор с механиком управления. Тот говорил тогда:

— Труба Каримбаева — это точно. А трос — не скажу, не знаю, кому принадлежит...

О том, что кусок трубы с его трактора, Каримбаев не отрицал:

— Ее мог взять каждый, — спокойно говорил он, сидя перед оперативником. — Ну хотя бы затем, чтобы запутать следы...

И опять поиски, беседы с людьми. На одной из строек Фурсе удалось выяснить, что, работая здесь, Каримбаев украл у своего товарища часы. Состоялся товарищеский суд. На

нем всплыли и другие неприглядные факты. Об этом Каримбаев вспоминал с напускным сожалением:

— Да, было такое, чего греха таить. И краденое на производстве сбывал — деньги нужны... Но к делу в Аблакетке не имею отношения.

Однако каждый день Каримбаеву приходилось делать очередные, пусть незначительные пока признания. Теперь уже не интуиция, а целый ряд фактов говорил о том, что преступление в Аблакетке не обошлось без тракториста. «Мелочи» и отдельные факты, собранные в простенькой серой папке, уже нависли над обвиняемым тяжелым грузом улик.

Вот вспомнил Фурса еще одну «мелочь»: Каримбаев прихрамывает. Физический недостаток? Но о нем никто и никогда не говорил ему. Тогда что же?

На очередном допросе по просьбе оперуполномоченного Каримбаев показал левую ногу: там темнели раны от собачьих зубов...

Все встало на свои места. Во время разбойного нападения на сторожа была убита собака. Эксперты установили, что смерть наступила от ударов по голове. Они нанесены куском той самой трубы, которая служила для заводки трактора. Схватка с ярым псом не прошла без следа.

Да, это, пожалуй, еще один убедительный аргумент. Значит, версия доказана.

Даже маленький успех приносит человеку радость. Так бывает и у старателей, и у работников уголовного розыска. Правда, на этот раз Гарри Фурса не выдал на-гора сверхплановые тонны руды, но тем не менее от его труда жизнь людей становится спокойнее.

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Алма-Ата.

П. Бушуев

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ

Если бы пришлось судить только тех убийц, которых застали с ножом над жертвой, только тех отравителей, у которых в руках захватили остатки только что данной ими кому-либо отравы, то большая часть виновников подобных преступлений осталась бы без законного возмездия.

А. Ф. Кони.

Один из них потом, когда суд предоставит ему последнее слово, скажет:

— Я прошу не приговаривать меня к расстрелу. Я молод, надо это учесть. Я не жил, а прозябал, изнурил себя тяжелым воровским трудом. Почему я выбрал этот путь, я не знаю...

А другой, немного позже, заявит:

— Виновным себя не признаю ни в чем. За Хабаровск я уже был осужден. И за Омск. От того, что я бандит, не отказываюсь. Говорить ничего не буду. Вам лучше знать.

Но у суда и без его признаний достаточно самых веских доказательств. Опровергнуть их невозможно. И он, по многолетней привычке держа руки за спиной, бросит:

— Прошу приговорить меня к высшей мере наказания.

Но пока до этих событий еще далеко.

* * *

Только что кончился рабочий день, и без того многолюдные улицы Алма-Аты превратились в сплошной живой поток. И среди спешащих людей невольно бросался в глаза высокий представительный мужчина, который неторопливо шел по тротуару. Мартовский день выдался теплый, и на мужчине был светлый габардиновый макинтош. Здороваясь со знакомыми, он по-старомодному приподнимал коричневую велюровую шляпу. Судя по тому как часто ему приходилось делать этот жест, знакомых у него было много. И не удивительно — Иван Федорович Аверин, профессор, академик, ученый с мировым именем. К тому же давно обосновался в городе, занимается общественной деятельностью...

После работы он предпочитал пешком ходить от института до своего дома. Тем более, в такой ясный весенний день, когда и дышится легко, и не покидает предчувствие близкой удачи в давно задуманном большом и сложном деле.

Так же неторопливо — все-таки пятьдесят четыре года, никуда от них не денешься — Аверин поднялся к себе на второй этаж и, пока доставал ключ, привычно скользнул взглядом по металлической табличке с витиеватой узорчатой гравировкой.

Жены дома не было: она утром уехала в командировку, дней на десять. По установившейся привычке — если тебе пятьдесят четыре, надо соблюдать режим — Аверин принял ванну. Потом прошел в детскую. Младшая дочка кинулась навстречу, вскарабкалась на плечи и принялась теребить седеющие волосы. Аверин подошел к столу посмотреть, как там движется задача в тетрадке старшей.

— Обедать пора! — позвала тетя Катя, домработница, и все они отправились в столовую, где уже был накрыт стол.

Вечером, уложив девочек спать, Аверин устроился за письменным столом. Квартира была трехкомнатная, спальня служила ему и кабинетом. Хотелось, не откладывая на завтра, проверить расчеты, сделанные его сотрудниками. Что-то у них не получается, и они просили шефа найти ошибку в ходе их рассуждений.

Наступила ночь, а свет в аверинском окне долго не гас. Сторожиха Бондарь во дворе подумала по привычке: «И когда только профессор успевает выспаться?» Но тут как раз свет погас.

Бондарь охраняла здесь магазин и складские помещения, расположенные в подвалах. Двор большого дома был темный, застроенный сарайчиками, за ними стеной стояли деревья, рос кустарник. Во дворе Бондарь чувствовала себя неуютно и старалась больше

времени проводить на улице, у освещенных витрин магазина. Здесь хоть иногда подмигнет зеленый глазок такси, прошагает запоздалый прохожий. Вот и сейчас появились двое. «Загуляли ребята, — сказала сама себе сторожиха. — Ишь, спешат по домам! Попадет им от жен — и за дело».

Мужчины молча прошли мимо, и шаги их затихли в отдалении.

Бондарь постояла у витрины, обошла дом и вернулась во двор. Все было тихо. И вдруг внезапно что-то ухнуло наверху.

— Кто?.. — на всякий случай крикнула она в темноту.

В ответ — молчание. Бондарь не знала, что и подумать. Ночь — обманщица. Чего только не чудилось сторожихе, особенно в первое время ее работы.

Ухнуло снова: раз и два — подряд и три — чуть погодя. «Да ведь это стреляют!» — подумала Бондарь, замерев на месте. Тишина стала особенно глухой. Неожиданно вспыхнул свет в окне, в аверинском, на втором этаже. «Неужели же у них что?.. Те, двое?..»

Во дворе снова стало тихо. Но вот сквозь закрытые окна донесся женский крик — сначала приглушенный, а потом громче, громче...

Бондарь бросилась в подъезд.

Крик приближался. По лестнице сбегала женщина, и лицо у женщины было такое, что Бондарь не сразу узнала Катю, профессорскую домработницу.

Она, не переставая, кричала одно и то же:

— Убили! Убили!

Бондарь быстро поднялась по лестнице на второй этаж. Дверь в квартиру Авериных была открыта, в коридоре горел свет. На шум сбегались соседи. Все вместе они вошли в спальню.

На подушке, подперев рукой голову, лежал Аверин. Лежал спокойно. Если бы не яркие красные пятна на пододеяльнике, можно было бы подумать, что профессор спит.

Не поднимая головы, он сказал:

— За что они меня убили?..

Это были его последние слова.

Кто-то кинулся в столовую — к телефону. Отрезанная трубка валялась на полу.

* * *

Звонить пришлось от соседей...

И с четырех часов до девяти оперативная группа вела подробнейший осмотр. Еще только вечером эти комнаты были квартирой профессора Аверина. А теперь, на языке протокола, они стали называться: место происшествия.

По первым впечатлениям картина складывалась такая...

Бандиты проникли в квартиру, выпилив квадрат из филенки и открыв изнутри английский замок. Очевидно, Аверин услышал их и проснулся. Тогда и раздались выстрелы. Первой кинулась в спальню к отцу старшая дочка Люда. Отец лежал на кровати. Это она подложила ему под голову подушку. А когда она еще только бежала из детской в спальню, ей послышался топот ног на лестнице.

В столовую из коридора вошел эксперт Лычев. Он осторожно держал в руке кусок выпиленной двери.

Наконец, когда на улице было уже совсем светло и за окнами шумело обычное утро, осмотр был закончен.

— Ну, давайте соберем, что у нас есть...

Эту фразу начальник отдела уголовного розыска Петр Яковлевич Кузьменко произнес уже у себя в кабинете. Ему и начальнику следственного отдела Владимиру Никитовичу Казаченко было поручено возглавить группу по розыску убийц профессора Аверина.

— Пожалуй, есть основания предположить, что мотив преступления — грабеж, — продолжал Кузьменко. — Домработница и старшая дочка перечисляют, что похищено: пальто из синего драпа, габардиновый синий костюм, коричневая шляпа, наручные часы, две пары, мужские и дамские. Некоторые документы. Но, я думаю, документы им попались случайно. Не за документами они шли.

Каждый из тех, кто был на первом оперативном совещании по этому делу, занимался ночью каким-то определенным делом, и теперь они отчитывались друг перед другом, потому что малейшая подробность была им важна, любая, казалось бы, незначительная деталь могла стать отправной точкой в раскрытии преступления...

Сторожиха Бондарь видела двоих молодых людей, появившихся возле дома незадолго до того, как раздались выстрелы в квартире Аверина. А еще важнее показания другого сторожа из соседнего квартала. Он утверждает, что со стороны дома, в котором жил профессор, ночью бежали двое. У одного в руках был сверток. Сторож пытался их остановить и даже пригрозил: «Стой!.. Стрелять буду!» По времени — совпадает...

— По всей видимости, конечно, грабеж, — заметил один из оперативников. — Но я бы не стал исключать и другие возможные мотивы. Пальто унесли, костюм... Но это же может быть только прикрытием.

— Не исключено, — отозвался Казаченко. — Может быть, месть, а может, и террористический акт. Человек ведь очень известный. Вот остались листки у него на столе — какие-то формулы, расчеты. И ведь никто уже не узнает, что наш профессор собирался с ними делать...

Они немного помолчали, а потом в разговор снова вступил Кузьменко. Он распределил поручения оперативникам, и каждому из них досталась какая-то ниточка из общего запутанного клубка, ниточка, которую надо было тянуть именно ему.

Оставшись один, Кузьменко позвонил комиссару — начальнику управления милиции. Комиссар выслушал его доклад, одобрил принятые меры и приказал ежедневно докладывать ему лично о ходе расследования.

Потом Кузьменко заказал Новосибирск, управление милиции. На днях оттуда поступило письмо. В нем сообщалось, что у них в городе неизвестные преступники напали на постового милиционера и отобрали у него пистолет.

* * *

Вернувшись с оперативного совещания к себе, начальник научно-технического отдела Александр Иванович Калаченко пригласил экспертов. Его небольшой кабинет был заставлен самыми различными приборами для криминалистических исследований. С их помощью можно было устанавливать такие подробности происшедших событий, фактов.

— Давайте сразу к делу, — начал Калаченко. — По оперативному плану за нами записано довольно много мероприятий. Необходимо срочно сделать несколько экспертиз, привести в порядок фотоиллюстрации и передать их в следственное дело. А потом еще следственные эксперименты...

— Александр Иванович, — обратился к нему один из экспертов, который ночью не был на месте происшествия. — А какие конкретные вещественные доказательства были изъяты, какие следы оставили убийцы?..

— Несколько пуль и гильз, выстреленных из пистолета «ТТ», вырезка из двери, клочки бумаги. На вырезке видно, что сперва они пробурили дверь в нескольких местах буравчиком, потом уже орудовали стамеской. Вот, кстати, от нас требуют провести такой следственный эксперимент: сколько времени им понадобилось на это...

— А что, на вырезке удалось что-нибудь обнаружить? — обратился Калаченко к старшему эксперту Лычеву, который ночью был в составе оперативной группы, выезжавшей на место происшествия.

Лычев ответил:

— Я не стал рисковать, Александр Иванович. Не стал там, на месте, обрабатывать вырезку и бумагу. В лабораторных условиях больше шансов на успех. Пусть там самый слабый след остался...

— Прошу поручить мне дактилоскопическую экспертизу, — попросил эксперт Кобыща.

— Хорошо. Согласен, — сказал Калаченко. — Что касается дактилоскопии — вам и карты в руки.

Они договорились еще и о том, кому и какие экспертизы и эксперименты проводить, и уже собрались расходиться, когда Калаченко, не любивший долгих нравоучений, сказал им на прощание:

— Я думаю, никому не надо дополнительно разьяснять, что от нас в этом деле очень многое зависит?

Эксперты разошлись. И в тот день долго ждали их дома после работы.

* * *

В Новосибирске в небольшом кафе посетителей было не очень много. В углу, у стойки, лениво цедил пиво высокий парень. Лицо у него было привлекательное, его даже не портил большой бледно-розовый шрам на шее. Парень поглядывал на сидевшего за столиком своего сверстника. Как только возле него освободилось место — сразу подсел.

— Привет, — сказал этот, со шрамом. — Что пиво-то тянуть? Надо бы чего-то покрепче.

— Не мешает, — отозвался сидевший. — А расчет как?

— Не будем по мелочам считаться. Я предлагаю — я угощаю. По сто пятьдесят с прицепом? Или как?

— Дело хозяйское. Я не против.

Угощавший кивнул и принес стаканы с водкой, еще две кружки пива. Выпили. Разговор стал живее. Прислушавшись к нему, можно было узнать кое-какие блатные словечки, характерные ухватки, а когда парень со шрамом снял на минуту кепку, то волосы у него оказались остриженными довольно коротко, не успели еще отрасти после освобождения из колонии.

— Толиком меня зовут. Понял, Толиком, — повторял парень со шрамом своему новому другу. К тому времени они еще выпили, и собутыльник Толика охотно назвался ему:

— А я Гошка... Здешний. Город знаю, как свои пять. Ты это учти, друг.

Из пивной они вышли вместе.

К сожалению, эта встреча осталась незамеченной. В городе между тем одно за другим стали совершаться дерзкие преступления.

Был первый час ночи. Постовой Зайцев медленно шел по своему участку. В ночной тишине резко скрипел снег под ногами. Вот из-за угла появились двое.

— Товарищ милиционер, можно на минутку?

— Я вас слушаю.

— Тут на соседней улице пьяный свалился. Замерзнет. Может, вы поможете?

— Пойдемте, покажите. Что-нибудь придумаем.

По дороге они еще поговорили о том, что, если кто не умеет пить, надо ему водку не продавать.

За углом, в свете уличных фонарей, постовой увидел лежащего на снегу человека. Он лежал неподвижно. Уж не замерз ли? Надо скорее вызывать машину.

С этими мыслями Зайцев наклонился над лежащим, не выпуская из поля зрения двух своих спутников. И вдруг лежащий схватил его за руки, потянул на себя. И сзади кто-то навалился. «Ах, подлецы!» Он пытался вырваться, но силы были слишком неравны. Зайцев чувствовал чужие холодные руки, которые нащупывали его горло, пытались его

сдавить. Он отчаянно сопротивлялся, не замечая боли от ударов. Но вот удар в грудь, и еще в живот. Еще до того, как Зайцев почувствовал нестерпимую боль, он понял — нож. А потом боль ударила в голову.

Очнулся он в больнице. Когда врач разрешил свидания, товарищи сказали Зайцеву, что бандиты отобрали у него пистолет «ТТ». Зайцев обратил их внимание на то, что у одного из подошедших к нему, у того, что повыше ростом, он заметил шрам на шее, когда откинулся в драке шарф.

Мартовским вечером два человека легко открыли гвоздем незамысловатый замок одного из дровяных сараев в Алма-Ате, поудобнее разложили саксаул и завалились спать. Утром им удалось уйти незамеченными. Целый день неизвестные бродили по городу, приглядывались. Еще одну ночь провели на чердаке большого дома. И снова с утра бродили по городу.

А ночью из пистолета «ТТ» был убит Аверин.

* * *

Жизнь вмешивалась в ход следствия, вносила свои поправки, требовала ответа на неожиданно возникавшие вопросы.

Накануне в городе был задержан некто Максимов, у него обнаружили пистолет «ТТ». Разрешения на хранение оружия Максимов предъявить не мог. Оправдывался невразумительно.

И вот эксперт склонился над прибором. Были проведены контрольные выстрелы, и теперь научно-техническому отделу предстояло ответить на вопрос: не из этого ли пистолета стреляли в квартире Аверина.

Те и другие пули, гильзы ложились под микроскоп.

* * *

Казаченко пришел в управление задолго до начала рабочего дня. Никто не беспокоит, можно спокойно подумать, сопоставить добытые данные. Вынув из сейфа пухлую папку с документами, Казаченко поудобнее расположился за столом и собрался опять — в который уже раз — посмотреть собранные по делу материалы. Ведь бывает же: ты знаешь их почти наизусть, и вдруг знакомые данные оборачиваются какой-то неожиданной стороной, вызывают новые мысли и подсказывают новые действия.

Однако, на этот раз ему недолго пришлось побыть в одиночестве. Пришел старший следователь Александр Яковлевич Гинзбург, тоже с папкой в руках. Несмотря на молодость, Гинзбург имел за плечами большой опыт и считался одним из самых способных следователей. Ему удалось распутать не одно сложное дело.

— Что, не сидится дома? — спросил Кузьменко, ответив на его приветствие.

— Хочется поскорее найти их. Пока не натворили чего-нибудь еще.

— А что у тебя нового?

— К сожалению, нечем особенно похвастаться, — пожал плечами Гинзбург. — Вчерашние допросы помогли только уточнить приметы действующих лиц. Подробнее описаны похищенные из квартиры вещи. Я уже дал задание проверить возможные места их сбыта и установить наблюдение.

Казаченко хотел что-то сказать и не успел: дверь снова открылась, вошел Калаченко.

— Как с оружием, изъятым у Максимова? — сразу спросил его Казаченко.

— Баллистическая экспертиза показывает, что выстрелы в Аверина произведены из другого пистолета.

Они помолчали. Значит, Максимов не имеет к их группе никакого отношения. Им займутся другие.

А что же убийцы Аверина? Но Калаченко, оказывается, еще не все сказал.

— Вот смотрите. — Он положил на стол акты экспертизы.

Казаченко начал их быстро просматривать.

— Послушайте, Александр Яковлевич, — говорил он при этом Гинзбургу. — Гильзы и пули, найденные в квартире Аверина, из одного и того же пистолета. Следы на вырезке двери образованы буровом. Смотрите, эксперты установили и время, которое понадобилось на это: двадцать минут.

— Вы пока еще не дошли до самого главного, — сказал Калаченко.

— А что вы считаете главным?

— Смотрите вот здесь...

— А, вот что!

— Следы пальца! На вырезанном куске филенки. Его обнаружил Кобыща. Это же дерево, а оно хуже воспринимает узор. И еще удалось установить, что это отпечаток среднего пальца левой руки.

Они еще поговорили и разошлись. Поиски в Алма-Ате не дали никаких результатов. Можно было предположить, что преступники уехали из города. Возможно, они скоро дадут о себе знать.

* * *

Действительно, в апреле пришло сообщение из Ташкента. О событиях в Чирчике...

В городском кинотеатре шел новый фильм. Желавших посмотреть его было много. Перед началом последнего сеанса к театру подъехала «Победа». Из машины вышел молодой парень и стал всматриваться в собравшихся здесь людей. Свет падал в машину, и там, на заднем сиденье, можно было различить другого парня, откинувшегося на спинку. Так он и сидел, надвинув шляпу на глаза. Открыл дверцу, но из машины не вышел.

Шофер тоже остался сидеть за рулем. Он беспрерывно поглядывал на часы. По всему было видно, что он куда-то торопится, а его пассажиры не очень-то спешат.

Случайно наблюдавший все это киномеханик не придавал появившейся «Победе» особого значения. Он уже направился было обратно в кинобудку, но едва переступил порог, как услышал выстрел...

Он кинулся обратно. У главного входа на тротуаре увидел сбившихся в кучу встревоженных людей.

— Кто стрелял?

— Из машины стреляли, — ответил ему кто-то. — Но, кажется, никто не ранен...

— Кто-нибудь номер заметил?

Все начали растерянно переглядываться. Номера машины никто назвать не мог.

Но для чирчикской милиции это не было особенно существенно: номер тут не играл большого значения. Только накануне в Ташкенте от здания горисполкома неизвестные угнали «Победу», принадлежащую городскому отделу народного образования. Бежевого цвета. И та, что останавливалась у кинотеатра, тоже была бежевая.

Ночью никого найти не удалось. Утром в кабинете начальника городской милиции собрались работники, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Как раз в это время раздался телефонный звонок. Один из тех, кто вчера возле кинотеатра ждал начала сеанса, сказал, что он полчаса назад встретил на улице троих парней. Один из них был в шляпе, в коричневой. Ручаться нельзя, и все же он напоминает того, кто вчера оставался сидеть в машине.

Часть работников сразу отправилась их искать. Но, видимо, подозрительная тройка прекратила прогулку, потому что обнаружить никого из них не удалось. Правда, теперь легче наблюдать: известны приметы и двух его спутников.

И здесь на помощь снова пришли честные граждане. Начальнику уголовного розыска позвонил рабочий Сергеев и сообщил, что вот только сейчас, проходя через парк, он случайно увидел парня в шляпе. Этот парень, выходя из уборной, достал из бокового кармана пиджака пистолет, поставил его на боевой взвод и переложил в правый карман брюк.

Сергеева он не заметил. Удалось проследить, куда он пойдет. Сейчас этот, в шляпе, и два его приятеля, ни о чем не подозревая, пьют пиво возле чайханы — там же, в парке.

Оперативная группа собралась быстро.

Апрельские дни на юге уже довольно жаркие, и у пивного ларька было многолюдно. Кто-то сидел долго, кто-то, выпив кружку, сразу уходил. Подходили новые. Трое парней устроились на травке немного поодаль и тянули свое пиво, весело переговариваясь.

Один из них лихо сдвинул на затылок коричневую шляпу.

Главное было его взять, чтобы не успел применить оружие. Как раз он подошел к ларьку, чтобы наполнить кружки. Двое неожиданно схватили его за руки, он вырвался, сунул руку в карман, но третий перехватил руку.

Все было кончено быстро. Одному из парней, правда, удалось вначале бежать, но по дороге его перехватил сторож парка.

Пистолет действительно лежал в правом кармане брюк у этого задержанного человека в шляпе и стоял на боевом взводе. А кроме пистолета, еще нож в боковом кармане пиджака и паспорт на имя Лыкова Георгия Александровича.

Когда задержанных повели в отделение милиции, Лыков запсиховал. Он вырвал у дежурного протокол, смял его и хотел проглотить.

— Невкусно же, — сказал один из оперативников. — А потом мы тут же новый напишем...

Когда протокол, наконец, был составлен, Лыков отказался подписать его.

Оружия больше ни у кого не оказалось. Тот, что пытался бежать, назвался Замарчиком. Однако в его пиджаке нашли паспорт на имя Райзиманова Ильи, справку об освобождении из мест заключения, трудовую книжку.

В отделении Замарчик тоже не стал подписывать протокол задержания.

— Имею на это право, — сказал он дежурному. — Имею еще право не объяснять, почему отказываюсь.

— А ты, видать, тертый, — сказал дежурный, делая приписку в протоколе. — Но ничего, разберемся, гражданин Замарчик-Райзиманов...

С третьим задержанным и разбираться было нечего: местный житель, его в Чирчике знали многие.

* * *

Кузьменко вызвал одного из своих сотрудников — Иванова.

— Садись, Александр Васильевич. Важная новость из Ташкента, вернее, из Чирчика. Задержали там несколько лиц с пистолетом «ТТ». Возможно, есть там и зайцевский, постового из Новосибирска. Подробнее рассказывать нет времени, самолет через час двадцать. Собирайся. Проверь там все очень тщательно.

В Ташкенте Иванова встретил начальник отдела уголовного розыска Чапрасов.

— Хорошо, что вы так быстро к нам, — сказал Чапрасов. — Я думаю, тут есть над чем вам поработать.

И он рассказал ему о событиях последних дней. Ташкентским оперативникам удалось установить, что Лыков и Замарчик совершили в городе несколько преступлений — ограбления, кражи.

— А пистолет, в самом деле, зайцевский, из Новосибирска?

— Да. Это бесспорно. Но насчет своих новосибирских дел они как в рот воды набрали. Мы послали туда их фотографии на опознание. Ответ вот-вот должен быть.

— А про Алма-Ату говорят что-нибудь?

— Божатся, что не были у вас. Оба в один голос. Судя по тому, как Лыков и Замарчик ведут себя на допросах, ребята бывалые, не первый раз им приходится сидеть со следователем с глазу на глаз.

— У меня с собой гильза и пуля из квартиры профессора Аверина, — сказал Иванов. — Сможем быстро провести экспертизу?

— Конечно. Наши эксперты для соседей постараются.

На другой день эксперты-криминалисты Резчиков и Громов принесли Иванову заключение. В нем говорилось:

«Гильза и пуля, обнаруженные на месте убийства Аверина И. Ф. в г. Алма-Ате, выстрелены из пистолета, изъятого при задержании у Лыкова Г. А.»

* * *

«Нет», «Не знаю», «Не был», «Не совершал»... Эти слова Лыков чаще всего повторял на допросах в Алма-Ате, куда его и Замарчика срочно этапировали из Ташкента. А потом неожиданно память проявилась, и Лыков вдруг разговорился.

Казаченко не перебивал его, лишь время от времени делал необходимые записи.

— Много мне о себе рассказывать не приходится, — улыбаясь, говорил Лыков. — Но все же послушайте, гражданин начальник. Я родился в тридцать первом. В Сибири. В Новосибирске мать и теперь живет, сестра — там же, братья. На учебу я не очень был жадный, прямо скажу. До шестого класса кое-как дополз и бросил. Поработал на фабрике. Но тут мне не повезло — заболел и пришлось уволиться. Потом в армию призвали. Служба не очень пришлась мне по вкусу. Попал под трибунал. Да вы это знаете сами. А как вернулся из заключения, стал жить у матери. Думал дома на работу устраиваться, но не нашел подходящей. Ничем таким не занимался, завязал накрепко. Почему ушел из дому? Да потому же — решил поехать на заработки в Среднюю Азию. Тамстроек много всяких, работы для таких, как я, навалом. Ах, вспомнили про записку... Ну, я матери нарочно написал, что еду в Кисловодск, подлечиться на курорте, чтоб не расстраивалась. А думал, как устроюсь лучше, тогда и напишу.

— Значит, вернувшись в Новосибирск, вы решили «завязать»?.. Так, Лыков? — спросил Казаченко.

— Это уж точно, гражданин начальник. Подумал — хватит с меня, хватит трибунала.

— Очень похвально, — одобрительно сказал Казаченко. — Но я немного не понимаю, Лыков. Ваш брат дает показания, послушайте: «После освобождения из заключения Георгий высказывал мне мысль, что будет жить и работать честно; спустя некоторое время он стал говорить, что будет жить за счет краж. Так легче... На мои уговоры смеялся надо мной, не хотел слушать».

Лыков усмехнулся.

— Точно. Он у нас честный. Работяга. Что ж, гражданин начальник, видно, бесполезно отпираться. Ведь брат дает показания, не кто-нибудь. Было такое. Отдохнул немного после лагеря, осмотрелся и решил свернуть на старую дорожку.

Но разговоры разговорами... На одни разговоры полагаться было нельзя. И работники милиции разъехались по разным городам, чтобы проверить показания задержанных, чтобы поточнее выяснить, о чем они говорят и главное — о чем умалчивают. А допросы продолжались. Лыков и Замарчик хитрили. Сознавались только тогда, когда под напором очевидных фактов отпираться было уже бесполезно. Но тут же «вспоминали» новые обстоятельства, которые тоже требовали тщательной проверки.

Работники милиции постепенно возвращались из командировок. Результаты в большинстве были обнадеживающими. Пострадавшие неизменно опознавали Лыкова по предъявленной фотокартке. И постовой Зайцев его опознал.

Казаченко вызвал Лыкова на очередной допрос.

— Я хочу сообщить вам, — сказал он, подождав, когда выйдет конвойный, — что нет смысла отпираться от новосибирских и ташкентских дел. Это просто глупо. Расскажите-ка — и подробнее, с кем и когда вы уехали из Новосибирска, как попали в Алма-Ату и когда перебрались в Ташкент.

Лыков долго молчал, и Казаченко не торопил его. Он только повторил:

— Да, по-моему, глупо и дальше твердить: «Не совершал», «Не помню»...

Лоб Лыкова, собравшийся в складки, неожиданно разгладился.

— Хорошо. Я отвечу, — начал он. — Из Новосибирска я поехал в Ташкент, но в Алма-Ате не останавливался. Ехал в мягком, как полагается... В купе было еще двое. Выпить не дураки, а я тоже люблю пропустить стакан-другой. Ну, и напропускался! Сошли мы в Ташкенте совсем пьяными. Попутчики меня бросили, а я еле на ногах стоял. Очнулся на рассвете, под забором каким-то. А рядом со мной валяется хозяйственная сумка; я в нее заглянул — а там пистолет и нож, вернее, кинжал. Не бросать же... Я уехал к знакомой девушке в Чирчик. А днем меня взяла милиция. Вот и все, гражданин начальник.

— Это вы уже говорили, Лыков — на самых первых допросах в Ташкенте. С кем же все-таки вы ехали из Новосибирска и когда?

— Да разве все упомнишь, гражданин начальник? Пил я много в последнее время, день на день заходит. Выехал я в марте, а число точно не помню. Один выехал.

— Где и когда вы встретились с Замарчиком?

— Случайно. В Ташкенте. На чердаке дома, где мне пришлось ночевать. А преступлений я с ним и без него тоже никаких не совершал. Напрасно лепите.

— Лыков, Лыков!.. Не надоело еще сочинять?

— А вы мне докажите обратное, — огрызнулся тот. — Факты, факты мне дайте!

— Факты? — сдерживая себя, сказал Казаченко. — А вот и факты. Факт первый... О баллистической экспертизе слышали? Экспертиза доказала, что убийство в Алма-Ате совершено из пистолета, который изъяли у вас.

— Так ведь я же нашел пистолет! — крикнул Лыков. — Случайно! Мне его подбросили. На том стою и умру — не сдвинусь!.. Не приклейте!

— Само приклеилось так, что не оторвешь, — прервал его Казаченко. — Факт второй: жена убитого, и дочь, и домработница опознали шляпу. Что, и шляпу вам тоже подбросили? И носовой платок с розовой каймой тоже кто-то насильно сунул в карман? А ведь платок-то из квартиры Авериных. Установлено. Это уже третий факт, Лыков. Продолжать или пока хватит?

Лыков все больше мрачнел. На виске набухла и забилась жилка. Казаченко не отрываясь смотрел на него.

— Вы стреляли в Аверина, — продолжал Казаченко. — А подробности я хочу услышать от вас. Или будете настаивать на прежнем?

Лыков продолжал молчать. Казаченко хорошо понимал, что он сейчас лихорадочно ищет новую, выгодную для себя версию. Интересно — что придумает...

Но придумать Лыкову ничего не удалось.

— Прошу время, чтобы сориентироваться, — проговорил он наконец.

— Это уже лучше, — сказал Казаченко, вызывая конвойного.

* * *

В это же самое время Гинзбург допрашивал Замарчика.

Замарчик, сложив руки на коленях, сидел на стуле посередине комнаты. Худощавый, узколицый, уши торчат. Глаза смотрят настороженно.

К этому времени они уже располагали данными, что Замарчик дважды судим. По выходе бродяжничал, разъезжал по разным городам, совершал преступления. Вот говорят: лицо без определенных занятий. Наверное, это неправильно. Что касается Лыкова или Замарчика — занятия у них совершенно определенные!

Замарчик, как и Лыков, старался путать. То одно говорил, то другое. По мере возможности отрицал прошлое, преуменьшал свою вину.

И на этот раз шел долгий нудный разговор.

— Где и когда вы познакомились с Лыковым? — спросил Гинзбург.

— Я уж говорил. Случайно мы с ним в Ташкенте встретились. За выпивкой. А выпили — подружились.

Гинзбург достал из ящика письменного стола папку с делом и вынул конверт. В конверте паспорт, трудовая книжка, военный билет. Он показал их Замарчику и спросил:

— Это ваши документы?

— Мои.

— Изъяты при задержании?

— Да.

— А почему записи в них подделаны?

— Что вы, гражданин следователь! Все чисто, чище некуда. Никакой липы там нет.

— Мы не можем согласиться с этим, Замарчик. Вот заключение экспертизы...

Замарчик пробежал глазами акт, мельком взглянул на фотоиллюстрации.

— Раз ученые люди говорят, значит, так оно и есть, — согласился он. — Придется сказать вам — виноват. Пришлось подделать оттиски штампов и печатей, и записи кое-какие тоже.

— Цель?

— С производства, с шахты дезертировал, а хотел чистым остаться.

— Допустим... Но, мне кажется, тут что-то другое. А скажите, каким образом у вас оказался паспорт и другие документы на имя Райзimana Илья Алексеевича?

— Никаких документов, кроме моих собственных, у меня не было изъято.

— Странно. А вот в протоколе задержания лиловым по белому написано, что так было... И понятые подписали. Так были у вас эти документы?

— Нет.

— Ну что ж, послушаем, что говорит по поводу документов Лыков. Он же ваш дружок, вы сами об этом говорили.

Но едва Гинзбург достал из папки листы с протоколом одного из допросов Лыкова, как Замарчик перебил его:

— Вспомнил, гражданин следователь! Я ведь тогда очень расстроился, в парке, в Чирчике. И позабыл. Ночевали мы с Лыковым у одного моего кореша. Я с ним вместе срок отбывал. Ну был там еще один парень, а кто — не знаю. А когда утром встали и пошли опохмеляться, я случайно надел его пиджак. В пиджаке потом эти документы и нашлись.

— А кто же такой все-таки Райзیمانов?

— Чего не знаю, того не знаю. И вообще, гражданин следователь, я больше показаний давать не хочу.

— Устали? — сочувственно спросил Гинзбург. — Понимаю, трудно опровергать всякий раз то, что невозможно опровергнуть. До следующей встречи.

Все эти разговоры шли бы, конечно, более определенно, если бы... Но эксперты из научно-технического отдела на вопрос, совпадают ли дактилоскопические отпечатки Лыкова и Замарчика с тем, который был обнаружен на выпиленном куске двери, отвечали отрицательно.

Эксперт Крюков дал заключение: фотокарточка в паспорте Райзимонова наклеена заново, оттиски печатей и штампы прописки тоже подделаны.

К этому времени пришел ответ на запрос, посланный Гинзбургом в то отделение милиции, которое выдавало паспорт Райзимонову. Подлинный Илья Райзимонов несколько лет назад был ограблен, и в своем заявлении писал, что преступники забрали не только деньги, но и паспорт и некоторые другие документы. Через год после этого случая Райзимонов умер, а преступление осталось нераскрытым.

Оперативно-следственная группа, расследовавшая дело об убийстве Аверина, вот уже который раз собралась в кабинете Кузьменко.

— Пожалуй, сделано довольно много, — сказал он. — Давайте обменяемся мнениями, договоримся о дальнейших действиях. Участие Лыкова в убийстве можно считать доказанным, но работы впереди еще немало. Владимир Никитович, — обратился он к Казаченко, — как у вас держится Лыков?

— Я уже говорил, что Лыков, когда я поставил его перед фактами, просил дать ему время обдумать сложившуюся ситуацию. Обдумал. И заговорил. Утверждает, что с ним был Замарчик. Но сам Замарчик это категорически отрицает. Был он с ними третьим или его там совсем не было, на этот вопрос мы пока не можем ответить. Ни положительно, ни отрицательно. Надо работать дальше. Зацепиться пока не за что.

— А если Замарчик говорит правду? — подумал вслух Кузьменко. — Кто же тогда второй убийца?

— Я уже сказал: мы пока не в состоянии ответить на этот вопрос, — откликнулся Казаченко.

В разговор вступил Гинзбург.

— Райзимонов, — сказал он. — Документы на имя Райзимонова у Замарчика нашли. А самого Райзимонова в живых нет. Известно нам и то, что в этой компании находился третий, которому удалось скрыться. Если он напарник Лыкова по аверинскому делу, то мы хотя бы имеем его фотографию. Скорее всего, именно он изображен на переклеенной фотографии.

Кузьменко повернулся к начальнику НТО и спросил, успели ли они размножить фотокарточку с паспорта мнимого Райзимонова.

— Да, конечно, — ответил тот. — Вот, пожалуйста...

Он протянул пачку фотоснимков. Кузьменко, оставив себе один из них, раздал остальные всем собравшимся.

— Вот посмотришь на него — и ничего худого не подумаешь, — сказал Кузьменко, продолжая держать в руках фотокарточку. — Я только одно замечаю: видно, он из срока в срок попадает. Волосы так и не успели отрасти, когда он фотографировался.

Постарайтесь, товарищи, хорошенько запомнить его лицо. Возможно, в ближайшее время мы с ним столкнемся. Не человек же он невидимка...

* * *

Лыков вошел в кабинет Казаченко мрачный. Сел на стул и начал сам, не дожидаясь вопросов:

— Задали вы мне задачку, гражданин начальник... Ночи не сплю, все думаю. И так прикидываю, и эдак, а деваться некуда. Решил по душам поговорить.

— Пора бы, — сказал Казаченко.

— Я же, как вы знаете по моему паспорту, прожил не так уж и много. А все равно моя короткая жизнь для меня самого загадка. Вы не удивляйтесь. Я как втянулся, так не мог уж вылезти. Вот в Новосибирске, если по-честному, я не врал брату сначала. Думал завязать. Но не получилось. А совесть меня особенно не мучала. Привычка... Иной раз даже сам себе объяснить не могу...

— Так что же вы хотите сообщить следствию? — остановил его Казаченко. — Ведь не зря же вы про свои переживания тут начали...

— Я сперва спросить хочу у вас, гражданин начальник. Можно спросить?

— Спрашивайте.

— Вы как полагаете, суд, он как к моему делу подойдет?.. Учет? Или вышка?

— Я сейчас ничего не могу сказать, — ответил Казаченко.

— Нет, вы скажите, учтут судьи или вышку дадут?

— Это решит суд. Слишком много тянется за вами хвостов.

— А-а... — скрипнул зубами Лыков. — Я потому и спрашиваю, что сам так думаю! Но уж чего тогда мне одному под пулю лезть. Что я тяжкое преступление — убийство — совершил, в том я признался на прошлом допросе. А на Замарчика наклепал. Не было его со мной.

— Зачем же вы лгали?

— Да так получилось. Замарчик все равно сидит и сполна получит за все. Так зачем же другого марать, на его след вас выводить? Думал — попадусь, тогда не рассчитаешься, если напарника продал. Пусть гуляет на воле.

— Так кто же тот, второй?

— Вы его знаете, как Илью, Илью Райзиманова. А еще как Толика... Ну, у него имен — следователей не хватит разбираться, — Лыков немного замялся.

— Договаривайте.

— Вячек он... Ну, Славка. А фамилия Бутченко. Шрам на шее, под левым ухом. Сам алма-атинский, но дома бывает редко. У матери...

Казаченко быстро соображал, как вести допрос дальше, чтобы Лыков не свернул снова на испытанную дорожку вранья.

— Сколько мы времени с вами зря потеряли, — сказал он устало. — Теперь надо наверстывать. Где вы познакомились с Толиком, с Бутченко, я имею в виду?

— В Новосибирске, в кафе. Сто пятьдесят с прицепом прихватили...

— А дальше?

— Дальше много чего было, гражданин начальник. Вы слушайте. Только за один раз не расскажешь...

* * *

На одной из заросших зеленью окраинных улиц Алма-Аты приютился небольшой старинный домик, со всех сторон окруженный садом. Много лет назад здесь поселилась семья Бутченко. Когда Славику или, как его звали соседские мальчишки — Вячеку, исполнилось шесть лет, семью постигло непоправимое горе — умер отец.

Все заботы о воспитании сына легли на плечи матери. Больше у них в семье никого не было. Шли годы. Мать постарела, стала прихварывать. Славик к тому времени перешел в шестой класс. Он стал неузнаваемым — грубым, резким, скрытным. Вернувшись однажды из больницы, она узнала, что сын бросил учебу. И никакие уговоры вернуться в школу на него не действовали.

— Ну, хорошо, сынок, — сказала она, хоть и знала, что ничего хорошего тут нет. — Раз ты учиться не хочешь, надо устраиваться на работу. Хочешь к нам на фабрику?

Славик охотно согласился. Мать тоже была довольна: на глазах у нее, в цехе сын — ученик слесаря. А там повзрослеет, возьмется за ум, смотришь — и школу кончит.

Но как-то, придя с работы, она нашла дома повестку с приглашением явиться в милицию вместе с сыном.

Повестку она показала Славику.

— А ну их! — сказал он.

— Славик, зачем нас вызывают?

— Не твое дело. Пустяки.

— Не нравится мне твое поведение.

— Ну и пусть!

От такого ответа ей стало обидно, но она промолчала.

В милиции оказалось, что не пустяки. Сказали, что ее сын уличен в квартирной краже. Будут судить. И приговорили Вячеслава Бутченко к одному году лишения свободы.

Она не находила себе места. «Был грубый, дерзкий — пусть... Все мальчишки грубые. Возраст. Пройдет. А теперь? Что будет дальше?» — думала она.

Славик отсидел срок, вернулся. Пришла повестка из военкомата: призывают на действительную. Парень презрительно ухмыляется, и больше мать его не видит. Ушел. Надолго. Можно считать — навсегда.

Он бродяжничал все это время, ездил из города в город. В поезде украл чемодан. Вещи продал, но в чемодане были еще и документы. Он подделал их, приклеил на паспорт свою фотокарточку. Но погулять с фальшивым паспортом пришлось недолго — поймали, опять судили. Причем судили сразу за несколько преступлений. А в колонии совершил убийство. Приговорили к расстрелу, но, учитывая возраст, заменили десятью годами. Ему удалось бежать. В Омске сколотил воровскую шайку, обзавелся новыми документами. И снова арест, суд...

Прав был Кузьменко, когда сказал, глядя на его фотоснимок, что у него от срока до срока не успевают отрасти волосы...

Так и пошло у Вячеслава Бутченко. Город за городом, жизнь под вымышленными фамилиями по чужим документам. Кражи, налеты, грабежи. Однажды при дележке не поладил со своими друзьями, затеял драку. Те не посмотрели на признанного вожака, полоснул кто-то ножом по шее, чуть пониже левого уха. Хорошо еще, что успел отдернуть голову. Зато шрам остался. Плохо — лишняя примета. Но ничего не поделаешь.

— Докладывайте дальше, — сказал Кузьменко сотруднику, которому было поручено навести справки о Вячеславе Бутченко.

— В адресном бюро был... По отчеству он Михайлович. Возраст примерно тот же, который интересует нас.

— Где живет, где работает? Есть такие сведения?

— С места своего жительства выписан несколько лет назад. Но мать его по-прежнему живет там. А сам он появился у нее в конце марта, после многих лет отсутствия. Ночь переночевал, сказал, что на этот раз поживет подольше. Но снова исчез. Мать вся в слезах. Показала альбом с фотографиями сына. Я взял одну из них — ту, где он снимался в более старшем возрасте. Тут шрам на шее уже имеется. Года два назад прислал на память.

— Куда он уехал — мать знает?

— Говорит, что нет.

— Это уже кое-что, — сказал Кузьменко и распорядился: передать фотографию в НТО, поставить на разрешение экспертов вопрос: не одно ли и то же лицо изображено на этой фотографии из семейного альбома и в паспорте на имя Райзиманова.

— И попросите, чтобы ускорили, — добавил начальник розыска. — Сейчас для нас самое главное — установить это.

И снова эксперты Ушаков и Крюков провели ночь в своей лаборатории. А утром на столе у Кузьменко лежал акт экспертизы, который подтверждал, что на обеих представленных карточках изображено одно и то же лицо.

Как найти его? Ведь он давно уже не Бутченко, а теперь и не Райзиманов. Менять фамилии — Вячеку не привыкать. Впрочем, имена тоже. Был Толиком. А как зовут его сегодня?

В разные концы из Алма-Аты пошла фотография: ничем не примечательный парень с коротко остриженными волосами.

* * *

Стали проясняться обстоятельства, предшествовавшие убийству профессора Аверина.

После нападения на милиционера «Толик» и Лыков решили покинуть Новосибирск, где их наверняка станут искать. Спокойнее было уехать. Толик звал в Алма-Ату: он сам оттуда родом. Можно будет на какое-то время укрыться, отогреться и подумать, что делать дальше.

Первую ночь они провели в кладовке, вторую — на чердаке дома неподалеку от вокзала. Подождали, когда сторожика уйдет со двора, и незамеченными проскользнули в подъезд.

Ночью Толик совершил прогулку по лестнице и вернулся на чердак очень довольный.

— Слушай, Гошка, — сказал он Лыкову. — Забрели мы сюда просто так, переночевать, а тут и «работа», кажется, есть. На втором этаже квартира. Табличка там — профессор какой-то живет. Есть смысл заглянуть к профессору, как ты думаешь?

— Думаю, стоит заглянуть...

(На допросе Лыков так об этом сказал: «Мы решили ограбить, потому что есть воровской инстинкт — есть что или нет. Утром и я взглянул на ту табличку. Верно, профессор. Но кто же грабит утром? Поэтому решили ночью»).

Целый день бродили по городу.

На базаре, в магазине хозяйственных товаров, Толик долго выбирал подходящий бурав, купил и стамеску. Если бы кто-нибудь обратил внимание на них со стороны, то мог бы подумать: вот двое молодых рабочих покупают инструмент.

А что произошло позднее, — это уже известно. Толик «поработал» буравом и стамеской так ловко и тихо, что никто в квартире не проснулся. Они вдвоем вошли, притворили за собой дверь. Начали шарить в темноте, что бы с собой взять.

(Лыков рассказывал Казаченко: «Мы вроде бы без шума работали... А этот, хозяин, почему-то проснулся и сказал: «Что, что это такое?» Я ему: «Молчи. Что нужно, возьмем и уйдем». А он закричал зачем-то. Тогда я выстрелил. И еще два раза выстрелил в него. А когда убегали — еще раз пальнул, просто так, чтобы напугать, чтобы никто следом не побежал»).

На следующий день к вечеру они навестили мать Бутченко. Переночевали у нее и решили: погуляли в Алма-Ате — и хватит. Пора отчаливать.

И в тот же день уехали по направлению к Ташкенту.

* * *

На суде Лыков наотрез отказывался от преступлений, совершенных в Ташкенте. Про Новосибирск говорил: «Мы по-хорошему делали — раздевали возле дома, чтобы люди не замерзли».

Спросили у него, как положено, ознакомился ли он с обвинительным заключением. «Пусть свидетелей допрашивают, — ответил он, — а я буду вспоминать, что делал и чего не делал...»

Работы подходящей не нашел, а деньги нужны были. Вот как-то вечером часов в восемь или в девять увидели с Толиком женщину на улице. На ней шуба, и не так, чтобы уж очень хорошая. Овчина. Мы сказали ей: «Снимай шубу!» И сразу два ножа показали. Ну вот, досталась, значит, шуба нам, пуховая шаль. Юбку заставили снять так, для смеха...

С милиционером получилось так, как и рассчитывали. Пора было уже сматываться из Новосибирска, нас искали. А с пистолетом-то надежнее. Безопаснее себя чувствуешь...

В Аверина стрелять не собирались. Но он сам зачем начал кричать?..»

Напоследок Лыков просил снисхождения за молодость. Но суд приговорил его к высшей мере наказания.

Замарчик был приговорен к двадцати годам лишения свободы.

* * *

А поиски Бутченко продолжались.

В уголовном розыске, в следственном отделе с надеждой открывали каждое новое письмо, полученное из других областей и республик. Но время шло, а следы не отыскивались.

Начальник управления требовал отчета по этому делу, которое не могло считаться полностью закрытым. Сказать пока было нечего.

Но вот однажды, во время очередного доклада, Кузьменко сообщил:

— Товарищ комиссар, сообщение есть из Батуми. По-моему, заслуживает внимания.

— Что-нибудь в отношении Бутченко? — сразу понял его начальник управления.

— Пока неясно. Боюсь сказать что-нибудь определенное. Но, думаю, проверить не мешает. Прошлым летом в Батуми был арестован Анциферов. Забрался в магазин, выкрал товаров на восемнадцать тысяч. Взяли его при попытке реализации краденого. Так вот Анциферов этот родом из Алма-Аты. Товарищи из Грузии пишут, что по внешности он очень напоминает Бутченко. Вот их письмо...

Комиссар внимательно прочел письмо, а потом сказал:

— Похоже, что он. Срочно свяжитесь с Батуми. Анциферов же осужден, выясните, где он отбывает наказание.

Через некоторое время Анциферов был доставлен в Алма-Ату.

Для разговора с ним работники милиции подробно познакомились с его личным делом. Девять раз судим. И это на протяжении почти одиннадцати лет. Он нигде не работал. Из описаний дел, в которых Анциферов принимал участие, вырисовывался облик холодного расчетливого преступника, который никогда и ни перед чем не остановится для достижения своих целей.

Когда в кабинет начальника следственного отдела ввели Анциферова, все находившиеся здесь оперативники переглянулись. Не надо было назначать дополнительной экспертизы: перед ними был человек, изображенный на фотографии в паспорте Райзиманова, и он же на фотоснимке, взятом в семейном альбоме Бутченко. Не говоря уже о том, что его фотографии находятся в уголовном деле Анциферова.

Доставленный был высок ростом, плечист. Короткие темно-русые волосы, брови с изгибом, длинные подвижные пальцы. Но прежде всего бросался в глаза бледный шрам на шее, под левым ухом. Лыков тогда довольно точно описал его внешность.

Анциферов сел на стул, обвел взглядом комнату, задержал его на окне, в которое светило осеннее солнце.

Он молчал, и все молчали. Возможно, потому, что сотрудники милиции потратили на его поиски очень много усилий, и вот сейчас им просто надо было привыкнуть к мысли, что дело заканчивается, что перед ними тот, кого они так долго и так упорно искали.

— Что ж, Анциферов, поговорим, — сказал наконец Казаченко.

— Это о чем? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Начните с рассказа о себе. Где вы родились? Как ваша настоящая фамилия? Чем вы все эти годы занимались?

— Для чего это?.. У вас обо мне и без того хватит материалов. Целые пуды, наверное, накопились. Очень на меня не надейтесь — я не из говорливых. Кое-что, правда, скажу. Вы точненько все запишите, но учтите — я ни одной бумаги подписывать не стану. Понятно?

— Понятно, — сказал Казаченко. — Но все-таки интересно будет послушать.

— Так вот, — продолжал он. — По натуре я вор, воров и умру. Фамилий у меня много. Сейчас я Анциферов, Владимир Павлович.

— А Толик — такое имя знакомо?

— Был и Толиком.

— Как появился у вас паспорт на имя Райзиманова?

— Нашли, выходит... Это дружки по Колыме меня выручили. Прямо в Магадане и карточку переклеивали. Ну, раз вы о Райзиманове узнали, то сейчас спросите, знаю ли я Гошку Лыкова. Знаю. Без него тут не обошлось, раз мы с вами разговариваем.

— А где вы с ним познакомились?

— В Новосибирске. Он же новосибирский. Но что мы там делали — не скажу. Дел всяких на мне много. Но обо всех говорить не буду. Скажу только о тех, про которые вам известно, и еще — где следы оставлены. Об остальном можете догадываться.

— Мне как-то неудобно называть вас чужой фамилией, Анциферов. Давайте уж сразу, Бутченко, внесем ясность. Хотите познакомиться с актом дактилоскопической экспертизы? Наш эксперт Кобыща дает заключение. Вот, почитайте.

Бутченко недоверчиво взял акт экспертизы, иллюстрированный фотоснимками. Как опытный человек, он не стал читать весь ход доказательств эксперта, сразу взглянул на вывод:

«След пальца на куске филенки из двери в квартире профессора Аверина оставлен в ночь совершения убийства средним пальцем левой руки Бутченко Вячеслава Михайловича».

— Понятно? — спросил Казаченко.

Бутченко молчал.

— Вы согласны с заключением?

— Я уже все свое сказал, — ответил Бутченко.

* * *

Бутченко В. М., он же Яковлев М. П., он же — Макарец Г. М., Мешков А. Д., Хоменко А. Я., Райзиманов И. А., Анциферов В. П. Доказательств его преступной деятельности хватило бы на десятерых. Безоговорочно припирали его к стенке копии судебных приговоров, вынесенных в разное время, показания Лыкова и Замарчика. К делу была приложена квитанция № 829, по которой Райзиманов И. А. сдал в Чимкентскую скупку габардиновый синий костюм, сдал через три дня после убийства.

Под давлением всех этих улик он был вынужден хотя бы частично признать свое участие в деле Аверина. И уже не оставалось никаких надежд на то, что этот человек когда-нибудь исправится.

Верховный Суд Казахской ССР приговорил его к расстрелу...

...Так закончилось это дело, которое потребовало долгих поисков и трудов. Немного было поначалу улик, следствию трудно было ухватиться за какую-то определенную ниточку. Но достижения криминалистики, четкая логика, современные научно-технические средства расследования преступлений — все это помогло сотрудникам милиции выйти на след бандитов, найти их.

Пять увесистых томов по делу бандитской группы Бутченко — Лыкова можно было сдавать в архив...

П. БУШУЕВ, полковник милиции.

г. Алма-Ата.

В. Пешков

В КОЛЬЦЕ

Метет поземка, сечет колючим снегом лицо, насквозь пронизывает стужей. Кругом белая равнина степи. Только кое-где возвышаются холмики занесенных снегом копен да темнеет по берегу замерзшей реки редкий ивняк. Вечереет. Похоже, что к ночи разгуляется пурга: ветер становится сильнее, порывистее.

Через степь бредет человек. Проваливается в снег по пояс, падает, поднимается и опять двигается, прикрываясь кожаной перчаткой от ветра. Вокруг ни души, но путник то и дело озирается, вздрагивает от страха.

Вот послышался рокот мотора. Над степью, вычерчивая широкий круг в мглистом небе, пролетел самолет. Далеко у горизонта он развернулся и опять пошел над степью, но теперь ближе. Беглец, пригибаясь к самой земле, бросился к ближайшей копне, зарылся в солому. Самолет покружил над степным раздольем и улетел. А путник, задыхаясь от волнения и испуга, пошел быстрее, почти побежал туда, где виднелись столбы у железной дороги.

Он совершил тяжкое злодеяние и знает — возмездие неотвратимо. Но жалкая натура эгоиста, мелкая душонка подлеца хочет оттянуть миг расплаты. Его гонит трусость, беспощадный, злой страх. И еще жалость. Слюнявая жалость к самому себе.

Показались неяркие огни. Станция близко. Правая рука преступника все чаще опускается в карман, нащупывает холодную рукоять восьмизарядного «вальтера». В его затравленных свинцовых глазах одна мысль: он решил убивать...

Василий Николенко с утра был не в духе. Ночью приболел ребенок, до утра пришлось просидеть у его постели. А тут еще рабочий день начался с неприятностей — на стройку прекратилась подача электроэнергии. Кому же побеспокоиться, как не бригадиру?

Телефона поблизости нет, он в стрелковом клубе ДОСААФ. Чертыхнувшись с досады, Василий направился туда. Занятый своими мыслями, он шел вдоль высокого забора клуба и не заметил, как на крыльце появился человек. Тупой удар в грудь остановил бригадира. Второй бросил в снег.

«Огонь!» — раздался возглас с клубного крыльца, и в распростертое на снегу тело впились новые пули. Потом все смолкло...

Истекающего кровью Василия заметили случайные прохожие. И через несколько минут в кабинет начальника Павлодарского горотдела милиции Ивана Ефимовича Леляка вбежал дежурный:

— Налет на стрелковый клуб ДОСААФ. Есть убитые!

Милиция и скорая помощь прибыли почти одновременно. Бригадира увезла скорая помощь, а двум другим жертвам уже никто не мог помочь. Несколько ударов тупым предметом по голове и выстрелов из пистолета пришлось на долю восемнадцатилетней Людыв Ивановой — инструктора тира. Одиночным пистолетным выстрелом был убит семидесятилетний сторож, Филипп Сидорович Гаращук.

Глухо заволновались люди, собравшиеся у входа в тир, когда выносили тела. Навзрыд заплакала женщина. Посуровели лица сотрудников милиции, и они принялись за свое нелегкое дело.

Осматривая место происшествия, работники милиции обнаружили с десяток стреляных гильз от пистолета «вальтер», топор со следами запекшейся крови. На полу хорошо сохранились следы мужской обуви. На улице, недалеко от того места, где упал сраженный преступными выстрелами Василий Николенко, подобрали маленькую коричневую книжечку — служебный пропуск шофера Юрченко.

Вещественные доказательства преступления лежат на столе начальника уголовного розыска Павлодарского облуправления охраны общественного порядка Николая Степановича Гронина. В кабинете все те, кому предстоит нелегкий розыск. Оперативники внимательно слушают начальника.

— Двое убитых, один тяжело ранен, — говорит Гронин. — Таковы трагические последствия сегодняшнего происшествия. Но и это не все. Преступники похитили три револьвера «наган», десять спортивных пистолетов и много патронов. Оружие в руках убийц, они могут совершить новые злодеяния.

Гронин взял со стола латунный цилиндрок — стреляную пистолетную гильзу, поднял ее, как бы показывая собравшимся.

— Что мы знаем о преступниках? — продолжал он. — Следы обуви говорят о том, что их было двое. Один орудовал топором, у другого был пистолет системы «вальтер». — Гронин еще раз показал гильзу. — Скорее всего, это люди рослые: на обоих ботинки больших размеров.

Звякнул телефон, Гронин взял трубку, несколько минут сосредоточенно слушал.

Звонил судмедэксперт. Смерть Ивановой наступила вследствие огнестрельных ранений в голову. Извлечено четыре пули. В области затылка есть повреждения, нанесенные, вероятнее всего, обухом топора...

— Какое зверство, — не выдержал кто-то из присутствующих.

— Не думаю, чтобы преступники сперва стреляли, а потом уже добивали свою жертву топором, — продолжал Гронин, — скорее всего, было наоборот. Удар топором нанесен сзади, исподтишка. Вероятно, Иванова и не подозревала о грозящей ей опасности... Может быть, девушка даже знала налетчиков? — Гронин вопросительно посмотрел на своих товарищей и пояснил мысль: — Мы все знаем Иванову, она была очень осторожна...

Рождались первые версии, возникали предположения, которые необходимо было сразу же проверять.

Короток зимний день. Уже стемнело, когда в управление привезли перепуганного мужчину. Он был бледен, руки дрожали, как у человека, которого мучает совесть.

— Шофер Юрченко, — доложил оперативник, сопровождавший задержанного, и многозначительно добавил: — С девяти утра до обеда не был в гараже. А по документам видно, что сделал всего одну непродолжительную поездку...

— Грех попутал, — виновато вымолвил Юрченко. — Налево ездил... Знакомый попросил вещи перебросить.

И хотя Юрченко волновался, хотя и дрожал его голос, на убийцу он не походил. Впрочем, Гронин с самого начала сомневался в том, что владелец пропуска, оставленного на месте преступления, причастен к злодеянию. «Уж очень все просто получилось бы, — подумал опытный оперативник. — Убил и оставил для нас визитную карточку... Нет, так не бывает. То ли это случайность, то ли преступники пытаются путать следы».

Юрченко волновался, нервничал. Объяснить, куда девался его пропуск, не мог. Но приглашенные на допрос люди подтвердили, что Юрченко действительно перевозил вещи своего знакомого и в роковой час был далеко от стрелкового тира.

Посоветовав больше не ездить «налево», шофера отпустили домой. Первая версия отпала. Но были еще версии, не одна, несколько. Их нужно было отрабатывать, проверять. Столько же оперативно-следственных групп на каждую версию создали при Управлении охраны общественного порядка. В них вошли опытные работники. Возглавил операцию прибывший из Алма-Аты **заместитель** министра охраны общественного порядка комиссар милиции А. Тумарбеков.

Немало времени потребовалось на розыск владельцев пистолета «вальтер». По данным учета, в Павлодарской области у троих имеется такое оружие. Эти пистолеты представили по первому требованию, их проверили, провели контрольные стрельбы и убедились — не то. Но, может быть, есть неучтенное, так называемое «нетабельное» оружие? Быть может, кто-нибудь из участников войны, вопреки правилам, хранит трофейный пистолет? Как об этом узнать: ведь в Павлодаре не одна тысяча бывших воинов!? Трудно. Но нужно, обязательно нужно. И оперативники идут к людям, беседуют с ними, советуются. Просить помощи, собственно, и не нужно было, не приходилось. В первый же день люди сами шли в милицию, делились своими мыслями, сообщали о подозрительных, по их мнению, поступках отдельных лиц. Словом, все старались хоть чем-нибудь помочь в розыске злодеев.

Так появилось сообщение о том, что некий Иван Алехин неожиданно уехал из Павлодара. Его раньше судили за незаконное хранение оружия и грабежи. Сидел, после заключения работал на стройке, но вот несколько дней как там не появляется.

Два дня продолжались поиски Алехина. Нашли, его у родственников, где он преспокойно гостил уже несколько дней. Версия оказалась ошибочной.

Отпадали одна за одной и другие версии, рушились предположения. Неужели тупик? Нет, тупика не было. Его и не может быть в работе милиции, которой помогают все честные люди. И немыслимо преступнику, жалкому отщепенцу-одиночке затеряться даже в многолюдье наших городов, спрятать свое гнусное обличье...

Новое сообщение принесла хрупкая девушка, студентка педагогического института. Ее однокурсник, Юлий Кайзер, уже несколько дней не появляется в стенах института.

— Вы знаете, — горячась говорила девушка начальнику горотдела милиции Ивану Ефимовичу Леляку, — меня сначала отговаривали идти к вам. Ну уехал и уехал, парень взбалмошный, избалованный. Но потом, посоветовавшись, решили сообщить в милицию. Ведь он, Юлька, часто бывал в тире и вдруг после всего этого исчез... Да и был он последнее время какой-то не такой... странный.

Начальник горотдела милиции задумался. Юлий Кайзер?.. Сын известного в городе ответственного работника, он недавно демобилизовался из армии, учился в пединституте. Говорили, что он неплохой стрелок, упорно тренировался в стрельбе из пистолета. Было над чем подумать.

Теперь перед начальником горотдела милиции сидит пожилая, убитая горем женщина. Да, верно. Ее старший сын Юлий два дня тому назад ушел из дому и как в воду канул.

— Ушел утром, — рассказывает мать, вытирая скомканным платочком слезы, — сказал, что идет в институт оборудовать стрелковый клуб... В полдень вернулся, был возбужденный, растерянный. Быстро переоделся и опять пошел, даже не пообедал... Потом уже я заметила, что из стола исчезли деньги. Двадцать пять рублей...

— А еще чего-нибудь из дому не исчезало? — осторожно спросил Леляк.

— Как будто все остальное на месте, — задумчиво ответила женщина. — Только вот топор запропастился. Старый топор...

— Какой топор? — скрывая волнение, спросил начальник милиции. — Приметы его не помните?

— Топор как топор, — неожиданно зло ответила женщина. — К вам с горем, а вы про топор. Старый топор, низ у топорича отколот. — Она встала. — До свидания.

Женщина ушла, так и не написав заявления о таинственном исчезновении сына.

* * *

Опять версия: к убийству причастен Юлий Кайзер, таинственно исчезнувший из города. Друзей у него немного, а самый близкий — Владимир Зинченко — плечистый парень с открытым, ясным взглядом, добродушной улыбкой. С ним беседуют работники уголовного розыска Владимир Михайлович Журавлев и Иван Петрович Рычалов. Зинченко охотно рассказывает все, что ему известно о своем друге.

Последний раз Кайзер пришел к Зинченко во втором часу того страшного дня. Волновался, это было видно сразу. Попросил поесть, и Владимир покормил друга.

— Юлька часто выглядывал в окно, — рассказывал Зинченко, — и я заметил, что около дома стоит незнакомый парень в синей куртке. Такой же, как у меня. На плечах рюкзак... Мне он не понравился, и я сказал об этом Юльке, но тот возразил, что это свой, хороший малый... Потом Юлька ушел, и я его больше не видел...

Оперативники переглянулись: значит, правильно, убийц было двое.

— Да не подозреваете ли вы Юльку в убийстве? — вдруг горячо воскликнул юноша. — Он курицу и то зарубить не может... А убить человека — что вы!

Хоть и не склонны оперативники к сентиментальности, но горячность, с какой Зинченко вступился за товарища, вызвала еще большую симпатию к нему.

— Володя, — спросил Рычалов, — ты часто бывал у Юлия дома, скажи, помогал он чем-нибудь родным по хозяйству?

— Да там и помогать-то нечего, ведь он живет в пятиэтажном... Разве что дров для ванны наколоть. Так мы это часто вдвоем делали.

Журавлев встал, подошел к столу, покрытому белой бумагой.

— А топор Кайзера ты не сможешь узнать? — оперативник поднял бумагу. Под ней лежали топоры — большие и маленькие, новые и повидавшие виды.

Владимир едва приметно вздрогнул. Вдруг стало сухо во рту, по спине пробежали мурашки. Но он справился с минутной слабостью и тихо, но твердо сказал, показывая на топор, лежавший вторым справа:

— Это топор Кайзера...

Было темно, когда Владимир Зинченко возвращался домой. Все в нем ликовало. Он разбежался, пнул ногой ледышку, и она легко заскользила по звонкому, наезженному снегу...

Теперь возникла необходимость произвести обыск на квартире убийцы. И после обыска все встало на свое место, круг замкнулся. В домашнем сейфе отца Кайзера оперативники нашли гильзы от пистолета «вальтер» с такой же маркировкой, как и на гильзах, изъятых с места происшествия. На ботинках, оставленных Юлием дома, заметили следы крови, и экспертиза установила: кровь первой группы, такой же, как у убитых. У Юлия Кайзера и его домочадцев кровь была другой группы. Экспертиза доказала и то, что гильзы, найденные в тире и в сейфе Кайзера, из одного и того же пистолета.

* * *

Итак, круг замкнулся. Причастность Юлия Кайзера к убийству стала непреложным фактом. Но где находится убийца, потерявший всякий человеческий облик? Его надо было найти с возможной быстротой, найти и обезвредить. Каждый день, каждый час пребывания на свободе этого негодяя грозил осложнениями. При нем находится оружие, много патронов. Он не задумываясь откроет стрельбу, защищая свою жалкую жизнь. А это тем опаснее, что убийца прошел неплохую школу стрельбы под руководством убитой им девушки-инструктора.

Сотрудники милиции отдавали себе отчет во всем этом и не жалели сил и времени на упорные поиски. Тщательный розыск скрывшегося в Павлодаре прошел безрезультатно. Ясно было, что он успел улизнуть из города. А путей у него было много.

Долгое время Кайзер жил в Алма-Ате. Там у него много школьных приятелей, знакомых, на помощь которых он мог рассчитывать. Поэтому самым вероятным местом пребывания преступника могла считаться Алма-Ата. Но знакомые были у него и в других городах: в Туле, Москве, Омске, Магадане. В эти города немедленно вылетели работники уголовного розыска, чтобы предупредить возможное появление там опасного преступника и задержать его, если он вдруг очутится в одном из этих городов.

Много труда положили на то, чтобы предугадать, куда он может явиться в первую очередь. О связях Кайзера узнавали через его бывших соучеников, приятелей. Узнав о том, что произошло, молодые люди охотно шли на помощь работникам милиции. Теперь перед оперативниками был целый ряд имен тех, к кому преступник мог обратиться за помощью.

Прошло несколько дней, пока было получено первое достоверное сообщение — преступника видели на центральной площади Алма-Аты. Выехавшая туда опергруппа опоздала. День был праздничный, на площади много гуляющих, да и Кайзер, видимо, не отваживался долго оставаться в людном месте.

Но и то, что преступник обнаружен, во многом облегчало задачу. Теперь поиски сосредоточились в Алма-Ате. На вокзалах, в аэропорту, на шоссе дорог постоянно дежурили наряды милиции. Преступника взяли в кольцо. Для него город был закрыт, и дни его пребывания на свободе сочтены. Работала не только милиция, но и дружинники, многие наши юноши и девушки, из числа которых кое-кто знал преступника раньше.

Через день Кайзер сам дал сигнал о своем пребывании в столице республики. В полдень он заскочил в хлебный магазин, когда там находилась одна лишь продавщица и, угрожая пистолетом, потребовал денег. В кассе было всего двадцать пять рублей, взяв которые преступник скрылся. Этот выпад говорил о том, что Кайзеру очень нужны деньги, но свидетельствовал и о другом: он пойдет на любое преступление.

Сотрудники уголовного розыска тем временем встретились со всеми, кто мог хоть что-нибудь знать о Кайзере. Выяснилось, что у двух своих бывших одноклассников он успел побывать и одному подробно рассказал о совершенном преступлении в Павлодаре. При этом он обмолвился, что в тире был не один. Вместе с ним был и его дружок Володька.

Володька — это несомненно Владимир Зинченко. Об этом по телефону немедленно сообщили в Павлодар, а там сразу же задержали Зинченко. На первом допросе он признался во всем. Рассказал, как они с Кайзером убили инструктора тира и сторожа, как потом стреляли в случайного прохожего. Показал он и колодец теплоцентрали, где были спрятаны похищенные в тире патроны и завернутые в клеенку пистолеты — десять стволов. Таким образом, узнали, что у Кайзера, кроме восьмизарядного «вальтера», есть еще два десятизарядных спортивных пистолета, много патронов.

Кольцо вокруг преступника сжималось. Уже был детально разработанный план задержания...

Кайзер обратился к своему бывшему однокласснику Дмитрию Рябову с просьбой, чтобы тот отдал ему, Кайзеру, свой паспорт. Без документов преступник не хотел оставлять Алма-Ату, а с чужим паспортом он рассчитывал уехать подальше от Казахстана и затеряться где-нибудь «в глуши».

Дмитрий Рябов — честный, хороший парень, комсомолец, ни в коем случае не мог стать соучастником преступника, не мог и не хотел дать ему возможность уйти от правосудия. Он пришел в милицию и предложил свою помощь.

Кайзер сам назначил Рябову день, час и место встречи: воскресенье, полдень, возле кафе у оперного театра. Туда должен был Дмитрий принести ему документы. Место и время бандит выбрал не зря. Он знал, что в воскресенье на театральной площади много гуляющих и ему будет нетрудно затеряться в толпе. Кроме того, он знал, что работники милиции не будут стрелять и подвергать людей опасности.

Конечно, это очень затрудняло задачу. Вооруженный тремя пистолетами, негодяй в припадке отчаяния и злобы может открыть стрельбу. План операции отработывали до мельчайших деталей, предусмотрели все, чтобы исключить возможность несчастья. Рисковали своей жизнью четверо — это те, кто должен был первым схватить бандита. Рисковал собой и Дмитрий Рябов — смелый, решительный парень.

Кайзер явился на свидание с Дмитрием с маленьким опозданием. Прошел через сквер к кафе, не вынимая руки из кармана. Глаза подозрительно бегают — он настороженно озирается. Но ничего подозрительного нет. Вокруг гуляют празднично одетые люди, смеются, о чем-то беседуют. Воскресенье!

Дмитрий ждет, прислонившись к дереву. Кайзер подошел, не протягивая руки, кивнул. Это сразу нарушало задуманный маневр. Во время рукопожатия Дмитрий должен был задержать руку преступника, не дать ему быстро достать пистолет.

Но Дмитрий не растерялся, хотя и услышал, как шелкнул переводимый в боевое положение предохранитель. Кайзер не доверял никому.

Дмитрий завел разговор, обычный разговор в такой необычной обстановке. Он говорил о вчерашнем вечере, о новом кинофильме. Парень видел, с каким нетерпением ждет Кайзер главного — разговора о паспорте. Но вот этот паспорт появился. Медленно достал его Дмитрий из кармана и протянул преступнику. Тот от радости на миг забыл о пистолете, жадно потянулся к документу. Этого-то мгновения вполне хватило оперативникам.

Мимо проходили четверо — две пары. Они о чем-то весело говорили и совсем не обращали внимания на двух парней возле дерева. Но когда один из них вынул из кармана правую руку, его схватили. Схватили крепко, быстро, так, что преступник не успел даже пикнуть. Уже в кабинете начальника уголовного розыска этот великовозрастный лоботряс, начитавшийся переводных романов об искателях легкой жизни, об опустошенных суперменах типа Джеймса Бонда, ставший на путь убийства и грабежа, опустив голову, сказал:

— Здорово вы меня! Как в кино.

* * *

Скупые слова приказа министра. В нем говорится, что за смелость и находчивость, проявленные при задержании опасного преступника, награждается группа оперативных работников Управления милиции МООП Казахской ССР. В их числе Я. Екимов, К. Капильная, А. Васина, М. Даирбаев, Ш. Уканов, В. Журавлев, Л. Извеков. Это они разработали и блестяще осуществили план поиска и задержания опасного преступника.

В. ПЕШКОВ, полковник милиции.

Павлодар — Алма-Ата.

Н. Ахметов

БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Поздней зимней ночью, когда пассажирский поезд остановился на маленькой станции, желтые пятна окон замерли на заснеженном перроне. Трое мужчин один за другим спрыгнули со ступенек вагона. Сразу же раздался протяжный гудок — паровоз прощался с маленькой станцией, где он задерживался всего лишь на минуту.

Поезд ушел, а эти трое остались. Их встретил высокий молодой человек в форме. Козырнул, представился:

— Младший лейтенант Сутиев. Участковый уполномоченный.

Гости из Алма-Аты тоже отрекомендовались. Майор Емельяненко, старший оперуполномоченный уголовного розыска, и с ним два лейтенанта: следователь Кагасов и эксперт Ниязов.

— Не повезло вам, — посочувствовал Сутиев. — Перед самым праздником пришлось уезжать из дому...

— Не привыкать, — откликнулся Ниязов, но все же не смог сдержать вздоха. — Кому праздник, а милиции самая работа. Лишь бы нам «медвежатника» твоего заарканить, а Новый год мы завтра и здесь встретим.

Сутиев повел приезжих по темным улицам поселка. Ни фонаря, ни огонька в окне. В морозной тишине только снег похрустывал под ногами.

Майор Емельяненко даже присвистнул:

— Тишь да гладь!.. И откуда только в таком раю черти берутся? Сколько, говоришь, денег взяли? — обратился он к участковому. — Рассказывай, пока до твоей хаты доберемся.

— Взяли около десяти тысяч рублей, — не сразу ответил Сутиев.

И он начал рассказывать историю, ради которой работники милиции в канун 31 декабря приехали из Алма-Аты в глухой станционный поселок.

Сегодня в девять утра начальница здешней почты, по фамилии Колесник, как обычно, пришла на работу. Открыла наружный замок — и остолбенела: дверь, ведущая в кладовую, была распахнута настежь, а Колесник хорошо помнила, что вечером заперла ее на ключ. Сразу, почуяв недоброе, она позвала почтальона Александрову. Заглянув в кладовку, женщины увидели открытый сейф. Инкассаторской сумки с деньгами, приготовленными к отправке, не было. Вот, в сущности, и все. О происшествии Колесник немедленно сообщила участковому.

— А ведь наружная дверь почты была заперта, — сказал Сутиев и, как бы оправдываясь, добавил: — Правда, замок там нехитрый, ключ можно подобрать запросто, а тем более знающему человеку.

— Ладно, утром будем разбираться, — сказал Емельяненко. — Утро вечера мудренее.

...Утром Емельяненко допросил работников почты, долго беседовал с поселковым сторожем — единственным на все учреждения и торговые точки. Следователь Кагасов опрашивал жителей — не видали ли они накануне в поселке посторонних. Кроме того, Кагасов побывал и в геологической партии, и на рыбозаводе.

А тем временем эксперт Ниязов возился в кладовой, у сейфа. Понятые скучали, наблюдая, как взрослый, серьезный человек ползает на корточках возле металлического ящика, разглядывает в лупу брошенный возле сейфа костыль, которым рельсы приколачиваются к шпалам.

Потом он что-то чертил на листе бумаги, с полчаса писал протокол осмотра места происшествия. Наконец, кончил, откинулся на спинку стула и с видимым удовольствием закурил. К этому времени освободился и майор, закончив опрос очередного свидетеля.

— Можно делать обыск, товарищ майор, — сказал Ниязов и положил перед Емельяненко исписанные четким почерком листки. — Мне, кажется, все ясно.

Несколько минут майор читал, а потом, после недолгого размышления, сказал:

— Ну что ж, по-моему, логично. Звоните в район, берите у прокурора санкцию.

Колесник готовилась к празднику, подбеливала печь на кухне. Она встретила работников милиции недоумевающим взглядом, а когда ей показали ордер на обыск, засуетилась и, по-видимому, растерявшись, начала торопливо подбрасывать в печь уголь.

— Не торопитесь, — остановил ее Емельяненко. — Печь нам как раз и нужна... Кагасов, посмотрите...

Следователь принялся осторожно выгребать совком золу. Ниязов разглядывал только что побеленную стену.

— Вот она! — воскликнул следователь, показывая клочок обгоревшей ткани. — Вот сумочка! Держи, наука и техника, это по твоей части!

Эксперт взял тряпку, осторожно завернул ее в бумагу. Еще раз критически осмотрел непросохшую после побелки стену.

— А деньги, пожалуй, здесь... — Ниязов постучал согнутым пальцем по стене. — Этот кирпич замазан свежей глиной. Совсем недавно.

Он поддел кирпич топором, что стоял в углу. Кирпич легко поддался. Из тайника эксперт извлек несколько пачек — деньги.

Колесник как была в фартуке, забрызганном известью, так и опустилась на табуретку у окна.

Молодой участковый Сутиев молча наблюдал за действиями приезжих. События развивались так быстро, что у майора и двух его спутников не было времени объяснять Сутиеву ход следствия. Зато теперь лейтенант Кагасов повернулся к нему и сказал:

— Ну вот, товарищ участковый... Шли мы на «медвежатника», а вышли на «медвежатницу». Можем сегодня ночью чокнуться за удачу. Ведь Новый год нам вместе встречать, наш же поезд теперь только завтра...

Сутиев был рад, что все обошлось, был рад новым людям, которые сегодня окажутся за его праздничным столом, и не скрывал своей радости.

— Новый год мы, понятно, встретим, — откликнулся он. — Но все же... — Он вопросительно посмотрел на эксперта.

Ниязов перехватил его взгляд.

— Ты хочешь знать как? — сказал он. — Видишь ли, все дело в том, что у вашей начальницы почты перчатка заштопана на указательном пальце. Не улавливаешь связи?.. А след штопки отпечатался и на сейфе, и на костыле. Костыль она подбросила, чтобы симулировать взлом. Зачем же, подумал я, Колесник, имеющая свободный доступ к сейфу, открывает и закрывает его в перчатках? И еще — на сейфе и костыле остались ворсинки все от той же перчатки, коричневые... Так что на этот раз безмолвных свидетелей кражи оказалось больше чем достаточно.

— Я тоже могу кое-что добавить, — сказал лейтенант Кагасов. — Про безмолвных свидетелей. Деньги из сейфа исчезли, а пистолет, заряженный пистолет, остался лежать на месте. Какой же опытный «медвежатник», рецидивист, оставил бы его? Взял бы, конечно.

В их разговор вступил и майор Емельяненко.

— Многое говорило за то, — сказал он, — что мы имеем дело не с кражей, а с симуляцией кражи. В кладовке валялась единственная обгорелая спичка. О чем это говорит? О том, что вор хорошо знал помещение и обходился без света. Значит, орудовал кто-то из служащих почты.

Колесник неподвижно сидела на стуле у окна, сложив руки на коленях, и даже непонятно было, слышит она, о чем разговаривают сотрудники милиции, или не слышит.

Н. АХМЕТОВ, лейтенант милиции.

Алма-Атинская область.

К. Баялин, М. Пруслин,

В. Короленко КОНЕЦ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ

Окончен футбольный матч, опустели трибуны стадиона, но Александр Сапожников и Иван Хлопунов, заядлые болельщики, живо обсуждают перипетии только что окончившейся жаркой схватки двух известных команд. Да и торопиться им некуда, они не зависят от городского транспорта. На стоянке любителей футбола ждут собственные новенькие «Волги».

Каково же было удивление болельщиков, когда они не нашли на месте своих машин. Бросились с расспросами к стоявшим рядом водителям, прохожим, к постовому милиционеру. Ясности никто не внес. В дежурной комнате райотдела милиции от потерпевших приняли заявления и успокоили. Видимо, это проделки подростков, шалость озорников. Покатаются и бросят. Ведь краж автомашин в городе давно не было.

Но проходили дни, недели. Похищенные автомашины не находились, а в уголовный розыск Управления милиции МООП Казахской ССР начали поступать новые тревожные сигналы. В Чуйском районе похищена «Волга» геолога Сыроевой, со двора жилгородка биокомбината в Алма-Ате угнана машина служащего Саурпсана Мамутова, со стоянки таксомоторного парка по Красногвардейскому тракту исчез автомобиль колхозника Дараева. Похищались только частные машины. И только новые.

Перед следователем майором Д. П. Савченко поставили неотложную задачу: выяснить судьбы исчезнувших машин. Сколько раз майор перелистывал увесистый том уголовного дела, заполненный всевозможными справками, запросами и ответами. Не было никакого намека на то, кем совершались преступления.

«Что могли сделать воры с угнанными машинами? — размышлял Савченко. — Далеко угнать не могли — номера сообщены повсюду. Снять номерные знаки и перегонять машины без них? Это невозможно: задержит первый милиционер. Обменяться с кем-нибудь номерами? Бессмысленно: попались бы машины с разыскиваемыми номерами. Конечно, можно разобрать автомобиль и продать по частям, но эта операция явно невыгодная». Опытный следователь никак не мог решить этот головоломный кроссворд.

В поисках решения прошел еще один месяц. В неуточное время следователя вызвали в кабинет начальника.

— Доложите, майор, в какой стадии находится розыск машин?

Это был вопрос, на который нечего было ответить.

— Ищем сами, нам помогает, кажется, вся милиция Союза. Но пока никаких результатов...

— А известно ли вам, что сегодня среди бела дня в центре Алма-Аты владелец машины на пять минут оставил кабину, вышел за папиросами — и тоже остался без «Волги»?

Да, судя по одинаковым приемам угона машин, в городе орудует одна шайка. Орудует умело, не оставляя следов. И нет пока ни одного свидетеля, который мог бы даже приблизительно описать приметы преступников.

Прошел год непрерывных поисков и мучительных раздумий. И вот опять происшествие. Угнали еще одну «Волгу», но на этот раз несколько иным способом. Теперь в руках следователя оказалась зацепка. Хоть маленькая, но зацепка.

Дело было так. Вечером по тихой улице окраины Алма-Аты проезжала машина с литеррами, которые свидетельствовали, что она принадлежит частному владельцу. Когда машина поравнялась со стоявшей у тротуара голубой «Волгой», навстречу, будто появившись из-под земли, шагнул милиционер, повелительно взмахнул жезлом регулировщика.

— Ваши права! — обратился он к владельцу машины и с минуту изучал документ. — В порядке. А теперь я проверю тормоза. Выйдите-ка из машины...

Мнимый регулировщик включил сцепление, дал полный газ и... скрылся.

Ничего не понимая, владелец машины подбежал к водителю голубой «Волги», из-за которой только что появился милиционер. Но человек, сидевший за рулем, поспешно отвернулся в сторону, ничего не ответил и рванул машину вперед. Стало ясным, что «регулирующий» и водитель голубой «Волги» — сообщники.

Первый свидетель, первые приметы преступников. Следователь записал в свой блокнот: «Оба: и «регулирующий», и шофер голубой «Волги» — молодые, смуглые, горбоносые...»

А через некоторое время аналогичным способом угнали еще одну машину. Новый потерпевший запомнил приметы «регулировщика». Они полностью совпадали с теми, которые уже находились в деле.

Через несколько дней на автотрассе Алма-Ата — Фрунзе произошло новое происшествие. Всякий, кто проезжал через Курдайский перевал, помнит пустынный, безрадостный пейзаж. Только кое-где попадаются домики ремонтных рабочих.

В колхозе, находящемся недалеко от шоссе, только что закончили упаковку тюков с мериносовой шерстью. Чтобы не сорвать график заготовок, решили тотчас же отправить шерсть на заготовительный пункт, несмотря на то, что уже смеркалось. Шофер Шевченко, немного поколебавшись, согласился: «Поедем!» Дорогу до заготпункта он знает хорошо, освещение в машине исправно, тормоза в порядке.

Дорога шла в гору, тяжело груженная машина медленно двигалась вперед. Скоро поворот, а там — спуск. Но что это? Поперек дороги стоит голубая «Волга» с потушенными фарами. Когда грузовик с шерстью приблизился к ней вплотную, из «Волги» вышли двое в штатском. Один с жезлом регулировщика.

— Стоп! Милиция, — сказал он и показал красную книжечку удостоверения. — Предъявите права и накладные на груз.

Когда документы были проверены, человек, остановивший машину, обратился к своему спутнику:

— Товарищ полковник! Подозрения подтверждаются. Вот посмотрите на эту печать... И подпись не та.

— Что будем делать, майор?

— Отвезем груз в Алма-Ату, там в управлении разберемся.

«Полковник» и «майор» сели в машину рядом с шофером и приказали тому ехать в город.

— Зачем? — запротестовал шофер. — Если накладные действительно не в порядке, надо возвращаться в колхоз и там выяснять недоразумение.

Внимания этому протесту не придали, шофер подчинился. Но он чуял что-то недоброе... В зеркало он видел, что сзади неотступно идет голубая «Волга» и почему-то не зажигает свет...

В дороге подозрения усилились. Поглядывая искоса на соседей по кабине, Шевченко видел, что для полковника и майора эти «работники милиции» слишком уж молоды. В свою речь они часто вставляют непонятные слова, посмеиваются. Нет, они не те, за кого себя выдают... Милиция так не поступает.

Решение пришло сразу. Проезжая мимо домика ремонтного рабочего, шофер незаметно крутнул баранку, тяжело груженная машина наскочила на каменный столбик ограждения дороги. Авария!

Шевченко рывком открыл дверцу, выпрыгнул. Упал, приподнялся и побежал к дому ремонтников. Но далеко ему убежать не удалось. Сзади раздались выстрелы. Стреляли

очень метко — обе пули попали точно в цель. Шевченко упал. Мелькнула последняя мысль: «Машину им теперь не угнать!»

На выстрел из домика выбежали рабочие, увидели упавшего человека, бросились ему помогать. А «Волга» дала полный ход и скрылась в направлении Алма-Аты. Один из рабочих успел запомнить две первые цифры номера этой машины: ШД 52-...

В кабинете заместителя начальника управления милиции полковника Рылова разговор был коротким. Перед опергруппой поставлена задача: немедленно выехать на место происшествия и тщательно разобраться во всем. И еще затемно из Алма-Аты на Курдай выехала машина с оперативниками.

Из опроса очевидцев стало известно, что в нападении на водителя Шевченко участвовало четверо мужчин, вооруженных пистолетом.

В поисках стреляных гильз оперативники перевернули все камни, прочесали придорожный кустарник, траву и наконец с трудом нашли три гильзы от пистолета иностранной марки.

К розыску преступников приступили тотчас же после возвращения в Алма-Ату. Среди многочисленных версий, разработанных следователями Копелиовичем и Морозовым совместно с сотрудниками угрозыска Журавлевым, Савченко и Бахаревым, было выдвинуто предположение о связи разбойного нападения с хищениями автомашин в Алма-Ате. Были подняты и вновь изучены уголовные дела по этим происшествиям, тщательно проанализированы сообщения госавтоинспекции и дорнадзора, предприняты энергичные меры к выявлению голубой «Волги» по двум запомнившимся цифрам — 52.

Искали не только голубые, но и синие машины, номера которых начинались этим числом. Владельцы их легко устанавливали алиби: они не были в это время на Курдайском перевале.

Но вот наконец и другая зацепка...

Владелец «Волги» голубого цвета с номерным знаком ШД 52-84, некий Хором Гаев, отбывает наказание в местах лишения свободы, а машиной его временно пользуется его приятель — Имран Гучигов. Этот человек, обремененный большой семьей, живет явно не по средствам. В его квартире часто устраиваются попойки; топот ног, отплясывающих лезгинку, не дает соседям спать по ночам. В доме — полная чаша, а во дворе гараж и собственный газик. За хозяином установилась репутация заядлого рыбака и охотника, его часто по неделям не бывало дома.

Удалось с полной достоверностью узнать, что в день нападения на водителя Шевченко Гучигов выезжал из города — но не на своем газике, а на голубой «Волге», и возвратился поздно ночью. Все это укрепило предположение работников следствия о причастности Гучигова к разбойному нападению на Курдайском перевале, тем более что приметы, названные очевидцами преступления, и внешность подозреваемого совпадали. Однако обыск и задержание Гучигова было решено временно отложить. Мало задержать только его, нужны были и имена тех, кто вместе с ним шел по дороге грабежей и налетов, выявить и обезвредить всю банду.

...Снова Центральный стадион в Алма-Ате. Трибуны переполнены, а болельщики все прибывают. Вот к стоянке у стадиона лихо подкатывает знакомая уже милиции голубая «Волга», из нее шумно выходят Имран Гучигов и его ближайшие дружки Горш Исраилов,

Ахметхон Гушаев, Ахьят Идигов. Они не спешат туда, где уже раздаются первые аплодисменты и возгласы любителей футбола. Настороженно, молча они обходят выстроившиеся длинной шеренгой машины.

Вот компания облюбовала соблазнительно сверкающую свежей краской новенькую «Волгу». Отмычкой открывают дверь, но угонять не торопятся. Действуют осторожно. Оставив территорию стадиона, похитители автомобилей отправляются в рощу за городом и устраивают там пирушку, которая длится долго, почти до полуночи. Но теперь за любителями чужих автомобилей ведется неотступное наблюдение. Только что подгулявшие молодчики отправились восвояси, а руководивший операцией майор Дмитрий Савченко уже проводил тщательный осмотр рощи — постоянного пристанища компании Гучигова. Брошенные бутылки и консервные банки, обрывки газеты... Большая, заваленная жухлой травой и валежником яма. Майор терпеливо разрывает ветки, прелые листья и натывается вдруг на лоснящийся от росы гладкий металл... В яме покоится автомобиль. Один из тех, что был остановлен на алма-атинской улице таинственным регулировщиком. Это была первая важная находка за долгие месяцы поисков.

Во время криминалистической обработки найденной машины на осветительном плафоне кабины обнаружили четкие отпечатки пальцев и изучили их. Следы рук на стекле оставил Гучигов, это был непреложный факт, ведь Гучигова и раньше задерживали, он не раз оставлял оттиски своих пальцев на дактилоскопических картах.

Улики были налицо, оставалось завершить операцию. К утру следующего дня банда Гучигова была задержана, но следствие по делу только начиналось...

Внезапность и быстрота операции дали свои результаты. У преступников нашли и изъяли огнестрельное оружие, патроны, милицейское снаряжение, жезл регулировщика уличного движения, крупные суммы денег. Криминалистическая экспертиза установила, что найденные на Курдайском перевале гильзы были выстрелены из пистолета, изъятого у студента Жалмирзы Худиева. Преступники пытались отрицать вину, пришлось прибегнуть к очной ставке.

— С кем будет очная ставка? — насмешливо спросил Идигов. — Не с убитым ли шофером?

В кабинет следователя пригласили понятых, затем люди в белых халатах внесли человека с забинтованной головой. Видны были только глаза.

— Товарищ Шевченко, — обратился к раненому следователь, — можете ли вы узнать кого-нибудь из присутствующих?

Лежавший на носилках шофер, чудом вырвавшийся из лап смерти, обвел всех глазами и остановил свой взгляд на Ахьяте Идигове.

— Вот этот!

Раненый узнал в Идигове «майора», проверявшего у него накладные на Курдайском перевале. Неожиданная встреча с выходцем с того света и другие улики заставили преступника сознаться.

— Что было, то было, но чужую вину на себя брать не хочу. Стрелял не я. Пистолет был у «полковника».

«Полковником» оказался Жалмирза Худиев. Чтобы набить себе руку, он часто упражнялся в стрельбе по мишеням, выезжал за город. Изучая маршруты этих частых поездок, работники милиции нашли еще одну угнанную раньше машину. Она тоже была умело замаскирована в лесочке ветками и скошенной травой.

Преступление раскрыто, и можно, как говорится, свертывать дело. Но не по легкому пути шли следователи. Нужно было найти все похищенные автомашины, изучить прошлое участников банды, исследовать их преступные связи. Следователю Александру Морозову и сотруднику уголовного розыска Валерию Бахареву предстояло отработать версию сбыта похищенных автомашин с замененными номерными знаками, до конца вскрыть преступления этой банды и всех ее явных и скрытых, прямых и косвенных сообщников.

Изучая переписку с работниками госавтоинспекций других республик, следователь обратил внимание на сообщение из Самарканда. Появившаяся там алма-атинская «Волга», управляемая жителем столицы Казахстана Тарко Идиговым, столкнулась с машиной местной скорой помощи. Провести проверку в Алма-Ате — дело несложное. Но в тот же день на стол следователя ложится справка. Оказалось, что машина с таким номером, по данным госавтоинспекции, в Алма-Ате не значится.

Морозов и Бахарев вылетают в Узбекистан и тщательно изучают обстоятельства аварии, «Волгу» Тарко Идигова, а металлическую пластинку с загадочным номером и технический паспорт направляют на экспертизу. Исследование обнаружило, что технический паспорт и номерные знаки умело подделаны.

Нитка, за которую потянули работники милиции, оказалась прочной. Был, наконец, распутан весь клубок преступлений. Подделав технические паспорта и заменив государственные знаки, преступники угоняли похищенные машины в Узбекскую, Туркменскую и другие соседние республики и там сбывали по спекулятивным ценам с соблюдением всех правил «купли-продажи». В Ташкенте, Фергане, Самарканде, Катта-Кургане и других городах были найдены все похищенные «Волги». Их вернули законным владельцам.

Тарко Идигов, выходец из Чечено-Ингушетии, шофер по профессии, оказался неподатливым собеседником. Давать показания следователю он наотрез отказался. А ведь он был активным участником банды и ревностным исполнителем преступных замыслов ее руководителей. Это он, Тарко Идигов, занимался угоном чужих автомашин и выходил на тропу разбоя с оружием в руках в форме работника милиции. Разобравшись в его «деятельности», можно было докопаться до корней банды.

Свидетели рассказали, что частым гостем в доме Тарко Идигова был некто Виктор, мужчина средних лет с обходительными манерами. Установили личность этого человека, Виктора Михайловича Бахтина, по кличке «Коммерсант», который раньше уже два раза отбывал заключение за крупные мошенничества. И через день он уже сидел перед следователем.

Фальшивый технический паспорт похищенной «Волги» подвергли графической экспертизе, которая дала недвусмысленное заключение. Фальшивка исполнена рукой Бахтина.

Обстановку Виктор Бахтин оценил быстро и достаточно трезво. Ему, юристу по образованию, было хорошо известно, что в силу статьи 35 Уголовного кодекса Казахской ССР к числу обстоятельств, смягчающих ответственность за совершенное преступление,

относится чистосердечное раскаяние. Начался откровенный разговор следователя с обвиняемым.

Бахтин подробно рассказал об организации преступной группы, рассказал о том, какая роль отводилась каждому из ее участников. Узнали работники милиции фамилию человека, снабдившего бандитов трофейными пистолетами. Это был некто Халяпин, проживающий во Фрунзе. Его нашли и тоже задержали.

Охарактеризовал Бахтин и свою неприглядную роль в банде Гучигова. Он сам не похищал автомобилей, не выходил на дорогу с пистолетом. Но творил не менее грязные дела: фабриковал фальшивки, фиктивные договора купли-продажи, распределял наживу. О многом знал и поведал этот отщепенец. Недоумевал он только в одном: кто его выдал? Как он, матерый жулик, мог опростоволоситься? Уж не Сенька ли одессит?

И вот в деле появляется новое имя: Семен Семенович Бромберг. Много любопытного узнали о нем работники милиции, а узнав многое и напав на след, не могли, не имели права остановиться на половине пути, не пройти по следу до конца.

Раньше он, Бромберг, специализировался на спекуляции и неплохо преуспевал в этом деле. У него имелась постоянная клиентура, поставщики, в карман преступника перепадали немалые куши. Потом был суд, длительная мера наказания. Отбытый срок в местах, не столь отдаленных, не пошел комбинатору впрок. Освободившись, он взялся за старое.

Торговые дела свели в Ташкенте Бромберга с Виктором Бахтиным, услугами которого он пользовался для изготовления той или иной фальшивки. Часто дельцы вместе ломали голову над очередной комбинацией.

Однажды на окраине старого Ташкента Бромберг в молчаливом подслеповатом старике наметанным глазом угадал перекупщика краденного и вместе с Бахтиным установил за ним слежку. След привел самодельных сыщиков в Ташкентский аэропорт, а затем и во Фрунзе.

Дальнейшие события разворачивались как в американском боевике. Ворвавшись в квартиру перекупщика, Бромберг и Бахтин выдают себя за сотрудников милиции, производят «обыск» и реквизируют скупленные ценные вещи. Пожурив напуганного мошенника, Бромберг проявляет великодушие и назначает взятку: две тысячи рублей.

Проходит немного времени и «бизнесмены» осуществляют еще одну, не менее успешную комбинацию, но теперь уже в Алма-Ате. Опытный жулик, знающий толк в темных делах, Бромберг как-то в автобусе приметил пассажира с объемистым мешком и точно определил в нем крупного спекулянта со своим «товаром». Бромберг объявляет себя майором Липовичем и для убедительности потрясает красной обложечкой удостоверения добровольного пожарного общества. Виктора Бахтина выдает за капитана милиции. Не подозревая подвоха, владелец мешка высаживается из автобуса и тут же расстается с солидным грузом дефицитных товаров. Приказав «задержанному» не уходить и ждать прихода милицеской машины, мошенники завернули за угол ближайшего дома. Нетрудно догадаться, что в то же мгновение неудачливый спекулянт тоже был таков.

В радужном настроении жулики самолетом отправились в Ташкент сбывать отобранный товар, а бывший хозяин мешка Хасан Магомедов рейсовым автобусом возвратился во Фрунзе, тоже довольный собою, вспоминая, как ловко обманул он майора милиции.

Так, выдавая себя за работников милиции, Бромберг и Бахтин обманывали спекулянтов и мошенников, преступников, опасных не менее, чем они сами.

Имея эти сведения, на розыски Бромберга отправляется следователь подполковник милиции Александр Морозов. Следы, взятые оперативниками на Курдайском перевале, привели его в Одессу. По некоторым сведениям, разыскиваемый живет там. Быть может, он и до сих пор творит нечистые дела.

Найти Бромберга в большой и шумной Одессе оказалось совсем несложным делом. Неистощимого на шутку и остроумный анекдот парикмахера Семена Бромберга знает вся Молдаванка. Он не только искусно сделает модную прическу, виртуозно побреет. У него есть и общественная работа: Семен — активный распространитель книг. В его салоне, на столике, новые книги, свежие журналы, красивые открытки. На любой вкус. А сам Бромберг может посоветовать клиенту увлекательную повесть, новейший перевод, стихи молодого, талантливого поэта. И конечно он мастер своего дела.

— К вашему лицу подойдет «канадка». Эта прическа в моде на Дерибасовской, — сказал мастер Морозову, следователю из Казахстана, последнему клиенту в салоне.

Подполковник Морозов, зная прошлое Бромберга, тщательно готовился к допросу и меньше всего рассчитывал на откровенность. Но Бромберг огорошил следователя.

— Я не буду терять времени, товарищ следователь, — сказал он. — Одесса — деловой город. Скажите, что вы знаете, а Семен Бромберг ответит — так или нет...

Следователь знал немного. И Бромберг, с присущим одесситам юмором, заговорил.

— Раньше была не жизнь. Теперь Бромберг не тот, совсем другой Бромберг. У кого самая лучшая жена, самый умный сын в Одессе? Конечно, у Бромберга. Кто хочет ночью спокойно спать и честно трудиться в Одессе, на Молдаванке? Опять же он, парикмахер Бромберг. А поэтому он рассказывает обо всем. Честно.

Похождения «майора милиции» Липовича в показаниях Семена Бромберга заняли не одну страницу в протоколе допроса. Раскаяние Бромберга было искренним. Это действительно был человек, окончательно решивший порвать со своим преступным прошлым. Бромберг сообщил многое, что помогло следствию с корнем вырвать и обрубить все щупальца преступной банды.

* * *

Заведующий складом Алма-Атинской трикотажной фабрики Михаил Яковлевич Павлюков пережил не одну ревизию и был вне подозрений. На предприятии за ним установилась репутация рачительного хозяина, знающего цену государственной копейке. Павлюков умело маскировался, слыл активистом.

На самом же деле Михаил Яковлевич был человеком с двойным лицом. За счет увеличения влажности трикотажа и других комбинаций он ухитрялся создавать излишки, которые легко сбывал через перекупщиков. И то, чего не знала администрация и общественность фабрики, было известно Бромбергу и его сподвижнику по аферам Бахтину.

Улучив момент, когда на квартире Павлюка наберется побольше денег от реализации похищенного трикотажа, Бромберг и Бахтин, выдавая себя за работников милиции,

нагрянули с обыском. Удостоверение личности на имя «майора милиции» Липовича и постановление на производство обыска, санкционированное «прокурором», за надлежащими подписями были изготовлены Виктором Бахтиным с большим прилежанием.

Соблюдая «нормы» Уголовно-процессуального кодекса, «майор» Липович распорядился пригласить в качестве понятых двух старушек из соседнего дома и приступил к делу.

«Обыск», как и следовало ожидать, дал положительные результаты. В доме Павлюкова хранилось большое количество похищенного трикотажа и крупная сумма денег. Как отмечено в протоколе, трикотаж и наличные деньги были изъяты для приобщения к «следственному делу» в качестве вещественных доказательств.

Отобрав от вконец упавшего духом расхитителя подписку о невыезде и предупредив о последствиях нарушения данной подписки, мошенники отбыли и с той же целью отправились делать квартирный обыск у второго соучастника хищения — экспедитора той же фабрики Владимира Ивановича Барскова. И там их ждала удача.

Обходительные манеры «майора милиции» Липовича так понравились Владимиру Ивановичу, что на следующее утро он первым оказался у окошка сберегательной кассы и снятую со вклада одну тысячу рублей в виде взятки вручил полюбившемуся ему «майору».

На следствии Михаил Яковлевич и Владимир Иванович пробовали отпираться, но, увидев в кабинете следователя живого «майора» Липовича, вынуждены были сознаться в совершенном хищении и в даче взятки «представителю власти».

* * *

Окончено уголовное дело. Перед Верховным Судом Казахской Советской Социалистической Республики предстали все участники гнусной волчьей стаи Имрана Гучигова: матерый жулик Виктор Бахтин, продавец оружия Владимир Халяпин, расхитители народного добра Михаил Павлюков и Владимир Барсков. Отвечал за крупные проделки и Семен Бромберг.

Суд вынес строгий и справедливый приговор. К длительным срокам лишения свободы с конфискацией имущества приговорены те, кто с оружием в руках посягал на жизнь и здоровье советских людей, обворовывал предприятия, содействовал преступникам.

Справедливы наши законы. И свидетельством тому — приговор, вынесенный Семену Бромбергу. Он осознал всю тяжесть своих проступков, раскаялся в них, чистосердечно рассказал о своем прошлом, с которым распрощался навсегда. Он нашел свое призвание, видит радость в честном труде. Суд учел все это и счел возможным ограничиться условной мерой наказания.

Если вам, читатель, случится побывать в Одессе, зайдите в парикмахерскую на Молдаванке. Семен Бромберг сделает вам отличную прическу.

К. БАЯЛИН, полковник милиции,

М. ПРУСЛИН, подполковник,

В. КОРОЛЕНКО.

г. Алма-Ата.

Х. Султангалиев, И. Антипов

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

История, которую мы собираемся рассказать, подлинная. Временами рассказ будет сбиваться в сторону от основных событий, идти окольными путями. Но ведь так зачастую и случается, когда расследуется сложное, запутанное преступление...

* * *

Капитан Балтенов ранним августовским утром вышел из дежурки на перрон. На запасных путях гулко стучались буферами вагоны. Динамики, установленные на столбах, разнесли голос диспетчера, вызывавшего бригадира грузчиков. В общем, станция Целиноград жила обычной жизнью.

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Чтобы размять затекшие ноги, Балтенов прошелся по перрону. Вернулся к дежурке — и сразу заторопился в комнату. Там надрылся телефон.

— Дежурный капитан Балтенов слушает...

Чей-то взволнованный голос сообщал: в полувагоне сборного состава обнаружен труп мужчины.

Капитан положил трубку и тут же поднял ее, чтобы позвонить домой начальнику линейного отдела милиции подполковнику Свиридову.

Не прошло и получаса, как оперативная группа уже прибыла на место происшествия. Убитый лежал, неестественно запрокинув голову. Его ноги в носках безжизненно висели, чуть касаясь пола. Черные туфли, не очень новые, валялись рядом. Кто-то из работников уголовного розыска проверил карманы брюк, надеясь найти документы. Но документов не оказалось.

И, как всегда в таких случаях, сразу возникли вопросы, вопросы. Кто он, убитый? Ехал ли в этом вагоне или забрался сюда переночевать? Возможно, бандиты напали на него где-то неподалеку, а потом затащили сюда в надежде, что состав отправится и труп будет обнаружен очень нескоро и очень далеко от Целинограда...

Первое слово было за экспертом: с момента наступления смерти, установил он, прошло не более двенадцати часов. Капитан Балтенов тотчас отправился к дежурному по станции за графиком движения поездов.

Сборный, который интересовал капитана, прибыл накануне со стороны Кокчетавы вечером в 17 часов 25 минут. Стало быть, преступление совершено здесь, на станции Целиноград. Человеку нанесено несколько ножевых ударов. Эксперты пришли к выводу, что нож был тупоконечный.

Когда осмотр подходил к концу, к оперативникам подошел средних лет мужчина, поискал глазами старшего.

— Не помешаю? — обратился он к подполковнику Свиридову.

Его рассказ заслуживал внимания. Вчера вечером он проходил неподалеку от этого места. Трое каких-то парней, видать выпивших, драку затевали. Правда, они вскоре же угомонились. А что дальше было — не видел... Но все это, на его взгляд, подозрительно.

Свиридов повернулся к Балтенову, но капитан только пожал плечами: вечером в его дежурство приводов не было и ни одной драки не зарегистрировано. Тем не менее Балтенов пошел в ресторан. Там, как он выяснил, действительно сидели довольно долго трое молодых рабочих. Изрядно подвыпив, они вышли на улицу и стали баловаться, поддавая плечом друг друга. Потом их видели на путях, метрах в трехстах от этого полувагона, где найден труп.

Вопросов возникало множество, вопросов, на которые пока никто из них не был в состоянии ответить. И уже не только старший оперуполномоченный уголовного розыска Шракбек Балтенов занимался этим делом. К нему подключились и другие работники.

В этот же день в кабинет следователя Евгения Гладнева постучалась стрелочница Екатерина Антонова. Вот что рассказала она.

Вчера, — а в который час, запомывала, — прямо к ней на пост приходил парень лет двадцати двух. Одет в белую рубашку и черные брюки. Спросил, когда придет поезд со строителями с Украины.

Стрелочница посоветовала ему: обратитесь, мол, к диспетчеру, он ведает графиком.

Гладнев достал из ящика туфли, которые были взяты в полувагоне, рядом с трупом. Черные туфли.

— Вроде те самые, — неуверенно сказала Антонова.

Правда, это трудно было считать доказательством: мало ли на свете остроносых черных туфель. Зато в городском морге стрелочница расплакалась:

— Он это! Он, тот самый парнишка. Подумать, как изувечили, сволочи!

Показания Антоновой давали им в руки новую нить, совсем тоненькую, но все же лучше, чем ничего. Значит, парень — местный. Оперативники ходили на предприятия, в учреждения. Интересовались — не пропал ли где человек?

Почти всюду им отвечали отрицательно. Но труд был затрачен не зря. В линейный отдел милиции стали поступать сведения. Некоторые из них были противоречивыми, некоторые и вовсе не шли к делу. Но все же иные заслуживали внимания, заставляли задуматься.

Оказалось, что вечером, то есть накануне того дня, когда было совершено убийство, на пост к другой стрелочнице — к Антонине Прониной заходили двое молодых мужчин. Одному за тридцать, второму — чуть больше двадцати. Они спрашивали какую-то Нину.

— У нас Нин ой как много, дорогие мои! — ответила им Пронина. А когда ребята скрылись за вагонами, подсадовала: что ж не узнала, где работает эта Нина. Эх, всегда так — бываешь крепок задним умом...

Приметы мужчин стрелочница хорошо запомнила. Старший назвался Николаем, другой, видать, постеснялся назвать свое имя. Живут якобы в вагонах Новосибирского строительного-монтажного поезда.

Стрелочница Пронина сперва отказывалась — боится она мертвецов, но потом все же согласилась пойти на опознание.

— Погодите! Да это же... это — меньшей из тех, что подходил ко мне с тем Николаем. Ах ты бедняжка! И надо же такому горю случиться!

Значит, надо искать Николая! Его ведь тоже хорошо запомнила Пронина. И ощущение близкой удачи охватило оперативных работников, которые теперь просили стрелочницу помочь им найти того, кто назывался товарищем убитого.

В коллективе строительного-монтажного поезда имя Николай оказалось весьма распространенным.

— Знаете, вот такой, коренастый, симпатичный, — поясняла стрелочница, разводя руками.

Проверили в отделе кадров. Просмотрели множество фотографий, незаметно показывали женщине рабочих, а нужного человека все не было. Не тот, не он — твердила Пронина.

В конце-концов Николай был найден. Правда, им оказался рабочий Аркадий Тупицын. Стрелочница, встретившись с ним, рассердилась:

— И что за интерес такой — под чужим именем с людьми знакомиться?..

Живым и невредимым оказался и товарищ Аркадия — Константин, который вместе с ним подходил к стрелочнице в поисках знакомой девушки.

— Тогда извиняйте, — сказала Пронина, уходя из милиции. — Стало быть, обозналась.

Им пришлось бы «начинать с нуля», если бы Балтенов, Гладнев и другие работники, подключенные к делу об убийстве, ограничились только отработкой этой версии, только поисками «Николая». Но они не сидели сложа руки. Фотография убитого побывала в окрестных колхозах и совхозах. Розыск велся и по другим городам. С каждым днем увеличивалось число помощников.

Вскоре из Новосибирска пришло письмо, и там фотография молодого человека. Сходство было поразительное. Пропавший без вести Александров в точности походил на того, кто был найден в полувагоне на запасных путях. Некоторое сомнение вызывало то обстоятельство, что этот Александров разыскивался на протяжении целого года.

Запросили еще раз. Новосибирск сообщил дополнительные приметы. Оказывается, на левой руке у Александрова Бориса Михайловича нет двух пальцев, а на нижней челюсти — несколько вставных металлических зубов.

И вот подняты акты экспертизы, заключения врачей. В протоколе осмотра записано, что на левой руке у него все пять пальцев. А вот о зубах нет ни слова.

Следствие не терпит никаких недомолвок, неточностей. Решено произвести эксгумацию. При повторном осмотре выяснено, что зубы у погибшего все целы, и пальцы — тоже.

Значит, чистая случайность — внешнее сходство этих людей, случайность, которая возвращает их в то утро, когда они стояли в полувагоне, разглядывая труп неизвестного мужчины. Александров из Новосибирска — совершенно другой человек. А кто же этот? Кто его убил?..

* * *

Работа линейного отдела в Целинограде в то время не ограничивалась, понятно, одним только этим делом. Были и другие дела и заботы, и, собираясь в кабинете подполковника Василия Афанасьевича Свиридова, его заместитель подполковник Павлов, старший уполномоченный уголовного розыска капитан Балтенков, начальник ОБХСС майор Крапивко часто обращались к другим нераскрытым делам, которые числились за отделом.

Ход следствия в представлении людей, мало знакомых с работой милиции, — это неожиданные погони, выстрелы, схватки... Без этого не обходится. Но прежде чем гнаться за преступником, надо выяснить, кто он!

Что приходило на память в связи с делом об убийстве?

Почти два года назад целиноградский житель, по фамилии Цыпин, припоздал, возвращаясь с работы. Его путь домой лежал через станцию, через железнодорожные тупики. Он всегда ходил этим путем, но на этот раз двое мужчин внезапно преградили ему дорогу. И раздался негромкий угрожающий голос:

— Ни звука, мужик!

Цыпин метнулся назад, но они его настигли, свалили с ног, ударили в спину ножом — раз, и два, и три...

В сознание он пришел на больничной койке. Вспомнил, что бандиты были, кажется, кавказской национальности. Но твердо ручаться за свои показания не мог. Было темно, нетрудно и ошибиться...

Той же зимой в линейный отдел милиции в одном белье прибежал пассажир Нефагин. Представившись дежурному, он устало опустился на стул.

— Помогите, товарищи! Ограбили, чуть не убили, паразиты!

А произошло это вот так.

Было воскресенье. Поезд уходил на другой день, утром. В гостиницу он не сумел устроиться и решил прикорнуть на вокзале.

Еще только вечерело, и Нефагин вышел на улицу. Подошли двое — веселые, словоохотливые парни. Закурили, разговорились.

— Ну, как Целиноград, нравится? — спросил высокий.

— Да, нравятся. Здорово здесь все развернулось.

— Верно говорите, товарищ. Вот и нам здесь тоже понравилось.

Нефагин посмотрел на собеседника. Высокий, широкоплечий. У него красивое цыганское лицо. Другой был низкого роста, щуплый, тоже на цыгана похож. В общем-то, видать, ребята, неплохие. И разговор как-то сам по себе завязался.

— Видно, вам с вокзала некуда податься? Проездом?.. Может, у нас переночуете? Не стесните. Отдохнем, возьмем «полмитрия», потолкуем...

В другой бы раз Нефагин отказался, но уж больно непривлекательной казалась перспектива провести ночь в уютном и неприветливом зале ожидания.

— Ну что ж, пойдёмте, — согласился он.

Они миновали привокзальные постройки. Дальше начинались железнодорожные тупики. Кругом ни души. Высокий замешкался, нагнулся и выхватил из голенища нож. Нефагин испуганно вскрикнул.

— Молчи!

Нефагин упал от сильного удара в грудь. В голове шумело. Бандиты принялись обшаривать его карманы, сняли пиджак, шапку, пальто и спортивный костюм. А когда их шаги затихли где-то в ночной темени, Нефагин поднялся, ощупал грудь. Под рубашкой было что-то липкое, в правом боку сильно ныло. Осмотрелся по сторонам и пошел в милицию...

И в-третьих, известно было, что год назад на том же месте двое неизвестных пытались изнасиловать двух девушек. Им помешали случайно проходившие неподалеку рабочие депо. Но, к сожалению, задержать никого из преступников не удалось.

Тогда в милиции девушки сообщили приметы:

— Да, это парни нерусской национальности. Один высокий, черный, на цыгана похож...

К сожалению, все эти преступления раскрыть не удалось. Только ясно было, что это, скорей всего, орудуют одни и те же.

Розыски продолжались.

* * *

Капитан Шракбек Балтенов, отрываясь от других дел, продолжал заниматься и делом об убийстве. Он вновь и вновь листал увесистый том, в котором пока содержались одни только вопросы... Вновь были подняты протоколы осмотра места происшествия, акты судебно-медицинской экспертизы. И вот капитан обратил внимание на одну деталь. В акте эксперта записано, что убийство совершено тупоконечным ножом. В этой связи вспомнилось происшествие с Нефагиным. Преступники нанесли ему удар, однако нож, пройдя одежду, лишь коснулся груди. Рана оказалась незначительной. Это еще раз подтверждало версию, что на станции орудуют одни и те же грабители.

Докладывая как-то начальнику линейного отдела о ходе розыска, капитан Балтенов поделился возникшим у него новым подозрением. Неподалеку от станции живет женщина. Ее фамилия Колчина. Она работает сторожем в аэропорту. Есть у нее семнадцатилетний сын — токарь на вагоноремонтном заводе.

Колчины — мать и сын — вроде бы не замечены в неблаговидных поступках. Но вот их частые гости ведут себя странно. Двое каких-то мужчин бывают на квартире у Колчиной, устраивают попойки.

— Надо немедленно проверить, — приказал подполковник Свиридов, выслушав капитана. — Обратите внимание на прописку в паспортах, спросите, чем занимаются эти люди.

Не теряя времени, майор Павлов, заместитель Свиридова, и капитан Балтенов направились к Колчиной. Она встретила их в коридоре, у дверей своей квартиры, и встретила довольно неприветливо.

— На работу спешу. В другой раз придется повидаться, — небрежно бросила Колчина, дважды поворачивая ключ в замочной скважине.

— Не беспокойтесь, — сказал Балтенов. — На работу мы сообщим, что это мы вас задержали. Причина уважительная. — И он предъявил Колчиной ордер на обыск. А майор Павлов тем временем подбирал понятых.

— Что вам от меня нужно? — закричала Колчина. — Жаловаться буду!

Кто-то из собравшихся в коридоре соседей посоветовал:

— Зря кричишь, Осиповна. У них служба такая.

— А чего — служба? Чего у меня искать? — Колчина, немного успокоившись, открыла квартиру.

В комнате, за столом, молча сидели двое мужчин. Пустые бутылки свидетельствовали о попойке. А ворох окурков — о том, что компания собралась уже давно.

Сердце у Балтенова чуть дрогнуло в предчувствии удачи. Но он тут же остановил себя. Слишком часто бывало — вот-вот, казалось, наступит развязка, и каждый раз оставались ни с чем.

При виде людей в милицейской форме, парни почувствовали себя явно неудобно. Хозяйка попыталась отвлечь от них внимание. Она опять стала скандалить, закатила истерику.

— Я женщина одинокая! — выкрикивала Колчина. — Кому какое дело до моих гостей? Я жаловаться буду! Я в Москву напишу!

На что она рассчитывала? Возможно, думала — сотрудники милиции не захотят связываться со скандальной бабой, махнут рукой и уйдут.

Ей дали выкричаться. И начался обыск. В это время к капитану Балтенову подошел один из парней и, дыхнув густым водочным перегаром, сказал:

— Оставьте нас в покое, капитан. Здесь честные люди.

Теперь, когда он стоял, а не сидел за столом, Балтенов отметил про себя: рост — выше среднего, волосы — густые, черные, под сросшимися бровями — нагловатые глаза. Красивое цыганское лицо лоснилось от пота. Можно ли его с первого взгляда принять за кавказца? Пожалуй, можно.

Подошел его собутыльник, щуплый, взъерошенный.

— Мы целинники. Отдохнуть приехали, а здесь милиция, — горячился он. — Безобразие!

Они оба «накачивали» себя. Пришлось вызвать дружинников, чтобы присматривали за Колчиной и ее гостями.

Обыск продолжался.

Балтенову попался поношенный пиджак, он подержал его, а перед глазами стоял лист из незакрытого дела с описанием вещей, похищенных у гражданина Нефагина, бывшего на станции Целиноград проездом.

Балтенов отложил пиджак в сторону. Попалась еще шапка-ушанка, спортивный костюм. Улики? Вещественные доказательства? Может быть — да, может быть — нет.

Майор Павлов молча показал Балтенову большой нож с тупым концом, который был обнаружен на кухонном столе. И снова они боялись поверить себе, что, быть может, в эту минуту заканчиваются сразу четыре дела с пометкой «нераскрытые преступления».

Так это или не так — покажет будущее. Сейчас ясно до конца только одно: братьев Курбановских — Бориса, старшего, и Григория — необходимо задержать. Задержать по подозрению в грабежах, попытке изнасилования и убийстве.

* * *

Но одно дело — подозрения, интуиция, догадки... И совсем другое — стройный ряд неопровержимых доказательств, которые ложатся в основу обвинительного заключения. Этот ряд еще предстояло выстроить. Ведь смешно было бы предполагать, что братья Курбановские сразу после ареста заговорят. Надо было проделать большую работу, чтобы картина преступления стала предельно ясной, независимо от того, захотят ли говорить Борис и Григорий, признают или не признают они свою вину.

Но теперь, по крайней мере, было с кем разговаривать...

На рабочем столе следователя Евгения Гладнева были разложены вещи, обнаруженные при обыске в квартире Колчиной — спортивный костюм, поношенный пиджак, шапка-ушанка. Борис Курбановский твердил одно и то же:

— Костюм в Казани купил, шапку второй год ношу... Не знаю, кого вы ищете, гражданин следователь, но только это не я.

Гладнев дал ему договорить. И спросил так, словно не слышал ни одного слова из всего сказанного старшим Курбановским:

— Чем в Целинограде занимаетесь?

Курбановский улыбнулся.

— На целину же приехал. Другие тут ордена зашибают, звездочки золотые. А я чем хуже? Я не хуже.

Гладнев пристально смотрел на него.

— Паясничать — это вам не поможет, Курбановский. И хватит валять дурака! Отвечайте: чем занимаетесь в Целинограде?

Курбановский перестал улыбаться, он покрутил чуб и сказал:

— А все очень просто, гражданин следователь! Работал в Казани. Не понравилось мне там. Подался в Целиноград. Сейчас работу себе и брату подыскиваю.

То же самое говорил и Григорий:

— А за что нас взяли — не пойму. Невезучий я, и Борька — невезучий. Приехали на целину, осматриваемся — а тут милиция... — И он недоуменно пожимал плечами.

Продолжительные беседы велись и с Колчиной. Она сидела напротив капитана Балтенова и, прикладывая платок к глазам, говорила:

— Зря вы меня таскаете... И Курбановских зря взяли. Сами потом увидите, что напраслину на них возводите. Ребята честные, самостоятельные. А уж Григорий — и вовсе тихий, застенчивый. С братом приходил, так я слова плохого от него не слышала. А вещи, что у них взяли, — так они же купили, на свои деньги.

Балтенов слушал, не перебивая. Пока еще надо было слушать, сопоставлять, додумывать, чтобы уже потом задавать неотразимые, бьющие прямо в цель вопросы. Но и с самого начала трудно было поверить в искренность Колчиной. Третьего дня она учинила скандал, не скупилась на оскорбления, угрожала... Зато теперь переменяла тактику и старалась представиться такой тихой, одинокой женщиной с неустроившейся судьбой; а если она и зналась с Борисом Курбановским, так что ж тут плохого. Парень как парень. Говоря о нем добрые слова, она тем самым в белом свете выставляла и себя. А может быть, и в самом деле ничего подозрительного за ним не замечала?.. Нет, не похоже... К тому же — нож. Нож с тупым концом, который фигурировал в каждом из этих дел.

В эти дни очень нужен был для следствия пострадавший от рук бандитов гражданин Нефагин. Однако найти его оказалось не так-то легко! В Целинограде его не было, по тому адресу в другом городе, который был указан в деле, он тоже не проживал. И прошло немало дней, прежде чем его разыскали и попросили приехать в Целиноград.

Он был удивлен вызовом и не скрывал своего удивления, когда переступил порог кабинета в Целиноградском линейном отделе милиции. Миновало уже больше двух лет с того дня, когда он сюда же пришел со своей бедой. Правда, милиция тогда не могла сказать ему ничего определенного, ничего утешительного, и он уехал из Целинограда, не дождавшись поимки грабителей.

— Я уж про это и думать забыл, — сказал Нефагин встретившему его подполковнику Свиридову.

— Мы тоже рады бы забыть, — усмехнулся подполковник. — Да вот беда: забывать не имеем права.

И он вкратце рассказал Нефагину о событиях последних недель.

Нет, и сейчас подполковник Свиридов не мог со стопроцентной уверенностью сказать Нефагину, что задержаны те самые, которые заставили его пережить несколько отчаянных минут в глухом железнодорожном тупике. Но есть основания их подозревать, вот потому-то, для ясности, и понадобилась его, Нефагина, помощь.

— Посмотрите, — предложил ему подполковник. — Посмотрите внимательно, не торопясь.

Нефагин одну за другой брал в руки предъявленные ему для опознания вещи. Он отошел к окну, чтобы рассмотреть их получше, чтобы не ошибиться...

Наконец он вернулся к столу. Подполковник Свиридов и все находившиеся в комнате ждали. Неужели и эта версия лопнет, как мыльный пузырь?

— Все мое, — сказал он. — И пиджак, и спортивный костюм. И шапка. — Он нахлобучил ее на голову. — Ну и дела. Как же это вам удалось?

— А самих грабителей... вы узнали бы или нет? — с надеждой в голосе спросил подполковник.

— Вот насчет этого не ручаюсь. Знаете, сумерки были, в темноте черты лица трудно в точности разглядеть. Помнится, нож у того был — большой, столовый.

— Взгляните вот на этот. — Капитан Балтенов положил перед Нефагиным нож, изъятый при обыске у Колчиной.

И снова Нефагин задумался.

— Этот?.. Вроде бы похож.

И снова взгляды всех присутствующих уперлись в него. Нефагин устало опустил на стул.

— Подождите, товарищи... Дайте припомнить как следует. Не так сразу...

* * *

Начиная очередной допрос, следователь Гладнев как ни в чем не бывало спросил Бориса Курбановского:

— Не надоело еще?

— А я жду, гражданин следователь, когда вам надоест трепать безвинного человека.

— Ох, Курбановский!.. Я бы вас давно уже отпустил. Но ведь неясностей много в вашем деле. Правда, постепенно их становится меньше.

Курбановский слушал с недоверчивой улыбкой. Он уже привык к этим разговорам и знал, что следователю в общем-то нечем подкрепить свои подозрения. А подозрение — еще не доказательство. Никакой суд не примет догадку, пусть самую правдоподобную, за установленный факт.

Спокойствие и уверенность Курбановского вызвали у Гладнева глухое раздражение, но до сегодняшнего дня следователь не имел возможности припереть его к стенке и заставить говорить правду, а не эти бесконечные «не был», «не знаю», «да не тот я, кого вы ищете».

— Так вот, есть новость, — продолжал Гладнев. — Не думаю, чтобы она вас обрадовала. Нашелся хозяин.

— Какой хозяин? — насторожился Курбановский.

— Хозяин тех вещей, про которые вы говорили, что это — ваши вещи. А он говорит — мои.

Курбановский исподлобья смотрел на него.

— Я ж не мальчик, гражданин следователь! А вы меня задешево хотите купить, «на пушку» меня берете. Я и на барахло, и на хлеб вот этими руками зарабатываю. — Он поднял с коленей узкие ладони и растопырил пальцы. — Работа меня кормит...

— Смотря что называть работой, — отозвался Гладнев. — А «на пушку» я вас не беру.

— Как же не берете?

— Понимаю, — охотно согласился Гладнев, поднялся из-за стола и открыл дверь. — Прошу, товарищи...

В кабинет вошел Нефагин, следом за ним — капитан Балтенев и еще двое работников станции, которых пригласили присутствовать при очной ставке.

— Тот?

Нефагин, не отвечая, разглядывал сидевшего на стуле Курбановского.

— А вы, Курбановский, знаете этого человека? — спросил Балтенев.

— Нет...

— Никогда его не видели?

— Не видел.

Гладнев прислушивался к разговору.

— Вы потеряли дар речи, Курбановский? — внезапно спросил он. — На всех допросах вы были такой словоохотливый. Скажите нам ясно и определенно: знаете ли вы этого человека?

— Не знаю.

Вытянуть из него что-нибудь поподробнее было невозможно. И когда Курбановского увели, Нефагин дополнил свой рассказ:

— Я бы не стал так смело утверждать, что это он, тот самый. Я же говорил: вышел из вокзала покурить уже в сумерках. Он и одет был по-другому. Но лицо-то мне все же

запомнилось. А главное — голос, этот акцент. Он это, точно. То-то он старался поменьше разговаривать в моем присутствии.

На следующий день в кабинете у Гладнева шел совсем иной разговор.

— Не зря свой хлеб едите, гражданин следователь. — сказал старший Курбановский. — Я на «казне» остановился, а вы «прикупили» очко в очко... Было дело... Знаю я этого фраера. Ну, и он, понятно, надолго меня запомнил. Как же ему меня забыть!

Но даже и такого прямого признания было недостаточно, чтобы считать окончательно установленным факт разбойного нападения. По требованию следователя Борис Курбановский около часа водил работников милиции по железнодорожным тупикам, восстанавливая путь, проделанный вместе с Нефагиным, когда они якобы вели его к себе ночевать. И место показал, где схватился за нож... Все в точности совпадало с показаниями потерпевшего, зафиксированными еще два года назад и подтвержденными теперь.

Григорий Курбановский попробовал еще запереться, но недолго. Очевидность фактов, которыми располагало следствие, заставила сознаться и его.

— Все верно, все так и было, — сказал Григорий. — Борис дóбре его стукнул, а я пиджак и спортивный костюм сымал...

* * *

Бывают такие дела: сколько над ними ни работай, а конца все равно не видно...

С Нефагиным вопрос был ясен.

Но ведь оставались девушки, которых двое неизвестных пытались изнасиловать. Оставался Цыпин, подвергшийся разбойному нападению.

Разыскивая Нефагина, целиноградские оперативники не забыли и про них.

Девушек разыскали. Они пришли в милицию и на очной ставке опознали братьев Курбановских.

— Они это! — возмущенно сказала одна из девушек. — Я бы их, подлецов, и сто лет спустя узнала! Тот, высокий, мне руки крутил.

— А этот, что рядом с ним, на меня набросился, — сказала вторая.

Нашелся и Цыпин.

— Они. Узнаю, — сказал он.

Курбановский-старший опять был вынужден сознаться:

— Да, было, — вздохнул он. — Чуть не убили человека. В тот раз Гришка погорячился: два раза сунул ему в спину ножом. Молодой...

— А что же вы раньше отпирались?

— Так ведь наше дело, гражданин следователь, — отпираться, а уж вы — ловите нас. А и то — пора закругляться. Будете в суд передавать наше дело?

— Поживем — увидим, — неопределенно сказал Гладнев, дал Курбановскому подписать протокол допроса и вызвал охрану.

По общему мнению, рано еще было расставаться с Борисом и Григорием Курбановскими. В трех случаях их виновность можно считать доказанной. А убийство? Убийство в полувагоне? О нем пока разговора с братьями не было. Все равно упрутся — не сдвинешь.

Но теперь, кажется, время для такого разговора настало. И выяснилось это во время одного из допросов Колчиной...

Курбановских она знает давно. Всякий раз, когда братья приезжали в Целиноград, они останавливались у нее на квартире. Поживут несколько дней, а потом уезжают. И не то что куда-то поблизости, а в другие города. Немного странно все это.

Она однажды удивилась, чего им не сидится на месте. Так Борис по-пьяному многозначительно намекнул:

— Характер у нас такой — не можем долго на одном месте. Но смотри, Осиповна, — никому про нас ни слова. А то худое может с тобой случиться...

Вскоре после этого, придя домой с работы, Колчина застала их пьяными. С ними была какая-то женщина. Григорий шутил с ней, размахивал ножом, бахвалился:

— Эх, ты бы, красавица, видела, как я в «телячьем» вагоне одного фраера пришел. А ты мне говоришь — мальчишка!

Колчина замешкалась у порога и перехватила Борькин взгляд: слышала или не слышала. Но она виду не подала — сразу начала шутить с ними, не отказалась от стопки. И поняла, что Борис решил — не слышала...

Колчина на допросе заверяла:

— Нет, ослышаться я никак не могла. Вы уж не сомневайтесь. А за мое вначале поведение — извините. Без мужа живу, трудно одной сына воспитывать.

Объяснение довольно странное, но сейчас дело было не в этом.

На другой день Борис Курбановский сидел перед Гладневым и яро опровергал показания Колчиной:

— Что было, гражданин следователь, я все признал. А чего не было — того не было. Зря клеите мне «мокрое» дело. Я в прошлом году весь август в Челябинске прожил. Как же я мог в Целинограде кого-то убить? Не верьте вы Колчиной... Баба... Зло имеет, вот и хочет оговорить!

— Дело тут не только в показаниях Колчиной, — сказал Гладнев. Действительно, августовское убийство очень напоминало повадки Курбановских. Станционный тупик. Нож с тупым концом... И подозрение превращалось в уверенность. Но и уверенности следователю мало. Нужны доказательства. А кто может подтвердить показания Бориса Курбановского, что в день убийства он находился в Челябинске?

Пришлось вновь вернуться к событиям тех дней, к показаниям первых свидетелей. Вспомнили необычную встречу стрелочницы Прониной с двумя молодыми людьми. А нет ли во всей этой истории какого-либо недоразумения? Ведь стрелочница могла и ошибиться в опознании своих знакомых. К тому же рабочие строительно-монтажного поезда Аркадий и Константин говорили тогда, что Нину-то они искали, но не помнят в лицо стрелочницу, у которой спрашивали о ней.

Теперь надо было искать Нину; Нину — больше о ней ничего не было известно. В городе с многотысячным населением нелегко найти нужного человека только по имени. И все-таки оперативникам удалось найти именно ту Нину, которая была знакома с Борисом Курбановским.

На допросе она рассказала:

— В августе прошлого года я встречалась с Борисом, и не раз — в кино ходили, на танцы. Ну, как же, он тогда в Целинограде жил.

Она не отказалась от своих слов и во время очной ставки с Борисом.

— Эх, бабы!.. — зло махнул рукой Курбановский-старший. — Через них одни неприятности.

— Ну, хорошо, — сказал Гладнев. — Колчина зло против вас держит. Нина, оказывается, тоже. А как вы объясните, что убит этот парень в избранном вами месте? Мы привлечем экспертов, чтобы они сличили раны, полученные Цыпиным и Нефагиным, с теми ранами, которые были обнаружены на трупе... Понимаете? Выхода-то у вас нет, Курбановский.

Следователь посмотрел на Бориса Курбановского — смуглое лицо у того посерело.

— От вас не уйдешь! — глухо сказал он. — Пишите. Того парня мы стукнули на путях и затащили в вагон. Да задержался проклятый поезд. А барахло его загнали, деньги поделили...

— Сколько?

— Семьдесят дубов.

И снова Борис Курбановский водил сотрудников милиции в тупик на станции, показывал, объяснял...

Дело можно было передавать в суд.

Оставалось, правда, неустановленным, кто был убит. Курбановские в один голос утверждали, что познакомились с ним на станции, вот как с Нефагиным. Ни Гладнев, ни Балтенов не располагали в отношении убитого никакими другими сведениями, поэтому приходилось верить Курбановским на слово. Но ведь только в плохих детективных повестях всевидящие сероглазые майоры распутывают все узелки до единого.

А в деле Курбановских, например, не удалось найти и ту женщину, которую они привели на квартиру Колчиной и перед которой Григорий похвалялся своей отчаянностью. Мелькнуло подозрение, что это могла быть та самая Нина. Но подозрение не подтвердилось.

Небольшие белые пятнышки в деле не могли помешать свершиться правосудию.

* * *

Капитан Балтенов утром вышел из дежурки на перрон.

Протяжно загудел, отправляясь в дальний путь, электровоз. Протяжный стон прошел по литым колесам товарняка.

Капитан Балтенов был спокоен, что уж братья Курбановские, во всяком случае, больше никаких неожиданностей ему не преподнесут. А тех, кто рискнет пойти по их пути, ждет та же судьба. Это неизбежность.

В дежурке раздался телефонный звонок, капитан Балтенов вернулся в комнату и снял трубку...

Х. СУЛТАНГАЛИЕВ, полковник милиции,

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Целиноград.

К. Баялин, А. Штульберг

ЧЕРНЫЙ БИЗНЕС

1. Человек из ресторана

Сергей вошел в зал. Посетителей пока немного, но тот, кто ему нужен, уже здесь. На обычном месте.

«А ведь странно, — подумал Сергей. — Делаешь дела с людьми и не знаешь толком, кто они. Скажем, этот ладный малый, Володя. У него всегда можно раздобыть модную рубашку, диковинный перстень, занять деньги. Но кто он? «Володя-артист»... поет в ресторанном оркестре. Хм... вот и все сведения. А его постоянные дружки — чернявый, с усиками Андрей и молчаливый крепыш Виктор? Они, пожалуй, не обременены служебной дисциплиной. Слишком много у них свободного времени. Могут подолгу сидеть за ресторанным столиком у окна и курить, прихлебывая пиво».

Сергей взглянул на часы. Скоро появится четвертый, Толик. Этот где-то работает, приходит только после пяти. Денежный, на угощения не скупится, заказывает самые дорогие блюда и напитки.

Сам пьет только полусухое шампанское.

«Гунеядцы...» — Сергей тут же отмахнулся от неприятных мыслей. Черт с ними. Все-таки ребята полезные: угощают на славу, выручают деньгами. Сергей быстро подошел к столику, поздоровался. Володя-артист придвинул стул.

— Садись. Коньяку? — Он наполнил рюмки золотистым напитком. — Пей.

Сергей жестом показал на окно. Там, на улице, стоял его зеленый «Москвич».

— Я за рулем, опасно...

— А-а, ты на своей лайбе, — протянул Артист. — Это, пожалуй, кстати. Но ты все же хлебни, не бойся. Витек отвезет, он на сухом законе.

Виктор уныло жевал тоненький ломтик лимона.

— Врачи, — пробурчал он. — А ты, парень, не тушуйся, пей. Отвезу. У меня права... сам знаешь.

Виктор знал, и не стал ломаться. Опрокинул рюмку, закусил черной икрой. Володя налил еще.

— Давай, тяпни еще раз. Для равновесия...

Потом выпили втроем. Виктор курил, скучая.

В это время подошел горластый, веселый Толик, быстрым взглядом окинул друзей, понимающе хмыкнул:

— Чего носы повесили? Меня заждались? Все в порядке, дело будет, — не очень вразумительно для Сергея пообещал он и крикнул официантке:

— Привет, девочка! Тащи полусухое и еще коньяку. Быстро, родненькая.

— Я должен с тобой выпить, Сережа, — сказал Толик шепотом. — Этим хватит.

Опять звякнули рюмки. Заиграл джаз, Володя отправился на эстраду. Он спел грустную песенку, повторил на бис. Потом пела пышнотелая немолодая блондинка. Подергивая плечами, она выводила низким, с хрипотцой голосом:

— ...Лалайка, лалайка, ла-ла, ла-ла-ла...

Толик презрительно слушал, досадливо кривил губы.

— Нет, это не Майя Кристалинская... Поехали, братцы, нечего время терять. Пора делом заниматься.

Уезжали втроем. Володя пел с эстрады, Андрей остался кого-то ждать в ресторане. Захмелевший Сергей задремал, развалившись на сиденье. За руль, как и договорились, сел Виктор. Не выпуская папиросы из упрямых губ, он уверенно вел машину по вечерним улицам, сделал несколько рейсов из конца в конец города. На окраине, чуть ли не на территории совхоза, наведались в неосвещенный дом, вынесли объемистые узлы, бросили в багажник. Хозяин дома, передавая груз, напутствовал:

— Вы ж смотрите, хлопцы, поосторожней, не напоритесь.

— Не бойся, батя, не впервой...

На улицах зажглись фонари, пошел мелкий дождь. Сергей спал, Виктор гнал машину, торопился. На перекрестке свистнул регулировщик, Виктор даже не оглянулся. Прибавив газу, он круто свернул за один угол, потом за другой.

Возле ресторана подсел Володя. Последнюю остановку сделали возле сверкающего витринами магазина. Успели, до закрытия оставались минуты. Володя передал большой сверток хорошенькой девушке в фирменной униформе, предложил:

— Хочешь, домой подбросим?

Девушка брезгливо посмотрела на спящего Сергея, поморщилась. Володя успокоил:

— Мешок, но человек нужный... Да и хорошо, что его развезло.

В одиннадцать вечера Сергея привезли домой. Он послушно поплелся в свою комнату в сопровождении все того же Володи.

— Ты славный малый, Серега, — нашептывал Артист, — свойский. Спи. Машину Витек в гараже запер...

На кухне горестно вздыхала мать Сергея.

2. Записка

На столе старшего следователя по особо важным делам Юрия Николаевича Шевцова разложены документы. Это акты ревизий, инвентаризационные ведомости, докладные, объяснительные, протоколы допросов. На первом плане — маленький листок из блокнота, коротенькая записка, написанная нервным корявым почерком.

«Валя! К тебе придет комиссия. Ты те пуговицы, на которые не знаешь цены, припрядь, не показывай. А на другие приготовь ведомость с ценами. После разберемся...»

С этого и началось. В ларьке у продавца Вали Кожуховой провели ревизию и нашли на несколько сот рублей неучтенных, так называемых «бесфактурных» пуговиц. Откуда они? Со склада, ответила Кожухова. Кладовщик обещал оформить фактуру.

Ниточка потянулась к заведующему складом промтоварного магазина Темиртасу Абдукадырову, молодому, шумливому парню. Провели ревизию и у него. На складе бесфактурных пуговиц оказалось много. Почти на четыре тысячи рублей. Нашлись и другие, невесть откуда взявшиеся товары: полиэтиленовые ремешки для мужских и дамских часов, изящные, в форме лепестка, приколки для волос, капроновые накаблучники. Ни в одной накладной эта продукция не значилась... А недостача на складе была немалая: около пятнадцати тысяч.

— Допустим, — размышлял следователь, — что кладовщик, злоупотребляя своим положением, продавал некоторые дефицитные вещи за наличные деньги прямо со склада. Выручку присваивал, а возникавшую недостачу пытался покрывать вот этими «левыми» заколками, ремешками, накаблучниками. Добывал их на стороне, где — пока не говорит. Но интересно то, что такие заколки и накаблучники найдены не только на складе Абдукадырова...

Был у следователя документ, не относящийся к промтоварному магазину, — докладная записка на имя директора салона обуви, написанная девушкой-продавцом. Она сообщала,

что у них в отделе вот уже который месяц подряд обнаруживаются недостатки. Никто из продавщиц отдела не может объяснить причину этого странного явления. Недостачи были небольшими, и девушки вместе погашали их, выплачивая из зарплаты. А вот последняя нехватка всерьез встревожила подруг. Правда, старший продавец Люда Николаева успокаивает товарок, обещает покрыть недостачу. Она и раньше частично погашала нехватки, и девушки приметили, что делает она это с чьей-то помощью.

Иногда в магазин заходил статный чернобровый молодой человек и спрашивал Люду. Если ее не было, он терпеливо ждал. И всегда после его посещения за прилавком появлялся бесфактурный товар.

Шевцов взял со стола два накаблучника — один из тех, что найдены на складе Абдукадырова, другой из отдела Люды Николаевой.

— Близнецы, — усмехнулся следователь и сделал пометку в блокноте:

«Версия № 1. Накаблучники, заколки и ремешки для часов где-то похищены в большом количестве. Проверить базы, склады, транспорт. Установить поставщика «левых» товаров — приятеля Люды...»

3. Коричневый полистирол

Проверка оптовых торговых организаций, баз, складов ничего не дала. Следователь запросил заводы пластмассовых изделий, некоторые райпромкомбинаты, занимающиеся изготовлением подобной продукции. Ответы пришли отрицательные — хищений там не было.

Люда Николаева, продавец обувного салона, заператься не стала. Со слезами на глазах она призналась, что, соблазнившись возможностью легко подзаработать, она несколько раз принимала «левый» товар — накаблучники — у высокого стройного молодого человека. Познакомилась с ним в ресторане, однажды вместе ездили за город. А вот кто он — не знает. Сказал только имя — Володя. Он хорошо поет, играет на гитаре, знает массу анекдотов.

А Абдукадыров пока что увиливал, выкручивался. Наличие бесфактурного товара объяснял путаницей в документах, ошибкой. Документация на складе и в самом деле была крайне запутанна.

Тем временем появились новые факты, которые можно было рассматривать в связи с «левым» товаром. Нештатный участковый уполномоченный милиции одного из пригородных колхозов Иващенко обратил внимание на то, что к колхознику Сулейманову зачастили странные гости. Приезжали они то на такси, то на зеленом «Москвиче». Нередко что-то привозили, оставляли у хозяина. Визиты эти были частыми, но непродолжительными. Скорее всего приезжие пользовались домом Сулейманова как своеобразным складом.

Разгадка пришла в виде порожнего бумажного мешка, который вначале попал в руки участкового, а потом лег на стол следователя. На этикетке значилось:

«Кусковский химзавод. Блочный полистирол. Цвет коричневый...»

На квартире Сулейманова пришлось сделать обыск. В погребе нашли пять мешков с дробленным коричневым полистиролом.

Хозяину дома это сырье не нужно. Для чего могут понадобиться коричневые кусочки неизвестного ему вещества? Но следователь-то хорошо знал, что именно из полистирола штампуют многие предметы галантереи. В том числе и заколки для волос.

Сулейманов был мало знаком с теми, кто оставил у него мешки. Так, разрешил по простоте душевной. Тем более, что ребята были щедрые, не скупилась на выпивку. Но в беседе с Сулеймановым следователь вновь услышал примелькавшееся имя — Володя. Все тот же разговорчивый, высокий Володя.

Возникла новая версия. Ремешки для часов, заколки и накаблучники не похищены с торговых предприятий, а изготовлены кустарным способом из ворованного сырья. Скорее всего выработкой этой продукции занимается хорошо организованная и умело маскирующаяся группа дельцов. Один из главарей, конечно, и есть этот самый Володя, о котором уже есть некоторые сведения.

Теперь в блокноте следователя появилась новая запись:

«Существует нелегальная «фирма». Сбывает товар Володя, молодой, симпатичный. Хорошо поет, часто бывает в ресторанах. Пользуется зеленым «Москвичом».

4. Кочующий цех

В том затхлом, опутанном паутиной стяжательства мирке были свои взгляды на мораль, свои нормы оценки человека, его деятельности. Деловым здесь называли того, кто мог ловко добыть деньги, выгодно купить и перепродать дефицитный товар. Своим считали партнера, умеющего держать язык за зубами, какие бы грязные дела ни творились у него на глазах. По дележке барыша определялась честность, по умению идти на преступные сделки — смелость. В соответствии со «способностями» распределялись обязанности в преступной группе.

Владимир Задорожный обладал завидным умением расположить к себе человека с первого взгляда, мог втереться в доверие, навязать свою «дружбу». Самой большой мечтой Владимира, его идеалом были деньги. Добыть их любым путем и как можно больше — вот что он сделал целью своей жизни.

Задорожный получил высшее образование, но честный труд его не устраивал. Слишком медленным и тернистым казался ему путь инженера-химика. Богатства, возможности жить на широкую ногу хотелось сейчас, немедленно, без затраты сил.

Забыв о дипломе, он пошел в ресторан, устроился певцом в эстрадный оркестр. Работа в ресторане сблизила его с такими же любителями легкой жизни, как и он сам. Как-то, за бутылкой вина, Владимир разговорился с кряжистым, невозмутимым Виктором Сытиным, бывшим работником фабрики пластмассовых и камнерезных изделий. Виктор нашел способ «делать деньги» и развернул перед Владимиром заманчивую картину.

Бросив работу на фабрике, Сытин изготовил чертежи на станок и прессформы для производства ремешков для дамских часов. Вскоре оборудование было в его распоряжении. Достал он и сырье, конечно, ворованное. И работа пошла, появились первые барыши. Одному, однако, было нелегко справляться со всеми обязанностями: доставать и перевозить сырье, штамповать продукцию и, самое главное, сбывать ее. Виктор стал выискивать компаньонов и вскоре наткнулся на верткого, пронырливого Андрея Михайлова — прожженного туеядца. Этот обеими руками ухватился за предложение сотрудничать и пообещал найти партнеров.

Андрей был всегда там, где пахнет деньгами. Каким-то особым нюхом он угадывал себе подобных и уверенно шел на сближение. Выполняя задание заведующего складом Темиртаса Абдукадырова — они были знакомы давно — по перепродаже дефицитных товаров, Андрей познакомился с Владимиром Задорожным и открыл ему секрет владельца станка и прессформы. Так судьба свела вместе этих «бизнесменов», рыцарей чистогана. Каждый внес свой пай на расширение производства.

Обязанности распределились так. Виктор Сытин отвечал за изготовление продукции, за техническую часть фирмы. Он должен был заказывать оборудование, руководить рабочей силой. Сами «пайщики» не хотели утруждать себя даже работой у станка, для этого они нанимали других. Виктор подбирал подходящие кандидатуры, находил укромные квартиры, договаривался об оплате. Чтобы не быть разоблаченными, пайщики часто перебрасывали оборудование с места на место. «Фирма» кочевала.

Андрей Михайлов вкупе с Владимиром Задорожным должен был заниматься сбытом готовой продукции и заготовкой сырья. Обязанности не из легких, если учесть, что «производственник» Сытин развернул кипучую деятельность и у дельцов уже было несколько станков, прессформ, способных производить в большом количестве несколько видов продукции: заколки для волос, ремни для часов, накаблучники. Appetit приходит во время еды. Компаньоны не остановились на этом, планы были широкие. Уже на выходе был станок для изготовления магнитофонных кассет. Дельцы учли возросший спрос на эти предметы и предвкушали солидный барыш.

Но тут их преступной деятельности пришел конец. Всю компанию арестовали, началось следствие.

Теперь перед Юрием Николаевичем Шевцовым стояла не менее трудная и ответственная задача, чем розыск и разоблачение преступной группы. Нужно было до конца распутать клубок, выявить состав «фирмы», определить степень вины каждого.

«Установить источник хищения полиэтилена и полистирола, назначить бухгалтерскую ревизию на фабрике пластмассовых и камнерезных изделий, выявить всех, кто способствовал преступникам в сбыте продукции», — записывал следователь на этот раз.

Расследование продолжается. Все больше документов ложится в папки дела о «кочующем цехе», все яснее становится картина деятельности частнопредпринимателей.

Следователь Шевцов приходит на работу в Министерство охраны общественного порядка с рассветом, уходит затемно. Он кропотливо изучает акты ревизий и экспертиз, проводит допросы, очные ставки. Помогают ему сотрудники ОБХСС, ревизоры, эксперты, общественность. Работа проводится в тесном контакте с органами прокуратуры.

Уже с полной очевидностью доказано, что дельцы в корыстных целях пользовались станками и прессформами, изготовленными незаконным путем на государственных предприятиях из материалов, принадлежащих этим же предприятиям. Найдены и источники, из которых пайщики черпали запасы сырья. Проворовавшийся кладовщик завода пластмассовых изделий, некто Клептунов, систематически похищал на заводе сырье и готовые изделия из полиэтилена и снабжал этими материалами преступников. Клубок распутывается, но уголовное дело еще не завершено. Появилось еще одно действующее лицо, об энергичной деятельности которого не знали ни Володя-артист, ни Виктор Сытин. Знали о нем только Андрей и Толик.

5. Вымогатель

Незавидная роль заведующего складом Абдукадырова, которого обычно называли Толиком, все больше прояснялась. Вступив в сделку с организаторами кочующего цеха, он взялся за реализацию готовой продукции: принимал от Задорожного и Михайлова готовые поделки и распространял их по ларькам и прочим торговым точкам своего магазина. Делал это он, конечно, не бескорыстно. За заколки, например, он платил изготовителям по 20 копеек за штуку, а отфактуровывал их продавцам по 40 копеек. Денег Толику требовалось много, а о последствиях думать было даже лень.

Шевцов понимал, что сам заведующий складом не мог так долго творить беззаконие, продавать налево и направо самые дефицитные и дорогие товары. Несомненно, в магазине ему кто-то попустительствовал и оказывал активную поддержку. Но кто?

Истинная картина вырисовывалась не сразу — пришлось немало поработать, провести допросы, очных ставок, экспертиз. Наконец на поверхность всплыла еще одна фигура. Это был беспардонный взяточник-вымогатель, хитрый и изворотливый жулик — директор промтоварного магазина Юмтеров. На этом посту он работал сравнительно недавно и деятельность свою начал сразу с подбора нужных ему «кадров».

Приняв магазин, Юмтеров стал приглядываться к его работникам, оценивать каждого, стараясь обнаружить полезные для себя качества. В одном из продавцов, которого все называли Толиком, Юмтеров приметил подходящие задатки. Парень был не против гульнуть, с шиком прокатиться на такси, поужинать с веселой компанией в ресторане. Не сразу директор объявил избраннику о своем расположении — испытание длилось не одну неделю. Когда же, наконец, Юмтеров убедился в правильности сделанного выбора, он перевел Абдукадырова на должность заведующего складом.

— Ты, Толик, парень молодой, — увещевал директор, — и не пристало тебе жить кое-как... На мою поддержку можешь рассчитывать. Только запомни накрепко — рука руку моет.

Толик оказался способным и послушным исполнителем директорской воли. Не нашлось рядом с ним в то время человека, который смог бы уберечь парня от опасной тропы. Окунувшись с головой в грязные махинации, он и сам искал достойных попутчиков. Они нашлись... А директор, обрадованный тем, что его «правая рука» обзавелся выгодной компанией, всячески поощрял связь заведующего складом с «кочующим цехом». Это было выгодно вдвойне. Со склада он беспрепятственно брал все нужные ему товары, наделял ими своих знакомых. Молчаливо разрешая некоторым, нечистым на руку, продавцам принимать и сбывать левый товар, он имел от них постоянный барыш.

Шила в мешке не утаишь. Тайные грязные сделки стали явью. Юмтерова арестовали. Многие из его бывших подчиненных уже признались в том, что торговали неучтенным товаром. Кое-кто пришел с повинной, рассказал о взятках, которые получал директор. Вопреки этому Юмтеров все отрицал.

Однако страх перед возмездием, желание скрыть преступление, обезопасить себя перед лицом правосудия толкнули директора еще на один шаг. Он решил обмануть следствие, спутать карты, запугать свидетелей.

Следственный изолятор. Окончено время свидания, увели арестованных, ушли родственники. Бывалый надзиратель еще во время свидания заметил, что один из арестованных, высокий и сухопарый, во время разговора с женой делал ей какие-то знаки. Когда комната свиданий опустела, надзиратель нашел на полу свернутый тугим жгутом маленький листок, исписанный мелким, убористым почерком.

«Надо срочно сказать Григорову, Давидову Рахиму и его жене, сыну Манасэ Эдику, Красновой Нине — жене Дадоша, Внуковой Лиле. Их могут пригласить и допросить насчет взятки, так пусть все откажутся. А если уже допросили, пусть откажутся на очной ставке со мной. Если не откажутся, их всех народный суд осудит, как за дачу взятки по статье 147. Срочно очистите дом тещи в Тбилиси...»

Подписи нет. Но в распоряжении следствия есть графическая экспертиза, которая с полной определенностью установила: записка написана рукой Юмтерова.

Мало-помалу вскрылись все проделки Юмтерова. Ради наживы он шел на любые, самые грязные, преступления, толкал на них других. Принимал на работу тех, кто не имел на это никакого права, лишь бы уплатил. Если не удавалось заполучить деньги «по-хорошему», директор прибегал к шантажу.

В один прекрасный день он, например, являлся на базар, где находятся торговые точки его магазина, облюбовав очередную жертву.

— Да, — говорит директор продавцу. — Ларек не на месте... Райсовет возражает, придется закрыть. Опломбируйте, на днях передадите товары на склад.

Проходит день, другой. Продавец слоняется без дела, не может понять, как быть. Наконец кто-нибудь, обычно Андрей Михайлов или Толик, шепнет: «Тебе, мол, что, пятидесяти рублей жалко?» И все становится на прежнее место. Ларек опять работает, о закрытии нет и речи, а суровый «ревизор» улыбается как другу.

Директор брал взятки за оформление на работу тех, у кого нет местной прописки, с тех, кто сбывает «левый» товар. Особенно широко он развернул эту деятельность в то время, когда в торговые точки магазина широкой рекой полилась продукция подпольной фирмы.

* * *

Окончено следствие. В прокуратуру переданы восемь объемистых томов уголовного дела. Документы и вещественные доказательства полностью изобличили преступников, тех, кто попирает наши законы, расхищал народное добро, вымогал взятки. Доказана вина всех, кто сознательно, понимая неприглядность своих поступков, содействовал частнопредпринимателям, предоставляя им свои квартиры, участвуя в изготовлении нелегальной продукции.

Но в цепких сетях паутины оказались и люди случайные, сделавшие впервые шаг по скользкому пути. Они раскаялись, честно признали свои проступки, помогли следствию разобраться во всех хитросплетениях. И им тоже помогли. Помогли полностью осознать случившееся, свернуть с кривой тропы.

Случайным в компании частнопредпринимателей был, например, владелец зеленого «Москвича» Сергей. Дельцы не посвящали его в свои тайны... Задабривая мелкими подачками и выпивками, они беспрепятственно пользовались машиной слабохарактерного парня.

Суровыми, отнюдь не сентиментальными были беседы следователя с Сергеем. О том, какая пропасть зияла перед парнем. О смысле жизни. О том, что нужно быть честным, трудиться, не подбирать друзей в ресторанах... Чтобы не плакала украдкой по ночам, предчувствуя недоброе, старая мать.

К. БАЯЛИН, полковник милиции.

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант.

г. Алма-Ата.

И. Антипов

НИТОЧКА СЛЕДА

Внезапному отъезду Риммы Низамутдиновой в Дубовке удивились. Но вскоре поползли слухи: от мужа-то Римма, оказывается, давно собиралась уйти, не ладилась у них жизнь. Только куда ж она уехала? Ведь никакой родни у нее, кажется, за пределами Дубовки нет... Но самые догадливые многозначительно намекали, что вместе с молодой женщиной исчез из поселка и продавец винного магазина Вахтанг Ромиашвили. И ведь правы оказались догадливые! Через три дня пришла в Дубовку телеграмма на имя завмага Оттари Кабиашвили, и было в телеграмме следующее:

«Еду вместе с Риммой. Адрес сообщу позже. Деньги переведу. Передай сестре Риммы, Люсе Мухамеджановой, пусть следит за ребятишками. Как устроимся, детей заберем. Вахтанг».

На следующий день пришли деньги. Завмаг пошел с ними к Люсе Мухамеджановой. Сестра Риммы приняла Оттари не очень доброжелательно, но деньги взяла: они же предназначены для римминых детей, а расходов ребятишки потребуют немалых. Когда еще сестра устроится прочно и заберет их к себе?

Завмаг долго расхваливал земляка, рассказывал, какой он хозяйственный, расчетливый и щедрый, говорил о том, как хорошо будет Римме с ним. Люся пожалала плечами:

— Что ж, каждый свою судьбу выбирает сам. — А когда за Кабиашвили закрылась дверь, вслух сказала: — Нет, не понимаю, что нашла Римка в этом Вахтанге?! Липкий он какой-то весь.

У Люси не было оснований не верить Кабиашвили. О том, что семейная жизнь сестры сложилась неудачно, она знала лучше всех, и все же какая-то смутная тревога не отпускала ее. Последние недели Римма близко подружилась с Машей Беляниновой. Вероятно Белянинова знает подробности ее отношений с Вахтангом. Нужно сходить к ней.

Да, Белянинова кое-что знала. Вспомнила, например, как однажды вечером случилось ей с Риммой проходить возле магазина, где работал Вахтанг. Числился он сторожем, но нередко и отпускал вино. Римма постучала в окно. Открылась форточка, и Вахтанг поцеловал женщину руку... Незадолго до отъезда Мария зашла с Риммой в магазин. Вахтанг был один в магазине и очень обрадовался приходу Риммы. Мария вскоре ушла, а Римма осталась с Вахтангом...

Беляниновой продавец винного магазина тоже не нравился, но видно было, что Низамутдинова относилась к нему иначе и не особенно скрывала это...

Утром Люсе принесли телеграмму из Кустаная. Вахтанг сообщал:

«Думаю, скоро начнем работать. Срочно высылай ценным письмом паспорт и трудовую книжку Риммы, Кустанай, улица Льва Толстого, Воробьевой Анне Андреевне. Привет от Риммы».

Муж Риммы не стал возражать против высылки в Кустанай ее документов, видимо, у него не было никакой надежды на возврат жены. Он отдал Люсе паспорт и трудовую книжку. А через некоторое время он с детьми уехал в город Златоуст. Но прежде чем покинуть Дубовку, он зашел в Саранский горотдел милиции и подал заявление о розыске жены и взыскании с нее алиментов. Работники паспортного стола завели на Римму Низамутдинову дело. Но найти ее им не удалось. Спустя год розыск был прекращен.

...Прошел еще год... Как-то, читая поступившую на доклад корреспонденцию, начальник Карагандинского областного управления охраны общественного порядка обратил внимание на одно письмо. Оно поступило из редакции журнала «Советская милиция», а написал его Эдуард Галиуллин из города Златоуста. В письме говорилось:

«Моя сестра, Римма Низамутдинова, жила в поселке Дубовка Карагандинской области. Бросив детей и мужа, она уехала в неизвестном направлении. Помогите мне разыскать ее».

Странным во всей этой истории было вот что: до своего отъезда из Дубовки Римма Низамутдинова часто писала письма брату. А после отъезда как в воду канула. Ну, положим, она скрывалась от мужа, но есть ли ей смысл прятаться от брата? Ведь через него она могла бы узнать о своих детях. Неужели молодая женщина настолько очерствела сердцем, что судьба детей ее совершенно не интересует? А не случилось ли что с Низамутдиновой?

Нужно от начала и до конца проверить всю эту историю с неожиданным отъездом женщины. Задача нелегкая, потому что с тех пор прошло немало времени. Поэтому решить ее поручили опытному оперативному работнику уголовного розыска подполковнику Кариму Кадыровичу Саубянову.

Время сделало свое. В Дубовке давно позабыли о семейном конфликте, случившемся много месяцев назад. Заведующий винным магазином Кабиашвили, который, видимо, кое-что знал об этой истории, давно уже покинул Дубовку, а в каких краях он кинул якорь — никто не знал.

Оттари Кабиашвили был оборотистым коммерсантом. Даже чересчур оборотистым. Но не пойман — не вор. А магазин Кабиашвили сдал без сучка и задоринки...

Подполковник Саубянов заинтересовался окружением завмага, возможно, это поможет найти Оттари. Выяснилось, что, кроме Вахтанга Ромиашвили, продавцом в этом же магазине работал Абесалом Шенглия. Желанным гостем бывал здесь и некий Джебури Кабеладзе из поселка Карабас...

Каждой мелочью интересовался подполковник Саубянов. Шаг за шагом выяснял он все обстоятельства отъезда Вахтанга и Риммы, изучал показания жителей Дубовки о последних днях работы в этом поселке Оттари Кабиашвили.

Оперативнику стала известна такая, например, деталь. За несколько дней до передачи магазина к дому Оттари подходил рефрижератор с Саранского лимонадного завода.

Шофера в Дубовке видели, но знать его никто не знал. Это был какой-то знакомый или друг Кабиашвили, молодой грузин.

И к этой мелочи подполковник Саубянов отнесся с большим вниманием. Может быть, удастся разыскать этого шофера и он пополнит сведения о Низамутдиновой?

В Дубовке подполковник Саубянов убедился, что ему необходимо съездить в Кустанай. Возможно, судьба документов женщины прольет свет и на ее собственную судьбу. Во всяком случае, беседа с Анной Андреевной Воробьевой, в адрес которой ценным письмом высланы паспорт и трудовая книжка, обязательна.

...Особняк на улице Льва Толстого найти было нетрудно. Оперативника встретила пожилая женщина. Она весьма удивилась неожиданному гостю: «Вот уж не думала, что на старости лет милиции понадобится». А узнав, в чем дело, вздохнула:

— Поздно вато хватились. Эти документы мне такого волнения стоили... Ну, представьте себя на моем месте. Приходят документы, неизвестно от кого. Помнится, на паспорте женщина, молодая, красивая. Жду день, другой, неделю, месяц — никто не является. Собралась, да и пошла в милицию. Натё, мол, поберегите документы...

Увы, тропинка обрывалась. Подполковник продолжал задавать вопросы просто потому, что неудобно было сразу же уходить. Анна Андреевна отвечала охотно, утаивать ей было нечего. Да, одну комнату она сдает. Жильцы? Самые разные. И местные бывали, молодые, кто квартиры еще не получил. И кто в командировку надолго приезжал. Года четыре назад даже один грузин с женой жил...

Саубянов насторожился. Разумеется, это могло быть простым совпадением. Но все же проверить не мешало.

Что за человек был квартирант? Да так, неплохой человек. Спокойный. С женой они очень даже ладили. Любили друг друга, можно сказать. Не происходило ли за время, когда жил тот постоялец, чего-нибудь особенно запомнившегося? Да нет, пожалуй, ничего. Вот только зимой из Душанбе приехал к нему мужчина, свояк, кажется. С виду человек тоже порядочный. Пожил недолго. Из разговоров поняла Анна Андреевна, что у него в семье неурядицы. Потом он уехал куда-то, вроде бы в Караганду...

У своих кустанайских коллег подполковник узнал, что фамилия молодого человека, приехавшего на недолгое время к постояльцу Воробьевой, Саканделидзе. Уже после того, как он уехал из Кустаная, пришла бумага: Саканделидзе разыскивается как злостный неплательщик алиментов.

Работники паспортного стола Кустанайского городского отдела милиции ничем не порадовали Саубянова: они не смогли тогда разыскать владелицу документов, сданных гражданкой Воробьевой. Паспорт и трудовую книжку уничтожили по акту.

Вопросов становилось все больше. Для чего Вахтанг Ромиашвили просил выслать в Кустанай документы Риммы Низамутдиновой? Может быть, он думал остаться жить в этом городе, но по какой-то причине изменил свое намерение? Тогда почему же беглецы не затребовали документы из Кустаная, они же знали, что Люся Мухамеджанова обязательно вышлет их туда? И откуда известен Вахтангу адрес Анны Андреевны Воробьевой? Нет ли здесь какой-то связи с тем человеком из Душанбе, который когда-то жил у нее? Возможно, это и был Вахтанг?

Саканделидзе из Душанбе скрывается от алиментов. Если это действительно так, то он мог изменить фамилию и в Дубовке стать Вахтангом Ромиашвили. Ну, а вопрос с паспортом и трудовой книжкой новой жены не так уж важен для него. Вахтанг запросил их затем, чтобы запутать следы. Низамутдинова вряд ли так остро нуждалась в трудовой книжке, выйдя за такого мужа, который обещал ей красивую и беззаботную жизнь (об этом много рассказывали в Дубовке). Отсутствие паспорта тоже не беда. Она могла заявить об его утере, прибыв к новому месту жительства.

* * *

Прошло немало дней розыска, но результаты не радовали подполковника Саубянова. Без веских доказательств трудно было утверждать, что за фактом неожиданного отъезда Риммы Низамутдиновой кроется преступление. Тем не менее кое-какие обстоятельства настораживали. Поэтому об исчезновении женщины были поставлены в известность все подразделения милиции Казахстана, были посланы письма в Душанбе и Грузию. Поиски продолжались.

Вспомнил подполковник Саубянов и шофера с Саранского лимонадного завода, о котором говорили в Дубовке. Найти его оказалось нетрудно. Кирилл Урукадзе продолжал работать на своем холодильнике.

Кирилл был откровенен. История, в которую он тогда оказался втянутым, очень не нравилась ему. Нет, он не знал ни о каком преступлении. Но было в том происшествии много непонятного, даже загадочного, и оставило оно нехороший осадок на душе.

В полдень Урукадзе приехал на завод за очередной партией продукции. В конторе сказали ему, что звонил какой-то Оттари из Дубовки и просил срочно приехать к нему. Сразу же выполнить просьбу Кирилл не мог и лишь под вечер проскочил в Дубовку.

Подрулив к винному магазину, увидел Вахтанга Ромиашвили, сторожа магазина. Тот стоял с берданкой в руках и опоясанный патронташем. «Не иначе, на охоту хотят сагитировать», — подумал шофер.

Поздоровались. Оттари обрадовался приезду Кирилла и посвятил его в некоторые свои коммерческие тайны. При проверке магазина обнаружились кое-какие излишки. Их сегодня же надо отправить в город Каражал.

Отказать земляку у Кирилла не хватило духу. Шофер открыл дверцы холодильника и дал задний ход к подсобке. Мельком взглянул на товары, готовившиеся к отправке, и ничего не понял: какие-то ящики. Руководил погрузкой Джебури Кабеладзе, приехавший из Карабаса, ему помогал Оттари. Вахтанг не участвовал во всей этой суете. Он стоял в стороне молчаливый и мрачный.

Ночь была холодная, безлунная. Шел большой снег, и дорога не радовала.

Рядом с Кириллом сидел Оттари. Ехали молча. В поведении завмага чувствовалась какая-то напряженность. Впрочем, что удивляться — дело-то нечистое.

Кирилл хорошо знал дорогу. Как раз на полпути до Каражала, где недалеко от трассы стоит старый мазар, Кабиашвили попросил остановиться.

— Давай-ка свернем к этой могиле, — предложил он.

Кирилл с удивлением взглянул на земляка. Никогда ему не приходило в голову, что Оттари могут интересоваться памятники прошлого — доходу же от них никакого, — да и время для такой экскурсии было совсем неподходящим.

— В жизни не видел, как раньше казахских богачей хоронили, — пробормотал Кабиашвили, стараясь выжать на лице улыбку. — Ну, кацо, прошу — не спрашивай. Выполни просьбу друга...

Автомашина, взвывая, потащилась по вязкой целине. Мазар был совсем недалеко от дороги, а ехали не меньше получаса. Наконец Кирилл разглядел глиняную пирамиду памятника. Оттари сказал:

— Разворачивайся! Я недолго...

Он вылез из кабины и с силой захлопнул дверцу. Урукадзе откинулся на сиденье и стал ждать, прислушиваясь к ровному перестуку мотора. Сколько времени Оттари ходил возле байской могилы, Кирилл не помнит. Во всяком случае, прошло не менее четверти часа. Шофер не видел, выходили ли с Кабиашвили его друзья Вахтанг и Кабеладзе.

Когда Оттари вернулся в кабину и зажег спичку, чтобы закурить сигарету, его толстые пальцы дрожали...

До самого Каражала ехали молча. Вскоре оказались в теплой квартире приветливого буфетчика Римамадзе. С устатку выпили по стакану крепкого вина, закусили душистым шашлыком.

Урукадзе задремал, облокотившись на стол. А когда очнулся и вышел на улицу, то не увидел рефрижератора. Оттари успокоил:

— Не волнуйся, брат! Вахтанг неплохой водитель. Ребята ненадолго. По срочному делу уехали.

Урукадзе страшно переволновался в ту ночь. Шутка ли — угнали машину! «Дружеская помощь» могла обернуться очень скверно. Кирилл часто выходил на улицу и подолгу стоял на крыльце, прислушиваясь к каждому звуку. Глубокой ночью рефрижератор вернулся к дому Римамадзе. Из кабины вылезли Вахтанг и Джебури...

* * *

Вполне возможно, что за несколько дней до сдачи магазина Кабиашвили обнаружил излишки и решил сбыть их на сторону. Поэтому и заставил он Кирилла Урукадзе помочь ему отвезти товар в Каражал. Но для чего понадобилось Кабиашвили подъезжать к старому мазару, рискуя завязнуть в степи? И что заставило Вахтанга и Джебури сесть за руль чужого автомобиля и часами мотаться где-то в пургу и метель?

Все эти вопросы представляли интерес для оперативников. Решили побывать на том мазаре, куда заезжал Кабиашвили, и тщательно обследовать его. На помощь подполковнику Саубянову пришли эксперты из научно-технического отдела Управления охраны общественного порядка.

Несколько часов длился осмотр мазара. Внутри его были найдены куски обгоревшей жести, той самой жести, которой обивают углы спичечных ящиков. В жухлой траве Карим Кадырович Саубянов обнаружил крохотную косточку. Ее немедленно направили в

Карагандинское областное бюро судебно-медицинской экспертизы. Оттуда вскоре пришло заключение, что «исследуемый объект является человеческой костью, подвергшейся сильному термическому воздействию».

Сознание протестовало против страшной догадки. Но все говорило о том, что преступление было совершено.

— Нужно полагать, что Римма Низамутдинова не выезжала из Дубовки, — доложил подполковник Саубянов комиссару милиции. — А телеграмма и деньги, присланные Вахтангом в адрес ее сестры, это только ширма, отвлекающий маневр.

Теперь необходимо было разыскать всех участников того загадочного рейса из Дубовки в Каражал. Во все концы Казахстана полетели телеграммы, письма... Первым ответ пришел из города Абая. В нем говорилось, что не так давно Джебури Кабеладзе осужден за тяжкое преступление и приговорен к длительному сроку заключения. Через день подполковник Саубянов встретился с ним. Пришлось поднять старые дела.

О прошлом этого человека, о его моральном, или, вернее, аморальном, облике оперативник многое узнал, читая приговор народного суда и следственные материалы. Последний, четвертый раз, Кабеладзе сел в тюрьму за изнасилование.

И вот этот человек перед Саубяновым.

— Чем могу быть полезен, гражданин следователь?

— Следствие располагает данными, что вы замешаны в убийстве Риммы Низамутдиновой, — ответил подполковник милиции.

— Странные вещи говорите! Как можно совершить такое злодеяние, сидя за решеткой!? — и бескровные губы заключенного искривились в ехидной усмешке.

— Это было около трех лет назад, — спокойно продолжал Саубянов. — В Дубовке, у заведующего винным магазином Оттари Кабиашвили работал сторожем Вахтанг Ромиашвили. Римма Низамутдинова была его любовницей. Следствию известно, что он убил ее, а вы сожгли ее труп в старом мазаре.

— Об этой женщине я ничего не знаю, гражданин следователь. А о Вахтанге забудьте, он покончил с собой...

Преступник твердо держался своей версии. Шли дни, а розыск не приносил успеха. Иногда и впрямь начинало казаться, что Вахтанг Кабиашвили покончил с собой. Убить любимого человека! Могло же и к убийце прийти раскаяние...

В одном письме, пришедшем из Грузии, говорилось о Вахтанге Каремановиче Ромиашвили, который работает в местечке Чохатаури экспедитором местного хозяйства. Но дело в том, что этот человек давно не выезжал за пределы Закавказья.

Значит, однофамилец, решил Саубянов. Но второе письмо от грузинских работников уголовного розыска опровергло это предположение. Оказывается, в 1959 году экспедитор из Чохатаури, Вахтанг Кареманович Ромиашвили, утерял паспорт, выданный ему сроком на десять лет. В этом же письме сообщался и возраст этого человека. Вахтанг из Дубовки был значительно моложе его.

Не менее интересным было третье письмо, пришедшее из Душанбе. Некий Саканделидзе Филипп Михайлович похитил паспорт у гражданина Лачпекиани. Он исправил в нем год рождения с 1892 на 1912 и заменил фотокарточку Лачпекиани своей. Саканделидзе был задержан оперативниками Узбекистана за какие-то махинации, и народный суд города Ферганы приговорил его к трем годам лишения свободы.

Письмо заставило подполковника Саубянова вспомнить разговоры в Кустанае. Не исключена возможность, что Саканделидзе похитил паспорт у Вахтанга Ромиашвили, что из местечка Чохатаури, и в Дубовке жил под его фамилией, скрываясь от алиментов. А когда совершил убийство, то снова начал замечать следы. Саканделидзе, он же Ромиашвили, похитил паспорт у Лачпекиани из Душанбе и хотел скрыться от возмездия.

Пока ждали ответ из Узбекистана о том, где отбывает наказание Вахтанг Ромиашвили, он же Саканделидзе и Лачпекиани, подполковнику Саубянову удалось еще кое-что узнать о событиях в Дубовке. Помог ему бывший продавец винного магазина Абесалом Шенглия.

Разыскать этого человека было также нелегко. Абесалом Шенглия, после того как уехал из Дубовки, жил в Грузии и работал продавцом. Там он совершил растрату и теперь отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии...

Шенглия был искренним. До последней минуты, пока не уехал из Дубовки, говорил он, душа не находила покоя. Не раз думал пойти в милицию и рассказать обо всем, что произошло в магазине, но страх не пускал.

И теперь, спустя много дней, он не может без содрогания вспомнить о той несчастной женщине. Правда, о том, как произошло убийство, он не знает. Но утром, когда Абесалом Шенглия пришел на работу, Оттари Кабиашвили заставил его вымыть и выскоблить пол магазина...

* * *

Всматриваясь в фотографию, присланную из трудовой колонии, подполковник Саубянов вспомнил рассказы жителей Дубовки, помнивших в лицо Вахтанга Ромиашвили. «У него на лице шрам», — говорили они.

Да, приметы совпадали. Частенько Вахтанг Ромиашвили, говорили дубовчане, любил козырнуть своими фронтовыми заслугами. Дескать, этот шрам на лице — след схваток с фашистами.

Но когда оперативнику представилась возможность познакомиться с биографией этого человека, то выяснилось, что его прошлое было отнюдь не героическим.

Двадцать лет назад, когда советские войска освобождали районы Северного Кавказа от гитлеровских захватчиков, Филипп Саканделидзе, он же Вахтанг Ромиашвили и Лачпекиани, бежал из действующей армии. Его поймали и судили, как дезертира. Военный трибунал приговорил Саканделидзе к десяти годам тюрьмы. Впоследствии этот срок был заменен штрафной ротой и отправкой на фронт. На фронте Филипп совершил новое тяжкое преступление, и военный трибунал приговорил его к новому длительному сроку тюремного заключения...

Итак, все становилось ясным. В одной из трудовых колоний Узбекистана отбывал наказание тот самый Вахтанг из Дубовки, скрывавшийся под именем Владимира Несторовича Лачпекиани.

Преступника этапом доставили в Караганду. Допрос шел около трех часов.

— Да, я любил Римму Низамутдинову, — рассказывал Филипп Саканделидзе, — и совсем не собирался убивать её. Зачем? Вечером, когда она осталась в магазине, мы о многом говорили. Я предлагал ей стать моей женой, обещал увезти в Грузию. В полночь в магазин постучались. Я открыл дверь и узнал старика Ваню Хеладзе. Он по соседству охранял универмаг.

Ваню не отказался от предложенного стакана вина. Разговорились. В это время в окно влетел булыжник... Старик схватил мое двуствольное ружье и выбежал на улицу. Прогремел выстрел. Это Ваню припугнул хулиганов. Потом он вернулся и, подойдя к разбитому окну, стал подавать в него ружье... Эх, если бы знал я в ту минуту, что произойдет в следующий миг! Римма хотела принять ружье от Ваню, но грохнул выстрел...

Старого Ваню Хеладзе подполковник Саубянов в Дубовке уже не застал.

— Пусть земля ему будет пухом, — вздыхали соседи. — Хороший был человек.

Естественно было предположить, что Филипп Саканделидзе слышал о смерти старика, поэтому и сочинил версию о случайном выстреле, надеясь тем самым смягчить тяжесть преступления.

Но у убийцы ненадолго хватило воли обманывать следствие. На втором допросе Саканделидзе рассказал правду.

Всего лишь на несколько минут вышел он из магазина, оставив Римму одну. А когда вернулся, то увидел, как ключи, забытые в замочной скважине денежного ящика, чуть заметно покачивались на цепочке. Кто знает, может, Саканделидзе действительно по-своему любил Римму. Но у таких, как он, настоящая любовь одна — к деньгам. Малейшее подозрение, что он может лишиться хоть части ворованного и накопленного, вмиг перевесило все «чувства». Только страсть к накоплению жила в душе этого дезертира, отщепенца, вора, и во имя ее он в упор разрядил ружье в женщину, с которой был близок...

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Караганда.

Г. Смирнов

ДВОЙНОЙ РЕЙС

I

Капитан Стасов бросил короткий взгляд на оперуполномоченного Ахметова.

— Слышал? Ночью совершен вооруженный налет на магазин Бобровского совхоза. Сторожа обезоружили, магазин ограбили.

Стасов тяжело поднялся из-за стола, кашлянул и выжидательно посмотрел на Ахметова.

— Вот так-то. Готовьте оперативную сумку и машину. Я свяжусь с Павлодаром, доложу в райком и прокурору.

Сборы были короткие.

Слева на всем пути петлял Иртыш. Усиливался ветер. По широкому полотну шоссе вместе с песком шуршал мелкий гравий.

— Ну и погода, — заметил Ахметов, глубже натягивая на уши цигейковую шапку.

— Очень некстати, — дернув плечами, ответил начальник милиции. — Очень! Следы забьет, тогда ищи ветра в поле.

Въехали в поселок. Хорошо накатанная дорога привела к магазину. Вокруг него уже толпились группами жители поселка.

— Подберите понятых, — кивнул Стасов оперуполномоченному.

Два висячих замка вместе с вырванным пробоем лежали возле крыльца. На дверных косяках глубокие вмятины.

Жители поселка показывали работникам милиции ружейные гильзы и пыжи, валявшиеся подле. Продавец магазина, девушка с бледным лицом, подозвала Стасова и, приподняв фанерный ящик, указала на отпечатки колес автомашины. Рисунок протектора четкий.

— Это вы правильно догадались ящиком след прикрыть, — одобрительно отозвался Стасов и, обернувшись к оперуполномоченному, произнес: — Зафотографируйте и снимите отпечатки протектора.

По предварительному подсчету, преступниками взято около двух десятков полупальто, восемь рулонов драпа, шерсти, вельвета.

Сторож, женщина лет сорока пяти, пугливо смотрела на разложенные листы протоколов допроса.

— За полночь было, — заговорила она и вместе со стулом подо двинулась к Стасову. — Обошла вокруг магазин, заглянула в пристройку. Навес-то видели? И туда прошла. Постояла, прислушалась. Тихо. Вдруг погас свет. Я зашла в сторожку, зажгла свечу. Думаю, съем пару яиц. Слышу, кто-то скребется. Взяла ружье. Оно не убийственное, только огонь бросает. Крикнула: «Кто там?» Никто не отвечает. Решила, что ветер шалит. Вывеска-то, что над магазином, плохо укреплена, стучит при ветре. Поела, направилась в обход, и тут все случилось...

Она глубоко вздохнула и смахнула концом шали набежавшие слезы.

— Меня сбили с ног, вырвали ружье, стали пинать.

Она закрыла глаза. Подбородок дергался. Женщина пыталась сдерживать себя, но не могла.

— Когда пришла в сознание, слышу, как железо по железу лязгает, — продолжала она. — Я кое-как поднялась и — на квартиру к продавцу. У нее смыла кровь, и мы вместе побежали до конюха нашего. Тот взял ружье. Подбегаем к магазину, а навстречу автомашина. Конюх два раза выстрелил. Пальба началась.

— У них были ружья?

— Они тоже стреляли.

— Номер машины не заметили?

— Свет они не включали. В потемках все.

— А друг друга по имени не называли?

— Может, и называли, не знаю...

Были допрошены многие, но ясности в дело они не внесли. Можно было предполагать, что преступников было, по меньшей мере, трое. Они имели свой транспорт, действовали нагло.

Из вещественных доказательств имелись девять охотничьих гильз и отпечаток протекторов автомашины марки ЗИЛ-164.

По улицам поселка ежедневно проходят десятки автомашин, сотни людей имеют ружья одинакового калибра...

II

Участковый уполномоченный Абишев, попрощавшись с дружинниками, решил еще раз пройти по селу. Ночь стояла тихая, звездная. С юго-запада тянул сухой ветер.

Закурил, взглянул на часы. «Днем выплусь», — успокоил он себя и неторопливо зашагал к Набережной улице.

Где-то послышался гул мотора. С Качирского тракта в сторону поселка, определил Абишев, мчалась машина.

Вскоре свет фар прорезал темень в ближнем проулке, потом машина развернулась и мотор заглох. «Евлоев. Совхозный шофер», — подумал участковый.

Все сильнее тянуло ко сну. Но участковый все же сделал лишний круг, чтобы убедиться: не ошибся ли? Нет, не ошибся. Раздался резкий голос и шлепок. Евлоевы что-то подымали с земли.

Утром участкового срочно вызвали к телефону. Дежурный райотдела милиции сообщил о ночном налете на магазин Бобровского совхоза.

— Улик пока нет, — говорил он. — Товары вывезены на автомашине ЗИЛ-164.

— В какое время?

— Во втором часу ночи. Отстреливались, негодяи.

Абишев сделал подсчет, и у него захватило дух. Неужели Евлоев? Зря не подошел вчера!

Он сообщил о возникших подозрениях дежурному.

— Я доложу начальнику. Из поселка не отлучайтесь, — сказал дежурный.

Появление автомашины полностью совпадало с расчетом по времени. Спешная разгрузка каких-то предметов невольно наводила на подозрение о причастности Евлоева к разбойному налету.

В третьем часу дня к приземистому домику участкового подкатил «газик». Стасов молодцевато вылез из машины, закурил. Застегивая на ходу полушубок, к нему выбежал Абишев.

— Садись, указывай и рассказывай, — бросил начальник, — сейчас я рубану под корень!

Пятистенный дом Евлоева, обнесенный плетнем из тальника, казался нежилым. Печная труба не дымилась, ставни окон закрыты. Только в просторном дворе гремели цепи у собачьих конур.

— Приглашай понятых, — распорядился Стасов, рассматривая евлоевские постройки.

Дверь открыла молодая женщина.

Стасов назвал себя, представил понятых. Хозяйка отступила и, преодолевая испуг, заговорила на ломаном русском языке:

— Хозяин дома нет. Уехал... совхоз.

— Когда?

— Ночью.

— Что он привозил?

Женщина замялась. В ее глазах блеснул страх.

«Не успела кошка умыться, а гости приехали», — подумал Стасов и прошел в комнату.

Открыли ставни. Первое, что он заметил, — двуствольное охотничье ружье, приставленное к спинке койки.

— Вот и вещдок, — не скрывая радости, сказал Стасов, беря в руки ружье. Ловким движением открыл патронник, наставил стволы на свет и заглянул внутрь.

— Гарь, — заключил он, морща крупный с седловинкой нос. Участковый проделал то же самое и подтвердил:

— Определенно так.

Произвели обыск. Несколько мешков муки, три ковра с узбекским рисунком — обычные домашние вещи. И первоначальная уверенность начальника милиции исчезла.

Уже более сдержанно спросил хозяйку:

— Муж спал дома?

— Нет. Там спал. — Она показала в сторону шоссе.

Стасов недоверчиво смерил выцветшими светло-голубыми глазами Евлоеву.

— Значит, не спал. А где он был днем вчера?

— В дороге.

— Понятно. А вчера когда он выехал из дому?

— Рано...

Все вышли во двор. Стасов, участковый и понятые заглянули в коровник, потом в курятник, обшарили дровяник. Обыск не оправдал надежд. Снова вернулись в дом. На этот раз не впустую. Из голенищ старых сапог Стасов извлек патронташ с патронами.

Он горделиво посмотрел на понятых, участкового, хозяйку дома. Глаза его говорили: «Что? Тертый калач попался? То-то же!»

Опустившись на стул, он нетерпеливо расстегнул ворот кителя. Внутри все кипело от удачи. По всему видно было, что Стасов чувствовал себя в этот момент, как грузчик, сбросивший с плеч тяжелую ношу. Рубанул под самый корень! Взыскания, разумеется, все снимут.

После того как сличили калибр и замерили длину гильз, в протоколе обыска записали:

«...из 23 заряженных патронов десять полностью совпали по размеру и калибру с гильзами, изъятыми на месте происшествия, тринадцать патронов на два миллиметра оказались короче».

Садясь в машину, Стасов шепнул участковому:

— Гляди в оба. Я на центральную усадьбу, за Евлоевым.

III

За совхозными постройками по соседству с нефтебазой под навесом стояло несколько автомашин. Стасов еще издали приметил автомашину ЗИЛ-164.

Евлоев возился под машиной, раскинув длинные ноги. Завидя милицейский «газик», он не спеша развернулся на спине и, собрав ключи, выполз из-под грузовика.

— Не ждал, Евлоев?

— Почему? Машина исправная, наказывать не за что.

— Хм! Машина у тебя действительно исправная, летает, как ракета. Только куда и зачем — вот вопрос.

Евлоев молча пожал плечами, а Стасов обшарил машину, ее кузов в надежде обнаружить вещественные доказательства — пробоины от дроби. Но не нашел. Затем он пристально осмотрел замасленный полушубок Евлоева. По всему полушубку рассеяны крошечные проколы. Дробь! Попался, голубчик! И усадил его в свою машину.

В райотделении милиции Стасова поджидал заместитель начальника областного отдела уголовного розыска капитан Прокопьев. Прокопьев уже успел осмотреть место происшествия, поговорить с очевидцами и выслушать их мнение. Все доказывало: к ограблению односельчане не причастны. Недавний налет на магазин в Кызыл-Кагане, вспомнил Прокопьев, имеет сходство с этим грабежом. Трое арестованных по этому делу были жителями Павлодара. Но некоторые из участников налета могли остаться на свободе. Это обстоятельство настораживало Прокопьева и наводило на мысль, что следы преступления, скорее всего, ведут в Павлодар.

Скромный по натуре, выглядевший моложе своих тридцати пяти лет, Прокопьев считался в области лучшим оперативным работником. Для раскрытия тяжких и сложных преступлений руководство управления часто направляло именно его. Случалось, что и у Прокопьева раскрытие преступления вначале шло по ложному пути, порою затягивалось, но, как известно, и осторожному человеку соломинка в глаз попадает.

Самолюбие Стасова было задето. «Выше стоит — больше видит», — оправдывал себя Стасов и досадливо посмотрел на Прокопьева.

Прокопьев знал, что Стасов лет восемь работал в уголовном розыске и имел на своем счету немало раскрытых преступлений. Отдельные бесспорные удачи вскружили ему голову, и он перестал считаться с мнением подчиненных.

Но жизнь вносила новое, а Стасов по-прежнему оставался влюбленным только в свой прием — идти напролом. Один управленческий работник как-то сказал о нем: «Гром он создает раскатистый, да только дождик после него всегда редкий».

— На мою долю всегда выпадают сложные преступления, — то ли хвастался, то ли жаловался Стасов. — Но, как говорится, порох держу сухим. Не скрою, бывали ошибки. Не без этого. Но «бобровское дело» обязательно рубану под корень.

Прокопьев поверх очков глянул на Стасова, заметил:

— Медведь еще в лесу, а ты уже шкуру продаешь.

Стасов на замечание не ответил, только с силой нажал кнопку звонка.

— Доставьте ко мне Евлоева, — приказал он вошедшему дежурному и многозначительно посмотрел на Прокопьева.

Вошел Евлоев — высокий, стройный, растерянный.

— Ну, Евлоев, опомнился?

— Не пойму, товарищ начальник...

— Рассказывайте: с кем на «деле» были?

— На каком «деле»? О чем говорите?

— Ах, вот как! — Стасов артистически протянул руку за сейф, взял охотничье ружье, изъятое у Евлоева, повертел его в руках и без слов поставил на прежнее место.

— Признал, небось? И почистить было некогда, спешил товары припрятать.

— Какие товары?

Вмешался Прокопьев.

— Гражданин Евлоев, нам нужно знать: где вы были и чем занимались в ночь на 8-е марта? Припомните.

— В рейсе был. Утром восьмого в пятом часу вернулся домой. Поел и снова в рейс.

— Значит, дома не ночевали? — переспросил Прокопьев. — Где вы были в рейсе?

— В Павлодаре на элеваторе.

— Когда выехали в рейс?

— Седьмого, после обеда.

— Вернулись когда?

— Я же сказал. Сегодня на рассвете.

— Хорош гусь! — не выдержал Стасов. — Что сгружал с машины?

— Муку.

— Ишь ты, как наловчился пыль в глаза пускать. Какую муку? В рулонах?

— Обыкновенную муку.

Стасов сорвался с места и вплотную подошел к Евлоеву.

— А ружье зачем брал?

— Ружье? Оно в дороге не лишнее. Ночь, степь.

— Стрелял? — горячился Стасов.

— Было дело. Лисица сманила. Не выдержал.

— Ишь ты! Напала совесть на свинью, когда отведала полена. Ты лучше расскажи, кто и где по тебе стрелял?

— Как стрелял?

— Хватит очки втирать! — крикнул Стасов. — Посмотри на свой полушубок. Весь изрешечен.

Евлоев наклонил голову.

— Это, что ли? — поднимая полу, переспросил он. — Так это кислотой брызнуло. Заливал аккумулятор и не поберегся.

Прокопьев с досадой подумал: «Вместо того, чтобы разобраться на месте, тащит в отделение. Несведущий человек и тот скажет, что полушубок сожжен кислотой».

IV

Был апрель. У ворот городской автобазы стояли лужи грязной воды. Автоинспектор Касымов, приподняв полы милицейской шинели, легко перепрыгнул одну из луж и, встав на сухое место, подождал Прокопьева.

— Где вас искать, товарищ капитан?

Прокопьев осмотрел огромную площадку автобазы, заставленную неисправными машинами.

— Скорее всего, в мастерских. Или в конторе.

— Ну, а я в диспетчерской.

Прокопьев отыскал главного механика и, выбрав удобный момент, предъявил удостоверение личности. Тот понимающе кивнул головой, вытер о телогрейку измазанные руки и, затоптав окурки, направился за Прокопьевым.

— Мне нужно кое-что посмотреть. Кстати, сколько на ходу машин ЗИЛ-164?

— Шесть.

Прокопьев достал блокнот и записал фамилии шоферов. Разговорились. Главный механик довольно метко характеризовал достоинства и недостатки каждого из шести шоферов.

— Вергала — рубаха-парень. Как говорится, душа нараспашку, язык на плечо. Коноплев, что Плюшкин. Потерялись ключи или еще что — ищи у него в машине. Скажет: «Валялись, вот и подобрал». Работающий мужик. Карпенко — человек молчаливый. Слова не добьешься. Но дельный.

Назвав фамилию Далиева, механик на минутку задумался, разминая узловатыми пальцами папиросу.

— О Далиеве мы не раз говорили. Что ни рейс в районы области, так километраж больше других, хотя пункты разгрузки или погрузки на одинаковом удалении. Или друзей у него много? Но не пьет. Для нас, пожалуй, это самое главное. Сколько побито машин по пьянке. А план грузоперевозок не снижает.

— А как Далиев на руку?

— Это уж, так сказать...

— По нашей линии, — подхватил Прокопьев.

— Да, да.

Оба засмеялись.

Автоинспектора Прокопьев застал при изучении путевых листов.

— Ну как?

— Пока что доложить не о чем, товарищ капитан. В ту ночь в сторону Бобровского совхоза рейсов не было. Вот в Осмерыжский пункт «Заготзерно» ходило шесть автомашин.

— С каким грузом?

— Сухой асфальт в брикетах.

— Марка машин?

— Та, что ищем.

— Давайте еще раз посмотрим путевые листы.

Читая фамилии, Прокопьев вспомнил характеристики водителей.

Когда автоинспектор открыл путевой лист Далиева, Прокопьев подумал: «Наверное, опять двойной рейс» — и внимательно стал рассматривать разбросанные цифры.

— Не разберу. 460? — спросил Прокопьев.

— Да, а что?

— Сейчас узнаем. Какой километраж у других?

— Вергала — 250, Коноплев — 260, Карпенко тоже 260...

— Опять двойной рейс. Так, путевой лист Далиева, видимо, потом изыщем. Возьмите в бухгалтерии официальную справку о расстоянии до Осмерыжска.

По копиям накладных Прокопьев установил, когда был сдан груз в Осмерыжский пункт «Заготзерно». У Далиева значилось восьмое марта, тогда как у других — седьмое. Где был Далиев в ночь с седьмого на восьмое марта? Почему у него километраж вдвое больше других?

Чтобы дать ответы на эти вопросы, капитан решил выяснить личность Далиева и его связи.

Каждый шаг Далиева теперь уже подробно изучался работниками милиции. В «бобровское дело» подшивались все новые и новые данные, добытые кропотливым трудом.

Прокопьева вызвали с докладом.

— 29 апреля, — начал капитан, — в 5 часов утра Далиев на машине подъехал к своему дому, через десять минут вынес узел, который уложил под сиденье машины. В Комсомольском поселке вошел в дом номер 23, постучал во вторую дверь справа...

— Кто там проживает?

— Установили: Семенов Борис, ранее судимый.

— Приметы?

— Выше среднего роста, скуластый, стрижен под машинку. Перед отъездом Далиев отсчитал несколько кредиток. Вышедший вместе с ним из дому Семенов чем-то возмущен. Далиев отсчитал еще.

— Встреча зафотографирована?

— Да.

— Хорошо. Чем занимался после этого Семенов?

— А через два часа Семенов с чемоданом был на вокзале, купил билет до Жолкудука. В Жолкудуке подходил к водителям автомашин, просил подбросить дальше, до станции Калкаман. Почему он не взял билет сразу до Калкамана, выяснить не удалось. Выехал на машине ЗИЛ ШЮ-63-17. В кузове было пятеро. В Калкамане Семенов долго кружил по улицам. Потом с чемоданом зашел в третий дом от поворота шоссе. Момент зафотографирован. Проживает там Харченко. От него вышел без чемодана.

— Что за человек Харченко?

— Есть сведения, что Харченко на днях продал два отреза драпа.

— Немедленно и одновременно сделайте обыск в квартирах Семенова и Харченко.

— Есть!

v

Ночь. Косой дождь больно хлещет в лицо, холодные капли скатываются за воротник плаща.

Хромовые ботинки сотрудника уголовного розыска Шафикова насквозь промокли. До боли мерзнут поясница и колени, а пальцы ног он уже давно перестал чувствовать. Но сменить место на другое нельзя: отсюда отличный обзор для наблюдения.

Идет третий час... «Теперь скоро», — вздыхает облегченно Шафиков, посматривая на дверь квартиры.

Через час из-за угла кирпичного дома выкатился «газик» и три раза мигнул фарами — условный знак. Шафиков вышел из-за укрытия. Окинув продрогшую фигуру оперуполномоченного, Прокопьев сочувственно проговорил:

— Выдержал?

— Дело привычное.

— Что нового? — осведомился Прокопьев.

— Без изменений. После двадцати двух Семенов не выходил.

— Значит, не подозревает. Как с понятыми?

— Договорился. Из двадцать первого дома.

— Приглашай.

Дверь открыла жена Семенова. Из спальни, чертыхаясь, вышел Семенов.

— Что за воронье слетелось? — прошипел он.

— Гражданин Семенов, вот ордер на обыск.

— Нема делов, начальники. Пустые хлопоты.

— Посмотрим.

Семенов, захлебываясь папиросным дымом, выдавил:

— Щенки! Сопляки! Сявки! Да я таких, как вы запросто...

Он сорвался со стула, сделал быстрое движение снизу вверх, как бы нанося удар финкой, и вдруг отскочил. На лице Прокопьева не дрогнул ни один мускул. Только его плечи чуть подались вперед.

— А-а, гады! — рычал Семенов, тяжело дыша. — Ха-ха-ха! — вдруг истерически рассмеялся он. — Милости прошу. Вижу птицу по полету. Ценю. Эй, ты! — метнул он взгляд на кухню, где плакала жена. — Поднеси моим «спасителям» по стаканчику коньяку за упокой моей души.

— Кончайте, Семенов!

Обыск начался с лежанки, застланной пуховыми подушками. Под ними лежали ковры. Насчитали пять. Понятые помогли Шафикову отнести их в комнату.

— Прошу ключ от сундука.

— Потерян, — не подымая головы, бросил Семенов.

— Взломать! — распорядился Прокопьев.

— Эй, ты, сексотка, отдай ключи, — со злобой швырнул слова Семенов. Жена передала связку ключей.

Открыли массивную крышку доверху наполненного разными товарами сундука. Шафиков едва успевал вносить в протокол наименования вещей. Две «москвички», семь пар женской модельной обуви, пять отрезов шерсти, вельвет, драп...

Из спальни перешли в просторную комнату. Прокопьев долго смотрел на разостланный под ногами ковер.

— Вписывай и этот, — распорядился он. Когда убрали ковер, Прокопьев присел на корточки.

Подошел Шафиков.

— Щель свежая.

Семенов заерзал на стуле.

— Хозяйка, принесите топор, — сказал Шафиков и попросил понятого пройти вместе с нею.

С большими усилиями вскрыли половицу. Затхлый запах сырости ударил в нос.

— Давай, Федя, — кивнул головой Прокопьев. Шафиков осветил фонариком в темную пасть подпола и спустился.

— Принимайте! — вскоре донеслось из-под пола. Мешок, второй, картонная коробка. Осмотрели. В одном мешке — вельвет, в другом — рулон шерсти. В коробке — карманные часы.

— Где ружье, Семенов?

Семенов скривил рот:

— Какое ружье?

— Охотничье. Из которого стреляли в Бобровском совхозе. Чье оно? Ваше или Далиева? А может быть, Харченко?

Вопрос не на шутку встревожил Семенова. Он вдруг размяк, втянул стриженую голову в плечи, задумался. За перегородкой на кухне все громче плакала жена.

— Ружье на вешалке под плащом.

Потом добавил: — Заряжено картечью.

VI

Харченко, задержанный в Калкамане, признался первым. На очной ставке с Семеновым, в момент, когда оперуполномоченный отвлекся, Харченко с диким воплем сорвался с места и сильным ударом сапога в один миг сбил Семенова на пол.

— Ты, подлюга, посадил меня! — захлебываясь, ревел он. — Ты ограбил Кызыл-Каганский магазин. Ты!

К «бобровскому делу» вскоре прибавилось еще три объемистых тома по другим кражам.

Харченко рассказал все подробности ограбления. Но скрыл фамилию третьего соучастника, шофера...

Обыск на квартире Далиева ничего пока не давал. Изъятые трехствольное охотничье ружье, как утверждал Далиев, принадлежит не ему, он принял его на хранение в конце апреля, то есть после ограбления магазина, от брата, отбывающего наказание.

Что касается двойного километража и сдачи груза только восьмого марта, он пояснил, что в соседних совхозах искал запчасти и представил справку, что седьмого марта в одном совхозе ремонтировал свою автомашину. К справке приложил список деталей, заимствованных им в тот рейс. Поэтому он и сдал груз только 8 марта.

Правда, оперативники не принимали всерьез доводы Далиева, но в санкции на его арест было отказано. Связь в Семеновым пока что нельзя рассматривать как доказательство соучастия в грабеже.

Прокопьев направил на баллистическую экспертизу ружье и заряженные патроны, изъятые у Далиева, а также гильзы с места происшествия.

Вскоре пришли результаты экспертизы:

«Четыре исследуемых гильзы, обнаруженные на месте ограбления магазина в совхозе «Бобровском», расстреляны из охотничьего ружья, изъятого у Далиева Ю. Ш.»

... На второй день после ареста Далиев был вызван на допрос. Прокопьев, просматривая за отдельным столом блокнотные записи, казалось, не имел никакого дела к допросу, который вел опытный следователь.

Далиеву двадцать восемь лет. Подтянутый. Цепкие темно-карие глаза. Нос орлиный, длинная шея и на ней — выпирающий кадык. Губы тонкие, бледные.

— Расскажите подробнее, как вы провели день седьмого марта, — обратился к Далиеву следователь.

Далиев говорил без запинки. Он привел десятки фамилий людей, с которыми встречался, как доставал запасные части, где спал ночью, в каком селе, как рано утром, устранив неисправности, ехал в рейс.

— Непонятно, Далиев, как же могло случиться, что вы разъезжали на неисправной машине в поисках запасных частей?

На несколько секунд Далиев приумолк, потом ответил:

— Ездить было можно. Масло гнало из картера.

— А почему на неисправной машине выехали из гаража?

— Не заметил.

— А может быть, спешили в другое место?

Неподвижные глаза Далиева сузились. Вмешался Прокопьев:

— Вы начните лучше с того, как в ночь на 8 марта остановились с грузом в Комсомольском поселке, там вас видели.

Видели? В глазах Далиева потемнело. Прокопьев, поднявшись из-за стола, крупными шагами стал ходить по кабинету.

— Ждем, Далиев.

— Послушаю сначала вас, гражданин начальник. — Кривая, дрожащая улыбка расплылась на лице Далиева.

— Можно и так. Нам известно, что седьмого марта, примерно в полдень, вы погрузили на свою машину сухой асфальт в брикетах и вместе с другими шестью машинами выехали в сторону Качир. Не доезжая моста, в районе элеватора, вы свернули в Комсомольский поселок и загнали машину во двор знакомого вам шофера. Там скинули груз. Машину оставили и пешком направились к Семенову. Вскоре на такси приехал Харченко.

— Не докажете! — крикнул Далиев.

— Докажем, — невозмутимо ответил Прокопьев, доставая из кармана блокнот. — Слушайте дальше. До пяти часов вечера вы пьянствовали. Вы пили мало. Это нам тоже известно. Мелочь? Допустим. Выехали в седьмом. Вы за рулем. В десятом часу прибыли в Бобровский совхоз. Зашли на квартиру к Николаеву, вашему соучастнику по другим кражам. Кстати, он арестован. Николаев на «дело» с вами не пошел...

— На хитрость берете? — перебил Далиев.

— Можно вас ознакомить с протоколом допроса Семенова.

— Ознакомить! На чужой рот пуговицы не нашьешь.

— Вы распили литр водки и в первом часу ночи взяли ружья, лом и поехали в сторону магазина. Не доезжая до магазина, Семенов и Харченко вышли из кабины и пошли пешком, вы, Далиев, остались у машины с заданием сорвать провода. Когда погас свет, Семенов обезоружил сторожа и помог Харченко взломать запоры магазина. Потом Харченко прибежал за вами. В руках у него было ваше, заметьте, ваше ружье. Он сел в кабину. В вас начали стрелять. Вы ответили тем же. Примерно за три часа доехали до Павлодара. Товары оставили на квартире Семенова. У него безопасно. Потом, загрузив машину сухим асфальтом, рано утром 8 марта выехали оттуда. Вот почему у вас получился двойной рейс.

В окнах синевой хмурилась ночь. Где-то глухим ударами бухал первый гром. Прокопьев подошел к открытой форточке, вдохнул полной грудью прохладный воздух.

— Продолжайте, Александр Семенович, — обратился Прокопьев к следователю, не поворачивая головы. Он почувствовал себя нездоровым. Перед глазами всплывали красные круги.

— Я не стрелял! — наконец заговорил Далиев. — Я не грабил!

— Кто же стрелял?

— Они, все они. Я только шофер. Где правда?

— Правда? Да, всякий правду ищет, да не всякий ее творит.

Далиев замолк. Потом он ухватился за голову, вскочил со стула и со стоном опять опустился на свое место.

— Вы брали свое ружье?

— Нет.

— Тогда я вам напомню, что из вашего ружья произведено четыре выстрела. Ровно четыре.

Это подействовало на Далиева. Колючий страх, бессильный гнев и удивление перемешались на его лице.

— Не удивляйтесь, Далиев, ровно четыре выстрела. Один из левого ствола, три — из правого. Это доказано экспертизой.

Стоптаный каблук сапога Далиева начал выбивать короткую дробь. Облизывая сухие губы, он жадно смотрел на графин с водой. Следователь наполнил стакан и подал арестованному.

— Еще, — прошептал он...

Г. СМИРНОВ, подполковник милиции.

г. Павлодар.

В. Розенцвайг

«СТРАННИКИ»

Светлой памяти учителя и друга полковника милиции **САВИЦКОГО ВИКТОРА БОЛЕСЛАВОВИЧА**, погибшего 16 января 1946 года, п о с в я щ а е т с я.

Началось все с того, что на одном из полустанков, где остановился воинский эшелон, направлявшийся на фронт, к одному из товарных вагонов подбежала женщина в темных очках. Она попросила солдат задержать скрывающегося неподалеку убийцу.

Несколько добровольцев пошли вместе с женщиной и вскоре привели к эшелону мужчину. Солдаты предполагали увидеть огромного свирепого на вид человека, и когда перед ними появился маленький тщедушный человек, они не удержались от смеха. Но женщина настойчиво твердила, что перед ними настоящий убийца. На полустанке живут женщины и старики, и ей некому помочь. Солдаты недоверчиво слушали ее. Прозвенел колокол, эшелон отправлялся. Воины решили взять с собой странную пару. Через два часа на большой станции солдаты сдали случайных попутчиков милиции. Эшелон ушел на Запад, а прибывший из линейного отдела милиции работник начал допрос задержанных.

Женщина назвалась Калымкиной Марией Ивановной^[17]. Ни у нее, ни у мужчины не было никаких документов. Она рассказала, что долгие годы она и задержанный Королев Семен Сергеевич промышляют нищенством, мошенничеством и кражами, странствуя по селам и небольшим городам.

Вначале они воровали на базарах и вокзалах, но их несколько раз ловили и избивали. Поэтому «странники» решили действовать иначе. Не раз смотрели они с завистью на слепых нищих, которые неплохо зарабатывали, пользуясь тем, что люди их жалели. Но как притвориться слепыми? Помог случай.

Как-то ненастье загнало странствующих супругов в заброшенный сарай, где они, к своему удивлению, застали одного знакомого им по базарам слепого бродягу, который в действительности оказался зрячим. За небольшую мзду «специалист» обучил Королева повадкам слепого. Калымкиной купили черные очки и стала она поводырем.

«Странники» быстро освоились в новой роли. Во многих селах Казахстана и Сибири видели этих «несчастных». Супруги выучили несколько псалмов и теперь, приходя в село, быстро находили общий язык с верующими старушками, которые принимали у себя этих «божьих людей». Сердобольные люди кормили и поили их, снабжали одеждой, деньгами и продуктами на дорогу. Крестьяне слушали жалостливую, историю, которую рассказывали Королев и Калымкина, «о постигшем их в детстве несчастье, коварстве состоятельных родственников и упорной борьбе за восстановление своих прав во имя справедливости».

Королев настолько вошел в роль слепого, что мог несколько дней с закрытыми глазами находиться в обществе других людей. При этом он успешно справлялся и с выпивкой, и с закуской, которыми их потчевали хозяева, успевал многое высмотреть и наметить.

Во второй и третий раз «божьих людей» встречали в одних и тех же селах как старых знакомых. Их охотно оставляли в гостях, доверяли дом, когда хозяева уходили на работу. Это доверие проходимцы использовали в своих целях, обирая простодушных людей. Делали они это так искусно, что всегда оставались вне подозрения. Окружающие были уверены в абсолютной слепоте Королева и почти полном отсутствии зрения у Калымкиной. Мошенники никогда не покидали гостеприимного крова сразу же после совершенной кражи, всячески сочувствуя хозяевам в их беде. Чаще всего пропажу вещей или денег они объясняли тем, что днем уходили из дому на базар или в церковь, оставляя двери открытыми.

Королева и Калымкину знали в лицо многие работники сельской милиции, однако им было не до них. Да и кто мог подумать, что под маской слепых скрываются воры, а Королев к тому же укрывается от мобилизации в армию.

Во время одного из переходов из села в село на юге Казахстана «слепые» познакомились со стариком и старухой, ехавшими на своей подводке в гости к родственникам. Посочувствовав «инвалидам», старики взяли их с собой. Старики не скрывали, что они везут кое-какие деньги для того, чтобы купить одежду и обувь. Почуввав легкую добычу, Королев и Калымкина сговорились убить стариков и завладеть их деньгами и имуществом. Заранее разработав план действий, преступники днем в степи напали на стариков и зверски их убили. Бросив трупы в болото, «странники» продали в ближайшем селе подводку и лошадь, а также вещи стариков. Денег у убитых оказалось очень мало.

Кто знает, как долго бы обирали доверчивых людей «слепцы», если бы супруги не поссорились. Обиженная мужем, Калымкина решила досадить Королеву и рассказала обо всем.

Королев категорически отвергал свою причастность к убийству. Он заявил, что Калымкина душевнобольная и поэтому оговаривает и себя и его. Показания Королева вначале вроде бы подтвердились тем, что в республиканской милиции не было

зарегистрировано убийство, о котором так подробно рассказывала Калымкина. Никто не заявлял и о кражах, совершенных «слепцами».

Распутать этот клубок работники линейного отдела милиции не смогли и передали дело о «странниках» в следственное отделение республиканского уголовного розыска. Следователь, принявший дело в свое производство, начал с судебно-психиатрической экспертизы.

Специальная комиссия врачей-психиатров, которую возглавлял главный врач Алма-Атинской психиатрической больницы Илья Сафронович Пронских, тщательно разобралась в деле и своим категорическим заключением о психической полноценности Калымкиной серьезно помогла расследованию.

Надо сказать, что некоторые работники уголовного розыска и прокуратуры с самого начала скептически относились к показаниям Калымкиной, считая ее если не психически больной, то просто болтуней, решившей отдохнуть в тюрьме (такие случаи в практике встречались). Они предлагали не тратить попусту времени и предать «слепцов» суду за бродяжничество, а Королева также и за уклонение от воинской повинности. Для этого были все основания, и дело могло быть закончено расследованием в течение нескольких дней. Тем более, что убийство, о котором так настойчиво говорила арестованная на допросах и во время проведения экспертизы, не было зарегистрировано, и работники милиции, казалось бы, формально не несли ответственности за его раскрытие.

Но это формально. А совесть следователя не давала ему покоя. К тому же убедительность, с которой Калымкина описывала детали убийства и нескольких краж, мнение врачей-психиатров об отсутствии у нее даже малейших признаков заболевания, наконец, личности самих арестованных, представляющих законченный тип тунеядца, — все это являлось серьезными аргументами в пользу продолжения расследования.

Взяв фотографии Калымкиной и Королева в том виде, в котором их могли помнить жители названных Калымкиной селений (Королев был сфотографирован с закрытыми глазами, а Калымкина в черных очках), следователь выехал на поиски следов преступления.

И все оказалось так, как утверждала Калымкина. Жители одного из сел, расположенного вблизи границы Казахстана и Киргизии, показали, что летом прошлого года в небольшом болоте были обнаружены трупы старика и старухи. Об этом был поставлен в известность участковый уполномоченный, который не стал принимать никаких мер, а предложил сообщить о случившемся в Киргизию, так как болото находилось, по его утверждению, на территории Киргизии. Неискушенные в подобных делах колхозники похоронили убитых, о чем секретарь сельсовета составил соответствующий акт. Этот документ был направлен в отделение милиции соседнего района Киргизской ССР. Но в акте не было главного — в нем ничего не говорилось о насильственной смерти стариков — и он был возвращен в сельсовет и подшит в дело с разной перепиской, где и хранился до прибытия следователя. И место, где произошло убийство, и сохранившаяся на трупах одежда подтверждали показания Калымкиной.

Успех воодушевил следователя. Он энергично продолжал расследование и вскоре установил не только личности убитых, но и точный перечень вещей, которые они везли с собой, сумму денег, а также возраст и масть лошади, приметы подводы и маршрут следования стариков. Удалось найти лошадь, подводу и некоторые вещи потерпевших, проданные после убийства Калымкиной и Королевым. Покупатели опознали по фотографиям «странников». Установлены были и некоторые потерпевшие, у которых

«божьи люди» похитили различные вещи и деньги. После возвращения в Алма-Ату следователь ознакомил со всеми этими документами Королева, который в конце концов полностью подтвердил свою причастность к убийству и кражам. Вспоминая все детали преступления, он назвал приметы людей, которые видели их вместе со стариками накануне убийства, а также обрисовал место в степи, где он закопал орудие убийства — бритву. Поскольку следствие не располагало против арестованных ни одной прямой уликой, пришлось вторично выезжать к месту убийства, и после долгих поисков была, наконец, найдена закопанная в степи под камнем заржавевшая бритва. Кроме того, были допрошены новые свидетели. Сомнений не оставалось: все рассказанное Калымкиной — правда.

Королев охотно давал показания, не скрывая, что, по его мнению, он хорошо устроился в жизни. Он ни одного дня не работал, а деньги, еда и вино у него не переводились. Еще парнем ушел он из дому и бродяжничал почти четверть века. Интеллект этого существа, только внешне напоминавшего человека, был настолько ничтожен, что Королев даже точно не знал, с кем около четырех лет воевал наш народ, за счет которого кормился «божий человек». Королев и не думал шутить (юмор был чужд ему вовсе), когда, отвечая на вопрос следователя о причине уклонения от мобилизации в армию в военное время, сначала сказал, что не слышал о войне, а затем припомнил, что где-то на базаре он узнал о том, что «Россия воюет с турками». Не отличалась умом и подруга Королева — Калымкина. Даже среди уголовников-рецидивистов редко приходилось сталкиваться с такими полностью опустошенными людьми. «Дело о странниках» рассматривал военный трибунал, осудивший Калымкину и Королева по всей строгости закона.

Вспоминается и еще одно запутанное дело. Про себя я называю его «Делом о каракулевой шапке». Оно тоже связано со «странником», но «странником» несколько другого типа, чем бродячие «слепцы».

«Каракулевая шапка». Так намеревался назвать свою повесть о работе милиции один крупный аферист Симеонов, «писатель» и «ученый», разоблаченный в свое время в Алма-Ате. При обыске в числе многочисленных фиктивных документов у Симеонова была изъята рукопись, озаглавленная «Каракулевая шапка». Как оказалось впоследствии, мысль написать повесть о работе милиции возникла у Симеонова при следующих обстоятельствах. Однажды он был случайно приглашен в качестве понятого при расследовании дела об убийстве. Принимаясь за повесть, Симеонов надеялся, что он сумеет войти в доверие к работникам милиции и завязать с ними дружбу. А это было крайне необходимо Симеонову, так как именно от работников милиции, которые в любое время могли разоблачить его, во многом зависела не только дальнейшая карьера этого «писателя» и «ученого», но, естественно, и пребывание его на свободе.

Итак, чтобы рассказ о Симеонове был полным, придется начать не с его разоблачения, а со дня первого знакомства Симеонова со следователем Райковым. По случайному совпадению именно Райкову пришлось впоследствии заниматься делом Симеонова, которое по своей фабуле является далеко не рядовым.

...Ранним зимним утром рабочие одного из заводов обнаружили в переулке полураздетого человека, лежащего на снегу. Они немедленно поставили в известность скорую помощь и дежурного районного отделения милиции. Прибывший на место происшествия врач констатировал смерть неизвестного, наступившую несколько часов назад, а работники милиции зафиксировали картину ночного разбоя.

Пострадавший — пожилой человек высокого роста и могучего сложения, судя по рукам со следами многочисленных ожогов, кузнец или сварщик, — встреченный преступниками

в темном переулке, не испугался и принял бой. Об этом свидетельствовали вытоптаный окровавленный снег, куски полы от овчинного полушубка, валявшиеся в нескольких шагах, нехитрые покупки, которые, очевидно, потерпевший нес домой. Невдалеке были обнаружены и втоптаные в снег старинные карманные часы «Павел Бурэ», остановившиеся в 11 часов 30 минут. Преступники нанесли своей жертве несколько ножевых ранений. Однако только страшный удар ножа в лицо сразил богатыря. На пострадавшем не было верхней одежды, шапки и обуви. Карманы брюк были вывернуты.

Для успешного расследования каждого преступления, а тем более связанного с убийством, очень большое, а иногда и решающее значение имеет своевременное установление личности потерпевшего. Милиция города немедленно предприняла все необходимые меры. В тот же день было установлено, что убитым является кузнец одного из заводов Добров, проживавший неподалеку от того места, где его настигла смерть. Добров подвергся нападению в то время, когда шел с работы. У убитого были похищены старая каракулевая шапка, полушубок, сапоги, документы и немного денег. Эти сведения дали возможность начать розыск преступников. Кроме того, принимались меры к установлению очевидцев преступления. Некоторые из допрошенных жителей близлежащих домов показали, что в ночь, когда было совершено убийство, они слышали крики и шум на улице, но побоялись выйти. Через несколько дней после опроса многих людей в доме, расположенном недалеко от места убийства, была найдена женщина, оказавшаяся очень важным свидетелем.

В тот вечер, когда случилось убийство, она задержалась у знакомых, которые жили в другом конце города, и возвращалась домой довольно поздно. Еще в трамвае она забеспокоилась о том, как пойдет одна по темной улице. Среди пассажиров в трамвае был и Добров, которого она немного знала. Женщина попросила Доброва проводить ее. Добров и его попутчица сошли на остановке вместе. По пути они прошли мимо группы молодых людей. Через несколько минут молодые люди догнали Доброва и его спутницу и один из них грубо попросил закурить. Почувствовав неладное, кузнец посоветовал своей спутнице идти вперед, а сам остался с остановившимися его молодыми людьми. Женщина быстро пошла к дому. Оглянувшись, она увидела, что ее догоняет незнакомый человек, и бросилась бежать. Она слышала, как кто-то крикнул: «Володя, оставь ее». Женщина так остро переживала ночное событие, что даже слегла в постель на несколько дней. Поэтому домашние ничего не сказали ей об убийстве, так как боялись, что нервное потрясение усилится.

Таким образом было установлено, что одного из преступников, видимо, звали Владимиром. Конечно, это не очень много, чтобы быстро найти убийцу в большом городе. Но ниточка есть. Для розыска преступников решили использовать подворный обход. Сотни людей — не только оперативные работники, но и паспортисты, делопроизводители, даже секретари-машинистки — в строгом порядке по заранее разработанным маршрутам обходили дом за домом, пытаясь найти преступников. Они расспрашивали обо всех молодых людях по имени «Владимир», интересовались, не носят ли «Владимир» или его товарищи каракулевую шапку, пытались найти хоть маленькую зацепочку в этом трудном деде.

Что и говорить, работа трудоемкая, кропотливая. Далеко не все надеялись на успех этого мероприятия, а скептики настаивали на прекращении поисков преступников таким способом. Однако «прочесывание» районов города все же продолжалось. Участники этой операции работали все более и более усердно, узнав, что во время обхода домов удалось выявить ряд опасных преступников, которых разыскивала милиция.

«Повезло» молодому оперативному уполномоченному, выпускнице школы милиции Евдокии Марковой. В одном из дворов она разговорилась с подростком, который рассказал ей о группе хулиганов, проживающих по соседству. Среди них был парень, по имени Володя, по словам подростка, всегда имевший при себе нож. Новый знакомый Евдокии Марковой рассказал также, что несколько дней назад у Володи появилась каракулевая шапка, которую он предлагал купить соседям. Сведения, полученные Марковой, были проверены в течение нескольких часов. Проверка Володи и его дружков показала, что молодые люди не учатся и не работают. Однако деньги у них водятся. «Наставником» группы был опытный уголовник «Славка», вокруг которого группировались эти ребята, празднично проводившие время. Большинство из них были хорошо известны работникам районного отделения милиции, куда Володя и компания неоднократно доставлялись за драки и по подозрению в кражах. К вечеру были собраны все данные, являвшиеся основанием для задержания Владимира Тимкина и его группы. При обыске у Владимира была обнаружена каракулевая шапка, размером и фасоном похожая на шапку Доброва, а в сарае, под дровами, во дворе дома, где жил один из товарищей Володи, был найден окровавленный полушубок с оторванной полкой. При тщательном исследовании на одежде у двух задержанных, в том числе и у Тимкина, были обнаружены следы крови. Двое задержанных на первом же допросе рассказали о том, что несколько дней назад участвовали в нападении на прохожего.

Владимир Тимкин, у которого была изъята каракулевая шапка, сначала отрицал свою причастность к преступлению, утверждая, что шапку купил на рынке месяц назад. После очных ставок, на которых его дружки изобличили Тимкина, Владимир сознался. Он назвал следствию тайник, где был спрятан нож. Разоблачение группы Тимкина, организатором и вдохновителем которой являлся рецидивист Вячеслав Углов, также арестованный по этому делу, помогло раскрыть целый ряд краж и грабежей в одном из районов города. Все арестованные преступники были сурово наказаны.

Вот об этом-то деле и намеревался писать повесть «писатель-странник» Евгений Симеонов. Узнал он о нем при следующих обстоятельствах. Шапка, обнаруженная у Тимкина, могла стать очень серьезной уликой только в том случае, если ее опознают лица, которые хорошо знали приметы одежды Доброва. Чтобы опознание было полноценным, шапку можно было предъявить родственникам потерпевшего только вместе с другими, похожими на нее, головными уборами. Одна похожая нашлась у шофера, проживающего по соседству с управлением милиции, а вторая (ну точь-в-точь, как та, что была изъята у Тимкина), была замечена следователем Райковым у незнакомого мужчины, который ожидал кого-то в приемной управления. Райков представился и, узнав, что это писатель Симеонов, пришедший к своему знакомому — редактору милицейской многотиражки, — попросил писателя одолжить шапку на полчаса. Одновременно он пригласил Симеонова быть понятым во время опознания, на что тот охотно согласился, добавив, что он орденосец, участник нескольких войн.

Когда недолгая процедура опознания была окончена и Райков начал оформлять протокол, Симеонов неожиданно заявил, что эта случайно услышанная история с раскрытием убийства Доброва настолько вдохновила его, что он готов прервать работу над очередной пьесой и начать писать повесть о работниках милиции.

Райков объяснил Симеонову, что ввести его в курс дела он сможет только по окончании расследования. Через несколько минут, раскланявшись, Симеонов покинул кабинет, взяв предварительно с Райкова слово, что он будет поставлен в известность о конце расследования.

Так началось знакомство Райкова с Симеоновым. Правда, близкими знакомыми они не стали даже спустя несколько лет. Каждый раз при встречах Симеонов извинялся, сетовал на свою чрезмерную загруженность и говорил, что никак не может выкроить время для работы над повестью.

— Название уже есть, — говорил Симеонов. — «Каракулевая шапка». А времени нет, — и сокрушенно разводил руками.

Затем Симеонов куда-то исчез. Года через три Райков случайно встретился с ним у билетных касс на Казанском вокзале в Москве. Возвращаясь домой из отпуска, Райков уже несколько часов томился в очереди за билетом. Внезапно его окликнул Симеонов, который шел к кассе, держа в руках какую-то бумагу. Услышав, что Райков тоже едет в Алма-Ату, Симеонов с сожалением сказал, что поздно узнал об этом, иначе бы обязательно в правлении Союза писателей он получил бы бронь и для Райкова. Симеонов моментально, без очереди купил билет и, попрощавшись с Райковым, ушел. Следовательно удалось тогда выехать из Москвы только на следующий день. Этот незначительный, казалось, эпизод был бы забыт Райковым, если бы Симеонов не напомнил о нем на суде. Но об этом позже.

Примерно через полгода после встречи с Симеоновым в Москве Райкова вызвал начальник управления и рассказал ему о сообщении старого чекиста — пенсионера Никитина. Никитин поделился своими подозрениями в отношении Симеонова, который, выдавая себя за корреспондента «Правды», занимался шантажом и вымогательством.

Никитин рассказал о случае с директором одной из автобаз, которого Симеонов избрал своей жертвой. Он шантажировал директора, заявляя, что располагает компрометирующим материалом, который будет опубликован в «Правде». Симеонов несколько раз назначал этому хозяйственнику свидания в ресторанах и пьянствовал за его счет. Райков никак не мог поверить, что герой гражданской войны, писатель-орденоносец Симеонов способен на такое. Своими сомнениями он откровенно поделился с комиссаром, который все же порекомендовал очень осторожно проверить сообщение Никитина.

Следователь обратился в Союз писателей Казахстана. Один из известных казахстанских романистов внимательно выслушал Райкова и сказал, что поведение Симеонова вызывает у него сомнения. Так следователь познакомился с анкетой, которую Симеонов заполнил в Союзе писателей. Здесь удалось обнаружить некоторые несоответствия и неточности.

Например, в анкете Симеонова было указано, что в 1931 году он окончил литературный факультет в Киеве, через четыре года — исторический факультет в Харькове, в 1937 году защитил кандидатскую диссертацию в Москве, а с 1937 по 1940 год преподавал историю и литературу в московских вузах. Естественно, что для уточнения этих данных нужно было побеседовать с самим Симеоновым, но к этому времени он выехал из Алма-Аты в Семипалатинск, где занимал должность доцента кафедры всеобщей истории в педагогическом институте. На эту работу Симеонова направило Министерство просвещения республики. В министерстве Симеонов сообщил о себе совершенно новые сведения, отличные от тех, которые значились в анкете Союза писателей. Он писал, что учился не в Киеве, а в Харькове (в одни и те же годы) и преподавал не в московских вузах, а в харьковских и т. д. Даже при беглом знакомстве с этими двумя анкетами создавалось впечатление, что заполняли их разные люди. Казалось, ясно: уголовный розыск напал на след афериста. Однако, чтобы не допустить ошибки, скрупулезная проверка продолжалась.

Из Семипалатинского педагогического института Симеонов был уволен через полгода, так как проявил полное незнание предмета, который взялся преподавать. Но провал не обескуражил Симеонова. Заранее предвидя такой исход, он разослал телеграммы с предложением своих услуг в добрую дюжину вузов страны. В конце каждой телеграммы стояла подпись: «Кандидат исторических наук, орденосец Симеонов».

Несколько вузов пригласили Симеонова на работу. Могли ли руководители их представить себе, что в качестве преподавателя древней истории, доцента, кандидата наук им предлагает свои услуги мошенник?

Сославшись на «ухудшение здоровья жены», которая, кстати, даже не выезжала из Алматы в Семипалатинск, Симеонов появляется в одном из городов Кемеровской области, где ему предоставляется место доцента кафедры древней истории в пединституте. Вскоре он становится деканом исторического факультета. Оформляясь на эту работу, Симеонов сообщил о себе уже новые сведения, которые также не подтвердились при проверке. Это был третий официальный вариант его биографии. Четвертый вариант был сообщен Симеоновым на допросе у Райкова, куда он был вызван по приезду в Алма-Ату.

На вопрос о причинах расхождений в анкетах Симеонов ответил, что он обычно очень волнуется, заполняя анкеты или сочиняя автобиографии (он так и сказал — «сочиняя»), и поэтому допускает неточности. Он охотно взялся дополнить данные о себе, сообщенные на допросе. Таким образом был получен пятый вариант биографии этого проходимца.

Симеонов предъявил следователю целую кипу различных документов, которые он, как, впрочем, и многие другие аферисты, всегда имел при себе. Большинство этих документов вызывало сомнение. Диплом об окончании в 1933 году Харьковского института профессионального образования, по заключению графической экспертизы, оказался заполненным рукой самого Симеонова. Этот необычный диплом свидетельствовал о том, что его владельцу сразу же после окончания института было присвоено звание доцента.

Симеонов не отрицал, что диплом заполнен его рукой, объясняя это тем, что документ лежал на солнце, чернила выгорели и он просто восстановил прежнюю запись.

— Скажите, — спросил следователь, — а как получилось, что одновременно с окончанием института вы получили и ученую степень кандидата наук?

— Бланков не было, — ответил Симеонов. — Только через несколько лет мне удалось получить диплом. К тому времени я уже был доцентом, что и нашло отражение в дипломе.

Симеонов, не краснея, объяснял любую несуразицу, совершенно не интересуясь тем, что его объяснения были не менее нелепы, чем содержание проверяемых документов.

«Писатель» оказался прожженным авантюристом. Оставаясь на свободе, он мог скрыться от следствия, и Райков решил взять его под стражу на период расследования. Когда Симеонову предъявили ордер прокурора на арест, «писатель» возмущенно заявил:

— Это ошибка. Мне завидуют мои враги. Завидуют моей литературной славе.

Своими врагами Симеонов считал каждого, кто осмеливался критиковать его бездарные пьесы. Кстати, ни одна из них не появилась на сцене.

На квартире авантюриста провели обыск и обнаружили массу фиктивных документов. Когда они были предъявлены Симеонову, он категорически заявил, что все его документы

подлинными, равно, как и правдивы все данные, сообщенные им о себе в разных ведомствах и в разное время. В конце концов Симеонов вообще отказался давать показания.

Райков спокойно, не торопясь, проверял каждый документ, каждый факт, сообщенный Симеоновым ранее. Это была долгая и сложная работа. Тем не менее дело близилось к завершению.

Ученый совет Московского педагогического института, от имени которого была сфальсифицирована копия о присуждении Симеонову ученой степени кандидата исторических наук, сообщил, что Симеонов никогда не защищал диссертаций в институте. Как оказалось, Симеонов работал в институте сначала завхозом, а потом секретарем ученого совета, но вскоре был уволен за злоупотребления.

Липовыми оказались и его подвиги во время гражданской войны. Симеонов выдавал себя за соратника Михаила Васильевича Фрунзе. Подтверждая свои военные заслуги, «герой» предъявлял заверенную одним из доверчивых районных военных комиссаров копию с письма М. В. Фрунзе, адресованного «всем военным и гражданским ведомствам РСФСР». В письме говорилось о том, что боец Первой Конной армии Симеонов

«...своим личным героизмом 6/ХІ 1920 г. на «Турецком валу» проявил чудеса отваги и, несмотря на контузию, лично уничтожил офицерскую заставу вражеских войск в количестве 16 человек, взяв в плен 3 (три) пулемета «максим», которыми рассеял эскадрой противника, в результате чего части 4-й кавдивизии малой кровью уничтожили значительные силы противника...»

Расследование показало, что Симеонов вообще не участвовал в гражданской войне.

Была бита и еще одна крапленая карта проходимца. На основании копии Грамоты ЦИК УССР, заверенной работником райсовета, Симеонов выдавал себя за кавалера ордена Красной Звезды УССР, в то время как на Украине никогда не учреждалось такого ордена. Знак, который носил Симеонов, был в действительности юбилейным жетоном. Такие жетоны вручались в ознаменование десятилетия Октября рабочим Киевского завода «Арсенал», участникам революции.

Не служил «писатель» и в Первой Конной армии. Изъятая у него фотография неизвестного мужчины, на обороте которой от руки была сделана надпись «Бойцу Первой Конной армии в память от адъютанта Фрунзе», тоже оказалась подделкой. Симеонов уверял, что эта фотография подарена ему адъютантом М. В. Фрунзе в 1920 году. Графическая экспертиза установила: надпись на фотографии сделана самим Симеоновым. Архивы Министерства Обороны и Октябрьской революции сообщили, что среди адъютантов М. В. Фрунзе никогда не было человека по фамилии, названной Симеоновым. Стало известно и другое: «писатель» уклонился от мобилизации в Советскую Армию во время войны, мотивируя это тем, что он был якобы тяжело ранен еще во время гражданской войны. Так как Симеонов продолжал настаивать на этом, была создана медицинская комиссия. После тщательного обследования врачи пришли к единодушному мнению: Симеонов обладает вполне завидным здоровьем и годен к воинской службе. Был он годен к воинской службе и во время Великой Отечественной войны.

Специалисты Казахского государственного университета с целью проверки знаний Симеонова обстоятельно беседовали с ним. Все беседы стенографировались, но и без стенограмм было ясно: знания «кандидата» находятся приблизительно на уровне программы четвертого-пятого класса средней школы. При этом эксперты отметили, что прилежные ученики начальных классов обладают большим запасом знаний.

Суд строго и справедливо покарал мошенника.

Так закончилась история «писателя» и «ученого» Симеонова, одного из «странников», пользующихся благодушием и доверчивостью некоторых людей. Если бы работники различных учреждений внимательно читали липовые бумаги Симеонова, он попался бы где-то в самом начале, не смог бы сделать такой «головокружительной карьеры» и был бы вынужден зарабатывать деньги честным трудом.

В. РОЗЕНЦВАЙГ, полковник милиции.

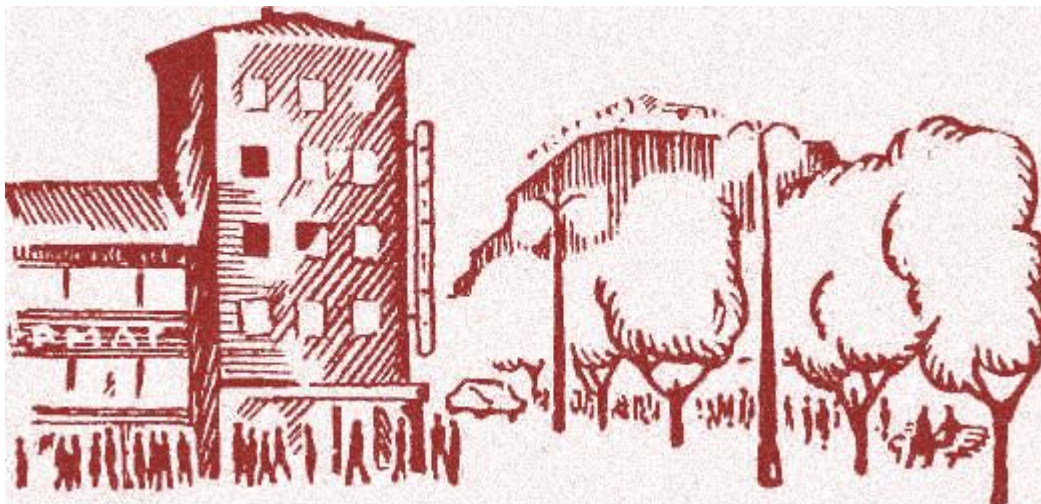
г. Алма-Ата.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПОМОГАЕТ МИЛИЦИИ

Огромное воспитательное значение приобретает сила хорошего примера в общественной и личной жизни, в исполнении общественного долга.

Из Программы КПСС.





И. Антипов

БОЕВЫЕ ПОМОЩНИКИ

В дни своего дежурства дружинник Полеонов испытывает особое чувство торжественности. Люди обращают внимание на его красную нарукавную повязку, видят в шахтере блюстителя правопорядка, своего защитника.

Вот и сегодня дружинник в назначенный час вышел на свою вахту, заторопился по знакомым улочкам шахтерского поселка Шахан... Свернул к штабу дружины, как вдруг неподалеку раздался крик: навстречу бежала испуганная женщина.

— Шабанов буйнит, с топором, — волнуясь, сообщила она дружиннику. — Жену избил, пьяный...

Полеонов подбежал к хулигану в тот момент, когда он занес топор над головой беззащитной женщины. Несколько напряженных и опасных секунд, ловкий прием — и хулиган обезоружен...

А вот еще случай, происшедший в Карагандинской области.

Молодой монтажник Владимир Питенко, возвратившись с работы, вспомнил о купленных билетах в кино. Открыл чемодан, чтобы достать выходной костюм и переодеться, но, к великому удивлению, чемодан был пуст. Исчезли шерстяной свитер, новые брюки... Вскоре пришли товарищи по общежитию. Они тоже не досчитались многих ценных вещей.

Не снимая спецовки, Питенко направился к Михаилу Орловскому — командиру оперативной комсомольской дружины.

Орловский созвал дружинников. Пришли самые крепкие и инициативные: Виктор Панфилов, Николай Стариков, Евгений Сазонов. Сообща обсудили план розыска преступников.

У дружинников давно на примете тунеядцы Яненков и Разельянов. В этот день их видели на вокзале станции Караганда-пассажирская. Дело ясное: дружки собрались покинуть Караганду. Но почему так срочно?

...Станцию Мурза поезд Караганда — Москва проходит в полночь. Дружинники решают выехать туда и дожидаться прихода поезда. На Мурзе они перехватят грабителей.

Но вот беда: скорый не останавливается на этой станции. Зашли к диспетчеру... Орловский посвятил его в свои планы, поведал оперативную обстановку. Железнодорожники обещали сделать трехминутную стоянку поезда на Мурзе.

«А хватит ли этих минут, чтобы проверить вагоны?» — задумались ребята. Кто-то из них предложил сесть на поезд в Караганде, в пути «прочесать» состав. Так и сделали. На одном полустанке дружинники задержали Яненкова и Разельянова. При них оказались вещи, украденные из общежития.

Два факта. Они свидетельствуют о той неоценимой помощи, которую оказывают милиции энтузиасты общественного правопорядка. В Алма-Ате, Караганде, Темир-Тау, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Экибастузе, Целинограде и других городах и рабочих поселках Казахстана созданы и успешно действуют добровольные народные дружины, оперативные комсомольские отряды. Работники милиции помогают им организовывать свою службу, вооружают дружинников правовыми знаниями.

Одно время участились правонарушения в поселке Каменка, что близ Алма-Аты. Участковый уполномоченный милиции Ю. Гуменюк решил посоветоваться с комсомольцами, как лучше организовать охрану общественного порядка. Состоялось собрание. На нем избрали штаб добровольной народной дружины. Участковый уполномоченный провел с дружинниками занятия, разъяснил им права и обязанности, познакомил с советскими законами.

Молодежь горячо взялась за дело. Ребята патрулировали по улицам, дежурили в клубе, не давали спуску хулиганам. С помощью комсомольцев предотвращены злостные хулиганские проявления, раскрыта не одна кража. Ряды дружины пополнились молодыми энтузиастами.

Как-то ребята узнали, что в совхозе «Горный гигант» злоумышленники готовятся похитить зерно нового урожая. Предупредить преступление не удалось. Решили устроить засаду...

В полночь заметили, как несколько человек, сгорбившись под тяжестью мешков, появились со стороны совхозного склада. Дорогу им преградили дружинники. Один из воров выхватил нож, но был схвачен за руку. Преступников скрутили и доставили в поселковое отделение милиции.

Особую храбрость при задержании грабителей проявили дружинники Щербаков, Ефремов, Кондратов и другие. Все они награждены грамотами областного управления охраны общественного порядка и Каскеленского райкома комсомола.

Шло время. Комсомольская оперативная дружина приобрела большую силу, стала надежным подспорьем у милиции.

Грозой хулиганов и пьяниц стали дружинники и в молодом городе Рудном. Здесь многие помнят героический поступок слесаря «Востокметаллургмонтажа» товарища Пагула. Дружинник вступил в схватку с тремя вооруженными хулиганам, которые жестоко избивали машиниста электровоза Васильковского. Тяжело раненный дружинник не отступил, помог задержать преступников.

Добровольные народные дружины Казахстана накопили немалый опыт борьбы по укреплению общественного порядка. Их ряды с каждым днем становятся сплоченнее и организованнее. Все труднее вершить свои темные дела рецидивистам, ворам, грабителям. Земля горит под их ногами.

...Навстречу проводнику вагона Анатолию Ивановичу Смыслову шел мужчина с увесистым чемоданом в руках. «Наверное, новенький», — подумал проводник. Но человек с чемоданом не задержался в вагоне. Прошел в тамбур и стал кого-то ждать.

Смыслов перебрал в памяти пассажиров своего вагона. «Нет, такого не видел...» Поинтересовался: откуда и куда едет? Тот назвал станцию. Но, странно, ее не было на железнодорожной магистрали Москва — Павлодар.

«Может быть, человек заблудился и поэтому попал не на тот поезд?» — продолжал размышлять проводник. Тем не менее позвал дружинников из поездной бригады. Разговор продолжили в служебном купе.

Пассажир отрекомендовался отпускником. Едет к родным, в чемодане — подарки. Он даже попытался перечислить их. Да вот, мол, с билетом некрасиво получилось... Не успел купить на той станции, где сел на поезд.

Дружинники попросили открыть чемодан... В нем оказались не те вещи, что называл задержанный. Сомнений не оставалось: перед ними вор... Вскоре нашелся и пострадавший, хозяин чемодана. Им оказался пассажир этого же поезда.

Работники органов милиции Казахстана проявляют постоянную заботу об укреплении связи с общественностью. Наглядным примером тому служит опыт целиноградцев. Не так давно они провели встречу с горожанами, рассказали о своей нелегкой службе.

Огромный зал Дворца целинников заполнили более двух тысяч человек различных возрастов и профессий. Встрече с огромной аудиторией предшествовала вдумчивая и кропотливая работа. Сотрудники милиции нашли интересную форму собрания. Так и назвали этот вечер: «Поговорим начистоту».

В фойе Дворца демонстрировались выставки и диаграммы «Пьянство — путь к преступлению», фотоснимки с острыми заметками о посетителях медвытрезвителя. Стенд «Наука на службе милиции» рассказал о «тайнах» раскрытия преступлений. Здесь же, не отходя от стендов, работники уголовного розыска, следователи провели консультации по правовым вопросам.

Короткометражные фильмы поведали присутствующим о нелегкой и напряженной службе целиноградской милиции.

Участникам вечера были розданы анкеты. В них всего семь вопросов. Но каждый из их проникнут заботой о будущем города, его людях.

«Какие средства борьбы вы предлагаете с таким злом, как пьянство? Что вы скажете о повышении ответственности родителей за воспитание детей?» — спрашивала анкета. «Какие формы связи с общественностью вы считаете наиболее практичными?» и т. д.

Несколько часов подряд шел принципиальный разговор о больших и малых проблемах. Выступающие клеймили позором тех, кто забыл честь и совесть — хулиганов, рвачей, взяточников.

Безусловно, подобные встречи с общественностью принесут пользу, милиция будет «доступнее» для населения. Поэтому и неслучайно за последние годы в городе покорителей целины становится все меньше любителей рюмки, дебоширов, хулиганов, нарушителей покоя людей.

В 1962 году в республике создан институт внештатных участковых уполномоченных милиции. Его права и функции определяются местными Советами депутатов трудящихся. Внештатные участковые несут свою службу в тесном контакте с дружинниками, у них одни цели — борьба с преступностью.

...В камеру хранения Алма-Атинского аэропорта вошел человек с бородкой.

— Выдайте чемодан, — обратился он к кладовщице Ольге Кошелевой, подавая квитанцию.

Кладовщица поспешила выполнить просьбу, но вернулась с пустыми руками.

— К сожалению, чемодан выдать не могу, — сказала она. — На нем не ваша фамилия.

— Это недоразумение. Еще раз убедитесь по квитанции, — и человек с бородкой, порывшись в карманах, выложил десятирублевку.

— Держите, не помешает...

— Зря беспокоитесь, — заявила кладовщица. — С чемоданом надо разобраться.

Когда странный посетитель удалился, Кошелева пошла к внештатному уполномоченному милиции Ивану Хвастунову. Тот помогал разгружать самолет, прибывший из Павлодара. «Странно», — подумал Иван, разглядывая чемодан... На клочке бумаги, наклеенном на нем, было написано: Котов. Носильщик поднял его. Чемодан был тяжелый, точно налитый свинцом.

В зале ожидания аэропорта Хвастунов встретил постового милиционера старшину Рутковского и рассказал ему о недоразумении с чемоданом.

— Дело нечистое, — сказал старшина, — понаблюдай-ка, Иван, за этим человеком.

Шел двенадцатый час ночи. Хвастунов обошел вокзал, оглядел площадь. Там, на скамейке, одиноко сидел человек. Иван подошел ближе. Нет, приметы, кажется, не совпадают. Не стал беспокоить отдыхающего: впереди, очевидно, трудный рейс.

Прошелся по аллее, вернулся на площадь. Но куда же исчез сидевший на скамейке человек? Вон он! Бежит?!

Иван кинулся следом. Легко перемахнул живую стену из кустарника и сразу же столкнулся с мужчиной. Только теперь носильщик разглядел его кучерявую бородку. Значит, он.

В милиции задержанному Вольхину предложили написать заявление на имя начальника смены, чтобы выдали чемодан. Но он отказался. Почему? Объяснения были путанные. Дескать, квитанция у сына, который где-то в городе. А в чемодане сало и варенье.

А так ли? Все стало ясно после вскрытия чемодана. В нем найдены предметы, которые разоблачили Вольхина как опасного преступника.

Немало надежных помощников у казахстанской милиции среди пионеров и школьников. Юные друзья активно участвуют в профилактических мероприятиях по предупреждению правонарушений, помогают находить нити и раскрывать подчас тяжкие и завуалированные преступления.

...Это случилось зимой в Целинограде. Молодая женщина Тамара Вовкова погибла от руки насильника. Более месяца работники уголовного розыска пытались напасть на след убийцы. Но тщетно...

На одном из оперативных совещаний начальник краевого управления охраны общественного порядка генерал С. И. Затолокин посоветовал работникам милиции обратиться к населению.

— Будьте уверены, — сказал генерал, — люди помогут вам...

Генерал не ошибся. Вскоре к старшему оперуполномоченному уголовного розыска Н. Ф. Крылову пришла двенадцатилетняя Галя Заводчикова. Она робко прошла к столу и положила перед капитаном клочок бумаги.

— Что это? — спросил оперативник, с любопытством разглядывая девочку.

— Здесь записан номер автомашины, — тихо сказала Галя. — Я видела эту «Волгу» на вокзале, в нее садилась та самая девушка, которую вы называете Тамарой Вовковой.

А было так. Вместе со своей мамой Галя провожала родственников. Приблизительно за час до прихода поезда из дверей вокзала вышла девушка. Галя видела, как она то и дело прикладывала к глазам носовой платок, и плечи ее чуть-чуть вздрагивали.

Плачущую девушку заметили и Галины родители. Они подошли к ней и стали расспрашивать, что случилось. Придя в себя, девушка рассказала, что едет в Астрахань. Но вот когда подошла очередь брать билет, у нее не оказалось денег. Где они, она и сама не знает. От двадцати рублей, лежавших в сумке, осталось всего лишь сорок копеек.

— Как помочь девушке? — задумались женщины. Ведь дорога предстоит дальняя...

Но сначала решили пригласить девушку домой. Она переночует у Галиных родителей, а наутро они помогут ей деньгами.

И только собрались уходить с вокзала, как «Волга», мягко шурша колесами, остановилась в двух шагах от женщин. Щелкнув, открылась дверца, и перед Галей вырос дядя в черном полупальто и белой кепке. Лицо его светилось открытой улыбкой.

— А ну, кого здесь подбросить? — весело спросил он и шагнул к Тамаре Вовковой. Он сделал это, может быть, потому, что в руках у нее был чемодан.

Женщины ответили, что они вовсе не такси ждали. Вот, мол, у этой девушки несчастье случилось. Какие-то негодяи обокрали ее.

Водитель «Волги» на минуту задумался и, сняв кепку, долго ерошил чубатую голову. Потом сказал:

— Садись-ка со мной, красавица. С нами не пропадешь! Стоит ли из-за денег плакать?! Сами золото...

То ли обходительность молодого человека, или его непринужденная шутка расположила людей... Теперь трудно сказать. Словом, Тамара Вовкова согласилась ехать с ним. «Волга», мигнув подфарниками, скрылась в темноте.

Придя домой, Галя взяла синий карандаш и на белой стене написала цифру 00-46. Это был номер знакомой ей автомашины.

Рассказ Гали Заводчиковой помог работникам милиции распутать сложный клубок преступления. Водитель «Волги» 00-46 некто Давыденко оказался убийцей...

Напасть на след опасных преступников Дмитриева и Кома, от руки которых погиб инкассатор Николай Власов, помог алма-атинской милиции второклассник из 38-й школы Валерий Гноевых. Произошло это осенью 1964 года.

...В школьном коридоре раздался звонок. На улицу высыпала шумная детвора. Решил порезвиться и Валерий. Свернул за угол большого дома. Здесь знакомы ему каждое деревце, каждый камень на дороге. Ну а вон там что такое лежит? Подошел и увидел чемоданчик. Его вихрем окружила ватага ребятишек.

— Смотрите, Валерка чемодан нашел!

— Чего разглядываешь? Тащи домой!

Валерий поднял испуганные глаза:

— Зачем домой? Надо в милицию отнести. Может быть, там ищут его.

Да, действительно, милиция нуждалась в этом чемоданчике. Он оказался ценной находкой для оперативников.

В чемоданчике были письмо и печать Талгарского комитета ДОСААФ, откуда преступники Ком и Дмитриев выкрали пистолеты системы «марголина». Письмо помогло оперативникам обезвредить преступников.

Не счесть благородных дел и героических поступков, совершаемых боевыми помощниками милиции во имя защиты достоинства советского человека, ради покоя и охраны правопорядка. И это понятно: советская милиция неразрывно связана с народом.

И. АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Алма-Ата.

Н. Янина

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Характеристика хотя и не ахти каким языком написана, но довольно лестная: примерная работница, чуткий и отзывчивый человек... Замечаний, собственно, никаких, а вот благодарностей в ее адрес хоть отбавляй... Перо, видно, так и бежало безо всякой запинки, и стандартные фразы, много раз писанные, свободно выливались на бумагу руководителями базы, где она работала уборщицей.

Вера Антоновна, инспектор детской комнаты милиции, недоуменно вертела эту бумагу в руках, присланную по просьбе совета общественности, словно разбирала что-то непонятное, сразу не доходящее до сознания, а потом с чуть заметной улыбкой передала ее дальше. Она оказалась в руках Артеменко. «Ну и ну!» — покачал он головой, — складно получается — дай бог, чтоб о каждом так говорили...»

— Дайте, дайте!

Характеристика шла по кругу членов совета общественности, вызывая у одних недоумение, у других удивление.

— Да ничего они о ней не знают! — запальчиво сказала Ольга Васильевна. — Я у нее была два раза. Все, что написано в заявлении жильцов, верно.

— Ну что же, — сказала Вера Антоновна, когда исписанные листы возвратились к ней, — может, все это и есть: и чуткость, и отзывчивость. Ведь не будем же мы ставить под сомнение элементарное поведение человека в обществе, но, вероятно, проявлялось все это в рабочее время, а что «до» и «после» — им неведомо.

А рядом лежало заявление от соседей, жильцов того дома, где проживала Буторина Любовь Андреевна.

Первым сигналом был звонок из школы. Звонила классная руководительница старшего из братьев Буториных — Владимира. Просила обратить внимание — злостный нарушитель дисциплины, не считается ни с кем и ни с чем... Но о нем, равно как и о его младшем брате, позже.

Вторым сигналом о неблагополучии в семье Буториных было заявление от соседей. В тот же день инспектор поручила Ольге Васильевне с этим заявлением разобраться, и она отправилась по указанному адресу.

Постучала в дверь, на стук отозвались не из этой квартиры, а что напротив. Выглянула женщина с ребенком на руках.

— Если к Буториным, то и стучаться не надо, всегда открыто — заходи кто хочет...

— Значит, любому гостю рады...

— Любому не любому, — зачастила женщина, оглядывая Ольгу Васильевну, — а только их ребята целый день на улице бегают взад и вперед, а мать к вечеру еле на ногах.

Разговор у двери Буториных привлек и других жильцов. Открывались двери, показывались головы, и люди выходили на площадку. Мужчина в полосатой пижаме свесился через перила прямо со второго этажа.

— Володька ее на днях нам веревку бельевую срезал — и все простыни в грязь...

— Сорви-головы...

— Растут, как сорная трава в поле...

— Заявление вы писали? — спросила Ольга Васильевна.

— Ну а как же? — будто обижаясь, что могут подумать на кого-то другого, проговорил мужчина в пижаме.

— А как нам было не писать? — раздалось враз несколько голосов.

— У нас ведь тоже, поди, свои растут, а тут такое...

— Одно развращение...

— Выселить их...

Хор голосов усиливался, как бы припирая Ольгу Васильевну к стене, и она стояла с растерянным лицом, не улавливая и не имея возможности осмыслить все сразу. Эта ее растерянность подействовала на жильцов по-своему, они поутихли, словно выплеснули все бурлящее в них через край, и, освободившись, стали расходиться, теперь уже обеспокоенно поглядывая на Ольгу Васильевну: «Вот ведь, сколько вас тут переходило, а что изменилось?». «Ничего и не изменится, — подумала она, — если будем вот так воевать — бороться одними упреками...»

Из квартиры Буториных донесся детский плач, она перешагнула через порог. Маленькие глаза под припухшими веками колюче смотрели на нее. Хозяйка сидела у стола и кормила ребенка. Острый нос, впалые щеки, на лбу с продольными бороздками прядка рыжеватых волос, выбившихся из-под косынки.

— Вы что на меня так смотрите? Уже натрещали вам на площадке? Слышала, да выходить не стала. Я у них бельмом на глазу. А только что людям надо? Я, если выпить, на их деньги, что ли? Муж у меня работает, сама тоже, поди, не сижу дома...

На столе грязные стаканы, над остатками еды рой мух, ребенок тянется ручонками к обглоданному хвосту селедки.

— Кыш, вы-ы! — замахала хозяйка руками над столом. — С работы сейчас, еще убраться не успела. Вот так и живем: и постирать некогда и полы помыть. Ребятишки да работа — вот вся и жизнь...

Она уводила разговор в сторону, выгодную для нее, ссылками на занятость, жалобами на наговоры соседей. Сколько раз Ольга Васильевна сталкивалась с этим — с такими жалобами и причитаниями и с такими глазами. Вот ведь идет поговорить строго, иной раз крикнуть так и хочется: «Да вы родители или нет? Какими людьми вырастут дети ваши?» Да только теряется, и весь порыв гаснет.

— Очень вы деликатничаете с ними, — иногда заметит ей инспектор Кира Устиновна, — там, может, детей калечат, а вы к совести взываете. Да откуда у них совесть, у пьяниц? Лишать их материнских прав всех подряд...

Разные они — два инспектора — Вера Антоновна и Кира Устиновна. И внешне, и по характеру, и по отношению к одному и тому же вопросу, к своим обязанностям. Кира Устиновна с копной пшеничных волос, изящная, в строгого покроя милицейском кителе — и идет же такая форма красивым женщинам! — вопреки мягким, обаятельным чертам лица в делах сурова и даже придирчива. Побаивались ее мальчишки, но ни один душу свою перед ней не раскрыл. Объяснения писали безропотно, под пристальным взглядом.

Вера Антоновна бумагу пододвинет и скажет: «Пиши!» Мальчишка поднимет голову и встретит открытые карие глаза под пушистыми ресницами на круглом лице. И взгляд такой — не выворачивает тебя наизнанку, а как будто бы сочувствующий: вот ты сделал плохо, мне жаль тебя и я хочу тебе помочь.

— А можно я вам так расскажу?

— Ну давай, только начистоту. А потом вместе решим, что дальше делать будем.

Выслушает, поговорит, а лист все-таки положит перед ним. «Ты мне кратенько напиши объяснение, мне ведь работать с тобой надо, а так и забыть про тебя могу».

Чаще она договаривалась с мальчишками, не принимая мер.

— Я тебе верю, знаю — ты меня не подведешь. Иди и чтобы тебя не приводили, а приходи сам, как гость. Всегда буду рада.

И редко такое доверие не оправдывалось. Как-то один парнишка после такой беседы появился через несколько дней и, глядя прямо ей в глаза, признался:

— Я сегодня с одними мальчишками в краже участвовал, затащил. Вещи на чердаке, не мог я вам про это не сказать.

Да, у Веры Антоновны другой взгляд на лишение материнских прав.

— Для одних это наказание, а для других — избавление. Выходит, государство воспитывай, а они, эти горе-родители, будут еще более беспечную жизнь вести. Нет, будем заставлять их воспитывать своих детей как надо.

Буторина уложила ребенка в постель и нетвердыми шагами подошла к столу.

— Вы думаете, что выпила? Все тут шумят: пьет, пьет, — а я только что с работы. Вы там спросите на автобазе, кто обо мне плохое скажет...

— Вы не пробовали лечиться?

— Лечиться? — женщина уставилась на Ольгу Васильевну подозрительно. — А от чего мне лечиться?, Слава богу, здорова. Вы что думаете, что я...

— У вас дети, надо побеспокоиться о них. Вы хоть знаете успеваемость Володи?

— А чего мне знать? Отец в дневнике расписывается. Что не так — поколотит.

Буторины не бывали на родительских собраниях. Приходили к ним учителя и слышали упреки и обвинения. Володя в четвертом классе второй год и в третьем два года проучился, ему тринадцать лет — старше всех в классе.

— Что с ним делать? — с отчаянием говорят в школе. Звонят в детскую комнату. Сереже девятый год, второклассник. И еще придется ходить зиму во второй класс.

— Я его не переведу, — говорит Сережина учительница. И кажется, что она так устала от него, что и представить себе не может, чтобы учить его еще и в третьем классе.

— А если подтянуть?

— Кого? Буторина? Бесплезный труд. Что в школе в голову вкладывают, дома выбивают...

Редко на перемене они чего-нибудь не учинят, братья Буторины. То подножку какому-нибудь малышу подставят, растянется он, а им весело, то толкнут кого-нибудь, пошатнется он, а за спиной — довольный хохот. Володя с кем-то поссорился — обрезал все пуговицы на пальто, другому вылил в портфель бутылку чернил. Сережа изорвал у соседа по парте учебник, выбросил у одной ученицы тетради в окно. «Какие-то они мстительные», — говорят учителя.

Когда на перемене кто-нибудь из ребят заглядывает в учительскую, Сережина и Володина учительницы уже настороже, — если жаловаться, то только на Буториных.

— И что смотрит детская комната? — говорят они. — Ведь можно лишить прав таких родителей. Детям это только на пользу.

— Можно, — соглашаются с ними, — но мы должны не только наказывать, а и перевоспитывать.

А как перевоспитывать? Какими рецептами?.. И существуют ли они, эти рецепты? Вход в неблагополучную семью — это вход через лабиринт. Нужно время, чтобы добраться до сути. Доберешься, а дальше что? На столе инспектора папка — «Буторины». Тут уже все: акты обследования, характеристика на детей из школы, на родителей — с места работы, объяснения, заявления соседей... Вообще, полная картина и «благополучная» характеристика на Любовь Андреевну как случайный светлый мазок на мрачном фоне.

Папку с делом Буториных условно можно разделить на две части: в первой — семья, во второй — работа с этой семьей. Если в первой части все ясно, то вторая заставляет задуматься: все ли сделано и так ли делается? И как быть дальше? Буторина пьет — тут уж не до детей; Сережа и Володя безнадзорны, распушенны. Влияние улицы сильнее школы: школа — пять часов, все остальное время — улица, семья. В семье есть ее глава — Иван Лаврентьевич. А как он?

Начальник камнерезного цеха был несколько удивлен, когда к нему пожаловал представитель детской комнаты милиции.

— Буторин? Иван Лаврентьевич? А он вас, собственно, почему интересуется?

Обстоятельно объясняют, что происходит в семье.

— Сейчас мастера вызову.

Разговор с мастером не вносит никакой ясности. Ведь Иван Лаврентьевич на работе не пьет, не дебоширит, с начальством скандалы не учиняет, ведет себя, так сказать, тише воды, ниже травы.

— Мы, к сожалению, всего этого не знали, — честно признаются и начальник, и мастер, — первый раз слышим...

Это довольно частый ответ — первый раз слышим. И нет в этом ничего удивительного: как бы родители ни вели себя в семье, они стараются, чтобы не стало это достоянием коллектива, где общественное мнение может сыграть решающую роль в судьбе людей.

Детская комната милиции решила придать работе с такими родителями гласность. Ведь что получается: акты, протоколы, а кто знает? Соседи? Но они и сами ждут мер воздействия от других. Такие семьи должны находиться под неусыпным наблюдением коллектива, быть на виду, коллектив должен знать, следить и перевоспитывать — одной детской комнате милиции это не под силу.

Общественное мнение — о нем упоминается часто в печати, на профсоюзных собраниях. Не преминут о нем вспомнить и в узком кругу товарищей, но что это такое, по-настоящему может понять только человек, стоящий перед судом общественности. И не только понять, но и испытать силу его благотворного воздействия. Тут ему нелицеприятно выскажут все, что думают. Коллектив может быть мягким, он может быть строгим, но независимо от этого человек, который стоит перед лицом его и дает о своем поведении отчет, не может не пересмотреть свою жизнь.

Н. ЯНИНА, общественный инспектор детской комнаты милиции № 2 Советского района.

г. Алма-Ата.

В. Агеев ПЕРВЫЕ ШАГИ

7 ноября 1962 года по столичной площади имени В. И. Ленина прошла необычная колонна демонстрантов. Четко печатая шаг, в одном строю шли студенты, школьники, рабочая молодежь. Их было 350 человек. А впереди — портрет первого чекиста революции — Феликса Эдмундовича Дзержинского...

НАЧАЛО

Из кабинета секретаря Фрунзенского райкома комсомола они вышли поздним октябрьским вечером. Их было немного, — Кенес Бейсебаев, его брат Жан, Саша Кожевников, Володя Савченко, Валерий Садыков — всего человек двенадцать, в основном студенты горного института. Они говорили, перебивая друг друга, и трудно было разобраться в этом разноголосом шуме. По-видимому, разговор с Семеном Апполимовым, секретарем райкома, увлек этих ребят необычностью того дела, которое им предложили.

Секретарь был немногословен. Он вкратце рассказал о том, какая от них потребуется помощь, какие трудности ожидают их впереди. И в конце своей беседы спросил:

— Сможем?

— Сможем.

Так зародилась БКД — боевая комсомольская дружина при Фрунзенском районном отделе милиции. Первым ее командиром был избран Семен Апполимов.

...Они шли по ночному городу. В черном небе ярко вырисовывались колючие звезды. Кто-то сказал:

— Ребята, а ведь через три месяца Новый год.

Приближался Новый, 1958-й.

Давно лежат в архивах бумаги, свидетельствующие о делах первых дружинников. Но и сейчас, спустя девять лет, ребята, последовавшие их примеру, все еще вспоминают о Кенесе Бейсебаеве, Александре Кожевникове, Валерии Садыкове, Володе Савченко — о тех, кто начинал дело дружины.

Первым было трудно. Может быть, потому, что их было мало и не имели они никакого опыта. Но было большое желание работать рядом с теми, кто охранял покой и тишину города.

Три месяца 1957 года прошли быстро. Уехал Семен Апполимов. Командиром стал Кенес Бейсебаев. Крепла комсомольская дружина. В состав организации входили командир, оперативники, особая комиссия во главе с председателем, командиры групп, дружинники.

В 1959 году в органы милиции ушел Кенес Бейсебаев. Его место занял Владимир Савченко.

В феврале обком комсомола присвоил организации имя Ф. Э. Дзержинского. Теперь она называлась ОДД — оперативная дружина имени Дзержинского. Ребята получили удостоверения. Это был первый документ дружинника.

Дружину признали и те, кто раньше опасался только людей в синих шинелях. Хулиганы, бандиты, спекулянты поняли, что с ними повела борьбу настоящая организация, способная вылавливать даже опасных преступников.

И борьба шла по большому счету. Схватки случались нешуточные. За время существования дружины в опасных операциях были ранены Александр Кожевников, Марат Ашимбаев, Юрий Серегин.

Но каждый день уходили в ночной город патрули, и не было страха в молодых сердцах.

ПО СТОЛИЧНОЙ ПЛОЩАДИ

Казалось, что делами своими дружина завоевала себе право на существование. Но неожиданно в 1960 году ее распустили. И только в августе следующего года по инициативе органов милиции и командного состава дружины организация вновь начала жить.

Владимир Савченко окончил политехнический и уехал на полуостров Мангышлак. Командиром избрали Александра Кожевникова.

В 1961 году в каждом районе столицы были созданы линейные отряды, которые объединились в единую городскую организацию. Командиры линейных отрядов входили в состав особой комиссии. Были введены должности заместителя командира по оперативной части и заместителя командира линейного отдела.

Почти каждый год дружинники провожали своих воспитанников на работу в органы милиции. Это была своеобразная школа мужества, которая выявляла лучших дзержинцев. Валерий Садыков, Василий Грущак, Виталий Колоколов, Александр Щекочихин и многие другиеполнили ряды советской милиции.

И хотя ушедшие не порывали связи с дружиной, работать стало трудней. Условия были неважные. Правда, по мере возможности помощь оказывали Д. Кусмангалиев, начальник городского управления охраны общественного порядка, бывший командир отряда К. Бейсебаев, постоянно шефствующий над дружиной. Но этого было недостаточно. Забыли про дзержинцев комсомольские органы. Это привело к тому, что организация почти перестала существовать.

Но активисты не сдавались. Обычно они собирались на квартире Юрия Лалова (недавно он окончил политехнический институт). Приходили и командир Александр Кожевников, члены особой комиссии, оперативной части. Думали. Спорили. Наконец, решили. Как говорится, одним духом написали письмо в ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, «Комсомольскую правду». Просили помощи, поддержки. Но отправить эти письма так и не успели. Как-то прибежал Кожевников.

— Ребята, комиссия ЦК ВЛКСМ здесь!

Выбежали из квартиры. В чьи-то ладони посыпалась мелочь. Наскребли на такси и из микрорайона помчались в город.

Швейцар гостиницы «Казахстан» не успел и слова вымолвить, как ребята уже промчались вверх по ступенькам. Тяжело дыша, остановились у двери. Постучали. А потом, перебивая друг друга, рассказывали, объясняли, требовали.

Вскоре состоялось бюро обкома комсомола, на котором решили возобновить дела дружины. Потом ребята вместе с представителями ЦК ВЛКСМ были приняты министром охраны общественного порядка Казахской ССР Д. А. Панковым. И, наконец, на коллегии МООН Казахской ССР совместно с ЦК ЛКСМ Казахстана был разработан, и утвержден устав оперативных комсомольских дружин. Оперативная дружина имени Дзержинского подчинялась горкому комсомола и уголовному розыску городского управления охраны общественного порядка. Ребятам была выделена машина, а позже и здание для штаба.

7 Ноября колонна дружинников должна была пройти по площади, как самостоятельная организация. Горисполком выделил средства, и появилась форма. На фабрике пластмасс были изготовлены значки — на прямоугольнике профиль Ф. Э. Дзержинского с тремя буквами внизу ОДД. На груди командира рядом со значком появилось три больших звезды. Так появились знаки различия. Начальник оперативной части и председатель особой комиссии имели право носить две звезды, члены особой комиссии и командиры линейных отрядов — одну, члены оперативной части — четыре маленьких, члены штаба линейных отрядов — три, командиры групп — две и члены основного состава — одну маленькую звездочку.

7 Ноября 1962 года по столичной площади имени В. И. Ленина прошла необычная колонна демонстрантов...

«КЛЕН» ВЫХОДИТ В ЭФИР

— Я «Волна». Я «Волна». Как меня слышите? Как меня слышите? Прием.

— Я «Эфир». Я «Эфир». Крошка, слышу тебя отлично. Что ты за птаха, порхающая в эфире? Может быть, встретимся? Прием.

— Я «Волна», я «Волна!» Ты, «Эфир», катись к чертовой матери!

— Я «Эфир», я «Эфир». Сволочь ты ненаглядная, а не «Волна».

Евгений Павлов медленно повернул ручку приемника и стал записывать что-то в журнале. «Волну» и «Эфир» поглотил треск. Радиохулиганы вышли в эфир.

Евгений Павлов, приехавший на каникулы в 1962 году (он учился в Московском инженерно-физическом институте), вечерами просиживал за приемником. До перевода в Москву Евгений учился в Казахском государственном университете и с 1959 года принимал активное участие в делах дружины, был членом особой комиссии. И вот теперь, приехав на каникулы, он сразу же встретился с товарищами-дружинниками и стал ловить вместе с Саяном Ташеновым радиохулиганов.

Чтобы так неграмотно выйти в эфир, хулигану особых радиотехнических знаний не требовалось. Приставка состояла из катушки, конденсаторов постоянной и переменной емкостей, сопротивлений, микрофона, радиолампы. Оставалось подключить приставку к приемнику — и радиохулиган готов к выходу в эфир. И чем только не забивались средние волны: свержджазовая музыка, мат, ненужные разговоры.

В один из вечеров Саян Ташенов поймал джазовую музыку. Она хрипела, рычала, рассыпалась дробью минут десять. Потом все стихло. И вдруг:

— Я «Балтика», я «Балтика». Всем свободным радиооператорам. Как меня слышите? Как меня слышите? Прием.

— Я «Клен-1», я «Клен-1». Я слышу тебя отлично. Прием.

— Есть радиодетали. Могу обменять. Прием.

— Согласен. Где встретимся? Прием.

— Завтра на Коммунистическом и Гоголя. Буду на велосипеде. Прием.

— Согласен. До завтра.

Больше «Балтика» в эфир не выходила.

Так с разрешения органов милиции в эфире появился «Клен-1», радиостанция дружинников, которая вылавливала радиохулиганов их же оружием. В ход пошли и пеленгаторы.

Так начиналась их работа. Необходимо было подготовить операцию, чтобы одним разом заглушить вопли радиохулиганов.

А те долго готовились к этой встрече, чтобы обсудить свои дела. Наконец совещание состоялось. Собралось около сорока радиохулиганов. Но так ни о чем и не договорились. Потом они собрались второй раз — и снова безрезультатно. Тогда-то и появилась в эфире «Центральная». Уже как бы своим названием она брала на себя роль главенствующей.

У приемника дежурил Саян Ташенов.

— Я «Центральная». Я «Центральная». Передаем обращение от имени свободных радиооператоров. Просим органы милиции разрешения легальной работы наших радиостанций на определенных диапазонах средних волн, обещаем искоренить в эфире мат, джазовую музыку. В случае неудовлетворения наших требований будем продолжать работу нелегально.

Разумеется, на переговоры с радиохулиганами никто не пошел. Тогда «Центральная» начала готовить совещание для упорядочения радиохулиганских дел. А дела у них были неважными. Провалы следовали один за другим. Они считали, что их выдает «Кактус», которому и собирались устроить самосуд на совещании. Дату и место своего сборища «Центральная» передала в эфир. Дружинникам же ничего не стоило это подслушать, и вскоре основные силы радиохулиганов были ликвидированы. Правда, кое-кто еще выходил в эфир, но и они уже были взяты на учет. «Аида» при обыске спрятала приставку в мусорное ведро. «Центральная» хотя и не была обнаружена, но и в эфир не выходила. Изъяли приемник у «Кактуса». Долго не могли обнаружить «К-17». В эфир он передал, что живет в 500 метрах от кинотеатра «Алатау». Его погубила случайность. Дружинники заметили его в освещенном окне. В конце 1962 года был задержан и «Ягуар».

ИСПРАВИЛСЯ

Зимой 1962 года был разграблен табачный ларек. Потом, спустя несколько дней, воры пробрались в продовольственный магазин и прихватили с собой ящик водки. Затем в одной из спортивных организаций были похищены велосипеды. И, наконец, был ограблен человек. Бандиты отобрали у него деньги, документы.

Владимир Яковлев, семнадцатилетний парень по кличке «Яша», привлек внимание милиции и дружинников тем, что нигде не работал и не учился.

Долго беседовали с ним работники милиции и дружинник Владимир Шляпников. А на следующий день было задержано около 60 человек. Группировка, руководимая Виктором Безруковым, по кличке «Вица», перестала существовать. При обыске были изъяты самодельные пистолеты, малокалиберные винтовки, ножи. «Вица» попал за решетку.

Владимир Яковлев отслужил в армии, женился, уже растут у него дети. Иногда он встречается с Владимиром Шляпниковым. От души благодарит его и дружинников за помощь, внимание, за свою наладившуюся жизнь.

УДАР ПО БЕСПРИЗОРНОСТИ

В штаб начали поступать сигналы о том, что в районе проспекта Гагарина участились случаи грабежей, драк и даже применения огнестрельного оружия.

Встретились с директором школы № 22, который рассказал о том, что вечером по коридорам бродят пятнадцатилетние хулиганы, мешают работать.

...В тот вечер ярко светились окна школы, в зале играла музыка, школьники торопились на вечер, удивляясь тому, что директор сверх всякой программы организовала этот школьный бал.

Командир дружины Александр Кожевников, дружинники Валерий Садыков, Владимир Шляпников, Владимир Непомнящий, Валерий Захаров, Вадим Демин, Олег Лазур ждали в школе хулиганов. И те вскоре явились.

В дверях стояла бдительная стража из школьников, которые пропускали только по пригласительным билетам. А толпа безбилетников накапливалась. Их было уже человек сорок, и казалось, что они вот-вот прорвут заслон, и тогда, считай, все пропало. Медлить было нельзя. Дружинники вышли на улицу.

Кто-то спросил:

— Что, не пускают?

В ответ раздалось гулкое роптание.

— Провести? — спросил Александр.

— Давай, давай!

Дверь распахнулась настежь, и толпа, устроив давку, рванулась в школу. Ничего не подозревая, они шли в специально отведенный для них класс. Последними вошли дружинники.

— Раздевайтесь, — предложил Александр. — Мы дружинники.

Добыча была большая. У хулиганов были изъяты ножи, кастеты, железные прутья, самодельное оружие.

Сутки работали дружинники, выявляя остальных, не пришедших на этот вечер. Показания задержанных привели к рецидивисту, который через своего брата Марата Якубова руководил группой малолетних... нет, пока еще не преступников, но мелких хулиганов.

Был взят и еще один человек, токарь по профессии, работавший на одном из заводов. Там он вытачивал заготовки, а дома доделывал огнестрельное оружие. Здесь же его и продавал.

Нить расследования привела и к Александру Вейсу, жившему в Тастаке. Он имел на своем счету уже несколько грабежей. При обыске у него был изъят пистолет-авторучка.

Казалось, дело было закончено. Но дружинники продолжали работать. Вызывали к себе родителей, отправляли письма на производство, где те работали...

НЕУЛОВИМЫЙ

Теплым майским вечером, в пору, когда городские парки и скверы уже цвели зеленым нарядом, группа дружинников смешалась с толпой, вышедшей из кинотеатра. По ранее полученным сведениям, ребята уже знали, что в этом районе часто бывают драки, в скверах, прикрытых от постороннего глаза зеленой изгородью, ведутся азартные игры.

Операция была недолгой. Задержали человек двадцать. Привели в штаб. Беседовали. Одни не выдерживали, прятали глаза. Другие злобно и нахально смотрели на дружинников. Отрицали всякую причастность к уголовному миру. И все-таки кое-что удалось узнать. Один из юнцов рассказал, что главные организаторы преступных историй — это Неуловимый, Цыган и Нариман.

Проходили дни, месяцы, а главари оставались на свободе. Раз двадцать дружинники выезжали в район кинотеатра «Ударник». Ловилась, как говорится, мелкота, а заправилы исчезали. Но все же кое-какие подробности удалось узнать. У Неуловимого на руке нет двух пальцев, а у Цыгана на руке наколка.

В тот вечер машину оставили квартала за четыре от кинотеатра. Александр Медведев, Юрий Чуприлин, Владимир Шляпников, Виталий Худоянц вошли в сквер. На скамейке сидело человек пять.

— Привет, — небрежно бросил Владимир.

— Привет.

— Кого ждете?

— Кайф должны принести.

Владимир уже хотел предложить неудачливым конспираторам пройти с ними, как вдруг его внимание привлек здоровый парень, который, увидев приближающийся «газик», внезапно ускорил шаги.

«Он или не он? — гадал Владимир. — А вдруг просто прохожий. Скандал будет, если задержим не того, кого ищем».

В последний момент он решился.

Отпираться Леониду Мальцеву было бесполезно. Когда его везли, он пытался незаметно оставить в машине носовой платок, в котором была завернута финка. Это и явилось вещественным доказательством, что определило меру наказания — год исправительных работ.

Мальцев во всем сознался. При его допросе вновь были упомянуты клички Неуловимый, Цыган и Нариман.

Через неделю группа в том же составе вновь отправилась к «Ударнику». На этот раз вылазка окончилась более успешно. Кто-то из дружинников заметил человека, который нес небольшой сверток. На его руке вырисовывалась наколка.

— Товарищ, можно вас на минутку? — окликнул его Володя.

Он обернулся. На какой-то миг в его глазах мелькнула растерянность. Но путь к отступлению уже был прегражден. Рядом стояли трое дружинников.

В безлюдный, рядом расположенный двор он шел спокойно. Но как только дзержинцы остались один на один с бандитом, он резко сунул руку в карман, чтобы выхватить нож. Вытащить руку он так и не успел.

Цыган был передан в руки милиции.

А через некоторое время дружинниками Фрунзенского линейного отряда был задержан с поличным и Нариман.

И Цыган, и Нариман главным своим конкурентом опять называли Неуловимого, который все еще оставался на свободе.

Он был осторожен, словно зверь, почуявший опасность. Держинцы продолжали поиск. Порой, далеко за полночь, обсуждали план поимки преступника. Трудности были в том, что никто не знал его в лицо. Была примета — нет двух пальцев на руке. Но этого мало. И все-таки кольцо сжималось. Теперь при допросах задержанных упоминалась только одна кличка — Неуловимый.

В октябре ребята задержали девятнадцатилетнего парня. Он обещал показать какого-то главаря. Дружинники догадывались, что это должен быть Неуловимый.

Оперативная группа выехала к кинотеатру. Шел мелкий осенний дождь. Тускло блестела опавшая листва, приглушающая звук шагов. Ребята подняли воротники плащей, надвинули на глаза кепки. Теперь они ничем не отличались от тех, кого им приходилось искать.

Дождь усиливался, барабанил по крышам домов, заставлял прохожих прятаться под зонты и карнизы. Ребята остановились под деревом. Крупные капли дождя падали с листьев.

Из-за угла вышел среднего роста человек. Он медленно направлялся к дружинникам.

— Он, — тихо прошептал парень.

Человек был уже близко. Он поравнялся с Шляпниковым и тихо произнес:

— Менты сзади.

Дальше его уже сопровождали. Когда он снял перчатку, Володя заметил, что на его руке нет двух пальцев. И невольно вырвалось:

— Неуловимый?!

Он вздрогнул, побледнел.

При обыске у Владимира Сундеева ничего не нашли. Он все отрицал и на допросах.

Решили Сундеева отпустить. Когда он уходил, с ним долго беседовал Володя Шляпников. Сундеев обещал прийти через неделю, но так и не пришел.

Через несколько дней он снова был задержан. В этот же вечер привели еще одного спекулянта, В. Суханова. И вот Неуловимый и Суханов встретились в комнате командира дружины.

— Вот кто заставлял меня идти на преступление, — зло проговорил Суханов, — Неуловимый.

Когда Суханова увели, Владимир спросил у Сундеева:

— Продавал барахло?

— Были моменты. Раза два.

— А точнее?

— Были моменты. Раз десять.

— А еще точнее?

— Были моменты. Раз двадцать.

Дело В. Сундеева было передано в следственные органы милиции.

КЛЯТВА

«Вступая в члены оперативной дружины имени Дзержинского, перед лицом своих товарищей, перед Ленинским комсомолом торжественно клянусь:

— отдавать все свои силы и знания воспитанию человека коммунистического общества;

— направлять свою энергию на борьбу с хулиганством, пьянством и другими антиобщественными проявлениями;

— быть скромным, честным, принципиальным и смелым, примерным в учебе, труде и быту;

— беспрекословно выполнять приказ командира;

— считать своей священной обязанностью помощь товарищу.

Для меня всегда будет образцом славный боец революции Феликс Эдмундович Дзержинский.

Если же я нарушу любую из этих заповедей, то пусть меня покарает суровое презрение моих товарищей».

Нет, клятва для дзержинцев не просто слова. Это смысл их жизни, своеобразный моральный кодекс, которому остались верны Кенес Масымханович Бейсебаев, заместитель начальника уголовного розыска городского управления охраны общественного порядка, оперуполномоченные Валерий Садыков, Михаил Павлюченко, Виталий Колоколов, Юрий Чуприлин, Александр Щекочихин, Иван Кузьменко, Анатолий Нестеров, Виктор Диогенов, Рахим Давлетхожаев, Анатолий Бигалиев, Василий Грущак и многие другие воспитанники оперативной дружины имени Ф. Э. Дзержинского.

Их традиции продолжают Владимир Шляпников — командир дружины, студент-заочник отделения журналистики Казахского государственного университета имени Кирова, оператор студии телевидения, Виталий Худоянц — начальник оперативной части дружины, студент института народного хозяйства, Александр Медведев — член оперативной части, закончивший в этом году школу, Зоя Саламатова — секретарь комсомольской организации школы.

Придет новое поколение. И снова будут звучать слова: «...перед Ленинским комсомолом клянусь».

В. АГЕЕВ.

г. Алма-Ата.

А. Штульберг

СХВАТКА С НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ

Сырым мартовским утром дворничиха тетя Стеша сметала с тротуара мусор. Она торопилась: скоро пойдут на работу люди.

Оставалось немного. Вот уже пролом в старом саманном заборе, потом перекресток, а там и конец участку. Уж сколько лет убирает она эту улицу, каждую выбоину знает на асфальте.

У пролома старая женщина нагнулась собрать в совок окурки. Темнеет что-то у забора. Пригляделась, близоруко щурясь. Кровь. Несколько небольших пятен.

«Ишь ты, — сердито подумала дворничиха, — подрались ночью шалопуты. Небось, носы пораскровянили».

Пятна темнеют и дальше, прерывистой дорожкой идут в пролом, за забор. Что ли, и там безобразничали? Ох, господи! Взглянула с любопытством во двор и оцепенела. На талой, недавно сбросившей снег земле лежит человек. Посмотрела на лицо и поскорей отвела глаза. Стало страшно. Голова его с растрепавшимися волосами лежит на руке, так что видно лишь пол-лица и оттого кажется — просто прилег человек. Если бы не кровь, не талый с вмятинами снег да неестественно поджатые ноги: вот-вот встанет. Попятилась дворничиха, загремел совок, выпавший из рук, и, словно забыв про свои годы, она опрометью бросилась к телефону...

Оперативники хмурились: данные осмотра уж больно скудные. Обезображенный труп и орудие преступления — увесистый, почти круглый булыжник. И больше ничего. На убитом светлая, в едва заметную полоску рубашка, шерстяные черные брюки заправлены в кирзовые сапоги. Ни пальто, ни шапки нет. В карманах тоже ничего. Разве только маленький кусочек картона — железнодорожный билет, с которым кто-то (может быть, и тот, что теперь лежит в морге) пятью днями раньше ехал из Ташкента в Самарканд.

Полковник Федоров так и сказал оперуполномоченному угрозыска Дмитрию Сурнину, поручая ему розыск:

— Знаю, капитан, нелегко вам придется. Дело, как говорится, темное...

В тот вечер после беседы Сурнин шел домой, как бы подталкиваемый целым рядом вопросов. Кто убитый? Местный или приезжий? Если приезжий, то зачем, когда и откуда пожаловал в Алма-Ату? Кто убийца? Какова причина преступления: корысть, месть, хулиганство?

«Да вот так, пожалуй, по порядку и придется отвечать на все эти неясные вопросы, потому что неизвестно еще ничего», — со вздохом подумал Сурнин.

Опытные эксперты реставрировали обезображенное лицо, изготовили фотографии, разослали ориентировки. Труп дактилоскопировали, чтобы по отпечаткам пальцев попытаться установить личность потерпевшего. Запросы отправили в соответствующие учреждения.

Побежали дни напряженной работы, поисков, ожидания.

Сурнин тем временем опрашивал жителей в районе станции Алма-Ата-I, где было совершено убийство. Но заявлений об исчезновении молодых мужчин в алма-атинскую милицию не поступало.

Предположили, что это мог быть бродяга, вор-гастролер. «Впрочем, нет, — сразу же отбросил эту мысль Сурнин. — Бродяги и воры-гастролеры, путешествуя в товарных вагонах, в тамбурах, на крышах, забираясь на ночевку в самые неподходящие места, конечно, не отличаются опрятностью. А на убитом чистая одежда, белье».

Что же дальше? Так... Посмотрим почту. Вот они лежат на столе у дежурного, письма из разных городов страны. Криминалисты пишут, что тщательные проверки, изучение отпечатков пальцев и фотографий не дают нужных результатов.

Только на третью неделю у Сурнина оказалась первая путеводная ниточка. Из Москвы сообщили, что дактилоскопические данные, присланные алма-атинской милицией, соответствуют данным Тахира Незнамова, приговоренного в 1961 году к одному году ссылки народным судом города Казалинска Кызыл-Ординской области.

Поиски стали конкретнее. Сурнин затребовал нужные ему данные: следственное дело Незнамова, справки.

Кзыл-Орда откликнулась быстро. Незнамов после отбытия срока ссылки поселился в Аральске. Прислали и фотографии. Сличив их с теми, что были изготовлены после фотографирования убитого, оперативник убедился, что Тахир Незнамов и убитый — одно и то же лицо. Об этом говорили также немногочисленные, но характерные приметы, имеющиеся в личном деле.

Не откладывая дела в долгий ящик, Сурнин по телефону связывается с линейной милицией на станции Аральское Море, где за розыск энергично берется капитан Зюзин, начальник линейного участка пункта. В Аральске к работе подключились участковые уполномоченные, дружинники, работники уголовного розыска.

Сведения, полученные от капитана Зюзина, были пока малоутешительны. Тахир Незнамов после отбытия срока наказания действительно жил в Аральске. Работал на судоремонтном заводе. Но... выбыл несколько месяцев тому назад в неизвестном направлении. Казалось, ниточка оборвалась.

Зюзин постарался как можно больше узнать о жизни Тахира, о его интересах и друзьях: у общительного парня приятелей было немало и каждый мог что-то добавить к его пока еще малоизвестной биографии.

На заводе о Незнамове говорили только хорошее. После суда он распрощался со своими прежними замашками, как говорится, взялся за ум. На судоремонтном часто бывали

работники Аральского пароходства, рыбаки. Любил Тахир слушать рассказы бывалых людей, полюбили ему и море. Не раз в компании друзей говорил парень о своей мечте — поступить в мореходное училище. Даже запрос отправлял в Херсон. И деньги на дорогу уже начал копить, завел сберегательную книжку. А получал он хорошо, человеком слыл бережливым.

Сообщил Зюзин еще и о том, что до осуждения Тахир жил в Самарканде. Это заинтересовало Сурнина: ведь у Незнамова сохранился билет от Ташкента до Самарканда. Скорее всего последним городом, где побывал Незнамов перед приездом в Алма-Ату, и был Самарканд. Итак, выясняются два города, где могли что-либо знать о Тахире Незнамове: Херсон и Самарканд.

В Херсон Дмитрий Сурнин отправляет запрос, а в Самарканд едет сам. С большим трудом находит он людей, знавших Незнамова. Но капитана ждет разочарование: Тахир в Самарканде не появлялся уже года три. Даже писем не писал.

По возвращении в Алма-Ату оперативника ждет новое разочарование, если не окончательная неудача и потеря следов, — письмо херсонских коллег сообщает, что в их городе Незнамов тоже не появлялся...

Преступление должно быть раскрыто, каким бы загадочным оно ни оказалось, как бы ни скрывалось оно в тумане неизвестности. Даже если на первых порах у оперативника ничего нет — ни доказательств, ни сведений. И розыск людей, знавших Тахира Незнамова, не прекращается ни на один день. Его ведут алма-атинские криминалисты, капитан Зюзин в Аральске, работники милиции Самарканда, Кзыл-Орды.

Глубже всех роет эту неизвестную гору капитан Зюзин. Вот и новая весточка от него. Оказывается, в последнее время Незнамов подружился с заезжим молодым человеком — Сергеем Каргиным. Их часто видели вместе. Говорили, что Каргин и сам рвался в мореходку, потому и уехали они вдвоем.

Мало кто знал этого Каргина. По данным паспортного стола выяснили только: родом он из с. Выдриха Восточно-Казахстанской области.

Снова вопросы, вопросы... Долго ли путешествовали вместе Незнамов и Каргин? В каком городе они расстались? Где сейчас человек, близко знавший убитого?

Конечно, этот Каргин мог дать немало ценных сведений, и поэтому оперативники запросили о нем органы милиции Восточно-Казахстанской области. Кое в чем помогли сотрудники органов охраны общественного порядка Усть-Каменогорска и Шемонаихи.

Их ответ заставил насторожиться. Стало известно, что после долгой отлучки Каргин вернулся домой в Выдриху. Это было в конце марта, то есть через несколько дней после того, как в Алма-Ате был обнаружен труп Незнамова. Каргин ведет странный образ жизни — на работу не устраивается, из села часто выезжает то на рудник к родственникам, то в экспедицию — к друзьям.

Интуиция уже подсказывала Сурнину: здесь что-то есть. Насторожился он. Назавтра вылетел в Усть-Каменогорск, откуда вместе с работниками местного угрозыска проехал в Шемонаиху, а затем и в Выдриху.

Последние двадцать пять километров машина бежит по хорошо утрамбованной проселочной дороге. Кругом поля, степное раздолье... Но Сурнину сейчас не до красот

природы. Как встретит оперативников Каргин? Что нового внесет он в дело, над которым ломают голову многие люди вот уже четвертый месяц?

О Каргине Сурнин знал теперь не так мало. Сидел в тюрьме. Непоседа — часто курсирует по стране, нигде подолгу не задерживается. Ленив, работы чурается. Оттого своих денег почти всегда не имеет. А выпить любит и чаще всего за чужой счет. Характеристика достаточно выразительная.

Сурнин еще раз сопоставляет факты. Сравнивает характеры Незнамова и Каргина. Думает. Мотивы убийства сомнительны. Выгодна ли была Каргину дружба с Тахиром? Ну, допустим, у Незнамова были деньги. Он хоть и бережливый, но не жадный, друзьям всегда помогал.

Так... Теперь о вещах, которые взял с собой в дорогу Незнамов. Их подробно, до мелочей, описали аральские приятели Тахира. Коричневый чемодан. Синий выходной костюм. Три тельняшки, часы, портсигар с надписью — подарок девушки... Мог позариться на них преступник? Пожалуй. Он ведь ленив, слабоволен и за чужой счет любит прокатиться...

Вот и Выдриха. Сельсовет. Еще одно короткое совещание. Из тактических соображений решили в предварительной беседе пока не открывать перед Каргиным карт, держать его некоторое время в неведении. Это не даст ему возможности сориентироваться и, если он причастен к преступлению или что-то знает о нем, выдвинуть ложную версию.

...Погожий солнечный день. Пустынны улицы села. Люди на работе: в поле, на фермах. Тишина.

Вот и дом Каргиных. У калитки остановились, прислушались. С веранды слышится перезвон гитары, кто-то поет плохим хрипловатым голосом. Сурнин усмехается: блатная музыка...

Мы бежали с тобой, опасаясь погони,
И вдогонку нам слали пистолетный заряд...

— Он, — сказал из-за плеча Сурнина председатель сельсовета. — Пошли.

— Поешь, Серега? — спросил Сурнин.

— Пою. А тебе что?

Так состоялось их первое знакомство, и тут же капитан показал Каргину ордер на арест.

— Проверим твою личность, — сказал Сурнин. — Говорят, давно уже баклуши бьешь. Знаешь ведь, что за это бывает?

Задержанного отвели в сельсовет, а в доме сделали обыск. Каргин не мог уже знать его результатов.

Опять милицейский «газик» пылит по проселочным дорогам, но теперь в нем сидит новый пассажир. Он угрюмо молчит и настороженно смотрит на коричневый чемодан, изъятый во время обыска, как бы пытаясь предугадать, что нашли у него работники милиции.

А нашли они вещи убитого: часы, портсигар, тельняшки. Теперь капитан Сурнин располагает необходимыми уликами и готовится к допросу.

Начинается допрос исподволь. Расспрашивает капитан Каргина о жизни, о бесконечных скитаниях по стране. Более подробно интересуется его жизнью в Аральске: где жил, с кем дружил, чем занимался.

Сомнительные вначале мотивы убийства становятся четкими и вполне отвратительно выраженными. Каргин рассказывает обо всем, и перед капитаном раскрывается его мелочное, корыстное нутро. И портсигар, и часы, и другие вещи Незнамова оказались у Каргина не случайно.

— Тахир Незнамов тебе знаком? — вдруг спрашивает Сурнин.

Каргин спокоен: мало ли у него знакомых? Он может рассказать и еще что-нибудь этому настырному капитану о своих поездках и друзьях.

— А, с ним мы в Херсон ездили... Там и расстались. Обрато в Казахстан я поехал один.

— А деньги на дорогу? У Тахира они были, а у тебя — нет.

Глаза Каргина забегали, понял: милиции многое известно. Еще несколько жестких и прямых вопросов, и Сурнин узнал подробности того, что произошло той злополучной мартовской ночью. Показное равнодушие Каргина улетучилось, как дым. Он говорит торопливо, проглатывая отдельные слова, опуская детали, и капитану то и дело приходится его поправлять, возвращать к пропущенным событиям, уточнять неясные данные.

«...С Тахиром познакомился в клубе. Засек, что парень мечтает о море и деньжата у него имеются. Ну, конечно, залил ему: поедем, мол, вместе, в Херсоне бывал, город знаю. Да. А в Херсоне неудача. Я ему говорю: едем в Алма-Ату, там подождем до осени, будем готовиться к экзаменам, работать...»

От Алма-Аты до Восточного Казахстана — не то что от Херсона, — много ближе. Но и на эту дорогу нужны деньги. Каргин решил завладеть чемоданом Тахира и остатком его денег. Ночью он повел Незнамова по темным улицам, к знакомым якобы. Шли они тихой узкой улочкой вдоль глинобитного забора. Хотел еще что-то Тахир спросить у дружка, но тот уже замахнулся сзади бульжником и с выдохом злобно ударил его по голове. Сноровисто заташил в пролом, трясся от возбуждения, обыскивая еще теплое тело своего бывшего попугачика...

В Алма-Ате Каргин подтвердил свои показания, показал место, где совершил преступление.

Однако одного признания подозреваемого недостаточно. Нужны определенные улики и вещественные доказательства. Важным свидетельством вины Каргина было бы пальто, сданное преступником в камеру хранения. Очень важно было его найти.

В камере хранения на станции Алма-Ата-I оперативнику объяснили, что оставленных пальто за прошедшие месяцы было немало, их, как и другие оставленные вещи, по истечении месячного срока передают на реализационный склад. Там они тоже долго не хранятся. Их сортируют, оценивают, передают торгующим организациям. Выяснили, что партию одежды в интересующее работников милиции время передали в рабкооп Алма-Атинского табаксовхоза.

... Долго припоминала продавщица ларька в Табаксовхозе, кому она продала коротенькое темно-синее пальто и наконец обрадованно сказала:

— Баранкин! Он его купил!

Пальто нашли. В карманах сохранились даже белые шерстяные перчатки и железнодорожные билеты, забытые Каргиным.

* * *

Так раскрыли очередное преступление, закончили уголовное дело. Не было ни ночных поисков с собакой, ни бешеной гонки автомобилей, ни перестрелки с озверевшими преступниками. Были напряженный поединок с неизвестностью, тяжелый труд, упорство многих людей.

Милиции помогали десятки советских граждан: рабочие судоремонтного завода, колхозники, партийные и советские работники, продавец рабкоопа, работники камеры хранения.

Победила справедливость и отзывчивость многих простых людей. Их бескорыстная помощь помогла распутать клубок преступления и сурово покарать убийцу.

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант.

г. Алма-Ата.

В. Якуб

НАСЛЕДНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА

Мода — вещь, безусловно, хорошая, но только тогда, когда речь идет об одежде, о прическе. Что касается серьезных дел, того, что составляет суть нашей работы, то тут модничание ничего, кроме вреда, не приносит. И, может быть, ни на чем так ярко не проявилась правильность этой мысли, как на судьбе многих и многих оперативных комсомольских отрядов, вызванных к жизни борьбой с нарушителями норм социалистического общежития. Можно привести десятки примеров, когда романтически настроенные начинающие оперативники, едва столкнувшись с необходимостью делать будничное нелегкое и зачастую опасное дело, мгновенно сникали и теряли всякий интерес к «модному начинанию».

Впрочем, опасность увлечения модой легко было предвидеть, и когда в 1961 году Саша Шалин — он был тогда секретарем Целиноградского горкома комсомола — подал идею организации оперативной комсомольской дружины, ребята, составившие ее костяк, сразу же поставили вопрос ребром:

— А не однодневкой ли будет она? Если однодневкой, то и начинать не стоит...

Их было тогда всего пятнадцать человек — Ваня Коньков, Жора Половой, Володя Пычков... Но когда у пятнадцати обнаруживаются самые серьезные намерения, когда по

всем вопросам совпадают их взгляды, это уже ядро, это уже коллектив, который может уверенно планировать свое будущее.

Довольно часто приходится сталкиваться с точкой зрения, согласно которой оперативная комсомольская дружина — это группа людей, занимающаяся тем, что задерживает и, как говорится, приводит в чувство того или иного хулигана в том или ином общественном месте: в кино, на улице, на танцплощадке. В принципе все это верно, но, по-моему, однобоко. Хулиган не просто возникает, он где-то формируется, и вот засечь место его формирования и уничтожить условия, благоприятные для него, — это и есть главное содержание нашей работы.

Мы, например, установили постоянный контроль за магазинами города. Зачем? Дело в том, что сколько ни запрещают работникам прилавка продавать спиртное и табачные изделия несовершеннолетним, они, работники прилавка, неохотно подчиняются запрещению. А мальчишки, купив бутылку вина, тут же за углом распивают ее, и дальнейшее уже нетрудно себе представить... Вот мы и решили в порядке профилактики взять магазины под свой контроль. Результаты, хорошие результаты не заставили себя ждать.

Возьмем теперь другую сторону нашей деятельности — «выявление людей, уклоняющихся от общественно полезного труда», — так она именуется официально. Это тоже предупреждающая мера, и значение ее весьма велико: ведь именно дармоеды толкают подростков и молодежь на нарушение норм морали. Нам удалось уже немало сделать в этой области, но мы отдаем себе отчет в том, что сделанное только начало.

У нас есть свой военно-спортивный лагерь «Факел». Рассчитан он на так называемых «трудных» подростков, и руководят всей его работой ребята-оперативники. За счет своих трудовых отпусков они уезжают летом в лагерь и командуют там отделениями, взводами, руководят футбольными и волейбольными командами, парашютным кружком.

Виталий Козлов и Володя Слобожанин — это наши оперативники — могли бы многое рассказать о том, какие сложные им попались мальчишки, как много труда пришлось затратить на них и как эти мальчишки, вернувшись из «Факела», не забывают своих командиров и стараются помочь им в их работе, то есть, по сути дела, в работе оперативной дружины.

Конечно, за всеми этими делами мы не забываем и собственно оперативную работу. Только за последнее время дружинники задержали несколько серьезных преступников, в том числе двух особо опасных, помогли разоблачить группу жуликов, орудовавших на станции Целиноград, вскрыли крупные хищения на комбинате бытового обслуживания... И все это идет наряду с повседневной работой по поддержанию порядка на улицах и в общественных местах Целинограда.

Ежедневно 114 парней и девчат — рабочие, служащие, студенты, учащиеся — надевают форму оперативника и выходят на улицы города. Для них это не повод покрасоваться, а сложная, трудная и опасная работа, и не один из них побывал уже в таких переделках, где речь шла порой о жизни и смерти. Я затрудняюсь назвать такой случай, когда бы наш оперативник струсил, и склонен отнести это за счет той атмосферы высокой требовательности, которая царит в дружине.

Мы все учимся. Кроме того, системой стали специальные занятия, которые проводят с дружинниками работники суда, прокуратуры и милиции. То тех, то других ребят мы выдвигаем на работу следователями на общественных началах в горпрокуратуре.

З. Крицина и В. Арнаутов за год такой работы выполнили около двухсот заданий и раскрыли пять серьезных преступлений.

Я уже не говорю о том, что вступление в нашу дружину — дело не менее сложное, чем поступление в иной институт. Полгода — это испытательный срок, который проходят все без исключения новички, и, только выдержав испытание, они принимают присягу и получают право носить форму. Во всяком случае, те четыреста парней и девчат, которые прошли школу мужества в оперативной комсомольской за годы ее существования, никогда не забудут дружину, всегда с благодарностью будут вспоминать ее.

В феврале 1965 года решением бюро ЦК ЛКСМ Казахстана и коллегии Министерства охраны общественного порядка нашей дружине было присвоено имя железного Феликса — Ф. Э. Дзержинского. Нам вручили Красное знамя, и для любого из нас оно святыня, честь его мы не уроним. Поручкой тому стремление каждого комсомольского оперативника очистить наш город от встречающихся еще хулиганов, жуликов, тунеядцев и прочей мрази, мешающей нам жить.

В. ЯКУБ, командир оперативной комсомольской дружины имени Ф. Э. Дзержинского.

г. Целиноград.

НА СЛУЖБЕ И ПОСЛЕ СЛУЖБЫ

Милиционером мы всегда дорожили, потому что он охраняет наше спокойствие, помогает нашему благополучию. Милиционера мы всегда уважали, потому что видели в нем превосходство исполнителя долга. Мы его высоко ценили, потому что он на своем посту то и дело рискует жизнью. Но думали ли мы когда-нибудь, что милиционера мы полюбим? Полюбим просто, сердечно, дружелюбно. А он привел нас к этому чувству. Привел великолепным соединением мужества с мягкостью, строгости с вежливостью, внимания с твердым руководством.

В. И. Немирович-Данченко.





Н. Лисин

ЗАМПОЛИТ РЯБОКОНЬ

Нелегко сложилась судьба у Володи. Отец не мог проводить сына в первый класс. С первых дней войны он ушел на фронт, а маленький Володя пошел в школу.

Тяжелые годы войны... Ребята алтайского села Суслово учились и работали, вносили свою посильную лепту в дело разгрома врага. В пионерских отрядах познавали мальчишки и девчонки радость и красоту коллективного труда.

Вечерами после трудового дня не спалось. Мечтал Володя Рябоконт, что вот кончится война, придет домой отец, потреплет сына за чуб и спросит: «Ну как ты, мужик, тут без меня хозяйствовал?» От таких мыслей першило в горле, хотелось бежать, действовать, что-то делать, чтобы быстрее пришла победа, пришел домой отец.

В этих мечтах видел Володя себя взрослым. Как будет он выращивать большие и вкусные яблоки, растить сады на земле, чтобы была она такой же зеленой и прекрасной, как их родной край.

Кончилась война, но не пришлось Володе выращивать сады. Нужно было помогать семье — пошел он работать на завод. В 1951 году умер отец: дали знать о себе годы войны и ранения. Через полгода погиб старший брат.

Снова заботы о семье. Вечерняя школа и работа. С 1949 года комсомолец — и сразу же активная работа: его избирают секретарем комсомольской организации.

Службу проходил в войсках МВД в Караганде, где его в первый же год избрали освобожденным секретарем комсомольского бюро роты, а затем инструктором политаппарата по работе среди заключенных. И с тех пор, до назначения на должность замполита Балхашского ГОМ, Владимир Рябоконт работал в политаппарате мест заключения. За это время он вступил в члены КПСС, окончил Высшую школу милиции.

Не сады ему пришлось выращивать, а очищать людей от коросты буржуазного прошлого, выхаживать раненые, исковерканные войной души людей. А это куда сложнее. Трудно. И казалось иногда — невозможно. Но сам он, испытавший на себе тяжесть военных лет, понимал этих людей и умел находить подход к оступившимся. Не все хорошо получалось, но упорство и привычка не пасовать перед трудностью помогали в работе.

Потом пришли первые удачи и успехи в работе, о чем свидетельствуют многочисленные Почетные грамоты от Политотдела и других организаций.

Когда в январе 1966 года встал вопрос, кого назначить заместителем начальника Балхашского городского отдела милиции по политико-воспитательной работе, была названа кандидатура тов. Рябокоть. Скупые строчки характеристики: быстро сходится с людьми, умеет найти себе хороших помощников и увлечь их работой.



Замполит В. В. Рябокоть (второй справа) в кругу своих товарищей по службе.

Кое-кто опасался. А сможет ли, справится ли с таким ответственным поручением в сущности еще молодой коммунист и молодой по возрасту товарищ? Такой же вопрос задавал себе и сам Владимир Рябокоть.

В колонии, там было намного яснее. И опыт в этом уже накоплен немалый. А здесь все по-другому.

В городском отделе работают убеленные сединами офицеры, которые в отцы ему годятся, вместе с ними на равных работает и молодежь, только что окончившая учебные заведения, и демобилизованные воины.

Да и функции совершенно разные у работников милиции и работников мест заключения. Однако Рябокоть находит общую цель: как те, так и другие, пусть каждый по-своему, борются за судьбу человека.

И как в былые годы возникает сразу вопрос: «Какова же задача?» И ответ приходит четкий, строгий по-военному: воспитывать личный состав в духе высокого патриотизма, преданности делу коммунизма, своему народу, социалистической Родине, готовности отдать все силы, а если потребуется, и свою жизнь нашему общему делу.

Владимир Варфоломеевич понимает: для того, чтобы воспитать эти качества у каждого работника милиции, предстоит сделать очень многое. И здесь будут важны идейная закалка, профессиональное мастерство, образованность, дисциплина и моральная стойкость каждого работника милиции.

Все это не придет само собой. Нужна кропотливая работа с каждым человеком. Ведь сколько людей, столько и характеров, и не учитывать этого нельзя.

С чего начать? Что главное?

И решение принято правильное: начинать с создания работоспособного актива, с подбора боевых инициативных помощников.

Коммунисты горотдела милиции увидели в замполите хорошего организатора и избрали его секретарем партийной организации. Это еще больше повышало ответственность.

В Балхашском горкоме партии Владимир Варфоломеевич Рябоконт частый гость: он активно учится у опытных партийцев. Да и ему всегда рады — активный и инициативный товарищ, неплохой партработник. Вскоре и конкретный участок работы определили — внештатный инструктор Карагандинского обкома партии.

Ищет и добивается успешных результатов пытливая мысль замполита. Нужны активные помощники в работе. Где их искать? Конечно, среди молодежи.

Да, в горотделе много молодежи, а вот комсомольская организация малочисленная — всего 10 человек, дела идут вяло, комсомольцы ничем не выделяются из остальной части молодежи.

Поговорили с ребятами из горкома комсомола, решили оживить работу комсомольской организации. Нашелся и вожак молодежный — оперативный уполномоченный уголовного розыска младший лейтенант милиции Киреев. Первый толчок. Почаще стали проводить физкультурные соревнования, массовые походы в кино, театры, коллективные выезды на озеро, на рыбалку. Провели несколько интересных вечеров, бесед. По вечерам в ленинской комнате в свободное от службы время работники отдела пели песни, читали стихи. Тут же родилась мысль создать свою милицейскую художественную самодеятельность.

Потянулась молодежь в комсомол: 15 человек вступили в члены ВЛКСМ в течение года. Комсорга Михаила Киреева избрали членом горкома комсомола, несколько комсомольцев за хорошую общественную работу и успехи на службе наградили Почетными грамотами горкома комсомола. Надежные у замполита помощники. Чувствуется, что укрепилась дисциплина, зримо возросли оперативно-служебные показатели.

В апреле 1966 года Владимир Варфоломеевич был в Алма-Ате на пятнадцатидневном республиканском семинаре политработников. Собрались политработники всей республики, прослушали немало интересных и полезных лекций, советов и наставлений. Поделились опытом.

В мае 1966 года коллектив Сайрамского РОМ Чимкентской области обратился с призывом ко всем подразделениям милиции республики включиться в соревнование за достойную встречу 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Собрал свой актив и Владимир Варфоломеевич, чтобы посоветоваться, как и чем ответить на призыв сайрамцев.

В тот день состоялся у них большой разговор о недостатках и просчетах в работе. Об успехах не говорили — нужно было бороться за настоящую и безукоризненную работу. Горячо и заинтересованно говорили комсомольцы: не изжиты еще факты неряшливости, неисполнительности, встречаются случаи нарушения служебно-воинской дисциплины, нет должного уюта в рабочих кабинетах... Собрание решило: единодушно поддержать почин сайрамцев и включиться в соревнование.

Создали и женский совет. Большую надежду замполит возлагал на него и не обманулся. Председатель женсовета Зинаида Александровна Белова оказалась женщиной с огоньком. Все у нее спорится, все она делает с любовью. Женсовет организовал строгий контроль за учебой и поведением детей сотрудников, учит молодых мамаш ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей в семье. Хорошо был организован летний отдых детей. Провели даже выставку детских рисунков и интересный конкурс на лучшую игрушку.

Неузнаваемо преобразилась ленинская комната, которую без преувеличения можно назвать центром культурно-массовой и политико-воспитательной работы. Здесь любовно оформлены стенды о жизни и деятельности В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, доска отличников, активно работает библиотека на общественных началах. Красочной и содержательной выпускается стенная газета. Не случайно на областном смотре ленинская комната Балхашского ГОМ заняла второе место, а стенная газета признана лучшей в области. Сейчас при ленинской комнате создается художественная самодеятельность.

Известно, что без должной теоретической подготовки трудно ожидать хороших результатов по службе. Нечего греха таить, плохо еще обучают в отдельных подразделениях рядовой и сержантский состав, зачастую солдаты и сержанты остаются на втором плане. Замполит вместе с начальником горотдела тов. Бекишевым решили серьезно заняться учебой рядового и сержантского состава. Политзанятия с этой категорией работников ведет сам Рябоконь, и это ощутимо сказывается на дисциплине, подтянутости работников. И по службе заметно улучшились показатели. Все коммунисты и беспартийные офицеры занимаются в кружках сети партийной учебы. В средних специальных и высших учебных заведениях заочно обучается четвертая часть всего личного состава.

Для помощи заочникам в отделе организовали консультационный пункт, в состав которого вошли начальник следственного отделения тов. Петров, руководители этого пункта Л. С. Мирошин, Альмагамбетов, консультант заочников — начальник ГОМ Е. Бекишев и замполит В. Рябоконь.

Много забот у замполита. Многое нужно проверить, посоветовать, обсудить с товарищами по работе.

Основной задачей деятельности органов милиции является профилактика преступлений. Важно предупредить правонарушение. Формы профилактической работы самые разнообразные, и одна из них — постоянное общение с населением. В отделе под руководством замполита создана лекторская группа, которая за год прочитала 130 лекций, докладов, провела десятки бесед на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. Группа состоит из 10 человек, в нее вошли руководители отдела, оперативные работники, за хорошую работу по пропаганде правовых знаний начальник горотдела милиции тов. Бекишев Е. награжден грамотой областного общества «Знание», а начальник

отделения уголовного розыска майор Л. С. Мирошин награжден грамотой республиканского общества «Знание».

Физическая закалка — одно из условий успешного выполнения задачи по борьбе с преступностью. Было время, когда работники отдела милиции, кроме домино, другими видами спорта почти не занимались. Совершенно другое дело сейчас. Каждая свободная минута используется рационально. Организована волейбольная команда, команда шахматистов, шашкистов, рыболовная, стрелковая, имеются свои пловцы, конькобежцы, и каждая спортивная вылазка на лоно природы воспринимается как праздник. Делается все это не по-казенному, не по приказу, а с шуткой, с веселым настроением. Руководят физкультурно-спортивной работой инициативные, любящие это дело товарищи. Стрелковую секцию ведет командир взвода капитан Красильников, рыболовов возглавляет сам начальник ГОМ подполковник Е. Бекишев, шахматно-шашечной секцией руководит старший лейтенант Муханов, волейбольную команду возглавляет участковый уполномоченный Каукенов, самбистов обучает майор Л. С. Мирошин.

Всем комплексом политико-воспитательных мероприятий личный состав направляется на решение основной задачи — успешной борьбы с преступностью. Экзаменом такой готовности явилось претворение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года об усилении ответственности за хулиганство.

Бдительно охраняет покой родного города отряд милиции, ревностно помогают ему в этом важном и ответственном деле дружинники — молодые рабочие предприятий и учреждений города. Неуютно стало на улицах Балхаша любителям хмельного веселья, дебоширам, хулиганам.

Новый Указ предоставил работникам милиции большие права. Однако немедленное и строгое наказание нарушителей общественного порядка — только одна мера борьбы с хулиганством, но не единственная. Другая, не менее важная и действенная, — это целеустремленная, умная и последовательная профилактическая работа. Вот об этом и говорил замполит на собрании личного состава: «Важно предупредить правонарушение, а кто это может сделать лучше нас? Ведь нам, работникам милиции, больше известно об этом».

Балхашские работники милиции по этой боевой линии сделали немало. С разъяснениями основных положений постановления партии и правительства и Указа и выступают начальник горотдела, его заместитель, оперативные и участковые уполномоченные.

Вот дни рабочей недели замполита:

7 августа. 11.00. Беседа о новом Указе в Центральной лаборатории автоматике БГМК.

9 августа. 12.00. Лекция в литейном цехе. Тема: «Новые мероприятия партии и правительства по усилению борьбы с хулиганством».

11 августа. 11.00. Беседа на автобазе. Тема та же...

По телевидению работники ГОМ за год выступили 11 раз. Несколько выступлений было по радио; замполит выступал трижды. Свыше 20 заметок, статей, очерков работников отделения было опубликовано на страницах городской и областной печати. И вновь идут к замполиту люди, чтобы поработать над статьей, посоветоваться, как лучше организовать профилактическую работу.

В кинотеатрах города перед началом сеансов прослушивается магнитофонная запись выступления начальника ГОМ подполковника Е. Бекишева «О значении новых мероприятий партии и правительства по борьбе с хулиганством». Штаб дружины совместно с горотделом милиции организовал фотовитрины, на которых для всеобщего обозрения выставлены фотографии «отличившихся клиентов» вытрезвителя — хулиганов, дебоширов.

На все надо найти время, и Рябоконь его находит подчас за счет своего личного досуга. Есть у Владимира задумка и большое желание — поступить в адъюнктуру. Нужное дело. Опыт накопился и теоретическая подготовка есть, но... время, где его взять, когда в сутках всего 24 часа?!

Вот опять надо найти время для обстоятельной беседы с одним старшиной. Не все хорошо у него на работе, да и дома; осторожно вмешаться, подсказать, приободрить, а может быть, и встряхнуть как следует.

К замполиту идут со всеми своими радостями и печальми, дверь в его кабинет, как говорят, не закрывается. Владимир Варфоломеевич считает, что хорошая, задушевная беседа чаще всего приносит больше пользы, чем публичный «разнос» нерадивого работника или самое строгое административное взыскание. Индивидуальная работа с каждым — основа всей деятельности замполита, и в этом убеждается неоднократно Рябоконь. Вот взять хотя бы некоторых участковых уполномоченных. Много вечеров потратил Рябоконь, чтобы разобраться с товарищами, помочь им. В результате их дела по службе заметно улучшились. А ведь в отделе много еще таких, с которыми придется беседовать не раз и не два, чтобы они поняли свой высокий долг и прониклись чувством ответственности за порученное дело.

Владимир Варфоломеевич взял себе за правило — самым активным образом вмешиваться в дела подбора кадров на работу в отдел. Только после детальной проверки и беседы решается вопрос, брать или не брать в милицию того или иного товарища. Уж лучше сразу отказать, если человек не подходит для работы в органах, чем потом увольнять его за неблагоприятные дела. И вот результат: за 1966 год принято на работу в отдел 32 человека. И в основном это хорошие ребята, ищущие, думающие. С такими интересно работать. Хотя на первых порах и не все у них получается, не беда. Помогут старые работники.

Ликвидирована и текучесть кадров.

В отделе становится правилом — молодых работников, новичков закреплять за старыми, опытными сотрудниками. Сочетание молодого задора с опытом старших товарищей дает хорошие результаты.

У замполита много помощников среди отличников милиции. Их сейчас в отделе 22 человека. Большая честь заслужить это почетное звание.

Далеко за полночь не гаснет свет в окнах квартиры замполита: как бы в сутолоке дел не забыть главное. Намечается план. Быстро бегают карандаш по блокноту... Собрать женсовет... Пригласить руководителя художественной самодеятельности. Проверить, как несут службу молодые работники.

Ох, как много главных дел! Владимир улыбается пришедшим на ум воспоминаниям детства.

Выращивать сады легче. А вот вырастить хорошего человека, и не просто человека, а бойца, куда сложнее.

Много, очень много предстоит сделать Владимиру Варфоломеевичу, чтобы можно было сказать, что дела идут хорошо. Вот почему далеко за полночь не гаснет свет в окне замполита.

Н. ЛИСИН, подполковник милиции.

г. Караганда.

И. Антипов

РЕПОРТАЖ ИЗ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ

Последние минуты в одном строю... А завтра поезда унесут их в разные концы Казахстана. Там питомцы школы милиции встанут на свою нелегкую вахту.

В коридорах царит атмосфера приподнятости. Громче голоса, оживленнее лица — так бывает при расставании. И преподаватели, и выпускники с особенной теплотой и признательностью поглядывают друг на друга, забыв о всяких неурядицах, случавшихся, бывало, во время учебы. Для преподавателей выпускники уже не выпускники, а юристы, госавтоинспекторы, работники пожарной охраны — одним словом, молодые специалисты десятого выпуска школы. Для выпускников же преподаватели все еще остаются преподавателями с их знаниями, с их богатым опытом.



Последние минуты в одном строю...

Не один год работал следователем в органах милиции Алма-Аты Александр Яковлевич Гинзбург. Молодому способному юристу предложили вести в школе курс криминалистики. Он охотно взялся за свое дело. Преподавательская работа увлекла. Недавно подполковник милиции А. Я. Гинзбург защитил диссертацию на степень кандидата юридических наук.

В канун десятилетнего юбилея школы защитили кандидатские диссертации преподаватель криминалистики лейтенант Юрий Иванович Ильченко, начальник юридического цикла Урдагали Казгалиевич Ихсанов.

Все усилия преподавательского состава школы направлены на то, чтобы подразделения казахстанской милиции пополнялись не только квалифицированными специалистами, но и идейно закаленными, всесторонне развитыми, культурными людьми.

В отделе кадров знакомимся со списками выпускников. Вот один из бывших воспитанников — Виктор Охватов. Шесть лет назад он успешно закончил здесь учебу и получил назначение в Зеленковский райотдел милиции Уральской области. Там работал оперуполномоченным ОБХСС, затем стал следователем. Не так давно молодой специалист выдвинут на должность заместителя начальника Чингирлауского райотдела милиции.

Один из передовых коллективов районного отдела милиции на Павлодарщине возглавляет подполковник Вахит Рахимжанович Ахметов. Это тоже воспитанник Алма-Атинской средней школы милиции. За восемь лет практической работы он в совершенстве овладел искусством следователя, был воспитателем в исправительно-трудовых учреждениях, оперуполномоченным уголовного розыска.

Зорко стоят на страже социалистического правопорядка начальник Майкудукского горотдела милиции Карагандинской области капитан Алимжан Ахмадин, начальник Боровского райотдела милиции Кустанайской области капитан Иван Юрьевич Шутяк, заместитель начальника Джетыгаринского горотдела милиции той же области капитан Андрей Федорович Дунаев и многие другие. Все они в свое время получили путевку в жизнь в стенах этого учебного заведения.

Алма-Атинская школа милиции готовит пополнение и для братской Киргизской республики. За десять лет она подготовила около двухсот квалифицированных специалистов. Например, бывший воспитанник школы капитан Токтожум Дженалиев руководит Ак-Талинским райотделом милиции, капитан Джирбосали Джумабаев — заместитель начальника Токтогульского райотдела милиции, а Виталий Архипович Чернецкий считается одним из лучших следователей милиции в Киргизии.

В школе свято берегут и умножают славные боевые традиции. На счету ее воспитанников немало отважных поступков.

Ленинская комната. На стенах — красочно оформленные стенды, фотографии. Вот портреты курсантов Николая Гришаева и Александра Андреева.

...Июль 1963 года. В один из воскресных дней в школу пришла страшная весть о разыгравшейся трагедии на озере Иссык. Подан сигнал тревоги.

Курсанты школы милиции спасали детей, женщин, стариков, спасли от воды немало ценностей. Особую храбрость и героизм при спасении утопающих проявили курсанты Николай Гришаев и Александр Андреев. Подчас рискуя своей жизнью, они бросались в самые гибельные места, чтобы выволить из беды человека. Отважные ребята награждены медалями «За отличную службу по охране общественного порядка».

Знакомимся с другими портретами воспитанников, украсившими Стенд славы учебного заведения. На нас смотрят волевые юношеские лица. Это Борис Мудриченко и Сансызбай Мусабеков. На груди у них медали «За отличную службу по охране общественного порядка». Описание их подвига нельзя уложить в короткие строки.

...Автомашина подкатила к подъезду дома № 305 на 15-й линии. Из машины вышел инкассатор Николай Власов и направился в 38-е почтовое отделение. Торопясь, не обратил внимания на молодых людей, сидевших в углу за столом. Подошел к окну, к тому самому окну, где ежедневно в один и тот же час встречался с заведующей почтовым отделением Клавдией Васильевной Трифоновой. Сумку, где были деньги, положил на барьер. Хотел достать маршрутный реестр, но, повернувшись туда, где сидели парни, встретил наставленное на него дуло пистолета.

В один миг Николай Власов перекинул сумку за окно. Нашупав кобуру, коснулся холодной рукоятки револьвера. А вытащить его так и не удалось. Раздался выстрел — нестерпимая боль остро полоснула грудь. Напрягаясь, Власов метнулся вслед за бандитами. Но рана оказалась смертельной, он упал.

На выстрелы выбежал кочегар хлебозавода № 3 Ахьят Мершаков. Увидев убегающих преступников, он решил остановить их и бросился вдогонку. Он уже почти догнал одного из негодяев, как вдруг выстрелы в упор остановили его бег. Ахьят Мершаков упал неподалеку от того места, где погиб Николай Власов...

Инструктаж курсантам школы милиции был дан в считанные минуты. Сообщены ориентиры и приметы преступников. Еще раз заместитель начальника школы подполковник А. Б. Байшибулов напоминает о бдительности и предупреждает: бандиты вооружены пистолетами и холодным оружием...

Лица курсантов посуровели.

За несколько минут до начала операции к ним зашли преподаватели майоры А. Т. Ащеулов и И. З. Насырбаев. Из рассказов подполковника Байшибулова они узнали о преступлении. Задумались, вспоминая что-то. Нет, оперативное чутье не обманывает их. По всем приметам, парни, встретившиеся им на пути, и есть бандиты. Жаль, что они только сейчас узнали об этом. Значит, где-то здесь, в горном саду, неподалеку от лагеря курсантов, разгуливают опасные преступники. Раздумывать некогда. Тут же была дана команда прочесать близлежащие сады.

Напарником у курсанта Бориса Мудриченко оказался Сансызбай Мусабеков. Не спеша шли они по саду, пристально вглядывались в междурядья приземистых яблонь. Где-то впереди грянул ружейный выстрел, и эхо прокатилось по горным ущельям. Курсанты насторожились, ускорили шаг.

Сразу было трудно разглядеть, кто это суетится у лошади. А когда подошли ближе, узнали охранника Ивана Павловича Байдалина. Из левой руки его сочилась кровь, лицо бледное, взволнованное.

— Меня ранили, — сказал он. — Бандиты там, — преодолевая боль, указал Байдалин...

С утра прошел дождь. Сырая жухлая трава стелилась под ногами. Сперва шли рядом, потом разъединились. Борис Мудриченко шагал чуть поодаль от Сансызбая Мусабекова.

До старой кряжистой яблони шагов десять осталось. Сансызбай на ходу прощупывает ее глазами, всматривается в порыжевшую шапку дерева. И вдруг густая высокая трава вокруг яблони заколыхалась. Не успел сообразить Мусабеков, что бы это значило, как на него глянуло дуло пистолета. Теперь хорошо видно было, что под яблоней лежит человек и целится в Сансызбая. Но он продолжал идти прямо на бандита.

Кто знает, чем бы кончился этот поединок, если бы не смелость и решительность товарища по оружию. В один миг Борис Мудриченко оказался сзади бандита и скрутил его...

Мы покидаем Ленинскую комнату с чувством глубокого уважения и восхищения перед мужеством людей, чьи портреты глядят на нас со стены.

Начальник школы полковник Михаил Павлович Васютин ведет нас в аудитории. Они светлы и просторны. Здесь созданы все условия для отличной подготовки специалистов.

Изучают советское уголовное право в школе милиции основательно. По своему охвату его объем не уступает времени, отведенному на изучение этой дисциплины в высших учебных заведениях. Большое место в учебном плане отведено криминалистике,

советскому административному праву, искусству оперативно-розыскной деятельности. Будущие госавтоинспекторы наряду с изучением автомобильной техники и безопасности движения овладевают основами теоретической механики, теорией сопротивления материалов, проникают в тайны телемеханики и высшей математики.

В распоряжении курсантов богатая специальная библиотека. В школе есть и библиотека художественной литературы. Сейчас их фонд составляет около ста тысяч томов.

С первых дней создания Алма-Атинской средней школы милиции в ней трудятся преподаватели А. А. Анашин, А. М. Попков, Н. А. Пушкарь, М. М. Калашников, Е. И. Романова и другие. Они готовят квалифицированных специалистов милицейской службы, волевых и смелых стражей общественного порядка.

В 1962 году в ознаменование Дня советской милиции курсанты и преподаватели школы принимали присягу. Как и воины Советской Армии, солдаты в синих шинелях дали клятву на верность народу, родной Коммунистической партии и Советскому правительству. И они свято выполняют ее.

И АНТИПОВ, сотрудник МООП.

г. Алма-Ата.

Н. Янина

ПОИСК

Славку Чеботарева снова увидели в компании его бывших «друзей». Ей доложили юдээмовцы, вернувшиеся из рейда. Не было ничего необычного в том, что это произошло. Могло произойти — она это знала. Но было печально и больно. И был упрек к себе: не сумела, значит, до конца разбить эту ложную романтику независимой жизни, в четырнадцать лет, потянулся к ней опять... И было еще одно — благодарность его матери: «А Славка мой теперь совсем другим стал... Спасибо вам!».

Она всегда трогала ее больше всего, эта благодарность матерей. И не в простой человеческой слабости дело. Все гораздо выше. Это была самая бесхитростная оценка ее поиска пути к рассудку и сердцу «трудных» детей.

Чеботарева тогда вбежала с таким всплеском радости, что забыть это сейчас было просто невозможно.

— Клара Сагындыковна, может, его привести сейчас сюда? — спросил командир оперативного отряда.

Он ожидал от нее ответа, а она все еще не могла отделаться от мысли о том, как бурно реагировала мать, что Славка вернулся другим. И хотя по опыту знала, что еще рано ставить точку, все же она тогда не могла не поддаться этому радостному порыву.

«Привести сейчас?..» — подумала она.

— Пожалуй, не надо... — проговорила вслух. Ей не хотелось начинать опять с объяснений и обещаний. Надо было подумать о чем-то другом, что было еще не испытанным, как врачу, меняющему лечение.

Славку она увидела первый раз год тому назад, когда пришла к ним на квартиру. Чеботарева, оторвавшись от стирки, повела ее во двор.

— Вот, смотрите! — сказала она, показывая на крышу дома. — И так целый день! Голубями занимается, а книг не раскрывает, учиться не хочет... Мне в школе говорят — энергии у него через край, направить ее нужно в настоящее русло. А как ее направишь? За хлебом не допросишься сходить. Пришла с работы, за стирку принялась, а он с чердаков с этих в темноте только спустится и за стол — есть ему подавай!

— Славка, слазь! — крикнула она наверх.

— Не надо! — сказала Клара Сагындыковна. Она мучительно раздумывала над тем, как помочь, и не только матери, а еще больше самому Славке. Добиться, чтобы он слушался и посещал школу, было еще не так трудно; сложнее, чтобы общество не получило потом лицемера или труса. Тут нужна была целая система воздействия. Как педагог по образованию она понимала тут всю запущенность воспитания, и как инспектор детской комнаты милиции предвидела, какие последствия могут быть. Одним, даже решительным, действием, здесь не поможешь.

Вопрос о нем решался на совете общественности. Он был самой подходящей для отряда кандидатурой: физически развитый и возраст — пятнадцать лет, такому уже все по силам. А там работать придется. Студенческий строительный отряд впервые тогда за такое дело брался. Это был еще эксперимент. Поэтому не хотелось, чтобы поломали зубы на каком-нибудь «орешке» и загубили бы полезное дело, и не хотелось, чтобы была задача облегченной. О Чеботареве спорили.

— Этот фрукт уже для колонии созрел, — возражал против него желчный представитель общественности, — а вы его к студентам! Вы же сами с ним справиться не можете...

— Но не все меры использованы, — настаивала Клара Сагындыковна. — Он не был еще в коллективе.

— А школа? Разве не коллектив? — снова возражали ей. Это упорство обнажало корни — излишняя возня.

В настойчивости инспектора была своя логика:

— Отряд — особая статья! Жизнь по уставу — один за всех, все за одного. И мы не можем отказаться еще от одной, такой важной меры.

Так и было решено: Славка Чеботарев едет на целину в строительном отряде студентов.

У него были свои понятия о смелости. Он их высказал, когда инспектор застала его чуть свет кувыркавшимся на турнике. Смел тот, у кого мускулы. И он их тренировал. Ему не приходилось ввязываться в мальчишечьи драки, он только оголял руку до плеча и сжимал в локте.

— Оберните его слабость силой, — сказала Клара Сагындыковна командиру отряда, — я думаю, что это вам поможет как-то его перевернуть.

От Чеботарева пришло письмо, а в конце его другой рукой приписка — «обернул», понятная только инспектору и командиру отряда.

Это не так просто — найти путь к исправлению подростка. Время, усилия и труд должны слиться в одно. И все это не «от» и «до», а безгранично. И надо очень любить этих «трудных», чтобы верить в них.

Мать стоит ожесточенная, не сдерживая себя:

— Как хотите, а сил у меня больше нет... Все нервы издергал. Все испробовала — и уговоры, и била вот ремнем... Не помогает. Вся надежда на вас.

И при всем при том, когда сразу бросаются в глаза все «издержки» ее воспитательной системы, инспектор не может отказать ей в ее надежде. Клара Сагындыковна только просит ребенка выйти в коридор. А потом строго, почти осуждающе смотрит на мать.

— Вот вы при ребенке расписываетесь в собственном бессилии...

— Он меня все равно ни во что не ставит... Хоть есть я у него, хоть нет...

— Ну-ну! — качает она головой. — А куда он без вас в четырнадцать-то лет?

— Вы спросите его: нужна ему мать или нет?

— Каждому ребенку нужна мать, нужен отец... — иногда так и хочется сказать: «Только какие...»

Интересно, что ни один родитель не желает своему ребенку зла, все хотят вырастить хорошего человека. Правда, понятие «вырастить человека» у разных родителей неодинаково: одни все сводят к высшему образованию, другие к материальному благополучию. Это прививается иногда чуть ли не с пеленок, с первых шагов. И так по ступенькам — все вверх и вверх. И вот уже в школьном коллективе появляются себялюбцы и циники, карьеристы и рвачи. Смотрит тогда такой родитель на своего недоросля, бежит в детскую комнату милиции:

— Помогите из сына сделать человека...

И вот он стоит в дверях, остановился и ни шагу вперед — это когда первый раз приходит.

— Проходи, — скажет Клара Сагындыковна, несколько не удивившись его появлению, будто старого знакомого увидела. Иногда даже предложит в другую комнату пройти, потому что скоро юдээмовцы могут из рейда вернуться и конечно помешают их разговору.

— Ну? — спросит она его о чем-нибудь.

Глаза в стол опустит, молчит.

— Ладно, — скажет она, — оставим про это... Не буду допытываться. Раз секрет, значит, секрет. Не каждому можно доверять.

Вспыхнет, головой встряхнет:

— Вы думаете...

— Ну конечно!

И вдруг появляется оно, это доверие. И тогда все становится проще и легче.

Другие упрямо мотают головой: «Не скажу!» Глаза исподлобья, губы крепко сжаты. «Ну, ладно, — подумает Клара Сагындыковна, — сразу не вытравись...»

На столе появляется папка, тоненькая, в ней всего один лист. На листе — фамилия, адрес. Со временем она обрастает множеством подробностей, как больничная карточка у врача. Ведь здесь тоже лечат. И прежде всего тоже выясняют симптомы.

Наугад из одной папки:

«...Это, пожалуй, самый последний случай — вчера было. Геннадий не отличается собранностью и аккуратностью, опоздания его так часты, что одно время, по особым педагогическим соображениям, мы решили их не замечать.

Иду вчера на урок, все уже в классе, а Гена все еще прогуливается по коридору. Думаю: хватит! Останавливаю. Отвечает грубостью. В класс вошел, вместе со мной, но так, как будто бы сделал мне одолжение. Идет впереди меня и кривляется.

Раскрываю журнал и вызываю его к доске. Конечно, не ожидал — атака за атакой. Чувствую — не готовился, но идет. Храбро даже. Задаю вопрос и представьте — отвечает. Долго и обстоятельно. Но... вся беда, не на заданный вопрос отвечает, а рассказывает совсем о другом, о том, что лучше всего из пройденного знает. И без тени смущения. Это меня больше всего в нем поразило. Да, трудным становится мальчишка...»

А рядом акт обследования:

«...Семья Плотниковых состоит из четырех человек. Николай Антонович — отец, Вера Васильевна — мать, Дарья Дмитриевна — бабушка, и сын Геннадий.

Плотниковы имеют квартиру из двух комнат со всеми удобствами, просторную, светлую. Муж и жена работают, бабушка — пенсионерка. Материально семья обеспечена хорошо».

Что кроется за этими документами наугад выбранной папки? Какую жизненную коллизию они содержат?.

...Генка тянет:

— Баба-аа, опять, что ли...

— Ну что тебе надо?.. Мал еще знать... — сердится бабушка.

Мал не мал, а он и так все знает: ведь при нем расходятся. Разъедутся по разным квартирам, а его как будто бы и нет у них. Мать иногда забежит перед работой, чмокнет его в лоб, сунет в ладонь конфетку. После нее долго стоит в комнате запах духов. Противный запах. Генка не любит духи, он их терпеть просто не может. Когда они расходятся, от матери начинает пахнуть духами. А от отца вином. Он тоже иногда заходит, только после работы. Большой, а ходит как маленький — переваливается, пошатывается. На вещи натывается. Сядет на стул, руки на столе вытянет, Генку с другого

конца стола на колени к себе перебросит. А Генка не любит у него на коленях сидеть — вином пахнет.

— И что вы все не поделите! — вздохнет бабушка.

— Вы, мама, в нашу семью не влазьте, — пробасит отец. — Ваше дело сторона. Ну какое у вас понятие о жизни?

— Да уж никакого! — согласится бабушка. — Где мне вас понять...

Выдержит паузу, вздохнет и крикнет:

— Ас ребенком что делаете?

Отец лезет рукой в карман. Вытащит смятую пятерку, разглядит на столе, пододвинет бабушке:

— Вот возьми, на прокорм...

— Я не о том хлопочу. Дубина ты!

Мир для Генки постоянно разделен на две части: когда все вместе и когда он и бабушка.

Когда все вместе, мать с работы мимо пройдет, обязательно остановится. Постоит, посмотрит, как Генка на самокате восьмерку чертит или с соседским Толькой на турнике подтягивается. Потом вместе в квартиру идут, по дороге мать обязательно спросит, что делал, сколько гулял, где был сегодня.

Отец вечером на ковре с ним усядется, с «Конструктором» возьмется до тех пор, пока мать Генку на постель не прогонит. Или еще игру затеют «морской бой». Отец из «Детского мира» коробки с разными играми приносит. Только у них и забот что о нем!

А потом все рушится. Опять он и бабушка.

...Генка на подоконнике примостился, книжку какую-то листает. Убежал бы на улицу — идет дождь. По половицам отец поскрипывает в новых туфлях. А мать духов флакон на себя вылила — запах невыносимый.

— Ты чем занимаешься? — останавливается возле Генки отец. Генка в книжку уткнулся, молчит.

— Я тебя спрашиваю? Уроки сделал?

— А твое какое дело? — говорит Генка.

Мать подбегает к ним, руки в стороны, Генку загородила.

— Ты слышала, как он разговаривает со мной?

Генка обиженным себя считает: про какие-то уроки спрашивают, когда дележка идет, уезжать опять собираются, а его с бабушкой оставляют.

Мать вокруг него каблучками топает, платок носовой достает. Противный запах!

— Отойди! — говорит ей Генка.

— Он, что, сбесился? — растерянно говорит мать.

Инспектора часто задумываются — откуда берутся так называемые «трудные» дети? Ведь не рождаются же они такими, не появляются на свет с уже испорченными характерами: эгоистами, лицемерами, ханжами, лгунами, а то и малолетними преступниками.

Разобраться, понять — это, в какой-то степени, избежать. Медики говорят: болезнь легче предупредить, чем ее лечить. Профилактика в медицине и предупредительные меры в работе детской комнаты милиции почти одно и то же.

Есть в этой папке еще один документ — записи инспектора Сагындыковой:

«Беспечность родителей. У ребенка нарушения дисциплины ума и чувств, а распри продолжаются... Принимаются меры».

Лаконичная запись — скупой итог: принимаем меры. Собирается заседание совета общественности, к семье прикрепляется общественный инспектор, а к Геннадию подключаются юдээмовцы. Семья Плотниковых ежедневно в поле зрения инспектора.



К. С. Сагындыкова.

Три года назад, когда Клара Сагындыковна пришла на работу в детскую комнату милиции, в отделе кадров ей сказали:

— Это хорошо, что вы педагог...

Но не только знания психологии и педагогики обеспечивают ей контакт с подростками, не менее действуют и ее личные качества — искренность, доверие. Эти качества располагают к себе, и поэтому, может быть, «трудные» не так уж и трудны для нее.

А успех ее в работе отмечен значком «Отличник милиции».

Н. ЯНИНА, общественный инспектор детской комнаты милиции № 2 Советского района.

г. Алма-Ата.

В. Сафонов

ИМЕЯ СПОРТИВНУЮ ЗАКАЛКУ...

Это случилось в середине 1966 года на станции Защита Восточно-Казахстанской области. Дежурный милиционер принял по телефону тревожное сообщение:

— В саду дебоширит пьяный парень с ножом. Пристаёт к людям, у одного мужчины даже пытался снять часы. Уймите хулигана!

Старшина Маркин, ответственный дежурный, коротко проинструктировал старшего сержанта Гаранина и послал его на место происшествия. Через несколько минут старший сержант был в саду. Долго искать дебошира не пришлось. Пьяного детину не смутила встреча с милиционером. Пригнув голову, с ножом в руке он ринулся на Гаранина.

— Убью, кишки выпущу!

Кто-то поблизости, не выдержав напряжения, закричал:

— Да стреляй же, сержант, зарежет!

Гаранин резко отскочил в сторону. Да, нападавший не из слабеньких... на голову выше... но стрелять?.. Вокруг столпились люди.

А пьяный детина уже вновь наступал, рыча что-то невразумительное.

А потом все произошло в доли секунды. Стойка... Рывок... Блеснуло лезвие ножа, ахнули любопытные, кажется, на самое острие кинулся Гаранин, но... мелькнули в воздухе тяжелые башмаки громилы и... перед изумленными зрителями в пыли валялся только что такой грозный, а теперь безопасный, чуточку протрезвевший хулиган.

Вместе с подоспевшим на помощь старшиной Маркиным Гаранин доставил хулигана в отделение милиции...

Таков конец у этой коротенькой истории. Дебошир предстал перед судом. Но конец мог быть и иным, не обладай милиционер Гаранин умением спортсмена-самбиста. Именно это превосходство и сделало его намного сильнее нарушителя.

* * *

Вторая история произошла в городе Семипалатинске.

Руководить предстоящей операцией было поручено оперуполномоченному Станиславу Михайленко.

Расставив членов оперативной группы по местам, Михайленко направился к стадиону — самому вероятному району ночных ЧП. Вдруг тишину разорвал громкий крик. Кричала женщина. Не медля ни секунды, Станислав бросился в темноту. Свернув за угол, он увидел девушку, которая отчаянно, из последних сил вырывалась из цепких рук рослого парня. Увидев милиционера, хулиган отпустил девушку и со всех ног кинулся бежать.

Выхватив из кобуры пистолет, Михайленко выстрелил в воздух раз, другой...

— Стой! — крикнул он вслед парню. Беглец не только не остановился, но припустил еще сильнее. И тогда Станислав решил его догнать.

Хулиган бежал по широким ярко освещенным улицам. А там, как назло, не было в этот вечер ни одного поста: все находилось в малоосвещенных районах города. Бежал парень ровно, быстро, умело срезая крутые повороты. Можно было подумать, что бежит профессионал с отличной подготовкой легкоатлета.

Но и Станислав не был новичком в спорте. Сейчас ему как раз пригодились тяжелые тренировки на футбольном поле.

И вот теперь они бегут по городу: кто — кого?..

— Врешь, догоню, — думает Станислав.

И младший лейтенант бежит. Бежит, как на соревнованиях, и помнит, что здесь нужна только победа! Бежит, стиснув зубы, зная, что финиш будет там, где он догонит... Десять метров... девять... четыре... И ствол пистолета уперся в спину преследуемого...

Позади четыре километра ночного марафона.

Да, действительно, задержанный хулиган Л. Харченко имел второй разряд по бегу. Он был уверен, что сумеет скрыться, но не учел нарушитель, что милиционер, бежавший за ним, — воспитанник спортивного общества «Динамо».

Мы привели только два примера, когда милиционеры-спортсмены одерживали победу, казалось бы, в неравном поединке. Но их, подобных примеров, десятки. И число спортсменов среди работников милиции все растет и растет.

Так спорт служит человеку, помогает ему в нелегкой, порой опасной работе. И именно поэтому, наверное, число спортсменов среди людей, которым посвящен наш сборник, растет из года в год, а достижения становятся все выше и выше.

* * *

По-разному отнеслись люди, стоявшие на поляне, к непривычной картине. Одни с изумлением, другие равнодушно, третьи с откровенным восторгом смотрели на молодых парней, снявших военную форму и теперь в трусиках и разноцветных майках бегавших и прыгавших по ровному полю...

Так в разных городах Казахстана около сорока лет назад создавались первые спортивные общества «Динамо». Вначале это были малочисленные группы любителей стрелкового и конного спорта, легкой и тяжелой атлетики, не имевших какой-либо материальной базы. Но уже в 1932—1933 годах у динамовцев появляются хорошо оборудованные площадки, стадионы, стрелковые тиры. В общество принимались все желающие. И хотя секций по

различным видам спорта было не так уж много, молодежь охотно становилась в динамовские ряды.

Впервые наибольший подъем у динамовцев наблюдался в начале 30-х годов. Именно тогда проходила подготовка к первой Всеказахстанской Спартакиаде, проводились областные Спартакиады, подводились первые итоги. На пленуме краевого совета «Динамо», состоявшемся 24 июля 1932 года, был отмечен значительный сдвиг в работе отдельных областных организаций, успешно оказывающих шефскую помощь спортсменам новостроек, широко помогающих низовым спортивным коллективам Караганды, Семипалатинска, Прибалхашстроя.

В это же время приходят и первые успехи.

Динамоцы Казахстана стали участвовать в крупных общесоюзных соревнованиях. И вот летом 1932 года они неожиданно для большинства знатоков завоевывают 1-е место на лыжно-стрелковых состязаниях, организованных ВСФК РСФСР. В число сильнейших футбольных команд республики в ту пору входила и алма-атинская команда «Динамо». Интерес представляют газетные комментарии игр динамовцев. Вот один из них.

«На днях возвратилась выезжавшая для межгородских встреч с Чимкентом, Актюбинском и Оренбургом футбольная команда алма-атинского общества «Динамо».

В спортивной программе поездки было намечено провести по два матча в каждом городе (с динамовскими командами и сборными города). Первая встреча с динамовцами Чимкента состоялась 13 августа и закончилась со счетом 5 : 0 в пользу алма-атинского «Динамо».

...Подводя общие итоги этой спортивной поездки футболистов Алма-Аты, нужно сказать, что они сумели зарекомендовать себя как дружный, сыгравшийся коллектив, владеющий в достаточной мере техникой и тактикой игры. В команде выделялись по игре центр полузащиты В. Ганшин, полузащитник Г. Савельев, защитник Н. Янутан...»

Неплохо играли волейболисты. В летнем спортивном сезоне 1932 года мужская команда «Динамо» выиграла все встречи с городскими командами. И в последующие довоенные годы волейболисты «Динамо» не раз доказывали свое превосходство.

В 1933 году радость побед познала и команда динамовских легкоатлетов. Произошло это на соревнованиях в Новосибирске, посвященных 10-летию спортивного общества «Динамо», в которых участвовали сборные легкоатлетические коллективы Западной Сибири, Урала, Восточной Сибири, Дальневосточного края и Казахстана.

Для казахстанских динамовцев, редко выступавших в состязаниях подобного масштаба, эти соревнования явились экзаменом, который они выдержали с честью, заняв общее второе место, выиграв много первых и вторых мест.

Из года в год повышалось спортивное мастерство динамовцев. Их представители уже принимали участие не только во всесоюзных соревнованиях, но и в международных встречах. Динамовцы часто завоевывали первые места в республике, становились чемпионами страны. Больших успехов они добились в 1965—1966 годах. Два динамовских коллектива — по хоккею с мячом и водному поло — стали выступать в первенстве Советского Союза в классе «А». Футболисты Целинограда и волейболисты Алма-Аты — в классе «Б».

За сорок три года своего существования армия казахстанских спортсменов общества «Динамо» выросла до тридцати с лишним тысяч. Несколько лет назад общество имело всего три стадиона в республике и несколько небольших спортивных залов. Сейчас эта база заметно расширилась. Отличный зал получили карагандинцы, строятся спортивные залы и в других областных центрах республики. Открыты сотни новых спортивных площадок. В Алма-Ате воздвигнут Дворец спорта с искусственным катком. Это спортивное сооружение закрытого типа является крупнейшим в Средней Азии. И предназначается оно не только для проведения спортивных мероприятий, но и для съездов, концертов, театрализованных представлений.

Во Дворце есть легкоатлетический манеж, расположенный в цокольной части здания. Его размеры 60×12 метров, покрытие битумно-резиновое. Здесь спортсмены могут тренироваться в любое время года, проводить соревнования по прыжкам в длину, высоту и даже... с шестом.

В зале имеется универсальная киноустановка для показа обычных, широкоэкранных и широкоформатных фильмов. Учитывая, что во время кинопросмотра в зале могут находиться до пяти тысяч двухсот человек, здесь с успехом можно проводить кинофестивали.

Естественно, что динамовцы не были сторонними наблюдателями во время строительства. Стройка была объявлена первоочередной и, как в 30-х годах, по традиции, спортсмены не раз организованно выходили на субботники и воскресники.

И, конечно же, с вводом в строй этого колоссального спортивного сооружения ряды динамовцев пополняются, а мастерство спортсменов становится еще отточеннее.

* * *

За годы своего существования общество «Динамо» подготовило десятки тысяч значкистов ГТО, спортсменов-разрядников, сотни инструкторов, тренеров и судей.

Сборные команды динамовцев принимали участие в 23 первенствах Центрального совета «Динамо», в 29 республиканских и многих всесоюзных первенствах. Отрадно отметить тот факт, что в составы олимпийских команд входили семнадцать динамовцев-казахстанцев.

Если два-три года назад в «Динамо» готовилось по 9—11 мастеров спорта, то, несмотря на изменения в квалификации и повышение нормативов для завоевания звания мастера спорта, в 1965 году их было подготовлено в два раза больше. Это убедительно говорит о том, что тренерский состав значительно улучшил методику тренировок и подготовки высококвалифицированных спортсменов. Больше того, мастера спорта стали подготавливаться не только в Алма-Атинском совете «Динамо», но и в других областных организациях.

Успехов добились хоккеисты и ватерполисты, занявшие вторые места среди сильнейших команд страны.

Команда динамовцев-легкоатлетов заняла третье место на Спартакиаде народов СССР 1966 года. Велосипедисты получили титул чемпионов международной велогонки мира.

Совсем недавно число призеров-динамовцев увеличилось. Казахстанец Леонид Микитенко дважды в сезоне прославил свою команду. Вначале он выиграл первенство

страны в беге на 10 000 метров, а через несколько дней на Европейском чемпионате в Будапеште Микитенко завоевал бронзовую медаль на той же дистанции.

Две медали привезли наши самбисты с первенства СССР по самбо среди юношей: М. Есембаев из Караганды завоевал золотую медаль, а алма-атинец Нинбург — бронзовую.

Золотую и две бронзовые медали завоевала на первенстве СССР по легкой атлетике Л. Гапонова.

На молодежном личном первенстве ЦСО «Динамо» по боксу, проходившем в Баку, динамовец Р. Абдрахманов занял первое место, а его товарищи по команде Бесчеремных, Полтавцев и Аназиди вышли на второе и третье места.

Легкоатлеты Г. Косанов и Л. Гапонова на студенческих играх СССР заняли вторые места в беге на сто метров и привезли домой серебряные медали.

Велик список чемпионов, рекордсменов, победителей, призеров, грудь которых украшает эмблема общества «Динамо». Динамовцы Казахстана с честью оправдывают звание советского спортсмена.

В. САФОНОВ.

г. Алма-Ата.

А. Штульберг

НАША ГАЗЕТА

Пожелтевшие от времени газетные страницы. И даты января 1933 года. Это первые номера газеты казахстанской милиции «Страж»^[18].

«Страж» — это большое достижение, — отмечалось в передовой статье одного из ее первых номеров. — Милицейские массы имеют свою газету, которая учит их работе, через которую они вскрывают недочеты, поднимая этим боеспособность и дисциплину рабоче-крестьянской милиции».



Заголовки республиканской милицмейской газеты разных лет.

Если полистать подшивки, то вполне отчетливо можно представить славный путь милиции за прошедшие годы. Она жила теми же интересами, что и весь народ. Коллективизация сельского хозяйства, первые пятилетки, Великая Отечественная война — таковы наиболее крупные вехи в ее жизни.

В трудные годы фашистского нашествия газета призывала самоотверженно трудиться во имя победы над врагом и лозунгом работников милиции был лозунг всего советского тыла — «Все для фронта». Многие сотрудники милиции уходили в ряды Советской Армии, на их место становились женщины — жены и сестры.

Вот что рассказывает бывший редактор газеты «Страж», ныне заведующий кафедрой Казахского государственного университета кандидат исторических наук Хаиржан Нургожинович Бекхожин:

«Я работал редактором газеты «Страж» в 1941—1942 годах, когда на землях нашей Родины шли кровопролитные бои с чужеземными захватчиками. И редакция нашей газеты перестроила свою работу на военный лад. Воспитание личного состава в духе высокой бдительности, ненависти к врагу стало главной заботой газеты. «Во имя Родины», «Женщины — фронту», «На строительство танковой колонны», «Тыл — тот же фронт», «Все силы на разгром врага» — вот характерные заголовки тех лет.

Придавая большое значение работе с массами, редакция стремилась всемерно расширять связь с корреспондентами из числа передовых работников — рядовых и офицеров. Проведение читательских конференций, личное общение работников редакции с милкорами и читателями помогало улучшать содержание публикуемых материалов, способствовало воспитанию личного состава».

Послевоенные годы. Ширятся связи работников милиции с населением, газета все больше пропагандирует опору на общественность, участие трудящихся в охране общественного порядка. Из номера в номер публикуются материалы о добровольцах — народных

дружинниках, штатных работников милиции. В газете появляются новые рубрики: «Шире дорогу общественным началам», «Сила милиции — в связи с массами».

Газета систематически освещает деятельность партийных организаций подразделений милиции, показывает конкретные образцы работы, своевременно замечает и обобщает новое в ней, критикует недостатки.

Под рубриками «Учись раскрывать преступления», «Из опыта раскрытия преступлений» газета помещает очерки и корреспонденции о мастерстве следователей, оперативных работников угрозыска и ОБХСС, участковых уполномоченных. Постоянно ведется раздел «О своих товарищах», в котором систематически даются литературные портреты лучших людей милиции.

Творцы газеты — широкий авторский актив, десятки и сотни внештатных корреспондентов. Они смело и принципиально вели и ведут борьбу с косностью и консерватизмом в работе.

Особенно большой коллектив корреспондентов сплотился за последнее время вокруг милицейской газеты. В своих статьях, заметках и очерках он знакомит читателей с жизнью подразделений, своим словом вдохновляет сотрудников милиции на труд и подвиги. Участвуют в работе газеты «На страже» многие ее корреспонденты, которые успешно освоили журналистскую профессию, стали настоящими специалистами своего дела.

Вот что рассказывает Н. Дадабаев, бывший литературный работник газеты «На страже», впоследствии ставший собственным корреспондентом «Комсомольской правды».

— Я тогда работал преподавателем Алма-Атинской средней школы милиции. Однажды написал заметку и отнес ее в редакцию газеты «На страже». Заметку напечатали, состоялось мое знакомство с газетой. Дружба с ней помогла мне по-иному, взглянуть на жизнь. Наряду с короткими сообщениями я стал писать зарисовки, делать репортажи. Но больше всего мне, как милкору, было радостно, когда я увидел в газете свой первый рассказ.

— Первые мои заметки появились в газете «На страже» лет двенадцать тому назад, — вспоминает активный корреспондент газеты майор С. Юлин. — Это были короткие сообщения о моих товарищах по работе, о тех, кто своим добросовестным отношением к службе заслужил уважение и авторитет. Работа штатного корреспондента газеты «На страже» меня многому научила. Я публикую свои статьи и в газете «Кентауская правда», в областной газете «Южный Казахстан». В городском отделе милиции мы издаем свою стенную газету, редактором которой я являюсь долгое время.

Мастерству фоторепортажа учился, сотрудничая в газете, работник карагандинской милиции Юрий Поляков.

— Задание меня взволновало, — рассказывает он. — Редакция газеты «На страже» поручила мне сделать несколько фотографий, а я раньше никогда не фотографировал для печати. Я принялся за дело. Выполняя задание, ездил по подразделениям, знакомился с людьми, работа меня захватила, увлекла. С тех пор не расстаюсь с фотоаппаратом. Каждый напечатанный материал — большая радость для меня. Приятно рассказать о хороших людях, показать подмеченный зорким объективом эпизод напряженного труда, учебы, отдыха.

Сейчас Юрий Поляков мастерски делает фотографии для газеты, в его снимках запечатлены трудовые будни работников уголовного розыска и следователей, рядовых милиционеров. Поляков, как истинный фоторепортер, стремится отразить в своих работах все новое, интересное. У него есть немало снимков, рассказывающих о памятных, незабываемых встречах. Так, например, ему посчастливилось одному из первых встретиться с героями космоса Валентиной Терешковой и Валерием Быковским, сфотографировать их.

Постоянными авторами газеты «На страже», неутомимыми ее корреспондентами являются милиционер Актюбинском городского отдела милиции С. Турсунов, командир взвода Петропавловского горотдела С. Ольхов, следователь Управления транспортной милиции В. Матвеев, сотрудница Чимкентской милиции Р. Иргашова.

Многие годы отдал службе в органах охраны общественного порядка Федор Карбушев. Уйдя на заслуженный отдых, он занялся литературной работой. Его стихи печатают «Правда», «Казахстанская правда», журналы «Советская милиция», «Рабоче-крестьянский корреспондент». Часто появляются они и на страницах газеты «На страже».

Нередко в газете появляются письма трудящихся, в которых люди благодарят работников милиции за помощь, за быстро раскрытое преступление. Через газету со словами приветия и пожелания успеха в работе обращались передовики производства, летчики-космонавты, видные деятели науки, литературы и искусства. В их числе летчик-космонавт П. Беляев, дважды Герой Советского Союза С. Луганский, лауреат Ленинской премии композитор В. Соловьев-Седой, вице-президент Академии наук Казахской ССР С. Баишев, народные артисты Союза ССР Б. Андреев и С. Лемешев, писатели Л. Соболев и Г. Мустафин.



Один из редакторов милицейской газеты «На страже» подполковник милиции К. И. Тарасов беседует с народным артистом СССР Б. Андреевым.

«Шлю привет работникам милиции Казахстана, — пишет лауреат Государственной премии писатель Леонид Соболев. — Вы делаете важнейшее дело: охраняете общественный порядок, трудоспособность общества, создаете условия нормальной жизни тем, кто строит коммунизм».

Газета «На страже» помогает работникам милиции творчески относиться к работе, решительно ведет борьбу с недостатками, с проявлениями безответственности и расхлябанности, с формальным отношением к делу. Она стала настоящим другом наших читателей.

А. Штульберг

В ДРУЖБЕ С ПЕСНЕЙ

Январским вечером 1965 года на сцену Кремлевского театра вышли необычные артисты. На всех синие рубашки, алые погоны — традиционные цвета милиции.

Зрительный зал притих. Чувствовались некоторая настороженность, недоверие... Люди привыкли видеть фуражки с красным околышем на регулировщиках уличного движения, по ним издали можно узнать блюстителя общественного порядка в самом людном, оживленном месте.

Мчится милиционер к месту происшествия на мотоцикле. Схватился с разбушевавшимся хулиганом. Кинулся в ледяную воду, спасая тонущего... Это понятно, привычно. А вот милицейский ансамбль?

Тишину прорезали сигналы горнистов. Под сводами театра величественно звучит торжественная мелодия «Песни о партии». Четко и слаженно играет оркестр, воодушевленно поет хор. И когда замирают последние аккорды, в зале раздаются дружные аплодисменты. Холодок недоверия улетучился.

Так начал свои выступления в стенах столичного театра народный ансамбль песни и пляски Министерства охраны общественного порядка Казахской ССР.

Песня сменяется темпераментным танцем, хоровое пение — коллективной пляской. С успехом выступил солист ансамбля Леонид Груздев. Все его песни публика принимала восторженно. Громом аплодисментов был награжден исполнитель казахских песен Кадыр Утепов, похвально отозвались зрители о солистах ансамбля Омирбеке Калназарове, Сажиде Ахметовой, Анатолии Чиркове, Анатолии Тернополко.

На «бис» исполнил танцевальный коллектив «Туркменский танец», «Русскую пляску», «Чардаш». Долго не смолкали аплодисменты, одобрительные возгласы.



Космонавт П. Р. Попович среди участников ансамбля МООП Казахской ССР в Москве.

— Поверьте старому музыканту, — сказал после концерта заслуженный деятель искусств РСФСР композитор К. Листов, — я давно не получал такого удовольствия. Как автор я удовлетворен исполнением «Марша милиции». Надолго останутся в моей памяти красочные, живые танцы, полные молодого задора и прелести.

— Ваш концерт, — добавил директор Кремлевского театра тов. Кабанов, — одно из лучших выступлений самодеятельных коллективов в Кремле.

Надолго запомнилось артистам ансамбля выступление в городе Дубно. Ученые тепло приветствовали казахстанцев. Концерт прошел на «бис».

Но особенно памятным был день, когда коллектив выступил в Доме офицеров Звездного городка, где живут и трудятся наши прославленные космонавты.

— Спасибо, друзья, — сказал участникам ансамбля летчик-космонавт Павел Романович Попович. — Ваш концерт замечательный!

Из Звездного городка наш ансамбль увозил дорогие сердцу награды; Совет местного Дома офицеров вручил руководителям коллектива и многим его солистам Почетные грамоты.

За все время пребывания в Москве — 15 дней — ансамбль выступил восемь раз. На обратном пути в Алма-Ату он давал концерты в Целинограде и Караганде. И везде — с неизменным успехом.

Ко времени знаменательной поездки в Москву ансамбль был еще очень молод — «возраст» его исчислялся двумя годами.

Сейчас ансамбль окреп, насчитывает 180 участников. Это дружная, сплоченная семья, единая в своих устремлениях. Коллектив много и упорно работает, совершенствует свое

мастерство. Художественный руководитель А. А. Шароватов, балетмейстер Н. И. Сидоров, концертмейстер В. С. Пирогова, руководитель оркестра Г. Моор уделяют большое внимание учебе участников художественной самодеятельности, постоянным репетициям.

Сотни концертов дал ансамбль на заводах и фабриках столицы Казахстана и в других городах республики. В Алма-Атинской области нет почти ни одного совхоза, ни одного колхоза, где не побывал бы ансамбль.

Кто же они, эти люди, участники милицейской художественной самодеятельности?

Это лейтенант милиции Олег Яганов — оперуполномоченный уголовного розыска, лейтенант Иван Бояринов — участковый уполномоченный, милиционер Александра Шадхина, сотрудницы МООП КазССР Маргарита Камышевская, Неля Джадайбаева, Зина Дукенбаева, капитан милиции Анатолий Чирков и многие, многие другие работники органов охраны общественного порядка. Рядовые милиционеры и оперативные работники, курсанты школы милиции. В свободное от службы время занимаются они любимым делом — разучивают ноты, репетируют песни и танцы. Готовят концерты, в репертуаре которых главное — борьба за нового человека.

А. ШТУЛЬБЕРГ, лейтенант.

г. Алма-Ата.

ФОТОГРАФИИ



Последние напутствия перед дежурством.



В милицейском дозоре.



Солистки милицейского ансамбля.



В дни напряженной учебы.



Старший эксперт-криминалист НТГ УООП Актюбинской области старший лейтенант Г. И. Незванкин производит исследование пуль под микроскопом.



В горах Медео. Сейчас будет взрыв!



Конники столичной милиции.



До ночного дежурства — считанные минуты.

Примечания

1 *К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1. М., 1955, стр. 132.*

2 *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.*

3 *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 43.*

4 Госархив Алма-Атинской области, ф. 80, оп. 1, д. 13, лл. 1—11.

5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, ч. 1, стр. 719—720.

6 *М. Бужкевич. «Профессиональная» привычка. «Правда», 1967, 16 февраля.*

- 7 ЦГАОР КазССР, ф. 1392, оп. 1, д. 2, св. 1, л. 14.
- 8 Гос. архив ЗКО. ф. 1701, оп. 1, св. 1, д. 5, л. 5.
- 9 ЦГАОР КазССР, ф. 40, оп. 1. д. 310, св. 20, л. 78.
- 10 Там же, д. 202, св. 13, л. 30.
- 11 Отчет Уральского губернского экономического совещания за 1921—1922 гг., стр. 304.
- 12 ЦГАОР КазССР, ф. 1392, оп. 1, д. 67, св. 3, л. 4.
- 13 Так назывался с 1918 по сентябрь 1919 года Свердловский университет.
- 14 Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. В данном случае отделение Торгсина. (*Прим. ред.*)
- 15 Орган Министерства охраны общественного порядка Казахской ССР.
- 16 *А. Ваксберг*. Преступник будет найден. Изд-во «Знание», М., 1963.
- 17 Имена и фамилии действующих лиц изменены.
- 18 «Страж» — под таким названием газета выходила около двадцати семи лет; одно время она носила название «Казахстанская милиция»; с 1960 года — «На страже».

Оглавление

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ
- М. Веледницкий, В. Кравченко, Ф. Молевич МИЛИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ (Краткая историческая справка)
- П. Афанасьев НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1919—1920 годы)
- И. Плескач ШКОЛА МУЖЕСТВА
- И. Антипов НЕМЕРКНУЩИЕ ТРАДИЦИИ
- ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ
- А. Кондратский, А. Штульберг ТРОЕ ПРОТИВ ТРИДЦАТИ
- И. Антипов НЕ СКЛОНИВ ГОЛОВЫ
- Ю. Кузнецов, В. Садовников ЛЮДИ ПОМНЯТ
- А. Кондратский, Ю. Кузнецов СМЕРТЬЮ ПОБЕДИВШИЙ
- А. Штульберг МГНОВЕНИЕ
- Ю. Кузнецов, А. Шаульский УЛИЦА КОЖАХМЕТОВА
- ВETERАНЫ МИЛИЦИИ ВСПОМИНАЮТ
- ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА (Из воспоминаний Ф. И. Калюты, члена КПСС с 1920 г.)
- ОГНЕВЫЕ ГОДЫ (Из воспоминаний генерала внутренней службы III ранга К. И. Григорьева)

- ВАС РАССТРЕЛЯЮТ НА ЗАКАТЕ... (Из воспоминаний Г. М. Анциферова, подполковника милиции в отставке)
- И. Пепеляев ОПАЛЕННЫЕ ПОРОХОМ
- П. Самойлов, И. Антипов ВСТРЕЧА В НОЧИ
- ВСЕГДА НА ПОСТУ
- Ф. Молевич БУДНИ МИЛИЦИИ
- Г. Работнев ОПЕРАТИВНО УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
- А. Штульберг В ГОРАХ ИДУТ ДОЖДИ
- Ю. Кузнецов, В. Садовников ЗА ЧТО ДАЮТСЯ НАГРАДЫ
- С. Смородкин ДЕВЯТЫЙ ВЫСТРЕЛ
- И. Антипов СЕРМАГАМБЕТ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ
- К. Селиневич ЛАВИНА
- Н. Шахов ЧЕЛОВЕК ТРУДНОЙ ПРОФЕССИИ
- СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ
- С. Кыдырбаев КРИМИНАЛИСТИКА — НАУКА ТОЧНАЯ
- К. Селиневич НОЧНЫЕ ТЕНИ
- И. Антипов ЗАПУТАННЫМИ ТРОПАМИ
- П. Бушуев ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ
- В. Пешков В КОЛЬЦЕ
- Н. Ахметов БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ
- К. Баялин, М. Пруслин, В. Короленко КОНЕЦ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ
- Х. Султангалиев, И. Антипов НЕИЗБЕЖНОСТЬ
- К. Баялин, А. Штульберг ЧЕРНЫЙ БИЗНЕС
- И. Антипов НИТОЧКА СЛЕДА
- Г. Смирнов ДВОЙНОЙ РЕЙС
- В. Розенцвайг «СТРАННИКИ»
- ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПОМОГАЕТ МИЛИЦИИ
- И. Антипов БОЕВЫЕ ПОМОЩНИКИ
- Н. Янина ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
- В. Агеев ПЕРВЫЕ ШАГИ
- А. Штульберг СХВАТКА С НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ
- В. Якуб НАСЛЕДНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА
- НА СЛУЖБЕ И ПОСЛЕ СЛУЖБЫ
- Н. Лисин ЗАМПОЛИТ РЯБОКОНЬ
- И. Антипов РЕПОРТАЖ ИЗ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ
- Н. Янина ПОИСК
- В. Сафонов ИМЕЯ СПОРТИВНУЮ ЗАКАЛКУ...
- А. Штульберг НАША ГАЗЕТА
- А. Штульберг В ДРУЖБЕ С ПЕСНЕЙ
- ФОТОГРАФИИ